НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **11**

Минск
«Беларуская навука»
2020

УДК 316

«Социологический альманах» выходит в год 30-летия Института социологии НАН Беларуси. В сборнике представлены статьи ведущих социологов Беларуси и ближнего зарубежья, посвященные актуальным проблемам развития современного общества, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

«Социологический альманах» рассчитан на профессиональных социологов, студентов и аспирантов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современными проблемами социальной науки и социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

Г. П. Коршунов (главный редактор),
Д. К. Безнюк (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов, Н. А. Барановский, В. А. Ильин,
В. В. Кириенко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев, Ю. М. Резник, В. В. Локосов,
Ю. Г. Черняк, А. А. Шабунова, С. А. Шавель, Н. С. Щекин, В. Р. Шухатович,
Е. В. Мартищенкова (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор С. П. Винокурова,
доктор социологических наук, профессор О. В. Кобяк

«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.; Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1 «Социология»

© Институт социологии НАН Беларуси, 2020
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси, академика *Владимира Григорьевича Гусакова* 7
Поздравление академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, члена-корреспондента *Александра Александровича Ковалени* 9
Поздравление Председателя Белорусского общественного объединения «Социологическое общество», члена-корреспондента *Александра Николаевича Данилова* 11
Коршунов Г. П., Безнюк Д. К. История и перспективы белорусской академической социологии 12

Теория и методология социальных исследований

Галич Л. П., Шушунова Т. Н. Визуальное измерение социального мира в социологии. . . 20
Данилов А. Н. Формирование новой матрицы ценностей как условие цивилизационного развития (по работам В. С. Степина) 28
Каргаполова Е. В., Давыдова Ю. А. Справедливость в системе высшего образования: исследовательские дискурсы 36
Кечина Е. А. Методология социолого-статистического мониторинга 47
Лашук И. В. Эвристические возможности культурсоциологического подхода в современном гуманитарном знании 57
Мысливец Н. Л. Память о прошлом в семейных воспоминаниях: из опыта социологической рефлексии 67
Шавель С. А. Согласованность взаимных ожиданий как закон целостности и стабильности социума 76

Социология культуры и социальной сферы

Анарбек Н. Практики повседневности как социокультурный механизм воспроизводства духовных ценностей 90
Бородачёва Е. М., Цыбульская Н. В. Молодежь и пожилые люди: взгляд белорусского общества через призму социальных стереотипов 99
Бровчук Н. М. Структурные компоненты исторической памяти: теоретические аспекты. . . . 112
Денисова Н. Ф. Теоретико-методологические подходы к изучению одаренности в социальных науках 123
Каргаполова Е. В. Молодежь региона в условиях «нового варварства» (по результатам социологического мониторинга). 133
Назарова Д. В. Социальная политика в жилищно-коммунальной сфере в Республике Беларусь: старые проблемы и новые возможности 141
Пацеева А. Г. Социальные ожидания пациентов как элемент оценки качества оказания медицинской помощи 155
Терещенко О. В., Терещенко М. С. Измерения аудитории СМИ: история становления. . . 163

Черняк Ю. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как фактор трансформации социокультурной сферы современного общества 176
Шкурова Е. В., Поклад Е. А. Цифровизация в интерактивном медиапространстве (на примере телевидения) 184
Шухатович В. Р. Электронное здравоохранение как ресурс социальной политики . . . 194

Социология науки и проблемы образования

Аллахвердян А. Г. Кадровый состав науки и проблемы его цифровизации в социологии науки 203
Ворошень О. Г. Условия обучения в аспирантуре учреждений НАН Беларуси в оценках аспирантов 209
Костюкевич С. В. Образование как утилитарная и культурная ценность: социологический опрос населения Беларуси 2018 года 216
Соловей А. П. Эмпирическая типология женщин – научных работников Национальной академии наук Беларуси на основании ценностных ориентаций. 223
Титаренко Л. Г. Профессиональные компетенции студенчества как критерии оценки его модернизационного потенциала в условиях цифровой революции 230
Шарый И. Н. Сектор социологии науки в 10-е годы XXI века: исследование молодежной политики в научной сфере Беларуси 237
Шухно Я. В. Арганізацыйная культура навуковай арганізацыі: аксіялагічны аспект . . 248
Щурок Э. М. Основные тенденции развития республиканской системы подготовки научных кадров высшей квалификации 255

Социальные явления и процессы

Барановский Н. А. Научное знание этиологии антиобщественных явлений – основа эффективной социально-правовой системы их предупреждения. 266
Болдырев А. С. Межобластные перемещения населения в Республике Беларусь: особенности и тенденции развития 289
Гаврилик О. Н. О некоторых особенностях монетарного мышления населения. 296
Кашпар В. И. Теоретические подходы к изучению коммуникативных практик в условиях растущей цифровизации общества. 304
Кочергин В. Я. Классическая социология о развитии профессиональной структуры и профессионализма 311
Рысюкевич Н. С. Спорт как социальный феномен: когнитивные возможности и психофизиологические основания (социологический конструкт). 320
Смирнова Р. А. Кластерные взаимодействия малого и среднего предпринимательства Беларуси: социологический анализ 330
Сосновская Н. А. Семья в Республике Беларусь: состояние и особенности изучения . . 339
Хамутовская С. В. Электронное участие как механизм повышения эффективности государственного управления 347
Яковлева Н. И. Сфера страхования в оценках граждан Беларуси 356

CONTENT

Congratulation from the Chairman of the Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Academician, *Vladimir Gusakov* 7
Congratulation from the Academician Secretary of the Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Corresponding Member, *Alexander Kovalenya* . . 9
Congratulation from the Chairman of the Belarusian Public Association "Sociological Society", Corresponding Member, *Alexander Danilov* 11
Korshunov G. P., Bezniuk D. K. History and prospects of the Belarusian academic sociology . . . 12

Theory and Methodology of Social Studies

Galich L. P., Shushunova T. N. Visual measurement of social world in sociology 20
Danilov A. N. Forming of a new value matrix as a condition of civilization development (by the works of V. S. Stepin) 28
Kargapolova E. V., Davydova Yu. A. Equity in higher education: research discourses 36
Kechyna Y. A. Methodology of sociological and statistical monitoring 47
Lashuk I. V. Heuristic opportunities of a cultural-sociological approach in modern humanitarian knowledge 57
Myslivets N. L. Memory of the past in family memories: from the experience of sociological reflection 67
Shavel S. A. Agreement of mutual expectations as the law of integrity and stability of society. . . 76

Sociology of Culture and Social Sphere

Anarbek N. Daily practices as a socio-cultural mechanism reproduction of spiritual values 90
Borodacheva E. M., Tsybulskaya N. V. Young and elderly people: a view of the Belarusian society through the prism of social stereotypes 99
Brovchuk N. M. Structural components of historical memory: theoretical aspects 112
Denisova N. F. Theoretical and methodological approaches to the study of giftedness in the social sciences. 123
Kargapolova E. V. Youth of the region in the condition of "new barbarism" (based on the results of sociological monitoring). 133
Nazarova D. V. Social policy in the housing and communal sphere in the Republic of Belarus: old problems and new opportunities. 141
Patseyeva A. G. Patients' social expectations as an element of quality assessment of medical care 155
Tereschenko O. V., Tereschenko M. S. Measurements of media audience: formation history 163
Chernyak Y. G. Digitalization and technology of public life as a factor of transforming the socio-cultural sphere of modern society 176
Shkurova A. V., Poklad E. A. Digitalization in the interactive media space (an example of television) 184
Shukhatovich V. R. E-health as a resource of social policy 194

Sociology of Science and Education Issues

Allahverdyan A. G. The staffing of science and problems of its digitalization in the sociology of science 203
Voroshen O. G. Postgraduate study conditions in institutions of NAS of Belarus in the assessments of postgraduates 209
Kostjukevich S. V. Education both as a utilitarian value and as a cultural value: sociological survey of the population of Belarus 2018 216
Salavei A. P. Empirical typology of women scientists of the National Academy of Sciences of Belarus on the basis of value orientations 223
Titarenko L. G. Professional competences of students as criteria for evaluation of their modernization potential under conditions of digital revolution 230
Shary I. N. Sector of sociology of science in the 10th years of the 21th century: a study of youth policy in the scientific field of Belarus 237
Shukhno Y. V. Organizational culture of scientific organization: axiological aspect 248
Shchurok E. M. Main trends in development of the republican system of training highly qualified scientific personnel 255

Social Phenomena and Processes

Baranovski N. A. Scientific knowledge of etiology of anti-public phenomena – the basis of an effective social and legal system of their warnings 266
Boldyrau A. S. Inter-regional movements of the population in the Republic of Belarus: features and trends 289
Haurylik A. N. On some peculiarities of the monetary thinking of the population 296
Kashpar V. I. Theoretical approaches to the study of communicative practices in the context of a growing digitalization of society 304
Kochergin V. Ya. Classical sociology on the development of professional structure and professionalism 311
Rysiukevich N. S. Sport as a social phenomenon: cognitive opportunities and psychophysiological foundations (sociological design) 320
Smirnova R. A. Cluster interactions of small and medium enterprises of Belarus: sociological analysis. 330
Sosnovskaya N. A. Family in the Republic of Belarus: state and specific of study 339
Khamutouskaya S. V. Electronic participation as a mechanism for improving the efficiency of public administration in modern countries 347
Yakauleva N. I. The insurance sphere (industry) in the estimates of citizens of Belarus 356

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ, АКАДЕМИКА ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГУСАКОВА

Уважаемые коллеги!

От имени Президиума Национальной академии наук Беларуси и себя лично поздравляю коллектив Института социологии с 30-летним юбилеем!

История Института неразрывно связана со становлением отечественной социологии и развитием социогуманитарной мысли в нашей стране. За тридцатилетний период ученые достигли значительных успехов в научно-исследовательской и инновационной деятельности, подготовили квалифицированные научные кадры.

Ваш коллектив внес весомый вклад в развитие белорусской социологической науки: сформированы и успешно развиваются научные школы в области науковедения и социологии науки; экономической социологии и социологии труда; исследования социальных конфликтов и катастроф; теории и методологии социологических исследований; социологии социальной сферы.

Тематика научных исследований академических ученых-социологов достаточно широка: она охватывает широкий спектр актуальных направлений – от социальных последствий аварии на Чернобыльской АЭС до трансформации социальных институтов. Особого внимания заслуживает созданная коллективом Института система социологического мониторинга, позволяющая держать руку на пульсе социально-экономической и социально-политической жизни нашего общества, своевременно предоставлять органам государственного управления оперативную и точную информацию.

В настоящее время Институт социологии Национальной академии наук Беларуси – ведущее научно-исследовательское учреждение Республики Беларусь в сфере фундаментальных и прикладных социологических исследований, направленных на информационное обеспечение социальных и управленческих практик, интеграцию науки и образования, реализацию задач устойчивого и инновационного развития нашей страны. За 30 лет плодотворной работы сотрудниками Института было проведено множество исследований, сформирована уникальная информационная база, позволяющая готовить новое поколение высокопрофессиональных ученых.

Гордость Института – его сотрудники: специалисты высокого уровня, которым присуще чувство ответственности за порученное дело, готовые применить творческий подход при решении самых сложных задач. Стоявший у истоков создания Института академик Е. М. Бабосов и сегодня принимает участие в научных исследованиях, активно работают доктора наук С. А. Шавель, Д. К. Безнюк, Е. М. Барановский, а также кандидаты наук В. Р. Шухатович, С. Н. Кройтор, С. В. Хамутовская, Е. В. Шкурова, Н. В. Цыбульская, молодые ученые С. А. Пушкевич, Н. Н. Малиновская, Н. Ф. Денисова, В. И. Кашпар, А. С. Болдырев и др.

Уважаемые коллеги! Примите искренние пожелания творческих успехов в реализации всех Ваших дерзновенных планов и замыслов во благо дальнейшего развития отечественной науки, прогресса и процветания нашей Родины!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ АКАДЕМИКА-СЕКРЕТАРЯ ОТДЕЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ, ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОВАЛЕНИ

Дорогие коллеги!

Искренне поздравляю сотрудников, аспирантов и докторантов Института социологии Национальной академии наук Беларуси с 30-летием его образования!

Основание в 1990 году Института социологии было обусловлено необходимостью получения своевременной и объективной информации о непростых явлениях и процессах, происходивших в обществе. В созданном Институте, с одной стороны, учитывался опыт советской социологии, с другой – перед белорусской социальной наукой были поставлены новые цели и задачи, поскольку независимая Беларусь требовала собственных социологических ресурсов, собственной социологической школы, собственных экспертов-обществоведов.

Свое тридцатилетие Институт социологии Национальной академии наук Беларуси встречает в статусе ведущего социологического учреждения, заслужившего признание не только в Беларуси, но и за ее пределами. Спектр научных исследований, которые проводятся в Институте, их объем и качество свидетельствуют о высоком профессионализме и большом творческом потенциале его сотрудников. Сегодня партнерами Института являются органы государственного и местного управления, международные организации, бизнес-структуры.

Все это – результат ежедневного созидательного труда сотрудников Института – коллектива единомышленников, объединяющего несколько поколений отечественных социологов.

Слов признательности заслуживают «отцы-основатели» и ветераны, которые не только стояли у истоков создания Института, но и являются гарантом его развития и совершенствования, тем примером, который задает уровень профессионализма молодым и не дает застаиваться среднему поколению ученых и исследователей.

Научной миссией Института является создание отечественной социологической школы, способной решать сложные и ответственные задачи изучения актуальных проблем современного общества.

Бюро Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси благодарит весь коллектив Института за большую и ответственную научно-аналитическую и исследовательскую работу, которая продолжает лучшие традиции академического знания.

Уверен, что коллектив Института по-прежнему будет вносить достойный вклад в научное осмысление социально-экономических, духовно-культурных и общественно-политических событий, происходящих в нашей стране. Желаю сотрудникам Института больших творческих успехов и новых научных достижений!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО», ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ДАНИЛОВА

Дорогие друзья!

История всегда окрашена судьбами ярких личностей, их талантом, творческой энергией, извечным стремлением к новому. И роль личности в истории науки тем значительней, чем выше потенциал ученого. Да, так раньше могло быть – за каждым столь масштабным академическим проектом стояло имя известного ученого.

Института социологии в белорусской академии наук могло и не быть. Никто сверху не настаивал, не давал указаний. Это была инициатива снизу, а точнее, группы ученых, которых возглавил тогда член-корреспондент АН БССР Е. М. Бабосов, которому пришлось пройти немало инстанций, преодолеть множество препятствий, прежде чем было принято решение Президиума АН БССР о создании Института социологии.

Уже 30 лет Институт работает без сбоев и «капитального ремонта». Время привносило в его работу что-то новое, менялись капитаны, но неизменными остались заложенные первым директором традиции: высокий теоретико-методологический уровень осмысления исследуемых проблем и академическая научная культура социологического анализа. Это, как говорится, на все времена…

Три последних десятилетия выдались для нашей страны на редкость насыщенными и были, вне всякого сомнения, судьбоносными. Главное – Беларусь стала суверенным государством и взяла на себя ответственность за свое будущее. Парадокс с запоздалым признанием социологии, недооценка ее роли при решении актуальных проблем современного общества и принятии важнейших управленческих решений, будем надеяться, преодолены.

Поздравляем всю социологическую семью Республики Беларусь с 30-летним юбилеем Института социологии Национальной академии наук Беларуси! Это праздник всех, кто причастен к этой очень нужной и востребованной науке, пытающейся «расшифровать» современное общество, сделать его стабильным и удобным для жизни, упредить мировые кризисы и катастрофы, чтобы жить в мире и согласии на Земле.

Сегодня Институту социологии – детищу академика Е. М. Бабосова – 30 лет, и мы искренне поздравляем Евгения Михайловича и коллектив Института с этим юбилеем! Здоровья Вам, дорогие коллеги, и новых творческих свершений!

УДК 001:061.91:316(476)

Г. П. КОРШУНОВ,

кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Д. К. БЕЗНЮК,

доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье представлен обзор деятельности Института социологии НАН Беларуси в контексте развития отечественной социальной науки. Раскрыты содержание и особенности фундаментальных и прикладных социологических исследований, проводимых Институтом. Особое внимание уделено определению перспективных направлений академической социологии, которые детерминированы конкретными социальными изменениями современного общества. Представлена система задач, стоящих перед академической социологией и пути их решения.

Ключевые слова: социология, институт, социальные проблемы, исследования, цифровизация, предвидение, социологическое обеспечение.

G. P. KORSHUNOV,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

D. K. BEZNIUK,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

HISTORY AND PROSPECTS OF THE BELARUSIAN ACADEMIC SOCIOLOGY

The article provides an overview of the activities of the Institute of Sociology of the NAS of Belarus in the context of developing domestic social science. The content and features of fundamental and applied sociological research conducted by the Institute are disclosed. Particular attention is paid to identifying promising areas of the Institute's activity, which are determined by specific social changes in modern society. The system of tasks facing academic sociology and ways to solve them are presented.

Keywords: sociology, institute, social problems, research, digitalization, foresight, sociological support.

Знать – чтобы предвидеть,
предвидеть – чтобы управлять.
Огюст Конт

Около двух веков назад родоначальник социологии французский мыслитель Огюст Конт задал новой науке об обществе сверхзадачу – стать непосредственной силой прогрессивных изменений человеческого сообщества

и действенным фактором политики совершенствования социального порядка и солидарности. Эта установка вобрала в себя три базовые предназначения современной науки – познавательное, прогностическое и проектное – и задала характер социологического познания на века вперед: социологическое знание является не просто абстрактным теоретизированием по поводу общества, но и выступает в качестве научной экспертизы, результаты которой составляют основу процессов общественного и государственного строительства.

Неудивительно, что социальный запрос на социологическое знание возрастает именно в переломные периоды развития общества, когда культурные и социальные системы нуждаются в перестройке, реформировании, совершенствовании. Сама социология рождается как институциональный ответ на вызовы становящегося индустриального общества. Так и белорусская социология возникает в период активного государственного строительства в 20-е годы XX века, и как реакция на слишком самостоятельное интеллектуальное развитие Беларуси уничтожается в 1930 и 1937 гг.

Впрочем, такая судьба в те годы постигла практически всю белорусскую гуманитаристику: были расстреляны или подверглись высылке практически все бывшие сотрудники Института белорусской культуры, за единичными исключениями расстреляны или репрессированы все первые академики Белорусской Академии наук, также были расстреляны 4 из 5 первых ректоров БГУ. В результате геноцида белорусской интеллигенции к концу 30-х годов прошлого века социологическая наука как отдельная отрасль научного знания вовсе перестала существовать. За ней закрепляется ярлык «буржуазной лженауки», и практически до конца 1950-х годов она исключается из цикла общественных наук, упоминаясь лишь в рамках критики буржуазных теорий общества.

Однако по мере нарастания понимания необходимости объективного, свободного от волюнтаризма анализа событий и процессов, происходящих в обществе, в отношении социологических исследований намечаются определенные подвижки. Вслед за решением Москвы 9 ноября 1965 г. появляется постановление ЦК КПБ «Об организации конкретно-социологических исследований в республике», которое констатировало необходимость применения социологической информации для управленческих целей, что потребовало создания ряда социологических структур (в Академии наук и некоторых вузах БССР). Начался второй виток отечественной социальной науки: в 1960-е годы интерес к социологии только возрождался и проходили первые «пробы пера», в 1970-е реализовывались ранние этапы институциализации социологической науки, а в 1980-е накапливался теоретический и практический опыт. С ускорением динамики социальных процессов нарастала потребность и в развитии социологического знания – знания о современном обществе: на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г., который был посвящен проекту новой Программы партии и идеологическим вопросам, генеральный секретарь Ю. В. Андропов произнес слова о том, что «мы еще не изучили в должной степени то обще-

ство, в котором живем и трудимся» (цит. по: [1]). Этот посыл означал установку на дальнейшее развитие и внедрение социологического знания в практику организации и управления обществом.

Закономерным итогом институциализации социологических исследований в Беларуси стало образование Института социологии АН БССР в самом начале «бурных девяностых». Фактически белорусская современная социология стала развиваться вместе с независимой Республикой Беларусь. В созданном Институте нашли свое воплощение и совершенствование многие, сегодня ставшие уже классическими, направления и сферы социологических исследований. Некоторые из них оформились в научные школы и стали связующим звеном между прошлым и настоящим отечественной академической социологии:

школа науковедения и социологии науки (Г. А. Несветайлов);

школа экономической социологии и социологии труда (профессор Г. Н. Соколова);

школа социологии социальной структуры, социальных конфликтов и катастроф (академик Е. М. Бабосов);

школа теории и методологии социологических исследований, социологии социальной сферы (профессор С. А. Шавель).

Складывались условия для формирования отечественной школы культурсоциологии и социологии знания, но, к сожалению, скоропостижная кончина (в 2015 г.) энтузиаста таких исследований, кандидата философских наук В. Л. Абушенко прервала этот процесс.

К актуальным вызовам современности белорусская социология в целом и Институт социологии НАН Беларуси в частности подходят в полной «боевой готовности».

Благодаря усилиям основателей научных школ и направлений, а также руководителей Института (Е. М. Бабосов – 1990–1999 гг., В. В. Бущик – 1999–2000 гг., В. Л. Абушенко – 2000 г., Г. М. Евелькин – 2000–2008 гг., И. В. Котляров – 2008–2018 гг.) сегодня Институт социологии НАН Беларуси – ведущее научно-исследовательское учреждение Беларуси, работающее в области социологии, обладающее необходимым теоретико-методологическим и кадровым потенциалом для выполнения любых задач по изучению современного белорусского общества.

В Институте социологии сложился плодотворный опыт междисциплинарного сотрудничества и привлечения к совместным разработкам ученых и специалистов в области философии, экономики, психологии, культурологии, здравоохранения, образования для выполнения необходимых междисциплинарных и конвергентных исследований.

Наработан ресурс партнерских связей и сотрудничества с целым рядом министерств (образования, здравоохранения, труда и соцзащиты, информации, связи и информатизации, обороны, иностранных дел, внутренних дел, чрезвычайных ситуаций, энергетики, культуры), Департаментом по ликви-

дации последствий катастрофы на ЧАЭС МЧС Республики Беларусь, ГПК, ГКИ, предприятий и организаций различных форм собственности, представительств международных организаций в Республике Беларусь (ПРООН, ЮНЕСКО, ОЭКБ ООН и др.), субъектов местного управления и самоуправления. Особо следует отметить, что с марта 2019 г. Институт социологии НАН Беларуси становится главной социологической организацией, которая выполняет функции информационного обеспечения Администрации Президента Республики Беларусь.

Впрочем, Институт социологии был, есть и будет прежде всего научным, академическим институтом, который ориентирован на выполнение фундаментальных научных исследований, и уже на основании их результатов – на проведение исследований прикладного характера.

Содержанием **фундаментальных** исследований Института выступает системный анализ состояния и динамики развития общественной (культурной, социальной, экономической и политической сфер) жизни Республики Беларусь на основе социологических исследований. Исходя из научного и кадрового потенциала Института, эта задача решается в рамках следующих направлений:

социология культуры – социологический анализ функционирования средств массовой информации, изучение проблем сферы искусства (литература, кино, театр), ценностей, семьи, исторической памяти, религии;

социология социальной сферы – комплекс социологических исследований сфер медицины и здоровья, образования, спорта и пр.;

экономическая социология – диагностика и анализ экономической стратификации общества, изучение рынка труда, исследования цифровой трансформации экономической сферы (социология цифровой экономики);

социология государственного строительства – социологическое обеспечение деятельности органов государственного управления, электоральные исследования;

социология науки – мониторинг кадрового потенциала отечественной науки, проблемы научной миграции, роли и места молодежи в науке.

В рамках проведения фундаментальных исследований и реализации их результатов Институт тесно сотрудничает с органами государственного управления, международными организациями, ведущими научными организациями и высшими учебными заведениями как в стране, так и за рубежом.

Результаты фундаментальных исследований находят свое применение и в рамках **прикладных** научных исследований, востребованных прежде всего органами государственного управления, а также международными организациями и компаниями частного сектора. Информационная база, накопленная в ходе прикладных исследований Института, используется при:

научном сопровождении международных, трансграничных, государственных, региональных и отраслевых программ,

социологическом обеспечении процессов разработки и реализации управленческих решений на государственном и региональном уровне,

изучении поведенческих стратегий социальных субъектов, диверсифицированном анализе рынков и аудиторий.

Основными инструментами реализации прикладных исследований являются, прежде всего: *экспертная аналитика* (мониторинговые исследования широкого профиля, разработка стратегий развития организаций и регионов, анализ статистических и социологических баз данных) и *маркетинговые исследования* (сегментация рынков, изучение аудитории, исследования брендов).

Отдельно необходимо указать на то, что главным прикладным инструментом исследований Института является ежегодный республиканский *социологический мониторинг* социокультурных, социально-экономических и социально-политических изменений в белорусском обществе, который ведется с 2002 года. По результатам мониторинговых исследований накоплена внушительная база эмпирических данных, ведется постоянная работа по совершенствованию методологических и методических аспектов такого рода исследований.

Как уже отмечалось выше, рост динамики современного общества и масштабы его изменений ставят перед отечественными социологами ряд новых задач. У Института возникает необходимость стратегического планирования своей деятельности и развития, интенсификации механизмов реагирования на изменяющиеся условия. Концептуальная идея стратегии Института на ближайшие годы – работа на перспективу, развитие потенциала Института и укрепление его статуса ведущего научно-исследовательского учреждения Беларуси в области социологии.

Для реализации этой идеи в Институте ведется планомерная и целенаправленная работа по следующим направлениям:

во-первых, *развитие теоретико-методологической базы фундаментальных исследований*, что предполагает:

разработку теоретико-методологических оснований и методических принципов изучения социальных последствий цифровизации общества в рамках построения в Беларуси IT-страны,

разработку научно-обоснованной системы информационно-социологического обеспечения органов государственного управления,

формирование социологии науки как основы прогнозирования развития и оптимизации процессов управления научной сферой в Республике Беларусь;

во-вторых, формирование *новых направлений, методов и способов осуществления прикладных социологических исследований* на основе междисциплинарного проектного подхода. Предполагается проведение аппаратного анализа связанных баз данных (Big Data), медиа-измерения и анализ аудиторий, on-line исследования аудиторий и рынков;

в-третьих, *укрепление и развитие существующих научных школ.* Одна из основных проблем Института – это нехватка квалифицированных кадров. На самом деле это общереспубликанская проблема. На сегодняшний день в стране есть лишь три выпускающих кафедры социологического профиля (БГУ,

БГЭУ, ГГУ им. Я. Купалы), и только одна кафедра является собственно социологической (ФФСН БГУ, заведующий кафедрой – член-корреспондент НАН Беларуси А. Н. Данилов).

В связи с обозначенными причинами задача развития существующих научных школ и усиления кадрового состава Института будет решаться собственными силами на основе актуализации связей с высшей школой и усиления междисциплинарного взаимодействия со специалистами в области математики, массовых коммуникаций, психологии, экономики, философии и других смежных наук;

в-четвертых, *наращивание и укрепление связей с научным и образовательным сообществом*. В рамках этого направления планируется:

актуализация связей с региональными образовательными и исследовательскими социологическими центрами, лабораториями, кафедрами (в частности, в варианте постоянно действующего семинара),

активизация деятельности Международного совета социологических мониторинговых организаций (резолюция Международной научно-практической конференции «Белорусская наука в условиях модернизации», г. Минск, 20–21 сентября 2018 г.),

развитие отношений с международными социологическим союзами, ассоциациями, консорциумами.

Первейшая задача современной социальной науки – своевременная и адекватная реакция на изменения социальной и культурной среды, заключающаяся в анализе этих изменений, прогнозировании их социальных следствий, предвидении глобальных трендов наступления будущего. В связи с этим перспективной задачей для Института социологии (равно как для всей мировой общественной мысли) является изучение социальных последствий *цифровизации*. Это задача рефлексии и прогноза социальных последствий стремительного дрейфа традиционных отраслей народного хозяйства к сквозным, системообразующим технологическим комплексам, в основе которых лежат информационно-коммуникативные, индустриальные и когнитивные технологии. В данной триаде ведущая роль принадлежит IT-технологиям, которые являются драйвером очередной промышленной революции, кардинально трансформирующей социальные институты и поведенческие стратегии во всех сферах общественного бытия – начиная с производства, управления, финансов и заканчивая медициной, сельским хозяйством, спортом.

Именно уровень развития ИКТ является показателем развития общества и конкурентоспособности национальной экономики в современных условиях, и потому их внедрению в производственно-экономические системы уделяется огромное внимание во всем мире.

Большинство развитых и развивающихся стран уже реализуют программы и стратегии развития своих цифровых экономик. В нашей стране также уделяется особое внимание развитию цифровой экономики и информационного общества. Программа социально-экономического развития Беларуси дела-

ет ставку на дигитализацию национальной экономики как на один из важнейших приоритетов и главный ориентир, определяющий дальнейшее развитие всех секторов экономики и общественных институтов. На достижение этой цели направлена реализация Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» и ряда других документов, в том числе нормативно-правового характера.

Реализация указанных программ уже дает видимые результаты, одним из них стало 32-е место Республики Беларусь в мире по рейтингу развития ИКТ Международного союза электросвязи (1-е место среди стран и ЕАЭС, и СНГ в 2017 г.). В течение последнего десятилетия наблюдается устойчивая динамика по указанному показателю, что позволяет говорить о поступательном движении Беларуси к достижению своих стратегических целей: вхождение в топ-30 стран-лидеров по Индексу развития ИКТ МСЭ и построение IT-страны.

Вместе с тем нужно понимать, что процесс построения IT-страны (цифровизация экономики, общества и государства), с одной стороны, открывает перед экономическими и социальными субъектами окна возможностей и точки роста; с другой – приводит к возникновению новых, пока не изученных, рисков и угроз. Поэтому развитие процессов цифровизации должно осуществляться не только путем форсированной эволюции технологий – это развитие в обязательном порядке требует актуального и перспективного анализа всех возможных негативных (социальных, культурных, политических, социально-экономических и пр.) последствий их внедрения в общественную практику.

В современных условиях преимущественное внимание уделяется инструментальной стороне построения IT-страны (научно-технической, институционально-правовой, экономической и др.), в то время как гуманитарный аспект пока не получил должного внимания со стороны специалистов. Это с одной стороны, с другой – особое внимание чаще всего уделяется перспективам и преимуществам цифровизации, тем выгодам, которые она сулит. И это закономерно, потому что уже сейчас на уровне мировых трендов очевидно, что цифровизация меняет и человеческие отношения на повседневном уровне, и всю культуру в социетальном масштабе. И то общество/государство, которое займет лидирующие позиции в этом процессе, будет иметь привилегированное положение в общемировом разделении труда.

И здесь мы хотели бы обратить внимание вот на что – доминирующий сейчас инструментально-технократический подход к анализу и прогнозированию процессов цифровизации нуждается в социально-гуманитарном дополнении, в социологической экспертизе, в полноценном и всестороннем анализе как ожидаемых перспектив, так и потенциальных рисков цифровизации. Нужны гуманитарные исследования ожиданий и готовности общества к переходу в цифровую эпоху развития как экономики, так и всей системы социальных

отношений. Ибо любой инструмент только тогда дает положительный эффект, когда он, во-первых, находится в руках эффективного пользователя, во-вторых, когда попадает к осведомленному и заинтересованному потребителю. Новые технологии должны быть ориентированы не только на повышение эффективности экономики, но и способствовать улучшению качества жизни отдельного человека с минимизацией всех возможных рисков как для отдельно взятого человека, так и для отдельного общества.

Все это позволяет констатировать, что разворачивающиеся процессы цифровизации требуют теоретическо-методологического осмысления учеными-обществоведами. Для этого необходимы поиск и разработка новых парадигмальных рамок социологического исследования процессов цифровизации, социологических концептов их осмысления, а также инструментов их прогнозирования и управления ими. Также назрела необходимость разработки прикладных методик замера эффективности процессов дигитализации. В целом же требуется создание комплексной социально-гуманитарной экспертизы на основе эмпирических исследований процессов цифровизации белорусского общества.

Вышеизложенные соображения легли в основу проекта подпрограммы научных исследований, которые Институт будет выполнять в период с 2021 по 2025 г. Нашими ведущими учеными содержание подпрограммы безусловно будет конкретизировано в рамках заданий по профильным направлениям, касающимся основных сфер общества. Однако в каждом конкретном задании фокус исследовательского внимания будет сосредоточен на социологическом осмыслении новой цифровой реальности, на изучении характеристик, факторов и условий становления Беларуси как IT-страны, на определении перспектив и выявлении потенциальных рисков в связи с вопросами национального строительства, социокультурной идентичности и информационной безопасности.

Список использованных источников

1. *Москвин, А.* Мы не знаем общества, в котором живем [Электронный ресурс] / А. Москвин. – Режим доступа: https://www.proza.ru/2019/05/12/1000. – Дата доступа: 21.11.2019.

Поступила 27.11.2019 г.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.32

Л. П. ГАЛИЧ,

кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск,
e-mail: galich_lp_bspu@mail.ru

Т. Н. ШУШУНОВА,

кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск,
e-mail: shushunova_tatiana_bspu@mail.ru

ВИЗУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА В СОЦИОЛОГИИ

В статье представлены основные направления использования визуального измерения в социологии для понимания социальной реальности. Описываются факторы становления и развития визуальной социологии. Предлагается подход к фотографическому изображению как источнику социологической информации и социологических данных об изучаемых социальных явлениях, социальных общностях и социальных действиях. Раскрыты преимущества фотографического метода и функции визуального изображения в социологическом исследовании. Рассматривается роль социологического воображения в визуальном анализе социального объекта.

Ключевые слова: визуальная социология, визуальное измерение, социальная реальность, визуализация, фотографический образ, фотографическое изображение, социологическое воображение.

L. P. GALICH,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, e-mail: galich_lp_bspu@mail.ru

T. N. SHUSHUNOVA,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, e-mail:shushunova_tatiana_bspu@mail.ru

VISUAL MEASUREMENT OF SOCIAL WORLD IN SOCIOLOGY

The article presents the main directions of using visual measurement in sociology to understand social reality. The factors of formation and development of visual sociology are described. The approach to the photographic image as a source of sociological information and sociological data on the studied social phenomena, social communities and social actions is proposed. The advantages of

the photographic method and the function of visual image in sociological research are revealed. The role of sociological imagination in the visual analysis of a social object is considered.

Keywords: visual sociology, visual dimension, social reality, visualization, photographic image, photographic image, sociological imagination.

Современный мир в XXI в., проживающий информационную стадию развития, изменяется под воздействием требований и стилей жизни своего времени. Мир стал наполняться визуальными образами, с помощью которых люди теперь могут успешно передавать эмоции, настроение, информацию, транслировать ценности и воздействовать на сознание другого. Визуализация мира становится универсальной характеристикой современной действительности, считает польский социолог П. Штомпка [1], и доминирующей чертой того типа культуры, которая пришла на смену предыдущим двум: оральной, где коммуникация осуществлялась посредством разговора, и вербальной – для которой письменное сообщение являлось главным способом передачи информации. Важной предпосылкой такой особенности современного мира стал постоянно возрастающий объем визуальной информации благодаря доступности технических возможностей ее производства всеми желающими. Теперь каждый может сделать любительские авторские фотографии, снимать видео на камеру, которая встроена уже в телефон, благодаря чему фотография превращается в обычную практику современной жизни.

В современном обществе в эпоху тотальной цифровизации повседневного пространства мы все глубже погружаемся в непрерывный поток изображений, которые способны повлиять на наши представления, способы чувствования и действия, на наши повседневные практики и жизнь в целом. Бесконечный поток селфи, попытки представить себя в лучшем виде в виртуальном мире – все это становится неотъемлемой частью жизни современного человека. Описывая диапазон современной визуалистики и разбираясь с «новой иконичностью», М. Е. Соколова отмечает, что сознание современного человека подвергается воздействию огромных дефрагментированных потоков визуальной информации благодаря развитию цифровых технологий, упрощающих процессы создания, воспроизведения и распространения изображений, мобилизации всех сфер жизни, распространению мобильных устройств (цифровой фото- и видеотехники). На этой благоприятной цифровой почве возникают новые особенности культурного и визуально-перцептивного поля. Таким образом, в конце XX в. новый виртуальный гипертекст не только стал всеобъемлющим пространством текстов, но и создал неисчерпаемые возможности для вхождения человека в тотальную образную среду – постмодернистский мир мобильной чувственности современного человека [2]. Что же касается ученых, то они обращаются к фотографическим образам как к социологическим данным на разных этапах исследований, это приводит к тому, что поле социальных образов постоянно расширяется и усложняется. Поворот исследователей к визуальному измерению социального мира связан с потребностью более глубокого и детального его понимания и формирования полного пред-

ставления о социальной реальности, в результате чего визуальная социология начинает обретать статус нового метода постмодернистских исследований.

Определяя факторы, которые повлияли на развитие визуальной социологии, мы должны подчеркнуть важность в этом процессе социальных изменений, культурной эволюции и технологических инноваций. Этот сдвиг стал возможным благодаря сложному взаимодействию науки, техники, социальных и культурных процессов. Визуальная социология, возникшая как реакция на взрыв зрительного воображения, предлагает социологам разработать новые способы понимания того, как образы влияют на наше сознание. Целью визуальной социологии является использование фотографии, видео, фильмов для изучения общества. Такая комбинация изображения и социологии служит всестороннему пониманию социального мира. Для исследователя фотографическое изображение выступает в качестве социологических данных, которые представляют и описывают состояние разнообразных социальных явлений, а социолог, используя поисковую стратегию и определенный алгоритм работы, осуществляет перевод визуального образа в текстовый формат, получая в итоге обоснованную «теорию на выходе».

Простота использования фотографической техники, увлекательность последующей обработки кадров с помощью разнообразных фильтров десакрализует процесс производства визуального и приучает многих смотреть на мир как на фотографический кадр с потенциальными вариациями его последующего пристраивания в популярные социальные сети как обычный способ сообщить миру о себе [3, с. 35]. Еще до недавнего времени фотография была контролирующим предписанием различных социальных инстанций, благодаря чему множились фото на паспорт, пропуск и т. д., или, как писал П. Бурдьё о социальной функции фотографии, поскольку фотография – это то, чем занимаются во время отпуска; это то, что образует саму материю отпуска [4]. В последнее время она стала добровольным актом, направленным на проявление своей индивидуальности и идентичности, самовыражение личности, реализацию накопленного творческого потенциала, высвобождающего посредством фотографирования. Таким образом, нельзя отрицать факт того, что мир полнится разнообразной визуальной информацией из всех сфер общественной жизни, что эта информация многократно тиражируется и легко воспроизводится в случае необходимости. А самое важное, что визуальную информацию при необходимости можно читать как текст, аналитически и фрагментарно. Все вышеперечисленное актуализировало проблему создания такого направления в социологии, которое могло бы использовать фотографические ресурсы в качестве первичной социологической информации, поскольку игнорировать визуальную информацию больше нет смысла – это данность современного мира, а социология, как наука, изучающая процессы и явления этого мира, просто не может оставаться в стороне и пользоваться фотографией в особых случаях и только в качестве иллюстративного подтверждения количественных данных. Более того, как считает один из пионеров развития этой отрасли

знания, а именно визуальной социологии, П. Штомпка, использование анализа имеющихся фотографий и самостоятельное фотографирование как исследовательские методы («хороший социологический глаз») – обязательная компетенция социолога! [5]

Активное развитие визуальных исследований началось в 1990-х гг. и первоначально осуществлялось в антропологическом ключе. В это время происходит трансформация подхода к визуальным источникам из ресурсной плоскости в объектную плоскость, в рамках которой фотографический образ перестает рассматриваться исключительно как ресурс исследования, а обращает на себя внимание с точки зрения объекта и основного сюжета исследования. Конструирование реальности с помощью визуальных образов и процесс создания значения и смысла – вот на чем зиждется основной интерес исследователей. Если говорить о главном тезисе такого способа постижения социальности, то он заключается в принятии того факта, что визуальность есть первичный измеритель социальной действительности, который задает главные траектории как ее конструирования и реконструирования, так и репрезентации. Современный визуальный анализ в социологии весьма разнообразен, начиная с исследований рекламы, кино, изучения различных направлений в культуре, анализа визуальных материалов в СМИ, изучения культуры и проблем повседневной жизни, включая исследования сексуальности и эротизма, трансформации образов мужественности и женственности. Особым направлением является визуальный анализ образа работы. Традиционно изображения касаются, чаще всего, семейной жизни и отдыха, потребления и развлечения, политических и социальных событий. Сфера труда также не остается в стороне от визуального анализа, который показывает место работы в жизни, выявляет страдания и радости, которые она (работа) вызывает, демонстрирует специфику той или иной работы, условия и людей, которые ее выполняют, со своими надеждами или разочарованиями, то есть все те реалии, которые документируют фотографии, независимо от того, показывают ли они саму работу, либо место, где она выполняется, – офисы, мастерские, бизнес-центры или рабочие кварталы, либо работающих людей. Так, исследования и разработки в этой области активно обсуждаются на страницах французского журнала «Images du Travail» («Образы работы») [6]. Таким образом, профессиональное пространство объявляется свободным и открытым для всех, хотя в первую очередь оно предназначено для исследователей и профессионалов в области имиджа той или иной работы.

Очередным прорывом в развитии фотографического анализа стало открытие в 2008 г. в Женевском университете в рамках Института социологических исследований отдела визуальной социологии, который продвигал идею использования изображений в качестве метода исследования в социологии и в социальных науках посредством трех академических стратегий – визуального творчества для общественных наук, теоретических основ и гносеологических проблем визуальных исследовательских подходов, организации

фильмов по общественным наукам [7]. Здесь особое значение придается формированию навыков, связанных с визуальным творчеством, когда проводится исследование в аудиовизуальной форме или фотографической тематике, включающее формулировку вопроса, наблюдение и разведку, съемку, анализ и редактирование материалов. Так, с момента основания отдела визуальной социологии мастерские документального кино по политической и культурной географии пополнили фильмы с разнообразной социальной тематикой – от проблем бездомности до определения гендерных границ.

Обращаясь к вопросу о предыстории визуального анализа, следует отметить, что социологи очень рано прибегли к фотографии. Достаточно упомянуть Мориса Хальбвакса, который снимал парижские трущобы в 1908 г., а в США первое поколение Чикагской школы фотографировало бродяг и местные банды. Однако в то время фотография ограничивалась иллюстрацией и не включалась в исследовательский подход. В рамках антропологической школы к фотографическим образам прибегали Ф. Боас, изучая эскимосов острова Баффин в конце XIX в.; М. Мид (исследования на Бали); Э. Гоффман (ритуализация женственности в социологии труда); П. Шомбар де Лов (городские исследования) [8]. В современной визуальной социологии различают два направления, которые задают алгоритм социологического исследования. Первое заключается в визуальной социологии, базирующейся «на изображениях», второе – в визуальной социологии, работающей «с изображениями». Причем в исследовательской практике для достижения наилучшего результата в ходе качественного анализа, как правило, используют обе стратегии. Каковы же различия между ними? В рамках первой, обозначенной как «социология на изображениях», исследователь целенаправленно создает, фиксирует изображения в процессе своей работы для изучения социального феномена. Таким образом, исследователь выступает и как источник (создатель, фиксатор) фотографического образа, так и аналитик, интерпретирующий и обосновывающий так называемую «теорию на выходе» по изучаемому социальному феномену (процессу, ситуации, случаю). В рамках второй стратегии – «социологии с изображениями» – исследователь интерпретирует и анализирует уже имеющиеся готовые фотографии, созданные обществом «про общество» в разных социокультурных пространствах, чтобы выявить отраженную на фотографии социальную реальность – актуальные проблемы или, наоборот, благополучие, специфику жизненных практик, особенности социальных общностей и т. п. Полученные изображения могут оставаться посредником в рамках социологических исследований или быть конечной фигурой. В этом случае результаты исследования распространяются двумя различными способами: через научное сообщество, сохраняя верность языку науки; и для более широкой аудитории, когда из собранных по фотографии данных может стимулироваться и привлекаться внимание широкой общественности.

Используя визуальную информацию, социолог с помощью социологического воображения может проникнуть в суть явлений и процессов окружа-

ющего социального мира. В такой ситуации анализ этой видимой стороны жизни и ее влияния на социум открывает огромные просторы для социологов – позволяет выйти за рамки привычных методов, а главное, расширить возможности познания социальной реальности. Естественно, что применение визуального анализа невозможно осуществить без такого методологического приема, как социологическое воображение. Данная методология с подачи Ч. Р. Миллса [1] прочно вошла как основополагающий компонент в структуру социологического мышления и теперь позволяет социологам вместо обыденной созерцательности генерализировать социологическую информацию аналитически. Однако как и социологическое, визуальное воображение не имеет четкой инструкции своего применения, поэтому умение им пользоваться достигается исключительно за счет практики и тренировки по направлению использования визуальных средств для анализа окружающего мира, для интерпретации социальной информации, представленной фотодокументами, и демонстрации возможностей визуальных данных для социологических исследований. Эдвард Холл полагает, что понимание и использование визуальных данных – это главное умение людей, интересующихся общественными и культурными процессами [1].

Преимущество фотографического метода заключается в доступности фотографии как источника социологической информации, а также ее (фотографии) функциональном потенциале, который раскрывается через познавательные, информативно-документальные, эвристические, пояснительные, аксиологические и эстетические возможности. Посредством фотографирования мы получаем визуальные данные, то есть внешне наблюдаемые аспекты общественной жизни, по отношению к которым, на основе анализа их внешнего вида, применяя визуальную интерпретацию, мы имеем возможность выйти на социологическое объяснение. Чтобы таким способом в итоге, путем обобщения, получить информацию о сущностных закономерностях общественной жизни. Также следует отметить, что, несмотря на широту охвата области применения визуально фиксированных проявлений общественной жизни, для визуального анализа актуальны лишь те фотографические данные, где зафиксирована деятельность человека, на которых человек и коллективы оставили отпечаток своей активности или присутствия; не постановочные кадры, а лишь те, которые сумели передать актуальные вопросы настоящего момента и явились следствием своеобразного «научного шпионажа» [9; 10].

Визуальное измерение социальной реальности раскрывает широкие возможности аналитических и гуманитарных эффектов, возникающих от использования фотографий, фильмов и других визуальных материалов в социологии. Белорусский социолог С. А. Шавель в известной книге «Общественная миссия социологии», раскрывая методологическую представленность социологических исследований, выдвинул справедливую мысль о том, что «главное, что в полевой работе социолог вынужден исповедовать методический синтез, использовать “интерфейс” (единство количественных и качественных

методов, а не их противопоставление), лично включаться в проблему, скажем, ездить в общественном транспорте и замечать то, на что другие не обращают внимания» [11, с. 83]. Таким образом, социологу при необходимости более чем достаточно того, что люди хотят и готовы показать своими фотографиями по изучаемой исследователем проблеме. А созданные пользовательские платформы, предоставляющие людям возможность делиться своими фотографиями со всем миром, невольно формируют визуальную базу данных, к которой может подключиться любой человек по ключевым словам, социальным сетям, геотегам и получить неформальную, авторскую информацию об интересующем его аспекте повседневной жизни. Это стало повседневной практикой для людей цифровой эпохи. Социологи просто не имеют права оставаться в стороне и не пользоваться новыми исследовательскими возможностями, поскольку «этот кладезь информации способен помочь нам глубже понять, как люди взаимодействуют с физическим пространством и внутри него» [12]. Изображения по сравнению со словом и цифрами дают абсолютно иное качество исследовательской эмпатии и помогают приблизиться к более глубокому пониманию социальных объектов и визуальной модели ситуации. Работа с изображениями является достойным способом улучшения исследовательского ремесла, который не только развивает социологическое воображение и визуальную научную грамотность, но и помогает разобраться с различными аспектами социальной и культурной жизни посредством визуальных образов, которые сообщают о какой-то истории и репрезентируют значение и ценность для разных социальных общностей определенных действий, событий, случаев.

Список использованных источников

1. *Штомпка, П.* Введение в визуальную социологию / П. Штомпка // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2007. – № 4. – С. 6–12.

2. *Соколова, М. Е.* «Новая иконичность» и диапазоны современной визуалистики: введение к тематичесокму разделу / М. Е. Соколова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11 : Социология : рефератив. журн. – 2014. – № 2. – С. 5–15.

3. *Запорожец, О.* Визуальная социология: контуры, подходы / О. Запорожец // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2007. – № 4. – С. 33–43.

4. *Бурдьё, П.* Общедоступное искусство. Опыт о социальном использовании фотографии / П. Бурдьё, Л. Болтански. – М. : Праксис, 2000. – 464 с.

5. *Штомпка, П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка. – М. : Логос, 2007. – 168 с.

6. Презентация журнала «Образы работы, имиджевые работы» [Электронный ресурс]. – Франция, 2019. – Режим доступа: http://imagesdutravail.edel.univ-poitiers.fr/. – Дата доступа: 25.09.2019.

7. Визуальная социология. Социология с изображениями [Электронный ресурс]. – Университет Женевы, 2019. – Режим доступа: https://www.unige.ch/sciences-societe/socio/fr/recherche/unite-de-sociologie-visuelle/lasociovisuelle/. – Дата доступа: 03.10.2019.

8. *Сергеева, О. В.* Исследовательское поле визуальной социологии / О. В. Сергеева // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2008. – № 1. – С. 136–146.

9. *Шушунова, Т. Н.* Феномен селфи как способ коммуникативного воздействия / Т. Н. Шушунова // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке : материалы науч. конф. к 100-летию Рус. социол. общества им. М. М. Ковалевского, 10–12 нояб. 2016 г. – СПб. : Скифия-принт, 2016. – С. 1590–1592.

10. *Шушунова, Т. Н.* Роль «третьего места» в жизни столичного студенчества / Т. Н. Шушунова // Вес. Белорус. гос. пед. ун-та. Сер. 2. – 2017. – № 1. – С. 37–40.

11. *Шавель, С. А.* Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.

12. *Ратти, К.* Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / К. Ратти, М. Клодел. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 248 с.

Поступила 28.10.2019 г.

УДК 316.62

А. Н. ДАНИЛОВ,

член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МАТРИЦЫ ЦЕННОСТЕЙ КАК УСЛОВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ (ПО РАБОТАМ В. С. СТЕПИНА)

В статье рассматривается универсальная модель цивилизационного развития В. С. Степина с акцентом на методологические аспекты формирования новой матрицы ценностей как условия современного цивилизационного развития. Переход общества в информационную фазу реально актуализировал проблему программирующей роли культуры. По В. С. Степину, основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Утверждается, что решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития.

Ключевые слова: В. С. Степин, матрица ценностей, культура, цивилизационное развитие, диалог культур.

A. N. DANILOV,

Corresponding Member of the NAS of Belarus, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk

FORMING OF A NEW VALUE MATRIX AS A CONDITION OF CIVILIZATION DEVELOPMENT (BY THE WORKS OF V. S. STEPIN)

The article considers V. S. Stepin's universal model of civilizational development with an emphasis on methodological aspects of forming a new matrix of values as a condition of modern civilizational development. The transition of society to the information phase truly actualized the problem of the programming role of culture. According to V. S. Stepin the foundations of culture, represented by worldview universals, act as original basic genes of one or another type of sociality. It is argued that the solution to the problem of forming a new matrix of values acts as a condition for the transition to new strategies of civilizational development.

Keywords: V. S. Stepin, matrix of values, culture, civilizational development, dialogue of cultures.

Современная цивилизация вошла в стадию нестабильности, когда начинают соперничать стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, со стратегиями, ориентированными на поиск новых ценностей, способствующих выходу из глобальных кризисов. Анализируя содержание техногенной цивилизации, В. С. Степин отмечает, что рост потребления и распространения рыночных отношений вызывает обострение экологиче-

ского и антропологического кризисов. И когда он рассматривает механизмы переходов в сложных системах, то вновь возвращается к вопросу о ценностях, задающих ориентиры перехода к новому типу цивилизационного развития. В. С. Степин считает, что новые ценности извне не придут, они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать их точки роста. Точки роста новых ценностей В. С. Степин связывал также с предложенной им постнеклассической научной рациональностью, которая ориентирована на рассмотрение развивающихся человекоразмерных систем. В контексте этой рациональности в центре внимания оказывается совместное рассмотрение внутринаучных и вненаучных (социальных) этических регуляторов. Системность его подхода проявляется в органичной связи рассматриваемых аспектов фазового перехода систем с политической организацией мирового сообщества, переходящего от однополярного к многополярному миру.

Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Идеи, рожденные в ходе этого процесса, «задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [1, с. 8]. Современная актуализация феномена культуры, ее программирующей роли как объекта передачи духовного наследия новым поколениям связана с именем В. С. Степина.

Толчком к анализу оснований культуры В. С. Степиным в конце 1970-х гг. послужило высказывание М. К. Мамардашвили о том, что философия есть рефлексия над предельными основаниями культуры. Это было довольно расплывчатое определение, не указывающее, о каких предельных основаниях можно вести речь. На примере справедливости автор убедился, что такие категории широко используются в повседневной жизни, люди понимают их смысл, хотя определить чаще всего не могут. В. С. Степин подчеркивает: «Эти осознанные и неосознанные смыслы составляют содержание мировоззренческих универсалий культуры. Они фиксируют шкалу ценностей, обеспечивают понимание мира, его осмысление и переживание. Для человека вопрос о справедливости или несправедливости всегда эмоционально переживается. Это оценка, а значит, предполагает ценность» [2, с. 419]. Следовательно, основания культуры – мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, как бы отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный образ жизненного мира человека, выражающий отношение к природе, обществу и духу (сознанию). «В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать вну-

три себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия» [2, с. 429]. В. С. Степин проводит аналогию между биологическими организмами, опыт приспособления которых фиксируется в их наследственных генетических кодах, в совокупности представляющих генофонд жизни, и общественной жизнью, где таким генофондом является культура. Причем ее основания, то есть мировоззренческие универсалии, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности.

Наполнение новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека.

Время содержательно меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человека, со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационной средой обитания. С современной информационной коммуникационной революцией радикально изменился сам механизм восприятия и влияния информации. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. Подтверждением тому могут служить размышления В. С. Степина о точках роста новой цивилизации: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [3, с. 10].

Человеку дано наблюдать этот процесс, но в его ли силах изменить мир? Постепенно накапливается исследовательский материал, который мог бы

определить контуры новой стратегии цивилизационного развития. В этой связи возникает вопрос о предпосылках и механизмах формирования точек роста нового содержания матрицы ценностей, как ответ на перемены в мире и мутации, происходящие в его культурном коде.

Однако современные технологии несут человеку и новые беды. Они открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляции с общественным сознанием. На современном этапе на роль доминирующего сценария претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада.

Человеку дано самому определять свои ценностные ориентиры, выбирать те или иные нормы поведения в рамках функционирования реального ценностного пространства в целом. Виды ценностей могут быть самыми разными: объективными, виртуальными, несуществующими в природе (мечты, идеалы), фантастическими. В. С. Степин, в частности, писал, что «сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития» [3, с. 11].

Проблематика культуры, как объект программирования, стала разрабатываться в XX столетии. «Нужно откровенно сказать, что философия, да и в целом культура, оказались не совсем готовы к тем быстрым переменам, которые произошли за последние десятилетия в современном мире. Жизнь слишком быстро меняется, а осмысление изменений запаздывает», – отмечал В. С. Степин [2, с. 737]. Общество так и остается до сих пор не разгаданным объектом, вечным предметом исследователей разных времен и эпох. Не исключением становится и XXI век.

«Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития», – писал В. С. Степин [2, с. 737]. И подчеркивал: «Конструктивно-прогностическая функция философии особенно ярко проявляется в эпохи коренных переломов развития общества и зарождения нового типа цивилизационного развития. В истории цивилизации первым таким переломом был переход от традиционалистских к техногенным цивилизациям. В своих работах <…> я обосновываю тезис, что человечество вступило в эпоху второго коренного перелома, связанного со сменой типов цивилизационного развития, что в этом процессе должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность. Эта эпоха может быть сравнима по степени радикальной трансформации с переходом от традиционалистского к техногенному типу развития. Но если в первом случае этот переход длился столетия, то в сегодняшних условиях он будет протекать в ускоренном темпоритме» [2, с. 763].

Переход общества в информационную фазу реально актуализировал проблему программирующей роли культуры, ее культурного кода. В беседе с И. Т. Касавиным В. С. Степин размышлял: «Я видел рациональное и в формационном, и в цивилизационном подходах. Постепенно у меня стала вырисовываться идея типов цивилизационного развития. К этому меня вел предшествующий анализ универсалий культуры. В своих функциях в социальной жизни система универсалий культуры предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни. Все сложные саморазвивающиеся системы (биологические объекты, социальные объекты) должны содержать внутри себя особые структуры, которые кодируют опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и управляют реакциями системы на новые воздействия. В биологии опыт приспособления организмов к среде фиксируется в их наследственном коде. Совокупность таких кодов – это генофонд жизни в разных ее вариантах» [2, с. 725–726].

В общественной жизни аналогом такого генофонда В. С. Степин видел культуру. «Причем, основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование» [2, с. 726].

«Представление о биологической эволюции учитывает влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если под этим углом зрения рассматривать развитие общества, то функции естественного отбора здесь выполняет развитие производства, экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов – это изменение мировоззренческих универсалий культуры. Оно происходит благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В такие эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов», – подчеркивал исследователь [2, с. 728].

В какой-то степени проблема существования культурного кода, как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений, остается открытой. Культура все больше стала ассоцииро-

ваться со средой сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия.

«Человечество все еще не в состоянии ответить на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие с его мегатрендами, связанными с современным этапом научно-технической революции, коренным пересмотром культурных ценностей, глобализацией», – отмечал польский экономист Гжегож Витольд Колодко [4, с. 170]. Все ускоряющаяся динамика времени, глобальный характер перемен в сфере коммуникации и диалоге культур меняют наши представления о культуре. «До периода научно-технической революции культура в силу относительно небольшого и нединамического поля коммуникации была стационарным образованием, – пишет В. В. Миронов. – Понятие культуры в некотором смысле всегда выражало то, что остается стабильным на протяжении не только жизни отдельного человека, но и многих поколений. Жизнь людей протекала как бы на фоне культуры, и включение в нее каких-то новых ценностей могло занять целую жизнь человека. Ценности становились внутрикультурными после достаточно длительного историко-социального отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей» [5, с. 89]. И далее продолжает: «Процесс смены культурных ценностей и включения в нее новых более длительный и сложный, чем смена научной картины мира перед лицом фактов. В культурном смысле этот консерватизм оправдан, так как позволяет сохранять общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменять систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти “культурную обработку”. Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [5, с. 89–90].

Что собой представляет процесс обновления матрицы ценностей? Что мы принимаем и от чего отказываемся – один из самых актуальных вопросов. Ведь формирование новой матрицы ценностей – процесс не простой и не быстрый. С ним всегда связано нарастание неустойчивости в обществе, ослабление власти и обострение многих социальных проблем.

В настоящее время проблема ценностей стала одной из центральных в гуманитарном знании. Серьезный вклад в ее разработку внесли Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Мюнстерберг (автор книги «Философия ценностей»). В середине 1960-х годов активно включились в эту работу В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов. В последние десятилетия появились новые социальные нормы, правила и образцы социального поведения, преобразовываются социальные представления, ожидания и идеалы. Новый жизненный опыт личности, изменение его среды обитания, жизненных планов и установок приводит к переоценке системы ее ценностей. Обновление содержания системы ценностей детерминировано все время меняющейся социально-экономической и духовной реальностью. «Я считаю, – пишет В. С. Степин, – что мы вступили в эпоху поиска новых ценностей, но они не будут заимствованы откуда-то из-

вне и в готовом виде современной цивилизацией. Они должны вырастать внутри нее. Как у Гегеля, нечто в развитии порождает свое иное» [2, с. 739]. «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня – одна из главных задач философии» [2, с. 740]. «В центре философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества» [2, с. 761]. «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий – “человек”, “природа”, “человеческая деятельность”, “личность”, “рациональность”, “власть”, “добро”, “зло”, “справедливость”, “свобода” и т. д.» [2, с. 762].

«Философия признана критически отнестись к исторически сложившейся доминирующей системе ценностей, которая до сих пор определяла развитие техногенной цивилизации. В современных изменениях культуры философии предстоит обнаружить точки роста новых ценностей, способных стать обновой будущего устойчивого развития цивилизации» [2, с. 763].

Сейчас налицо симптомы глубокого мировоззренческого кризиса, что проявляется в недоверии, растерянности, парадоксальности человеческого сознания. Очень важно в этих условиях заглянуть в будущее и увидеть следующий уровень, новый виток эволюции.

Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность, социальная жизнь человека, обобщенная в культуре. Вместе с тем, как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависит от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой отдельно взятой страны [6, с. 22–40].

Переход общества в информационную фазу реально актуализировал проблему программирующей роли культуры. В. С. Степин выделяет культуру как среду, где возникают новые жизненные смыслы и ценности, обеспечивающие новый тип цивилизационного развития. По В. С. Степину, основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, выступают как своеобразные базисные гены того или иного типа социальности. Подобно тому, как порождение новых видов организмов невозможно, если не происходит генетических трансформаций, изменяющих геном организма, так и возникновение новых видов общества, новых типов социальности предполагает изменение фундаментальных жизненных смыслов, представленных универсалиями культуры, их преобразование.

Список использованных источников

1. *Степин, В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В. С. Степин. – М., 1996. – 175 с.

2. *Степин, В. С.* Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2018. – 800 с.

3. *Степин, В. С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Степин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.

4. *Колодко, Г. В.* Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? / Гжегож В. Колодко. – М. : Магистр, 2015. – 176 с.

5. *Миронов, В. В.* Современные трансформации культуры / В. В. Миронов. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 128 с.

6. *Данилов, А. Н.* Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск : Университетское, 1997. – 431 с.

Поступила 27.11.2019 г.

УДК 37.013

Е. В. КАРГАПОЛОВА,

доктор социологических наук, профессор,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, e-mail: k474671@list.ru

Ю. А. ДАВЫДОВА,

кандидат исторических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, e-mail: ylkadav@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ДИСКУРСЫ

В статье анализируется научный дискурс по проблеме реализации принципа социальной справедливости в сфере высшего образования. Показано, что в современном обществе этот принцип проявляется в таких аспектах, как доступность высшего образования, равенство образовательных возможностей, государственное финансирование образовательных учреждений. Выявлены проблемы, связанные с изменением роли образования в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: социальная справедливость, высшее образование, качество образовательных услуг, элитное образование, массовое образование.

E. V. KARGAPOLOVA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,Moscow, e-mail: k474671@list.ru

YU. A. DAVYDOVA,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: ylkadav@mail.ru

EQUITY IN HIGHER EDUCATION: RESEARCH DISCOURSES

The article analyzes the scientific discourse on the implementation of the principle of social equity in higher education. It is shown that in modern society this principle is manifested in such aspects as accessibility of higher education, equality of educational opportunities, state funding of educational institutions. The revealed problems associated with the changing role of education in the globalizing world.

Keywords: social justice, higher education, quality of educational services, elite education, mass education.

Образование – это процесс присвоения человеком знаний о мире, опыта, накопленного предшествующими поколениями. Основная цель образования как социального института заключается в приобщении человека к идеалам,

убеждениям, ценностям общественной системы [18]. Образование является определяющим фактором социально-экономического развития страны. Вопросы социальной справедливости тесно связаны с функционированием системы образования в целом и высшего образования в частности.

Ряд исследователей считают справедливость, наряду с нравственностью и идеалами, непреходящей, внеисторической ценностью педагогической деятельности, хотя и отмечают появление новых форм взаимодействия в современном образовательно-воспитательном пространстве в условиях роста коммуникаций и новых технологических методов [1]. Другие отмечают, что высшее образование являлось и является «одним из ключевых звеньев сотворения социальной справедливости в процессе воспитания молодежи и социализации в общественные и государственные институты», но каждому периоду развития общества соответствует свое понимание социальной справедливости, сопряженное с вопросами равенства и доступа к образованию и воспитанию [4]. По мнению третьих в эпоху Средневековья университетское образование было ориентировано на теологические ценности, в эпоху Возрождения – на ценности гуманизма. И только эпоха современности выдвигает на первый план реализацию социальной справедливости в образовании. «В иерархической системе ценностей современной образовательной парадигмы на первое место выходят ценности справедливости, свободы, компетенций и лояльности, которые находятся в постоянном конфликте, так как одна ценность может противоречить другой» [21, с. 54].

Проблема разрешения конфликта справедливости и других ценностей в системе высшего образования остро стоит на повестке дня не только в российском социуме, но и во всем мировом сообществе [34]. Так, исследователи отмечают, что в международных университетских рейтингах конкурентоспособность университетов стала определяться не только показателями наукометрии, качества образования, интернационализации, инновационной деятельности, доходности, но и социально-экономическими измерениями, сопряженными с ценностями социальной справедливости, и прежде всего – доступностью высшего образования для молодежи, а также гендерным паритетом, государственной финансовой поддержкой, соотношением расходов и доходов на образование. «В последнее время социальным и социально-экономическим показателям и особенно показателям доступности высшего образования все больше внимания уделяется в странах – участницах Болонского процесса, а также в образовательной политике США и Канады» [5].

В ряде научных работ подчеркивается особая миссия вузов, понимаемая как служение общественным интересам через воспроизводство человеческого капитала высокого качества, а ценность справедливости воплощается в доступности образования через равенство образовательных возможностей. Отмечается, что капитализация высшего образования противоречит реализации принципа социальной справедливости [25], акцентируется неэффективность рыночных механизмов в управлении образовательной сферой, необходимость

государственной поддержки высшего образовании и даже «реализации режима позитивной дискриминации в отношении определенных социальных групп при доступе к образовательным благам» [22].

Исследователей интересует вопрос о том, каким образом вопросы социальной справедливости определяются при осмыслении социально-экономической роли высшего образования в обществе знаний в глобализирующемся мире; была ли социальная справедливость в высшем образовании включена в неолиберальную стратегию для растущей конкурентоспособной экономики; и можно ли использовать инструменты нового государственного управления для продвижения целей социальной справедливости в высшем образовании [35].

Отмечается взаимосвязь доступности образовательных услуг с укреплением социально-экономического равенства в высшем образовании, что достигается двумя путями-стратегиями. Первая стратегия заключается в обеспечении «справедливости» путем изменения состава участников, приведения высшего образования в соответствие с идеальной моделью социально репрезентативной системы. Вторая стратегия способствует «инклюзивности» путем расширения доступа к недостаточно представленным группам. Правительства развитых стран, как правило, концентрируют внимание на обеих стратегиях. Например, нынешняя образовательная политика Австралии упоминает обе цели, отдавая приоритет справедливости. По мнению С. Маргинсон, «утопический подход, основанный на справедливости, подчеркивает надлежащее функционирование институтов. Реалистичный подход к инклюзии подчеркивает значимость роли тех, кто исключен. Опыт стран ОЭСР показывает, что, хотя меры по обеспечению справедливости дают полезную информацию, программная ориентация на расширение охвата является как более достижимой, так и более плодотворной» [30].

Вместе с тем исследователи динамичных взаимосвязей между политическими и организационными изменениями в высшем образовании, справедливостью и демократической риторикой расширения доступа и установления связей между равенством и качеством ставят под сомнение изменяющийся характер продукта, доступного для новых групп учащихся [31]. Так, например, для реализации социальной справедливости существует настоятельная необходимость устранения неравенства в показателях завершения университетского образования. Ученики из стран с низким рейтингом социально-экономического развития, из регионов и представители коренного населения имеют более низкие показатели завершения обучения, чем их сверстники. Выпускники, не владеющие английским языком, и выпускники с ограниченными возможностями постоянно демонстрируют худшие результаты в сфере занятости. Несмотря на эти тенденции, равенство студентов остается на периферии большинства стратегий трудоустройства в университетах, включая предоставление услуг по развитию карьеры. Вместе с тем услуги, связанные с профессиональной деятельностью в университетах, являются центральным

ресурсом для расширения возможностей трудоустройства студентов. Эти услуги предусматривают целый ряд мероприятий, таких как профессиональное обучение, подготовка к собеседованиям, подготовка резюме и поиск возможностей трудоустройства [29].

Ученые отмечают, что наблюдающийся в последние 25 лет переход от элитного образования к массовому и политика по расширению доступа к высшему образованию способствуют реализации принципа социальной справедливости. Однако конкретные эмпирические исследования среди студентов позволяют сделать более сложные и менее оптимистичные выводы: массовизация образования, подпитываемая значительным притоком как зрелых, так и молодых студентов, придает высшему образованию черты более сложной и нестабильной системы, чем, например, всего лишь десять лет назад. Углубляются также социальные различия между поступающими в вузы, что усугубляет неравенство в доступе к образованию [24].

Российский исследователь Е. А. Максимова отмечает связь процессов элитаризации и эгалитаризации в высшем профессиональном образовании в России с процессами централизации и регионализации образования, а также его гуманитаризации и профилизации. Исследователь подчеркивает особенности пролетаризации высшей школы как радикальной эгалитаризации, что характеризует только высшую профессиональную школу России в отличие от других европейских стран. Автор предлагает обеспечивать элитарность образования его качеством, а не директивной элитаризацией посредством наделения вузов различными статусами. По мнению автора, регионализация образования и его профилизация отражают его эгалитаризацию, а централизация и гуманитаризация связаны с его элитаризацией [14].

Г. А. Норкин анализирует последствия, которые возникают при несправедливости в обществе, в том числе в сфере образования, и подчеркивает, что «бесплатность высшего образования не является синонимом его доступности» [17]. Кроме того, сохраняются проблемы территориального неравенства в системе образования, как меж-, так и внутристрановые. Так, например, были исследованы потребительские расходы в домашних хозяйствах на образование в штате Одиша, одном из самых бедных индийских штатов по сравнению с двумя передовыми штатами в области развития человеческого потенциала и доступа к техническому образованию – Керала и Тамилнаду, соответственно. Исследование показало, что общий доступ к высшему образованию в Одише является привилегией населения, относящегося к группе с более высоким и средним уровнем дохода, что также характерно для технического/профессионального образования. Низкая представленность зарезервированных категорий в городских районах лишает их возможности пользоваться возможностями резервации, предоставляемыми правительством, по причине их невежества. Большая часть льгот зарезервированных категорий населения распределяется между обеспеченными слоями. Чрезмерно амбициозные городские учащиеся опережают своих сверстников в штатах Керала и Тамилна-

ду в сфере начального и среднего образования и сельских учащихся по уровню спроса и доступа к техническому/профессиональному образованию [33].

Ученые рассматривают также и новые явления, связанные с тематикой социальной справедливости, в образовании развитых стран. Так, немецкие социологи исследуют вопросы сохранения социальной справедливости при доступе к высшему образованию представителей различных социальных слоев населения; территориальное распределение студентов в зависимости от рейтинга вузов; международный опыт организации школьного обучения и его влияние на качество выпускников; снижение качества знаний у выпускников гимназий. Отмечается «проблема чрезмерного увеличения количества абитуриентов, изменение их целей и мотивов, а также стандартной последовательности действий, ведущей к получению высшего образования: начальная школа – гимназия – вуз. Обращается внимание на тот факт, что все больше абитуриентов в Германии поступают в высшие учебные заведения не по баллам, полученным на экзаменах на аттестат зрелости, а благодаря трудовому стажу, когда оценки, выставленные мастером или хозяином предприятия, заменяют при поступлении в вуз оценки, полученные на обычном экзамене. Комбинация высшего образования и профессиональной подготовки все больше становится нормой. При этом постоянно увеличивается доля студентов, прерывающих обучение в вузе из-за низкого уровня знаний и недостаточных способностей, а также из-за неуверенности в правильном выборе направления подготовки. Как правило, это студенты, начавшие обучение в вузе сразу после окончания гимназии. Выделяются недостатки государственной политики “диплом о высшем образовании для всех”, в частности, снижение уровня требований к выпускникам гимназий, инфляция школьных оценок, обесценивание аттестата зрелости» [26].

Даже в «просвещенной» Великобритании прослеживается противоречивость правительственного курса реформ в области образования, проводимого в последние 25 лет, что отражает напряженность между социально-культурной и экономической функциями образования, «противостояние технократического и социально-гуманистического подходов к решению проблемы адаптации высшей школы к новой технологической и социальной реальности XXI в. со стороны лейбористов и консерваторов. Конфликт интерпретаций принципов социальной справедливости, свободы выбора, ответственности и эффективности основными политическими акторами проецируется на их выбор стратегии формирования отношений “нового” партнерства между агентами системы высшего образования – университетами, студентами, бизнесом, государством» [7].

Вместе с тем на страницах научных изданий можно найти предложения конкретных мероприятий по реализации социальной справедливости и равенства в высшем образовании. Так, например, австралийскими учеными для Австралийского бюро по обучению и преподаванию (OLT) был разработан проект «Передовая практика обеспечения участия студентов в процессе обучения

в высших учебных заведениях». Его целью является разработка комплекса принципов, руководств и ресурсов, основанных на социальной справедливости, для защиты программ и практики, предназначенных для мониторинга вовлеченности учащихся в процесс обучения. В свете целей правительства по расширению участия и социальной интеграции в системе высшего образования многие учебные заведения, включая восемь университетов, принявших участие в этом проекте, приступили к осуществлению программ, направленных на выявление студентов, которые могут оказаться в группе риска, связанной с их отрывом от учебы. Со студентами, отобранными в рамках этих программ, своевременно связываются и предлагают советы и поддержку (раннее вмешательство), чтобы помочь им вернуться к учебе и продолжить ее. В данном проекте эти меры в совокупности именуются программами мониторинга вовлеченности учащихся в процесс обучения. Этот проект направлен на то, чтобы инициативы разрабатывались и осуществлялись надлежащим образом и с соблюдением этических норм и, в частности, чтобы они соответствовали философским основам и традициям социальной справедливости. Таким образом, будут сохранены результаты для студентов, которые определены в рамках мероприятий программы. Такое согласование необходимо для обеспечения того, чтобы подобные проекты способствовали преодолению препятствий для успешного участия, существующих в силу неравного доступа к социальным, финансовым, политическим и культурным ресурсам. Таким образом, мероприятия, соответствующие представлениям о социальной справедливости, будут также обеспечивать защиту мероприятий, направленных на расширение участия и вовлеченности учащихся [32].

Отмечаются и значительные шаги в реализации принципа социальной справедливости в образовательных системах развивающихся стран. Так, например, акцентируется существенный вклад системы высшего образования в ЮАР после отмены апартеида в 1994 г. в экономическое и социальное развитие и демократию, что способствовало устойчивому экономическому росту, социальному равенству и справедливости [16].

В Китайской Народной Республике система образования позиционируется как «регулируемая государством стратегическая отрасль производства, механизм стабилизации общества, важный канал достижения общественной справедливости, воспроизводства социокультурных и научно-технических инноваций, создания социалистического гармоничного общества» [6, с. 187]. Успехи в системе образования КНР были достигнуты в связи с реализацией стратегии опоры на науку и образование как факторов подъема и процветания государства. Так, до 4 % снизилась доля безграмотных в возрасте 15–45 лет. По абсолютным показателям система высшего образования в Китае вышла на первое место в мире. За период 1995–2015 гг. прием в вузы молодых людей соответствующего возраста увеличился с 7 до 21 %, что дает возможность сделать вывод о переходе от элитного высшего образования к массовому и создании базы высококвалифицированных кадров для перехода Китая в обще-

ство «малого благосостояния» (сяокан). Отдельным направлением является организация непрерывного образования для взрослых, которая реализуется посредством курсов переобучения без отрыва от производства, обучения техническим специальностям в сельском хозяйстве. Бурно развивается система образования для национальных меньшинств, для иностранцев в Китае и китайцев за рубежом. Среди вызовов развитию высшей школы в Китае – «дефицит ресурсов, несовершенство экзаменационной системы, системы набора, недостаток ассигнований, дисбаланс между социальной потребностью и предложением» [6, с. 187].

В современной России проблемы социальной справедливости в системе высшего образования во многом обусловлены становлением рыночных отношений, до сих пор характеризующимися нецивилизованными способами и практиками. Подобные условия радикального, нецивилизованного перехода к рынку актуализируют потребность социума в социальной справедливости, «проявляют и обостряют противоречие между ценностями индивидуализма, прагматизма, насилия, потребительского отношения к людям и традиционными ценностями: приоритета общего интереса над частными» [11, с. 152].

О. Н. Кузнецова высказывается пессимистично по поводу разрешения проблемы социальной справедливости в системе рыночных отношений, называя одним из провалов рынка его неспособность обеспечить социальную справедливость в обществе, решить проблему социального неравенства. И, соответственно, по логике исследователя, провалом высшего образования может стать влияние на его функционирование социального неравенства в «условиях рынка, что предполагает возмездный характер отношений между производителем услуг и их потребителем» [13]. С. В. Коваленко высказывается более оптимистично, признавая созидательную активность рынка. По его мнению, «для снятия противоречий между традиционными ценностями и стимулами созидательной активности рынка необходима коррекция системы высшего образования как основы формирования национальной интеллигенции, способной обеспечить развитие государственности России» [11].

На наш взгляд, качество образования существенно снижается при превращении его в образовательную услугу. Трансформация образовательного процесса в товар, регулируемый товарно-денежными отношениями, нивелирует такие традиционные ценности университетского образования, как академичность, статусность и авторитет преподавателя, профессора, доцента, предоставляющего услугу клиенту – студенту. Тем самым разрушается одна из основ социальности – иерархичность.

Одновременно при рыночных отношениях возникает социальный запрос на исследование справедливости цены на предоставляемую услугу, измерения эффектов восприятия категории «ценовая справедливость», основных аспектов «ценообразования на рынке услуг высшей школы, которые необходимо учитывать при улучшении системного качества образовательной услуги: профиль подготовки кадров, отношения между специализированны-

ми областями образования, цены и тарифы на образовательные услуги» [27, с. 39]. Ряд ученых интересуют проблемы справедливости в контексте качества и справедливости экспертизы, выносящей решение об аккредитации и лицензии вузов [15].

Исследователи отмечают, что реализация принципа социальной справедливости остается важнейшим фактором трудовой мотивации как у студентов [3], так и профессорско-преподавательского состава [20]. Так, например, результаты эмпирического исследования в Иране Университета Исфахана (Isfahan University), Исфаханского университета медицинских наук (Isfahan University of Medical Sciences) и Исфаханского технологического университета (Isfahan University of Technology) показали, что рост воспринимаемой преподавателями организационной справедливости влечет за собой рост научной результативности преподавателей. А как известно, «результаты научной деятельности преподавателей вузов служат одним из важных критериев оценки продуктивности университетов. Игроки рынка высшего образования стремятся к улучшению этих показателей во исполнение поставленных перед ними целей и обязательств по отношению к различным частям общества» [28, с. 83].

Вместе с тем нарушение принципа социальной справедливости, вызванное неадекватной оплатой труда административных и рядовых работников, «оптимизацией» системы высшего образования, нацеленной на сокращение вузовской сети, увеличением нагрузки преподавателей, бюрократизацией деятельности, неэффективным внутривузовским управлением, приводят к снижению трудовой мотивации [12]. По результатам социологического исследования, среди уволенных в результате серии массовых увольнений среди преподавательского корпуса ведущих вузов Санкт-Петербурга в 2015 и 2017 гг. понятие «социальная справедливость» стало находиться «в обратной корреляции с понятиями “добросовестность”, “нравственность”, “благо” в государственной политике в области образования» [19].

Нарушение реализации принципа социальной справедливости приводит к возникновению все новых коррупциогенных факторов в системе высшего образования. Среди таких факторов не только получение взяток, а манипулирование учебной нагрузкой, нарушение принципов открытости и справедливости при ее распределении. В этих условиях коррупциогенным фактором становится даже расширительное толкование конфиденциальных персональных данных и отнесение к ним учебной нагрузки. Это девальвирует высшее образование, подрывая его качество [2]. Масштабы социальной несправедливости в сфере образования приводят к парадоксальному использованию как студентами, так и преподавателями категории «справедливость» для «легитимации», «оправдания» «коррупционных порядков». И это также приводит к девальвации ценности знаний в российском вузе, «а высшее образование становится ординарным квалификационным требованием» [8].

Еще раз подчеркнем социальную незащищенность современной молодежи, что приводит к более острому переживанию в этой социальной группе

проблем справедливости/несправедливости общественной среды [23]. Девальвация справедливости приводит у будущих выпускников, среди которых есть и будущие правоохранители, к тому, что доминирующими в этой категории студентов «являются ожидания гарантированного трудоустройства, социальных гарантий, стабильного и достаточно высокого для региона денежного содержания, профессиональной статусности, и в меньшей мере – службы для Отечества; борьбы с преступностью, за справедливость; получение качественного высшего юридического образования» [10]. В этой ситуации подчеркивается все более возрастающая ответственность вузов за подготовку кадров, способных осуществлять профессиональную деятельность, исходя из понятий «честность», «справедливость», «гуманизм» [9].

Таким образом, в исследовательских дискурсах отмечается ключевая роль высшего образования в реализации принципа социальной справедливости. Выявлены противоречивые тенденции в развитии системы высшего образования, содержания его подготовки, усиленные территориальными диспропорциями. Растет доля лиц с высшим образованием, но при этом уровень образования и статус вуза становятся существенным фактором социальной стратификации населения по материальному признаку, качеству и стилю жизни, что противоречит реализации принципа социальной справедливости.

Список использованных источников

1. *Алеева, Л. В.* Мировоззренческие ценности и перспективы холизма всех уровней образования России / Л. В. Алеева, Н. В. Брюханцева // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Улан-Удэ, 27–29 июня 2017 г. / отв. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – С. 168–171.

2. *Боброва, Н. А.* Борьба с коррупцией в вузах / Н. А. Боброва // Вестн. Междунар. ин-та рынка. – 2018. – № 1. – С. 89–93.

3. *Богданов, Ю. В.* Мотивация студента к обучению: теория и практика / Ю. В. Богданов // Terra economicus. – 2013. – Т. 11, № 4–3. – С. 253–257.

4. *Герасимова, И. А.* Утверждение социальной справедливости в молодежной среде: роль проектной деятельности в вузе / И. А. Герасимова, Ю. Б. Прибытков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 81–84.

5. *Губин, И. О.* Методологические аспекты социально-экономических измерений высшего образования и конкурентоспособности университетов / И. О. Губин, А. В. Ионов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 114–129.

6. *Дугарова, Д. Ц.* О политике и стратегии в области качества подготовки выпускников высшей школы Китая / Д. Ц. Дугарова, Ван Ци // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6.

7. *Золотарева, Е. В.* Реформирование высшего образования в Великобритании: нормативно-ценностный аспект / Е. В. Золотарева // Высшее образование в России. – 2017. – № 1. – С. 156–168.

8. *Карчагин, Е. В.* Справедливость и коррупция: феномен коррупции в сфере высшего образования / Е. В. Карчагин, А. В. Одинцов, М. В. Галенко // Социология города. – 2015. – № 4. – С. 83–94.

9. *Кежов, А. А.* Повышение эффективности педагогической работы руководителей факультетов (курсов) по работе с личным составом / А. А. Кежов, Е. М. Марченко // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2018. – № 3 (79). – С. 169–174.

10. *Клеймёнов, Е. А.* Институциональные ожидания курсантов и слушателей в образовательной организации / Е. А. Клеймёнов // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – № 3 (84). – С. 92–105.

11. *Коваленко, С. В.* Философско-антропологические функции современного университета в воспитании национальной интеллигенции / С. В. Коваленко // Социальные и психологические проблемы современного образования : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 29 нояб. 2018 г. – Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2018. – С. 152–157.

12. *Красинская, Л. Ф.* Трудовая мотивация преподавателей в условиях оптимизации системы высшего образования: результаты исследования / Л. Ф. Красинская // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – Т. 11, № 8. – С. 112–114.

13. *Кузнецова, О. Н.* Влияние социального неравенства на систему высшего профессионального образования / О. Н. Кузнецова // Социология. – 2014. – № 2. – С. 147–151.

14. *Максимова, Е. А.* Элитаризация и эгалитаризация высшего образования в России / Е. А. Максимова // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2015. – № 1 (39). – С. 77–83.

15. *Малёва, У. И.* Аккредитация вузов в РФ: проблемы и перспективы развития / У. И. Малёва // Аллея науки. – 2018. – Т. 1, № 10 (26). – С. 893–897.

16. *Михальченкова, Н. А.* Реформы высшего образования в ЮАР в контексте перехода страны от режима апартеида к демократическому развитию / Н. А. Михальченкова // Власть. – 2017. – Т. 25, № 6. – С. 137–146.

17. *Норкин, Г. А.* Принцип справедливости в правовом регулировании системы высшего образования / Г. А. Норкин // Актуальные проблемы юридической науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Гатчинские чтения 2018», Гатчина, 25 мая 2018 г. / Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий ; науч. ред.: Т. О. Бозиев [и др.]. – Гатчина, 2018. – Т. 1. – С. 71–73.

18. *Овсянников, А. А.* Система образования в России и образование России / А. А. Овсянников // Мир России. Социология. Этнология. – 1999. – № 3. – С. 73–132.

19. *Окладникова, Е. А.* Социальная справедливость в нарративах и жизненных практиках преподавателей вузов Санкт-Петербурга, попавших под оптимизацию / Е. А. Окладникова // Социальная справедливость – основа общественного здоровья : материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 марта 2018 г. ; под общ. ред. В. Н. Аргуновой, А. Н. Нурутдиновой. – СПб. : Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 161–167.

20. *Окнянская, А. А.* Теоретические основы оптимизации системы стимулирования трудовой мотивации преподавателей вуза в условиях переходной экономики / А. А. Окнянская, Н. Г. Свинина // Социальная политика и социология. – 2009. – № 7 (49). – С. 442–451.

21. *Ольшанникова, Н. А.* Формирование современных ценностных ориентиров в образовании / Н. А. Ольшанникова // Вестн. Сибирского гос. ун-та путей сообщения. Гуманитар. исслед. – 2018. – № 2 (4). – С. 54–59.

22. *Пашков, В. А* Роль и функции высшего образования в общественном развитии сквозь призму современной доктрины социал-демократии / В. А. Пашков // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. – 2015. – № 13 (210). – С. 185–192.

23. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / А. Ю. Арясова [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Арясова. – Астрахань : АИСИ, 2011. – 160 с.

24. *Рей, Д.* «Все знать» и «никогда не быть уверенным»: хабитус семьи и учреждения и выбор относительно высшего образования / Д. Рей // Вопр. образования. – 2008. – № 2. – С. 122–135.

25. *Слесарев, А. А.* Капитализация высшего образования и проблема социальной справедливости / А. А. Слесарев // «Третья миссия» университета в современной России : новации и интеллектуальные традиции : сб. науч. тр. V Сибирского филос. семинара. – Кемерово : Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2016. – С. 184–188.

26. *Соколов, В. М.* Аттестат зрелости в Германии – «чек без покрытия»? / В. М. Соколов, Д. А. Шпилев, М. В. Рябоконь // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Соц.-экон. науки. – 2018. – № 4. – С. 62–73.

27. *Цацулин, А. Н.* Восприятие ценовой справедливости потребителями образовательной услуги / А. Н. Цацулин, А. В. Ксенофонтов // Вестн. Нац. акад. туризма. – 2015. – № 3 (35). – С. 39–44.

28. *Эгбаль Ф.* Управление потенциалом преподавателей как инструмент повышения их научной продуктивности: роль организационной справедливости / Ф. Эгбаль [и др.] // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 83–91.

29. *Andrewartha, L.* Employability and student equity in higher education: The role of university careers services [Electronic resource] / L. Andrewarth, A. Harvey // Australian Journal of Career Development. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1038416217718365?journalCode=acda. – Date of access: 28.08.2019.

30. *Marginson, S.* Equity, status and freedom: a note on higher education / S. Marginson // Cambridge J. of Education. – 2011. – Vol. 41, is. 1 : Globalisation and Student Equity in Higher Education. – P. 23–36.

31. *Morley, L*. Change and Equity in Higher Education / L. Morley // British J. of Sociology of Education. – 1997. – Vol. 18, No. 2. – P. 231–242.

32. *Nelson, K.* Social justice and equity issues in the higher education context [Electronic resource] / K. Nelson, T. Creagh. – Mode of access : https://pdfs.semanticscholar.org/9cfd/a744f8d7c116524996617e1de7474d9f4b52.pdf. – Date of access : 27.08.2019.

33. *Panigrahi, J.* Policy Discourses in Higher Education: Impact on Access and Equity / J. Panigrahi // Higher Education for the Future. – Vol. 1, is. 1. – P. 63–78.

34. *Reheilo, I.* Value orientations of the bologna process (1988–2009) : regulatory aspect / I. Reheilo // Неперервна професійна освіта : теорія і практика. – 2018. – № 3–4. – С. 43–51.

35. *Singh, M.* The place of social justice in higher education and social change discourses / M. Singh // Compare: A J. of Comparative and International Education. – 2011. – Vol. 41, is. 4 : Education and social justice in challenging times. – P. 481–494.

Поступила 05.11.2019 г.

УДК 303.71(075.8)

Е. А. КЕЧИНА,

доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: eakech@tut.by

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

В статье представлен анализ методологии современного социолого-статистического мониторинга в контексте интеграции информационных ресурсов социологии и статистики. Показано, что важнейшим компонентом рассматриваемого вида исследования является оценка получаемых при мониторинге данных; рассмотрены вопросы взаимосвязи и взаимодействия собственно мониторинга и оценки; определена специфика формирования системы социолого-статистической информации.

Ключевые слова: мониторинг, оценка, социолого-статистический показатель, социолого-статистическая информация.

Y. A. KECHYNA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: eakech@tut.by

METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL MONITORING

The article presents an analysis of the methodology of modern sociological and statistical monitoring in the context of the integration of information resources of sociology and statistics. It is shown that the most important component of the considering type of study is the evaluation of the data obtained during monitoring; the issues of interconnection and interaction of monitoring and evaluation proper are considered; the specificity of the formation of a system of sociological and statistical information is determined.

Keywords: monitoring, evaluation, sociological and statistical indicator, sociological and statistical information.

Социальный мониторинг как тип социального исследования получает все большее распространение в различных сферах общественной жизни. Особенно эффективен мониторинг в тех областях, где данные, получаемые в ходе исследования, служат для оценки изучаемой ситуации и представляют собой информационную основу для принятия управленческих решений. Другими словами, мониторинг, наряду со сбором данных, обязательно должен включать и их анализ, а именно оценку изучаемых процессов и явлений. Таким образом, практический смысл социального мониторинга состоит в том, чтобы давать руководство к действию, оказывать влияние на принятие управленче-

ских решений и применять полученные знания для решения актуальных социальных проблем.

Мониторинговое исследование характеризуется комплексным подходом к сбору и анализу данных об изучаемых явлениях, причем все чаще в процессе мониторинга социальных процессов одновременно осуществляется сбор социологических данных и данных статистики. Другими словами, мы можем определить тип социального мониторинга как исследования интеграционного характера в плане интеграции данных социологии и статистики. В процессе проведения мониторинга проявляются следующие важнейшие особенности: идет накопление большого массива эмпирических данных как социологического, так и статистического происхождения; в последние годы наблюдается выраженная потребность в объединении и совместном анализе данных мониторинга, получаемых из различных информационных систем; мониторинг предполагает широкий спектр показателей динамики социальных процессов; данные мониторинга обладают высоким уровнем сравнимости во времени и пространстве.

Надо отметить, что в последние годы все чаще появляются публикации, в которых речь идет о мониторинговом исследовании различных проблем (экологических, экономических, политических, педагогических, медицинских и др.). Мониторинговое исследование социальных систем в комплексе получило широкое распространение лишь в последнее десятилетие. Несмотря на увеличивающееся число исследований, социальный мониторинг как понятие и вид научно-практической деятельности имеет разную трактовку в различных исследованиях. Причем эта трактовка его сущности, специфики, методов сбора и анализа информации очень сильно зависит от вида информации, то есть данных, которые составляют основу эмпирической базы конкретного мониторингового исследования. Там, где в основу положены результаты социологических исследований, мониторинг получает характеристику социологического. В тех исследованиях, где доминирующими (или основными) являются данные социально-экономической статистики, говорят о статистическом мониторинге. Там, где базой служат замеры экологических характеристик, мониторинг получает определение экологического; результаты педагогических тестов и обследований являются основой педагогического мониторинга и др.

Такой подход при разграничении типов мониторинговых исследований является вполне понятным. Однако, как уже отмечалось, ни одно исследование не может оставаться в рамках какого-либо одного типа информационного ресурса, не теряя при этом в своем качестве. Так, социологический в указанном смысле мониторинг будет не полным без учета и анализа соответствующих данных социально-экономической статистики; статистический мониторинг нуждается в данных социологических исследований для углубления качественной составляющей своих результатов и т. д. Другими словами, многомерность социальных объектов и многовариантность проявления социальных

явлений, масштабность и динамичность социальных процессов, сложный характер социальных взаимодействий ставят перед исследователем задачу синтеза информационных ресурсов различных наук и разработки методов их комплексного анализа. Особенно актуален вопрос совместного анализа данных социологических исследований и данных социально-экономической статистики, так как именно эти науки являются источниками широкого спектра данных, обладают огромными информационными ресурсами.

При этом определение объема, содержания и структуры массива данных, необходимых для эффективного научного анализа в мониторинговом исследовании, требует решения достаточно сложных методологических проблем и достижения баланса между качеством информации и ее полезностью. Очевидно, что интеграционный подход, основанный на сочетании социологических и статистических методов сбора данных, будет отвечать гораздо более разнообразным исследовательским и практическим запросам, чем более узкий подход, основывающийся на сборе информации одного вида. Поскольку неотъемлемой частью мониторинга является анализ получаемых в ходе его данных, то важнейшей методологической проблемой является разработка методов совместного анализа информации, получаемой из различных источников.

Различные исследователи дают разнообразные определения термина «мониторинг». Общим в них является то, что мониторинг рассматривается как систематически проводимый процесс сбора эмпирических данных по одной и той же программе. Однако, по нашему мнению, эффективным такого рода исследование будет тогда, когда имеется и четкая программа разработки (анализа) этих данных. Спецификой такой разработки является то, что необходимо аккумулировать данные различного информационного характера, различных размерностей и наименований. Причем результатом этого должны явиться индексы и обобщающие показатели, позволяющие действительно оценивать статику и динамику различных сторон наблюдаемых явлений в комплексе, а не только по отдельным их аспектам. В последнее время в практике международных и отечественных исследований термин «мониторинг» все чаще используется во взаимосвязи с термином «оценка». Иногда эти термины употребляются как синонимы, однако, на самом деле между ними имеются существенные различия. Укажем на различия мониторинга и оценки.

Мониторинг – это процесс регулярного сбора данных для отслеживания основных параметров изучаемых социальных процессов. Мониторинг фиксирует те социальные события, которые дают представление о течении социального процесса, являющегося совокупностью этих событий, наблюдаемой в течение некоторого периода, например, года в динамике. Основными принципами мониторинга социальных процессов выступают комплексность, системность и регулярность использования одних и тех же методов сбора и обработки информации. То есть, основные принципы проведения мониторинга – это единообразие программ сбора и обработки данных. Оценка, в отличие от мониторинга, осуществляется не регулярно, а периодически для по-

лучения интегральных характеристик социального явления на базе данных о социальном процессе. В отличие от характеристик социального процесса, наблюдаемых эмпирически, характеристики социального явления выделяются на основании специального анализа эмпирических характеристик. Оценка предлагает более глубокое по сравнению с мониторингом проникновение в сущность изучаемого объекта. Оценка может проводиться в процессе проведения мониторинга (например, раз в квартал, раз в полгода, раз в год), а может иметь и разовый характер.

Между мониторингом и оценкой существуют методические различия. Методика мониторинга – это методика сбора первичных данных, их группировки и обобщения; методика оценки – это методика анализа данных и получения интегральных показателей. Именно на основании результатов оценки получают информацию, позволяющую отслеживать и анализировать основные изменения в изучаемой области и на основании этого принимать управленческие решения. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мониторинг и оценка – это две неразрывные составляющие социального исследования. Рассмотрим более подробно специфику соотношения мониторинга и оценки в процессе функционирования статистической информационной системы. Начнем с первого этапа статистического исследования – статистического наблюдения, то есть с процесса сбора статистической информации, осуществляемого органами государственной статистики. Результатом этого процесса является получение первичных данных статистического наблюдения (микроданных). Статистическое наблюдение в любой отрасли статистики осуществляется регулярно, непрерывно или периодически, по единой программе с соблюдением единой методологии сбора данных, что обеспечивает высокий уровень их сравнимости во времени и в пространстве. Поэтому мы можем рассматривать статистическое наблюдение как классический пример мониторинга.

Однако статистическое исследование не ограничивается только стадией статистического наблюдения. На стадии сводки и обработки появляются макроданные – значения статистических показателей, обобщенные оценки единиц статистического наблюдения. Эту стадию мы можем рассматривать как оценку, результатом которой являются расчетные значения.

Приведем пример выделения мониторинга и оценки в статистическом исследовании на примере статистики населения. Текущий учет населения, то есть учет естественного движения населения (рождаемости, смертности, брачности, разводимости), представляет собой типичный образец мониторинга. Данные собираются непрерывно по единой программе. В процессе этого сбора производится сводка и группировка первичной информации по различным признакам. На основании данных текущего учета мы получаем информацию о демографических процессах. Однако, чтобы получить характеристику демографических явлений, надо осуществить оценку этих данных, то есть произвести расчеты статистических показателей и их анализ. Так, характери-

стики процесса рождаемости – численность родившихся, их структуру по различным признакам – мы получаем в процессе мониторинга. Характеристики же явления рождаемости – коэффициенты рождаемости, темпы снижения или увеличения рождаемости – мы получаем в процессе оценки на основании системы расчетных показателей. В данном примере речь идет об оценке, которая осуществляется в процессе проведения мониторинга, например, ежемесячно. Важно отметить также и то, что мониторинг и оценка в статистике населения имеют одни и те же цели – характеристику демографической ситуации и динамики ее параметров. Назовем такой тип взаимодействия мониторинга и оценки связанным, а оценку, соответственно, внутренней, в рамках целей и задач мониторинга.

Рассмотрим другую ситуацию, когда данные текущего учета рождаемости по стране анализируются с экономической точки зрения, например, с целью определения размеров возможных выплат и льгот из фондов потребления женщинам, имеющим детей. Такая оценка предполагает расчет специфических показателей и не связана прямо с целями демографического мониторинга – текущего учета. Она может проводиться в любое время. Назовем такую оценку внешней, а тип взаимодействия мониторинга и оценки – независимым. Внутренняя оценка имеет своей эмпирической базой первичные данные, получаемые при статистическом наблюдении; внешняя оценка может оперировать как первичными данными, так и вторичными данными, в том числе и результатами внутренней оценки. Мы провели рассуждения для статистического мониторинга.

Теперь рассмотрим социологическое исследование, имеющее повторяющийся мониторинговый характер. Социологический мониторинг представляет собой «форму организации социологических исследований, обеспечивающую постоянное получение социологической информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации» [1, с. 19]. Социологический мониторинг предполагает наличие совокупности показателей мониторинга. По этому поводу Г. Н. Соколова писала: «При организации исследований по типу социологического мониторинга обычно определяется небольшое число наиболее значимых показателей, отражающих состояний социальной среды; затем методом повторных исследований регулярно проводятся социологические замеры, что позволяет накапливать и анализировать информацию в динамике, используя сравнение с базовыми и нормативными показателями» [1, с. 19].

В силу различий в самой сути системы организации статистического исследования и исследования социологического, социологический мониторинг, в отличие от статистического мониторинга, имеет ограниченную длительность, то есть проводится до тех пор, пока изучаемая проблема актуальна; не имеет непрерывного (текущего) характера сбора данных, а проводится периодически. В связи с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: социологический мониторинг, представляющий собой совокупность регулярно

повторяющихся социологических исследований, всегда идет параллельно со статистическим мониторингом, поскольку система сбора статистической информации функционирует непрерывно.

Так же как и в статистическом исследовании, в социологическом исследовании сбор первичных социологических данных отнесем непосредственно к стадии собственно мониторинга, а построение социологических показателей в завершающей фазе исследования – к оценке. Если при построении показателей мониторинга социологические и статистические показатели сводятся воедино в интегральных показателях (например, индексах или иных построениях), то можно говорить о возникновении социолого-статистических показателей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интегральные социолого-статистические показатели конструируются на стадии анализа результатов каждого цикла социологического мониторинга. Это стадия оценки, причем по нашей классификации оценка является внешней, поскольку система статистической информации функционирует непрерывно в соответствии с программой государственного статистического наблюдения, а социологические исследования проводятся периодически по широкому кругу наиболее актуальных вопросов, привлекая соответственно ту или иную статистическую информацию.

В процессе осуществления оценки происходит взаимодействие социологической и статистической информации в его интенсивном виде, так как социологические и статистические показатели не просто объединяются механически, но и интегрируются в общей системе показателей мониторинга.

При этом специальной организации требует лишь социологический мониторинг, статистический же в указанном смысле мониторинг происходит непрерывно в виде регулярного сбора статистических данных и формирования системы обобщающих статистических показателей, которыми в соответствии с целями и задачами социологического мониторинга может воспользоваться социолог. Для этого нужно произвести отбор необходимых для целей исследования статистических показателей и сформировать из них социологическую систему показателей, при построении которой учитываются концептуальные аспекты взаимодействия социологии и статистики. Такой подход дает возможность проводить специальные, фундаментальные исследования, имеющие интегральный, социолого-статистический характер.

Сочетание данных статистического и социологического мониторинга, а также данных специальных статистических обследований, в частности, бюджетной статистики, дает возможность проводить специальные, фундаментальные исследования, имеющие интегральный, социолого-статистический характер, например, социологическую экспертизу реализации концептуальной модели государственной социальной политики в Республике Беларусь (Г. Н. Соколова). Г. Н. Соколова так определяла социологическую экспертизу: «Социологическая экспертиза – это специальное исследование, имеющее целью выяснение степени и длительности отклонения основных тенденций, экономического,

социального и политического развития групп, слоев, общества в целом от абсолютных требований основных социально-экономических законов. В связи с этим социологическая экспертиза как одна из форм аналитической практики выполняет функцию критерия истинности научного познания» [1, с. 18]. В области прикладных исследований социологическая экспертиза носит качественно-количественный характер. Основной целью социологической экспертизы является выявление степени и длительности отклонения определенных социально-экономических показателей и тенденций реального развития объекта исследования от нормативных показателей этого развития, заложенных в концептуальную модель объекта [1, с. 18]. Все статистические и социологические индикаторы в процессе проведения социологической экспертизы анализируются в динамике и во взаимосвязи. Отметим, что важнейшим элементом социологической экспертизы как мониторингового исследования является ярко выраженная оценка, проводимая в ходе указанного исследования. Итак, социолого-статистический показатель при проведении социологического мониторинга является результатом внешней оценки.

На основании вышеизложенного дадим определение социолого-статистического показателя. Социолого-статистический показатель – это показатель, объединяющий эмпирические социологические индикаторы и статистические показатели в единый интегральный показатель. Количество таких показателей и методы их построения определяются в соответствии с целями и задачами конкретного исследования. В нашем случае это показатель, получаемый сведением совокупности статистических параметров к единой характеристике латентного социологического признака. Социолого-статистические показатели могут использоваться при характеристике социальных явлений на макроуровне (для групп населения, в целом по административно-территориальной единице) и на микроуровне (отдельная организация, предприятие, коллектив). При использовании их на макроуровне исследователь собирает сводные статистические показатели, на микроуровне – оперативную статистическую информацию изучаемого объекта.

Область применения социолого-статистических показателей чрезвычайно широка. С одной стороны, использование социологических и статистических данных совместно позволит расширить информационную базу в различных сферах жизнедеятельности общества. С другой стороны, эта база будет обладать как высокой степенью объективности и точности за счет статистических данных, так и качественной глубиной за счет социологических индикаторов. Важнейшим свойством социолого-статистических показателей является также их сравнимость во времени и в пространстве, что значительно повышает возможности социального исследования в части изучения динамики социальных процессов и явлений.

Итак, мы рассмотрели внутреннюю структуру социальных мониторинговых исследований, выделив в ней собственно мониторинг и оценку. Такое разделение позволяет, в свою очередь, определить место интегральных социо-

лого-статистических показателей в структуре итоговых показателей мониторинга, способствует созданию системы социолого-статистической информации. Другими словами, мы можем констатировать тот факт, что развитие исследовательской формы взаимодействия социологии и статистики на современном этапе, а именно социолого-статистический мониторинг, влечет за собой формирование нового вида совокупности эмпирических данных – системы социолого-статистической информации.

Процесс формирования системы социолого-статистической информации еще только начинается и требует серьезной научной разработки принципов и методов сбора, обобщения и анализа таких данных. Образование такой системы – это важнейший этап обработки и анализа информации в системе социального управления. Какими бы совершенными не были системы накопления и структурирования социальной информации (базы данных, различные их массивы, библиотеки, сети и т. д.), какие бы большие объемы информации они не аккумулировали, эффективность использования этой информации зависит от того, как она будет сгруппирована, обобщена и сведена в отдельные показатели. Важнейшим свойством таких показателей должна быть их значимость, то есть отражение важнейших свойств объекта исследования.

Очевидно, что полное представление об этом объекте получают, рассматривая его с различных ракурсов, сторон. Использование статистических данных вместе с социологическими в процессе мониторинга и оценки и дает нам возможность получить и объективные, и субъективные характеристики социальных явлений и процессов, представленные, в том числе, и в виде интегральных социолого-статистических показателей.

Определим социолого-статистический мониторинг следующим образом. Социолого-статистический мониторинг – это исследование, представляющее собой совокупность социологических и статистических исследований, проводимых по единой программе, результатом которых является формирование системы показателей социолого-статистического мониторинга. Система показателей социолого-статистического мониторинга – это система социологических и статистических индикаторов, а также их комбинаций (социолого-статистических показателей), построенная в соответствии с целями и задачами мониторинга, отражающая наиболее существенные, с точки зрения исследователя, характеристики объекта исследования. При определении социолого-статистического мониторинга особо следует отметить следующую его особенность. В процессе изучения эволюции взаимодействия социологии и статистики в части его исследовательской и информационной форм мы отмечали, что и в социологических исследованиях используются статистические данные, и статистические исследования могут дополняться социологическими индикаторами, однако к социолого-статистическому мониторингу такого рода исследования мы не относим. Это связано с тем, что в социологическом исследовании привлекаемые данные статистики, как правило, не являются основными, а лишь определенным образом дополняют социологические

индикаторы. Точно так же в статистическом исследовании социологические данные не играют определяющей роли и лишь в каких-то аспектах углубляют статистические характеристики. Таким образом, и данные статистики, и данные социологических исследований не «в своей области» носят несколько второстепенный характер, то есть в целом не равноправны.

В социолого-статистическом мониторинге ситуация совсем иная. И социологические индикаторы, и статистические данные равноправны, носят характер основной информации и не имеют вспомогательного или дополнительного характера по отношению к другим составляющим эмпирической базы мониторинга. Другими словами, социологическая и статистическая информация в социолого-статистическом мониторинге является существенной и обязательной для реализации задач мониторинга. При этом количественные соотношения таких данных в их совокупности не имеют значения: в одних случаях может потребоваться большее количество социологических индикаторов, в других – большее количество статистических показателей. Количество как социологических, так и статистических параметров мониторинга определяется только целями и задачами исследования и спецификой объекта исследования социолого-статистического мониторинга. Какие именно параметры будут собираться в ходе мониторинга, будут преобладать среди них социологические или статистические, или их количество будет одинаковым, определяется в ходе программирования социолого-статистического мониторинга [2].

Подводя итог, следует отметить, что функционирование систем социолого-статистического мониторинга, во-первых, формирует систему показателей мониторинга, включающую социологические и статистические показатели, а также их интегральные формы, что позволяет дать характеристику объективных и субъективных сторон изучаемых социальных явлений; провести триангуляцию результатов, что повышает достоверность информации, получаемой в ходе мониторинга. Во-вторых, решает проблему автономности социологических и статических данных, что позволяет сформировать полноценную и многогранную по отображаемым признакам объекта исследования эмпирическую базу социального исследования, которым является мониторинг и оценка. В-третьих, формирует новые информационные ресурсы, объединяющие в соответствии с едиными целями и задачами мониторинга статистические базы данных и социологические банки данных; это расширяет возможности вторичного анализа данных и анализа различных сторон динамики изучаемых процессов. В-четвертых, база данных, получаемых в процессе социолого-статистического мониторинга и оценки, имеет четкую структуру, моделирующую структуру и специфические черты изучаемых объектов, и в целом представляет собой новый тип информации, который мы определили как социолого-статистическая информация. Информация этого типа сочетает в себе все положительные качества социологической и статистической информации, вместе с тем устраняя дублирование, проблемы сравнимости и методологической несогласованности показателей.

Таким образом, методологические основы социолого-статистического мониторинга закладываются в процессе развития социолого-статистических исследований, однако мониторинг обладает новыми качественными особенностями: сбор данных осуществляется на регулярной основе; регулярно проводится анализ данных мониторинга (оценка); в процессе мониторинга и оценки создается база данных мониторинга, представляющая собой систему социолого-статистической информации; в процессе анализа социологических и статистических данных конструируются интегральные социолого-статистические показатели, дающие возможность получения сводных, в смысле объединения объективных и субъективных сторон, характеристик объекта исследования мониторинга.

Список использованных источников

1. *Соколова, Г. Н.* Социологическая экспертиза как методологический инструмент анализа социальных последствий экономического реформирования / Г. Н. Соколова // Методология социологического исследования: проблемы и новые тенденции : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 28 нояб. 2003 г. / под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск, 2004. – С. 14–25.

2. *Кечина, Е. А.* Социология и статистика: методология взаимодействия и развития / Е. А. Кечина. – Минск : РИВШ, 2008. – 252 с.

Поступила 31.10.2019 г.

УДК 316.7

И. В. ЛАШУК,

кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, e-mail: lashuki@tut.by

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В основе данной статьи лежат теоретические положения, которые разрабатываются сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого признан Дж. Александер. В белорусской социологии в рамках указанной методологии известный ученый В. Л. Абушенко разработал типологический подход к исследованию культуры. Среди выделенных автором десяти перспектив концептуализации отмеченного феномена фокус внимания в данной работе сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании понятия «культура», что дало возможность осуществить социокультурный анализ современного белорусского общества.

Ключевые слова: культурсоциология, культура, методология, типологический подход, современное общество.

I. V. LASHUK,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
State Economic University, Minsk, e-mail: lashuki@tut.by

HEURISTIC OPPORTUNITIES OF A CULTURAL-SOCIOLOGICAL APPROACH IN MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE

This article is based on theoretical principles that are being developed today in the framework of the cultural and sociological direction. J. Alexander is recognized as the founder of this direction. The famous scientist V. L. Abushenko developed a typological approach to the study of culture within the framework of this methodology in Belarusian sociology. The author identified ten prospects for conceptualizing this phenomenon. The attention in this work is focused on the axiological and activity understanding of the concept of “culture”, which made it possible to carry out a sociocultural analysis of modern Belarusian society.

Keywords: cultural sociology, culture, methodology, typological approach, modern society.

Общества современного типа характеризуются, с одной стороны, глобализационными процессами, с другой – нарастанием сопротивления массовой унификации. Таким образом, суть эпохи, которая началась с XXI в., можно обозначить двумя символами: глобализация и идентичность.

Обозначенные процессы ведут к образованию сложных социокультурных систем, которые не ограничены географическими, социальными и иными гра-

ницами. Возникают другие конфигурации пространств, которые имеют способность как к расширению, так и к сокращению. В первом случае речь идет об образовании новых транснациональных социокультурных пространств, во втором – фрагментации и локализации пространств.

Указанные особенности значительно уменьшают социальную обусловленность общественных процессов. Социологами зафиксировано, с одной стороны, нарастание индивидуализации жизни, ослабление коллективности, с другой – «культуризация социальности». Социальные взаимодействия сегодня основываются в большей степени на культурных основаниях. Это проявляется как на уровне межличностного взаимодействия (человек сегодня выбирает коммуникационного партнера не по критерию пространственной близости, а по общности интересов, что и есть культурным основанием), так и на уровне социальных групп и систем.

Современное общество характеризуется сегодня уменьшением удельного веса социальности, утратой глубокой социальной укорененности и формированием социокультурной реальности.

В этой связи актуальным для эвристических возможностей социально-гуманитарного знания является развитие теоретических положений, которые разрабатываются сегодня в рамках культурсоциологического направления, основателем которого признан Дж. Александер [1, с. 27]. На фоне целого ряда подходов, конструирующих феномен «культура», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического дискурса. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую основу социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической дисциплины «социология культуры».

Основные методологические характеристики «сильной» программы культурсоциологии:

1. Культурная автономия. В рамках традиционного подхода «социологии культуры» культура выступает в качестве зависимой переменной, тогда как в «культурсоциологии» – это независимая переменная, которая обладает относительной автономией в формировании действий и институтов и вносит в него не меньший вклад, чем более материальные и инструментальные силы. Говоря о «социологии культуры», мы подразумеваем, что культура – это нечто, что должно быть объяснено посредством чего-то другого. Культурсоциология предлагает строгое аналитическое разделение культуры и социальной структуры.

2. Приверженность к герменевтическому реконструированию социальных текстов, которое должно быть как можно более полным и убедитель-

ным. Для этого используется концепция анализа культуры К. Гирца, которая рассматривается как наиболее значительное современное приложение идей Дильтея.

Концепция культуры К. Гирца является по существу семиотической. Разделяя точку зрения М. Вебера, согласно которой человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, он принимает культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой выявлением законов, а интерпретативной, занятой поисками значений.

Культура, согласно К. Гирцу, есть знаковая система, но знаки эти и производит, и читает сам человек. Они не существуют вне его деятельности. Анализ знаков – в любом случае анализ человеческого действия и человеческого восприятия, но, во-первых, это не экспериментальный, а понимающий, интерпретирующий анализ; а во-вторых, это анализ не односторонний (то есть подобный экзегезе или процессу расшифровывания немого текста), но анализ диалогического характера, где в раскрытии истины участвуют как субъект, так и объект познания. Знание о культурах всегда является результатом определенного межкультурного консенсуса. Это первая и важнейшая особенность культурного анализа.

Вторая особенность заключается в том, что, анализируя культуру на уровне полевого опыта, антрополог участвует в социальном разговоре, записывая «сказанное» в нем в текст своих этнографических дневников. В связи с этим прямая задача антрополога как интерпретатора – спасти «сказанное» в разговоре, постараться не допустить потери первоначального значения и закрепить его в четких, вдумчивых понятиях.

Третья задача культурного анализа К. Гирца – не отдаляться от фактов и избегать построения чисто интуитивных теоретических концепций культуры. Несмотря на то что исследователь никогда не подходит к работе полностью свободным от убеждений, то есть без первоначально принятой теории и первоначально усвоенных мнений об изучаемом объекте, тем не менее его обязанность – прислушиваться к многообразию фактов, а не сводить все наблюдаемое к какой-либо интересной теоретической установке.

Следует отметить, что К. Гирц не отождествлял реальную культуру с текстом. Текст в его построениях был лишь методологической абстракцией, инструментом, взятым на вооружение, чтобы облегчить анализ сложного значащего мира культуры – той «образной вселенной», внутри которой, по словам К. Гирца, поступки людей являются знаками. Антрополог не раз пояснял, что текст должен восприниматься не как некий символический нимб, статично зависший над социумом, а как динамичная информативная структура, активно функционирующая внутри социума.

Культурсоциология придерживается того понимания культуры, в основе которого лежат знаки и символы, находящиеся в структурной взаимосвязи друг с другом. Тогда культура становится такой же объективной, как и любой другой более материальный социальный факт.

3. Сильная программа культурсоциологии пытается укоренить причинность в непосредственных действующих, детально устанавливая, как культура влияет на то, что реально происходит. Представители данного направления полагают, что только разрешив вопрос в деталях, – кто что говорит, почему и с какими последствиями, культурный анализ может соответствовать критериям социальной науки [1].

В целом культурсоциология выдвигает предположение, что структурализм и герменевтика могут работать в паре. Структурализм содействует построению общей теории, предсказаниям и утверждениям автономии культуры. Герменевтика позволяет ухватить фактуру и характер социальной жизни. Если дополнить это вниманием к институтам и действующим как каузальным посредникам, то это будут основания для сильной культурсоциологии.

Белорусский социолог В. Л. Абушенко отмечает, что в современном знании культурсоциология обозначает «определенный тип постнеклассического “социологизирования”, “метотеоретический социологический подход” в анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки ее институционализации как социологической школы (тем же Ф. Х. Тенбруком) и/или особой социологической теории». Внутри рамки культурсоциологии возможны различные версии оформления в зависимости от методологических и концептуальных оснований. Так, культуры в культурсоциологии можно рассматривать в предметной, ценностной, символической, текстовой, деятельностной, технологической, игровой, коммуникационной, субъектной и организационной перспективах. При этом ни одна из обозначенных концептуализаций не может претендовать на универсальное видение культуры, но каждая является универсальной в смысле анализа среза культуры [2, с. 344].

Итак, главное отличие культурсоциологии от традиционной социологии культуры заключается в том, что культура уже не рассматривается как предмет специальной социологической теории (как это делается в социологии культуры), речь идет об изучении культуры на надтеоретическом уровне. Тем самым культурсоциология претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, социум понимается как «производный» от культуры.

Следуя культурсоциологической методологии, В. Л. Абушенко в рамках разработанного типологического подхода выделяет несколько основных концептуализаций феномена «культура» в современном социогуманитарном знании:

1. *Предметный подход.* В рамках этого подхода культурное понимается как «возделанное», *искусственно созданное* и в этом качестве противостоящее природному, естественному. Культура есть неотъемлемая характеристика всего того, что создано человеком. Любые продукты человеческой активности могут быть охарактеризованы с точки зрения меры опредмеченных (объективированных) сущностных сил человека, то есть культуры.

2. *Деятельностный подход.* Культура определяется как *интегративная качественная характеристика любых форм и результатов (продуктов) человеческой активности*, задающая ее границы, определяющая ее возможности и придающая ей смысл и значимость в глазах социализированных в ней субъектов.

3. *Ценностный (аксиологический) подход.* Культура конституируется определенной структурированной системой ценностей, признаваемых тем или иным социумом.

4. *Технологический подход.* Культура технологична по своей природе, ибо она есть *особая совокупность средств и механизмов для решения проблем, с которыми сталкиваются ее носители*.

5. *Символический подход.* Культура суть *организованность определенных символических форм самоактуализации социума*. В основе культурного взаимодействия – понимание символов (чувственных воплощений идеальных сверхчувственных содержаний) и умение с ними работать.

6. *Игровой подход.* Культура – это оперирование определенными содержаниями в социально организованном и отведенном от непосредственной деятельности коммуникативно-игровом пространстве. Культура – это *самоценная игра, организующая уже имеющиеся содержания, порождающая новые смыслы и возможные схемы коммуницирования и действия*.

7. *Текстовый подход.* Культура формируется и развивается в особом знаковом пространстве, отдельном от собственного социального пространства.

8. *Коммуникативный подход.* В отличие от «текстового» подхода смещает акцент рассмотрения в плоскость взаимосвязи знаковой и социальной реальности через системы коммуникаций.

9. *Субъектный подход.* То или иное *понимание сути и функций субъектов в культуре* просматривается в любом из выделенных подходов. В данном же случае имеются в виду теории, специально фиксирующие свое внимание на носителях культуры.

10. *Организационно-диалоговый подход.* Культура является сложным, многоуровневым и *иерархически структурированным, полифункциональным, самоорганизующимся образованием*, в котором постоянно организуется диалог (точнее, полилог) различных традиций и содержаний не только в пространстве ее существования, но и в ее исторической ретроспективе [3, с. 133].

Среди выделенных автором 10 перспектив концептуализации феномена «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «современная культура». Суть нашей концептуализации заключается в следующем: *в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения.* Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры.

В этой связи появляется концепт «социокультурное».

Понятие *«социокультурное»* в социологии было введено П. Сорокиным. Структура социокультурного взаимодействия имеет, по его мнению, три аспекта, не отделимых друг от друга:

1) личность как субъект взаимодействия;

2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;

3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [4, с. 214].

Различия между «социальным» и «культурным» П. Сорокин видит в том, что «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» – на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре).

Таким образом, современное общество можно изучать методом социокультурного анализа. Социологический дискурс сосредоточен тогда на проявлениях «культурного» в «социальном», а именно – «социокультурных моделях поведения».

Социокультурный анализ современного общества возможно осуществить через поведенческие модели социальных групп в разных полях (по П. Бурдьё). Именно эти модели поведения и являются показателями того, в каких формах происходит воспроизводство ценностей, идеалов и норм конкретного общества в реальной повседневной деятельности, с одной стороны, с другой – какие возможные перспективы «закрепления» этих практик в культурном знаковом пространстве (обратный процесс) возможны в будущем и как это отразится на следующих поколениях.

«Маркером» социокультурного поля являются жизненные стратегии социокультурного поведения, которые тесным образом связаны и определяют поведенческие модели в других полях, в том числе и в экономическом.

Итак, единицей анализа являются «жизненные стратегии социокультурного поведения», которые представляют собой устойчивые модели поведения социальных групп, имеющих совокупность ресурсов (капиталов) – образовательных, культурных и др., которые в той или иной степени реализуются в конкретных жизненных ситуациях.

В рамках представленных концептуальных оснований жизненные стратегии социокультурного поведения имеют в первую очередь ценностную природу. Тогда центральным понятием является ценность. Для изучения жизненных стратегий социокультурного поведения целесообразным представляется деление ценностей на базовые (предельные) и инструментальные ценности.

Так, базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Базовые ценности

можно определить как предельные мотиваторы социальной активности агента. Предельные, поскольку они представляют собой наивысший уровень регуляции поведения личности, и за ними уже ничего другого поставить нельзя; мотиваторы – поскольку эти ценности требуют реализации в социальных практиках и побуждают к этому; социальной активности – поскольку эта активность необходимо должна быть направлена на другого.

Инструментальные ценности понимаются как социально-значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

«Закрепление», формирование, воспроизводство ценностных иерархий происходит в повседневном взаимодействии людей или в повседневном мире. Оказывается, что ценностная позиция проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны, тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Инструментальные ценности, или ценности-средства, интерпретируются нами одновременно и как «включенные» в повседневную практику капиталы. То есть не каждый из имеющихся у человека ресурсов помогает ему в проблемных жизненных ситуациях. В этом случае он является капиталом «на бумаге» или формальным ресурсом. Реальным он станет только в том случае, когда «включится» и закрепится в повседневных моделях поведения.

Итак, жизненные стратегии социокультурного поведения определяются, во-первых, базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала) [5].

Эмпирические данные проведенных социологических исследований по операциональной схеме, разработанной в рамках культурсоциологического подхода, позволили получить следующие выводы:

1. Белорусское общество в значительной степени является традиционным, поскольку лидирующие позиции занимают такие ценности, как «здоровье», «семья», «дети», которые стабильно за последние годы занимают лидирующие позиции. Периферийное положение в иерархии занимают ценности, задающие самый широкий спектр социальной активности и представляющие не столько индивида или малую социальную группу, сколько общество в целом: «власть»; «общественное признание, известность, репутация»; «творчество».

2. Наиболее значимыми ценностями-средствами являются «семья» (1-е ранговое место), «жизненный опыт» (2-е ранговое место), «деньги» (3-е ранговое место) и «друзья» (4-е ранговое место). В набор тех инструментальных ценностей, которые практически не выполняют свою функцию (не помогают респондентам справляться с жизненными трудностями), входят такие ценности, как «участие в политической жизни» (17-е ранговое место), «государство» (16-е ранговое место) и «наличие собственности» (15-е ранговое место). Также отрицательное значение индексов имеют такие ценности, как «престиж профессии», «занимаемая должность», «обращение к закону», «вера в Бога», «хорошее образование» и др.

3. Выявлено: ядром ценностной инструментальной иерархии являются «семейный» и «социально-сетевой» ресурсы; следующие по степени включения в решение жизненных проблем – «профессионально-статусный» и «имиджевый» ресурсы. Периферийное положение занимает «правовой» ресурс. У женщин в большей степени выражен «семейный» вектор, у мужчин – несколько ярче представлен «имиджевый» ресурс [6].

Таким образом, теоретические и эмпирические конструирования в рамках культурсоциологического подхода позволили получить следующие результаты:

1. Обоснована возможность социологического изучения через поведенческие модели социальных групп в разных полях.

2. Разработана операциональная модель исследования культуры в конкретном социологическом исследовании, в рамках которой жизненные стратегии социокультурного поведения определяются базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (образовательный, сетевой, административный и др.), который в той или иной степени помогает ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

3. Выявлена специфика экономического поведения социокультурных групп белорусского общества. Получены выводы:

в целом белорусское население разделяет ценности современной рыночной экономики, что является необходимой предпосылкой социально-экономического развития Беларуси, ее экономической модернизации;

чем выше социокультурная активность респондентов, тем эффективнее и разнообразнее их трудовая мотивация, включающая не только материальные, но и профессиональные критерии труда; тем выше эффективность экономического поведения, определяемая по уровню удовлетворенности своей работой и ее компонентами; и тем большей инновационной восприимчивостью характеризуются практики потребления таких групп.

4. Доказано: чем выше социокультурная активность респондентов, тем выше и экономическая, проявляющаяся в стремлении повысить свой уровень жизни [7].

Разработанные теоретико-методологические основы социокультурного анализа современного общества позволили сделать вывод: чтобы экономика Беларуси продолжала активно развиваться, а уровень жизни ее граждан неуклонно возрастал, важно, чтобы индивиды и социальные группы были готовы адекватно реагировать на изменения, вводимые инновации и сами занимали довольно активную позицию в социокультурном пространстве. Наиболее восприимчивыми к изменениям чаще всего являются те индивиды, чья позиция может быть охарактеризована как активистская – они эффективно используют все имеющиеся в распоряжении возможности, чтобы повысить уровень своей жизни. Значительной опорой для поддержания избранного экономического вектора может быть и группа респондентов с адаптационной стратегией, которой придерживается большинство жителей республики в целом и ее регионов. Эти люди также достаточно активно переводят имеющиеся ресурсы в разряд реально работающих капиталов, которые позволяют им сохранить тот уровень жизни, к которому они привыкли.

Повышение уровня и качества жизни невозможно осуществить только за счет экономических и (или) политических управленческих мер. Первостепенное внимание руководящих органов должно быть направлено именно на те социокультурные показатели, которые обеспечивают индивидам то или иное положение в структуре общества. Именно целенаправленная работа по созданию наиболее благоприятных условий не только для накопления тех или иных потенциальных капиталов, но и для их перевода в разряд «реально действующих» будет способствовать более полному включению индивидов в экономические процессы, а также создавать базу для того, чтобы наиболее эффективно повышать качество и уровень жизни. Обозначенная закономерность является новой в современной социально-экономической теории и практике; применение данных разработок в управленческой практике на государственном и местном уровнях позволит повысить эффективность белорусской экономики.

Таким образом, применение методологии культурсоциологического подхода в современном гуманитарном знании способствует, с одной стороны, приращению научного знания, с другой – имеет серьезный практический эффект в управленческой деятельности.

Список использованных источников

1. *Александер, Дж.* Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / Дж. Александер // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 17–37.

2. *Абушенко, В. Л.* «Культур-социология»: возможность иного взгляда на социальную теорию / В. Л. Абушенко // Вопр. социальной теории. – 2008. – Т. 2, № 1 (2). – С. 329–344.

3. *Абушенко, В. Л.* Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В. Л. Абушенко // Социол. альм. – 2012. – № 3. – С. 124–140.

4. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

5. *Лашук, И. В.* Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества / И. В. Лашук // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2018. – Вып. 16. – С. 104–119.

6. *Лашук, И. В.* Социокультурный анализ современного белорусского общества / И. В. Лашук. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 267 с.

7. *Лашук, И. В.* Сфера культуры в социологическом измерении / И. В. Лашук, Е. В. Таранова // Социологическая наука и социальная практика – 2017. – № 3. – С. 7–31.

Поступила 30.10.2019 г.

УДК 316

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ,

кандидат социологических наук, доцент, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, e-mail: n.myslivets@gmail.com

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ: ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье анализируются воспоминания о прошлом, которые сохраняются и транслируются в семейной памяти трех поколений. В теоретической части рассматриваются существующие теоретические подходы к проблеме поколений. Эмпирическую основу статьи составили результаты исследования семейной памяти. Внимание обращается к нарративному конструированию поколенческого опыта.

Ключевые слова: память о прошлом, поколение, семейные воспоминания, социализация, молодежь, семейная историческая память.

N. L. MYSLIVETS,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, e-mail: n.myslivets@gmail.com

MEMORY OF THE PAST IN FAMILY MEMORIES: FROM THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL REFLECTION

The article analyzes the memories of the past, which are stored and transmitted in the family memory of three generations. In the theoretical part, the existing theoretical approaches to the problem of generations are considered. The empirical basis of the article was the results of a study of family memory. Attention is drawn to the narrative construction of generational experience.

Keywords: memory of the past, generation, family memories, socialization, youth, family historical memory.

Введение. Одной из фундаментальных форм социальных связей, когда-либо существовавших в обществе, являются отношения между поколениями. Ныне многими забытый, а ранее столь же многими активно цитируемый классик писал: «История есть не что иное, как последовательная смена поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [1, с. 44–45]. Таким образом, смена поколений предполагает не только трансляцию накопленного опыта и культуры, но и их обновление с целью обеспечения дальнейшего социального прогресса.

Понятие «поколение» является весьма широким по своему объему и вследствие этого активно используется в различных отраслях социально-гуманитарного знания: в истории, демографии, этнографии, возрастной психологии, педагогике, антропологии. Особое место среди указанных дисциплин принадлежит социологии: общесодержательная сторона проблемы изучения поколений как субъектов общественной жизни в полном объеме может решаться лишь данной наукой. Социальный смысл идеи единства всех поколений, преемственности культуры, особенностей поколенного положения (статуса и роли людей различного возраста и происхождения в данном обществе) остается прерогативой социологии.

Современный этап развития общества характеризуется стремительными темпами социального обновления и изменения всех сфер жизни. В складывающихся условиях изучение особенностей трансляции накопленного предыдущими поколениями опыта представляет собой один из ведущих дискурсов в исследовании процессов социального воспроизводства и социокультурной преемственности. Подобного рода знание позволяет прогнозировать влияние настоящего на будущие поколения, создавать новые теории общественного развития и определять его перспективы. Наконец, внимание к памяти о прошлом, к жизни и опыту предшествующих поколений выступает в качестве одной из важнейших доминант исторического сознания и культуры в целом.

Теоретико-методологические рамки исследования. В переводе с латыни термин «поколение» буквально означает «генерация, порождение». Интерес к проблеме поколений формируется еще в древние века. С момента своего появления данное понятие стало использоваться в терминологии родства, где указывало на определенное звено в цепи происхождения от общего предка, а также на отношения между родителями и детьми, предками и потомками. Исторически сложилось так, что в данном понятии тесно переплелись несколько смыслов, что объясняет его широкое использование представителями различных отраслей научного знания и позволяет сделать вывод о междисциплинарном характере рассматриваемой темы.

Изучение поколений и особенностей трансляции межпоколенческого опыта становится предметом теоретического анализа с начала XIX в. В рамках позитивистско-натуралистической ориентации смена поколений рассматривалась как один из механизмов эволюции общества. Стоявший у истоков позитивистской школы Огюст Конт выдвинул идею о естественной взаимосвязи межпоколенческой динамики и темпов социального прогресса. И хотя в работах французского мыслителя непосредственно и не раскрывается сущность термина «поколение», однако указывается, что количественно определенная продолжительность жизни влияет и на эволюцию социальных явлений: увеличение продолжительности жизни и медленное обновление ведут к нарастанию инертности и консерватизма, тогда как чрезмерное сокращение жизни и быстрая смена поколений нарушают существующую стабильность и порядок в обществе. Эту же линию продолжил и Джон Милль. Английский уче-

ный указывал на то, что все исторические перемены прямо или косвенно связаны со сменой поколений, а мера воздействия прошлых поколений на настоящие выступает в качестве одного из главных факторов социальной эволюции.

Эмиль Дюркгейм рассматривал проблему поколений сквозь призму общественного сознания – «коллективных представлений»: «В любом обществе существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т. п. … Некоторые из такого рода общих суждений, разделяемых гражданами… отличаются двумя признаками: они имеют практическую направленность и носят обязательный характер» [2, с. 191]. Таким образом, были заложены основы структурно-функционального подхода к изучению поколений, реализованные впоследствии в той или иной степени А. Рэдклифф-Брауном, Т. Парсонсом, Ш. Эйзенштадтом, Р. Мертоном и другими исследователями [3, с. 7–18]. Они рассматривали поколения с точки зрения системного подхода как функциональную систему позиций, социальных статусов и институциональных ролей индивидов.

С течением времени качественные подходы к пониманию поколения начинают преобладать над количественными. Это нашло свое отражение в новой научной традиции в объяснении природы и преемственности поколений, связанной с формированием символического интеракционизма. В рамках данного направления подчеркивается, прежде всего, фактор внутрипоколенческого единства и преемственности между поколениями.

Вильгельм Дильтей впервые попытался поставить качественные аспекты поколения выше его количественных параметров. Немецкий ученый рассматривал поколение не только как определенный интервал времени, примерно равный 30 годам, но, прежде всего, как духовную общность людей, на формирование жизненного мира которых оказывают воздействие одни и те же исторические события. Внутреннее духовное единство каждого поколения, общность их идей и деятельности подчеркивали также Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет [4; 5]. Они стремились связать жизненный путь личности с историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в данный период времени.

Американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в своей классической работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» представили разработанный ими метод анализа поколений. Такой подход опирался на диалектику взаимодействия индивидуального и социального, субъективного и объективного, осознание себя и других. Ученые утверждали, что познание социальных процессов и событий невозможно без информации о субъективной стороне их протекания, то есть без учета их восприятия и осмысления самими участниками событий.

Немецкого ученого Карла Мангейма считают основоположником социологического подхода к проблеме поколений. Он был одним из первых иссле-

дователей, осознавших, что поколение относится к социальной, а не к биологической сфере. Значительным шагом в направлении институциализации социологии поколений стала опубликованная им в 1928 г. статья «Проблема поколений». Ученый рассматривал смену поколений как универсальный процесс, в основе которого находятся биологические ритмы человеческой жизни. Следствием таких ритмов является постепенное исчезновение «старых» участников социокультурного процесса и появление новых. Переход от поколения к поколению позволяет транслировать накопленное культурное наследство, поскольку представители любого поколения могут участвовать только в определенном временном отрезке исторического пространства. Инструментами социализации и поколенческой интеграции выступают культура, искусство, образование, право и много другое. Таким образом реализуется механизм социального наследования [6].

В рамках культурологической традиции была предпринята попытка системного анализа социальных проблем отдельных поколений во взаимосвязи с реальными культурными процессами. Такая традиция способствовала укреплению в социологии качественной методологии исследования.

Назревшая к концу 60-х годов прошлого века потребность общества в более глубоком осмыслении поколенческих изменений подтолкнула западных социологов к необходимости фокусированного изучения обозначенных проблем в рамках новой отрасли – социологии поколений. Идею институциализации социологии поколений выдвинули американские социологи В. Бенгстон, М. Ферлонг и Р. Лауфер.

С точки зрения дальнейшей разработки методики и методологии исследования межпоколенческой динамики интересен опыт американских социологов Г. Шумана и Ж. Скотта, которые в 1985 г. опросили 1,5 тысячи респондентов от 18 лет и старше в отношении оценки событий национального и мирового масштаба, происшедших в течение 50 последних лет. Интервьюеры просили респондентов назвать одно либо два наиболее важных события прошлого. Ученых интересовало, существуют ли воспоминания, отличающие одно поколение от другого. Конечная же цель исследования состояла в выяснении того, существует ли коллективная память поколений и каким образом структурируются воспоминания по возрасту [7].

Были сопоставлены две группы фактов: влияние на оценку событий стратификационных характеристик (раса, пол, образование) и поколенческих (принадлежность к одному и тому же возрасту). В результате нашла подтверждение одна из сформулированных еще К. Мангеймом гипотез: самыми яркими событиями, на которые чаще всего указывают люди, являются те, которые происходили во время их юности.

Память о прошлом и межпоколенческие взаимодействия в современной белорусской семье.

Формирование каждого поколения происходит в специфических общественно-исторических условиях, которые определяют его уникальные ха-

рактеристики: определенное положение в обществе, особый характер взаимосвязи его представителей, общий социальный опыт, собственное историко-культурное пространство и уникальное временное измерение и ряд других факторов.

Общеизвестно: важнейшим агентом социализации, транслирующим накопленный предыдущими поколениями социальный опыт, является семья. От того, насколько эффективно она выполняет данную роль, зависят мировоззренческие установки социализируемых, их жизненные ориентиры.

Влияние семьи на процесс социализации личности подростка проявляется как на макро-, так и на микроуровне. В первом случае речь идет о выполнении семьей как социальным институтом двух взаимосвязанных общественно значимых функций: это функция социализации молодого поколения и функция поддержания культурного воспроизводства общества. В каждой семье закладываются свои ценностные установки, что в дальнейшем во многом определяет культуру молодого человека. Для значительного числа молодых людей рассказы родителей о родословной их семьи принимаются на веру и являются основным источником получения таких знаний. «Поддаваясь» влиянию со стороны школьного и вузовского образования, средств массовой информации, молодежной субкультуры, дети и подростки как бы «оглядываются» на поведение и ценностные установки родителей.

Семейная историческая память представляет собой сложный социокультурный феномен, формирующийся под воздействием целой системы факторов. Как и любой другой социальный процесс, семейная историческая память является динамической системой, она способна к трансформации и развитию.

Одна из задач исследования состояла в выявлении роли семейной исторической памяти в конструировании/реконструкции прошлого своей семьи. Нами были выделены три группы респондентов:

1-я группа – поколение, которое мы назвали «дети фронтовиков» (1940-х годов рождения). Это первое послевоенное поколение, в рамках которого мы объединили тех, кто появился на свет непосредственно накануне Великой Отечественной войны (2 респондента), родившиеся вскоре после ее начала либо в годы войны (3 респондента), родившиеся в самые первые послевоенные годы (1945/1946–1948 гг.) – 5 респондентов;

2-я группа – поколение «внуков фронтовиков». Это те, кто родился в 1970-е годы. Активное вхождение в жизнь представителей данного поколения началось в самом конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века;

3-я группа – поколение «правнуков фронтовиков» (родившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х годов). Данное поколение белорусской молодежи формируется исключительно на этапе становления суверенного белорусского государства. Большинство его представителей не имели опыта непосредственного общения с ветеранами Великой Отечественной войны и знают о ней исключительно со слов родителей, передающих им устные воспоминания тех, кто воевал на фронте либо трудился в тылу, от школьных учителей, из фильмов и книг.

Несмотря на различия в социальном статусе и уровне образования, представители каждого поколения обладают общим социальным опытом, являющимся реакцией на социокультурную реальность того или иного периода развития советского общества.

Всего в ходе исследования было проведено 30 биографических интервью в 10 трехпоколенных семьях. При выборе семьи определяющим критерием было стремление охватить различные семейные опыты и биографии. Среди респондентов присутствовали представители семей рабочих, крестьян, интеллигенции. Методика интервью предполагала возможность не только фиксировать автобиографический рассказ респондента, но и корректировать направление нарратива посредством дополнительных и уточняющих вопросов. Такие вопросы позволили выяснить, что именно в данной семье принято говорить о прошлом своей семьи и страны в целом, о том, как прошлое страны сказалось на судьбах отдельных семей и какое отражение оно нашло в биографиях его отельных представителей, как это прошлое оценивается в настоящее время и как оно оценивалось тогда, как происходит межпоколенная динамика передачи памяти.

Великая Отечественная война выступает в качестве выраженного специфического дискурсивного фона семейной социализации поколений «детей фронтовиков» и «внуков фронтовиков». Все воспоминания респондентов связаны в первую очередь именно с событиями Великой Отечественной. *«Отец был участником Великой Отечественной войны. Мама растила четверых детей сама. В 1943 г. в возрасте 11 месяцев умер брат от болезни»* (респондент Л., 1946 г. р.). *«Отец воевал в партизанах, потом был на фронте. Рассказывал о войне, как был ранен и остался без пальцев руки»*, – такими воспоминаниями делится респондент Е., 1940 г. р. *«Отец Иван вспоминал о том, что возил партизан телегой в Споровской лес. Рассказывал нам, как готовили партизаны у них в доме еду»* (респондент Д., 1946 г. р.).

В воспоминаниях представителей старшей возрастной группы респондентов отражается как официальный дискурс, так и личные переживания, и образы войны. Их памяти по-прежнему прочно фокусируются на сюжетах, связанных с лишениями и голодом, которые пришлось пережить их родителям, родным и близким. Тема страданий, боязнь потери близких, а также тяжелая жизнь после окончания войны – все это является общим для представителей данного поколения. *«Наш отец ушел на фронт. Вся работа по дому легла на мамины плечи. Мама очень ждала возвращения мужа домой… Мой отец рассказывал, как было страшно в годы войны. Каждая минута жизни могла стать последней. Еды не хватало, но, несмотря на все это, люди поддерживали друг друга и даже в трудную минуту пели песни»* (респондент Б., 1948 г. р.). *«Для нашей семьи самым страшным в годы войны были бомбежки и взрывы железной дороги. Когда осколок попал в дом, где жила наша семья»* (респондент Г., 1948 г. р.). *«Страшно было, кода немцы были в деревне. Однажды отец привез из леса в телеге дрова, а немцы увидели и решили,*

что это партизаны, стали стрелять по дому из пушки, пробили дыру в стене» (респондент Е., 1940 г. р.).

К числу самых ярких событий, связанных с жизнью семьи после окончания Великой Отечественной войны, респонденты относили рождение детей, которые *«не узнали и не пережили ужасов войны, с которыми пришлось столкнуться представителям старших поколений, налаживание мирной жизни, организацию быта». «Отец получил работу в колхозе, он обзавелся домашним хозяйством и наслаждался спокойной жизнью»* (респондент Б., 1948 г. р.). Вместе с тем первые послевоенные годы отнюдь не рисуются как время исключительно счастливое и абсолютно безмятежное: *«У некоторых людей не было крыши над головой. Все было разрушено. Каждый человек понимал: чтобы выжить, надо много работать. И мы трудились от темна до темна. Недосыпали, недоедали. Но при этом трудились с песнями»* (респондент Б., 1948 г. р.).

«Отец несколько лет был председателем колхоза "30 лет БССР". С 1952 по 1959 год. Рассказывал о налаживании жизни в колхозе, о надежде людей на лучшее. Эта надежда была и в нашей семье. Любые новшества, например, первые тракторы, машины были целым событием для односельчан и для каждой семьи…» (респондент Е., 1940 г. р.). *«Самые яркие события, связанные с жизнью нашей семьи после окончания войны, связаны с образованием колхозов»* (респондент Л., 1946 г. р.).

В послевоенное время произошла определенная трансформация воспитательных функций как в масштабах каждой семьи, так и в масштабах всего общества. Новые поколения получали больше внимания, заботы и опеки со стороны родителей. По-прежнему идеологическая составляющая являлась доминирующей социализационной нормой. Важным направлением в их воспитании было формирование чувства взаимопомощи, общественной солидарности.

Анализируя материалы интервью с представителями поколения «детей фронтовиков», можно сделать вывод: присутствовавшие во взаимоотношениях с родителями противоречия и конфликты практически не нашли отражения в семейной памяти. Детство и юность для них были временем повышенного уровня сознательности, ответственности, чувства долга. Методы воспитания были достаточно строгими, одним из важнейших был самостоятельный труд. Немаловажная роль отводилась чтению книг. В мировоззрении таких людей прочно закрепились традиции аскетизма, экономического минимализма, что нашло свое отражение в особенностях семейного воспитания, воспроизводимых респондентами в процессе интервью.

Семейное воспитание поколения 1970-х годов рождения характеризовалось большей либерализацией в сравнении с поколением «детей фронтовиков». Как следствие, произошло и определенное снижение авторитета старшего поколения. Ценности советской эпохи на протяжении определенного периода времени продолжали занимать господствующее положение в тра-

дициях семейного воспитания, в деятельности государственных институтов социализации. Однако с течением времени они принимали все более ритуализированный характер. Октябрятская, пионерская организации постепенно трансформировались, перейдя из категории идеологизированных структур в категорию организаций, призванных формировать детские и подростковые формы коллективной идентичности.

Поколение «внуков фронтовиков» подверглось определенной ресоциализации, обусловленной сменой господствующей в обществе идеологии и ценностей. Многими респондентами данный процесс воспринимался как драматический, поскольку, пройдя раннюю социализацию еще в условиях советского общества, не все смогли успешно адаптироваться к постсоветской реальности. Тем самым поколение рожденных в 1970-е годы, составляющее в настоящее время значительную часть экономически активного населения, сохранило в своем мировоззрении «советские» характеристики, усвоенные в ходе первичной внутрисемейной социализации. В определенных жизненных ситуациях это приводит к смешанной идентичности и провоцирует внутриролевые конфликты.

В воспоминаниях и рассуждениях о прошлом своей семьи у представителей данного поколения присутствуют сюжеты, которые в свое время оказали наиболее сильное воздействие на сознание их родителей. Традиция сохранения такой памяти носит исключительно устный характер. Семейные воспоминания передаются и представителям следующих поколений, о чем свидетельствуют интервью с самыми юными участниками опроса.

Результаты исследования позволяют сделать некоторые основные выводы. Поколению «детей фронтовиков» свойственна ориентация на внешние регуляторы поведения и групповые ценности. Здесь доминирует «ориентированный на традицию» тип социального характера, представителям которого присущи развитое чувство социальной, гражданской, семейной ответственности.

Для поколения «внуков фронтовиков» характерна большая ориентация на внутренние регуляторы поведения. Групповые ценности для них столь же значимы, как и универсально-человеческие. В границах данного поколения представлены два основных типа социального поведения: «ориентированный-на-себя» и «ориентированный-на-традицию». Поколение «внуков фронтовиков» по ряду анализируемых параметров сходно с предшествующей генерацией.

Для поколения «правнуков фронтовиков» крайне значимы внутренние регуляторы поведения. Здесь доминирует «ориентированный-на-себя» тип личности, а его представителей отличает слабо выраженное чувство социальной ответственности. Данное постсоветское и постсоциалистическое поколение характеризует приоритетная ориентация на универсально-человеческие ценности. В то же время представителей «среднего» и «младшего» поколений отличает большее стремление к самореализации, для них важна возможность обладать свободой выбора, приобретать новый опыт и новые возможности.

Заключение. На протяжении столетий обращение к прошлому, к памяти предков, к истории поколений было фундаментом национально-государственного строительства, важнейшим способом легитимизации власти, инструментом социализации подрастающих поколений. Как правило, личностное осознание субъективной значимости объектов, которые являются носителями памяти о прошлом, о семейных традициях и ценностях приходит к каждому из нас достаточно поздно, когда старших уже нет в живых, и «спросить не у кого». Устные биографические рассказы родителей, дедушек и бабушек стираются в памяти детей, в свое время не придавших этому должного значения.

В последнее время интерес к биографическим методам в социологических, культурологических, этнографических исследованиях существенно возрос. Документальный жанр становится все более популярным в литературе и публицистике, чему в немалой степени способствует процесс цифровизации памяти. И действительно, способы сохранения и передачи памяти о прошлом могут быть самыми разными, но без живого общения представителей разных поколений сложно говорить о полноценной передаче накопленного исторического опыта и семейной памяти. В связи с этим представляется необходимой пропаганда сохранения личных архивов в семьях. Фотографии, различные документы, письма, любые сохранившиеся письменные свидетельства заслуживают сбережения детьми и внуками. К сожалению, материальные ценности ныне наследуются куда охотнее, чем ценности, имеющие духовное значение.

Список использованных источников

1. *Маркс, К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 44–45.

2. *Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр., сост., примеч. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

3. *Рэдклифф-Браун, А.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции : пер. с англ. / А. Рэдклифф-Браун. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.

4. *Зиммель, Г.* Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель ; пер. с нем. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1 : Философия культуры. – 671 с.

5. *Ортега-и-Гассет, Х.* Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. ; сост., предисл., общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Изд-во «Весь мир», 1997. – 704 с.

6. *Мангейм, К.* Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7–47.

7. *Шуман, Г.* Коллективная память поколений / Г. Шуман, Ж. Скотт // Социол. исслед. – 1992. – № 2. – С. 47–60.

Поступила 06.12.2019 г.

УДК 316.628:316.66

С. А. ШАВЕЛЬ,

доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОГЛАСОВАННОСТЬ ВЗАИМНЫХ ОЖИДАНИЙ КАК ЗАКОН ЦЕЛОСТНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ СОЦИУМА

Рассматривается предметная сторона проблемной ситуации и роль экспектаций (ожиданий) в социологическом законе поддержания целостности и стабильности социума через согласование ожиданий, а также четыре типа ожиданий в связи с антиципацией результатов действия. Раскрывается генезис категорий «роль» и «статус» как синтеза ожиданий и опыта их использования.

Ключевые слова: экспектация, ожидания, роль, ролевые ценности, статус, дополнительность ролевых ожиданий.

S. A. SHAVEL,

Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

AGREEMENT OF MUTUAL EXPECTATIONS AS THE LAW OF INTEGRITY AND STABILITY OF SOCIETY

The article discusses the subject side of the problem situation and the role of projections (expectations) in the sociological law of maintaining the integrity and stability in society through the coordination of expectations, as well as four types of expectations in connection with the anticipation of the results of the action. The genesis of the categories “role” and “status” as a synthesis of expectations and experience of their use is revealed.

Keywords: expectation, expectations, role, role values, status, complementarity of role expectations.

В социосферном направлении, исследуемом коллективом ученых, объединенных в школу С. А. Шавеля, одной из важнейших тем являются социальные ожидания. Именно ее мы и хотим представить в презентации названной школы.

«Я строю свои планы из снов моих спящих солдат», – говорил Наполеон. Этот афоризм имеет глубокий смысл, и с ним согласились бы не только великие полководцы, но и государственные деятели, крупные менеджеры, все, кто организует совместные действия многих людей. Суть его в том, что успех возможен только при высокой коллективной мотивации, а мотивация, в свою очередь, зависит от того, насколько в общих целях и планах учтены и внутренне согласованы ожидания людей. Такая логика предполагает первостепенное

внимание к данной категории как практических работников, так и, в первую очередь, науки. В современных условиях полагаться только на собственную интуицию в угадывании ожиданий масс крайне неосмотрительно, – ведь и Наполеона, по крайней мере дважды, подвел его знаменитый «инсайт»: при планировании похода на Россию и в битве под Ватерлоо. Сегодня ожидания людей нужно изучать, начиная с уровня первичного коллектива (производственной бригады, работников организаций и т. д.), не говоря уже о регионах, отраслях, обществе в целом.

Характеризуя предметную сторону проблемной ситуации в этой области, необходимо учитывать следующее. Во-первых, что ожидания людей, как правило, не только ситуативны, но процессуальны и возобновляемы, а это значит, что они в большинстве своем не могут быть реализованы одноактным мероприятием и требуют системы мер – программы, стратегии, учитывающей и изменения условий, и динамику самих ожиданий. Сегодня, например, актуализируются ожидания, связанные с развитием кондоминиумов; ипотекой и другими формами кредитования жилищного строительства, а также образования и иных услуг; упорядочением налоговой системы; поддержкой предпринимательства и малого бизнеса; информационными технологиями и доступом к Интернету; развивающими формами досуга для молодежи. Конкретную оценку ожиданий разных социальных групп и категорий населения можно получить по результатам эмпирических социологических исследований.

Во-вторых, у каждого человека своя матрица ожиданий, в ней есть достаточно устойчивая часть, связанная с высшими ценностями, такими как справедливость, социальный порядок, достоинство человека, патриотизм, толерантность, истина, красота, вера и др.; а также более подвижная часть, изменяющаяся по мере роста возможностей, перемены условий и новых личных обстоятельств. Но когда рассматриваются общественно значимые ожидания, то имеется в виду состояние общественного сознания, определяющее не просто желательное, но и «должное» в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и перспектив укрепления целостности и стабильности социума.

В-третьих, согласованность ожиданий есть основной закон сохранения системного взаимодействия. На примере диады («двойки») можно убедиться, что ожидания каждого из партнеров по взаимодействию – это прогнозируемые вероятностные реакции другого в ответ на собственные действия. В системе «индивид – коллектив» согласованность ожиданий означает соразмерность прав, обязанностей и ответственности сторон. Работник ждет справедливой оценки его труда и соответствующей оплаты, позитивного отношения, поддержки и т. д. Коллектив рассчитывает на добросовестное отношение работника к труду, соблюдение установленного режима работы, поддержание благоприятного климата и др. Если эти ожидания соответствуют друг другу, то имеет место плодотворное сотрудничество. В противном случае неизбежны конфликты, ведущие к разрыву трудовых отношений. На уровне общества ме-

ханизмами согласования ожиданий выступают социализация и социальный контроль. Изучение степени согласованности ожиданий на всех уровнях – от семьи и коллектива до общества в целом – одно из направлений социологических исследований.

Курс на инновационное развитие требует выявления всех ресурсов для его успешного осуществления. Одним из таких ресурсов – для нашей страны важнейшим – является социальный капитал, представляющий собой высокую степень сплоченности, мотивационного единства и эффективного взаимодействия в совместной деятельности. Все это становится возможным на основе дополнительности ролевых ожиданий и согласованности ожиданий социальных.

Обратим внимание на некоторые моменты лингвистического порядка. Во-первых, ожидание, как и многие другие слова разговорного языка – потребности, интересы, цели, чувства, настроения и т. п. – использовались для описания психологических явлений и поведения с момента зарождения психологической мысли. Но для социогуманитарных наук, вынужденных использовать слова естественного языка, серьезной проблемой является концептуализация и категоризация «житейских терминов», как их называл Л. С. Выготский. Для ожиданий характерна общая закономерность, согласно которой «понятия формируются раньше терминов», то есть в сфере повседневности некоторые явления (объекты) получают свою содержательную когнитивную определенность задолго до того, как наука находит адекватное терминологическое выражение. Во-вторых, ожидания выступают элементами субъективной реальности (феноменами сознания), и *их «объективность» может быть определена не фактически или статистически, а только в рамках социологической эмпирики.* «Ожидания, – по словам Х. Хекхаузена, – недоступны непосредственному внешнему наблюдению, их необходимо выявлять опосредованно, иными словами они представляют собой гипотетический конструкт» [1, с. 223]. Под «гипотетическим конструктом» понимается мыслимое предположение о том, что в «номологической сети» связей и отношений существует определенное звено, благодаря которому эмпирические данные можно объяснять и интерпретировать определенным образом. Термин «экспектация» (от англ. expectation – ожидание) становится центральным в ряде теорий «ожидаемой ценности». «Основная идея теорий “ожидаемой ценности”, – подчеркивает Х. Хекхаузен, – состоит в том, что при необходимости выбора между несколькими альтернативами действия предпочтение отдается той, у которой оказывается максимальным произведение величины ценности достигаемого результата (привлекательность) на вероятность его достижения (ожидание)… Теории “ожидаемой ценности” составляют важную основу современных исследований мотивации» [1, с. 224–225]. Эта же идея развивается и в теории социального научения (А. Бандура, Дж. Роттер). В ней ожидания связаны не просто с предвосхищаемым результатом действия, а с субъективной вероятностью подкрепления и самоподкрепления. А. Бандура специальный раздел

посвятил социальным гарантиям в рамках реципрокного детерминизма. По его словам, «ожидания людей влияют на их поведение, а результаты такого поведения изменяют их ожидания» [2, с. 285–291].

С социологической точки зрения особого внимания заслуживает предложенное психологами различение четырех типов ожиданий.

Первый тип: ожидания «ситуация – результат» (С→Р), означающее «степень субъективной вероятности того, что данное положение вещей приведет в будущем к состоянию результата без содействия со стороны субъекта» [1, с. 738]. Имеются в виду такие ситуации, которые объективно с большой долей вероятности ведут к ожидаемому результату без вмешательства человека, что характерно для природных процессов, например, ожидание прихода весны или восстановления биоценоза в заповедниках и т. д. Но следовало бы обратить внимание на то, что ожидания при этом переопределяются: вместо субъективной вероятности результата они выражают отсроченность некоторых событий. Психологически такое ожидание есть терпение, то есть способность дождаться результата, не срывая незрелый плод, не пытаясь, как говорят китайцы, «ускорить рост риса подергиванием за стебель». В отношении людей, проживающих на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, к такому типу ожиданий можно отнести отказ от реабилитации части земель, водных и лесных угодий до тех пор, пока радиационное загрязнение не снизится естественным путем, пусть даже на это ушли и десятилетия.

Второй тип: ожидания по схеме «действие – результат» (Д→Р), когда усилия субъекта входят в причинный комплекс ожидаемых результатов и тем больше, чем основательней прилагаемые усилия. Дж. Шэкл, вводя понятие «эпистемический план», писал: «План – нечто придуманное или воображенное, сконструированное разумом, состоящее из предположений, верований, надежд, умозаключений, из всех степеней и оттенков осмысленности, включаемых в понятие “ожидания”» [3, p. 83]. Как видим, автор раскрывает – и это одна из первых попыток – когнитивную наполненность категории «ожидание». В его содержание, по Шэклу, включены не только психологические феномены, но и логические структуры (предположения, умозаключения). Именно поэтому ожидания можно рассматривать как основу аналитико-исследовательского планирования не только личной жизни, но и экономики, поскольку в каждом из содержательных элементов ожиданий имеется некоторое «рассеянное знание», как его называл Ф. Хайек [4].

Однако важно, чтобы такое планирование (в управленческом разрезе – директивное) все же учитывало динамику социальных ожиданий разных регионов, групп и категорий населения. В методическом плане директивы устанавливаются по данным статистической отчетности за предыдущий период, и такая форма планирования не всегда адекватна реалиям и иногда не поспевает за динамикой общественного мнения и поведения.

Третий тип: ожидания «действие-в-ситуации – результат» (Д-С→Р). Они требуют учета в самом процессе внешних изменчивых обстоятельств, ко-

торые могут повысить или понизить эффективность собственных действий и, в конечном счете, привести к результирующим ожиданиям второго типа, то есть «действие – результат». Заметим, что по такой схеме строятся все серьезные жизненные планы, в которых принимаются во внимание: во-первых, временной лаг изменений; во-вторых, те факторы, которые необходимо преодолеть. Например, в сельскохозяйственном производстве должны быть заранее предусмотрены меры на случай неблагоприятного изменения погодных условий. Не случайно Президент страны А. Г. Лукашенко по вопросам уборки урожая не принимает ссылку некоторых специалистов и руководителей на условия погоды.

Четвертый тип: ожидания «результат – последствия» (Р→П), что, по словам Хекхаузена, «означает *степень инструментальности результата* для наступления последствия, обладающего определенной привлекательностью… Это ожидание будет выражаться не как вероятность (в пределах от 0 до 1), а как инструментальность, которая может варьироваться от +1 до –1» [1, с. 739]. Под инструментальностью понимается степень связи результата действия с его последствиями. В качестве примера положительных следствий можно назвать повышение образования или прохождение работником курсов повышения квалификации, что с большой вероятностью позволяет ожидать и увеличения зарплаты, роста авторитета, возможных предложений новой интересной работы. Отрицательные следствия, например, при нарушении правил радиационной безопасности, – влекут угрозу потери здоровья, несанкционированная продажа – штрафом и т. п.

Ролевая теория, благодаря которой в социологию вошло понятие ожиданий, разрабатывалась главным образом как идеально-типическая модель, без определенной ориентации на эмпирический уровень и поиска прикладного применения. Первые ее разработчики (Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Линтон) не имели ни соответствующей методологической установки, ни методической оснащенности, ни социального заказа. Т. Парсонс, продолживший исследование в этой области, писал: «Существенная часть этой задачи (“сделать теорию более интегрированной, более точной, более ясной”) состоит в систематической кодификации эмпирического знания и интеграции полученных таким образом эмпирических обобщений с положениями общей теории» [5, с. 68]. Ясно, что «кодификация эмпирического знания» – принципиально иная задача, чем организация конкретных социологических исследований для получения достоверных эмпирических данных. Во всяком случае, Парсонс в своих работах практически не использует материалы таких исследований, даже для иллюстраций. Прикладной раздел теории ролей, называемый социологией профессий, употребляет понятие ролевых ожиданий в функционалистском смысле, то есть как совокупность нормативных требований к конкретной профессиональной роли. Исходя из этого, можно признать актуальной проблему концептуализации феномена ожиданий в целях прикладных социологических исследований.

Относительно классификации ожиданий, можно первоначально их упорядочить, выделив три группы:

1) ожидания того, чего нет, но хотелось бы иметь, осуществить, добиться;

2) пролонгирование того, что благоприятно, комфортно, что хотелось бы сохранить, увеличить, развить;

3) преодоление, изживание того, что мешает, тормозит, ограничивает.

Уже такая классификация дает основания для проведения компаративного (сравнительного) анализа, в том числе по социальным категориям, социально-демографическим группам респондентов и регионам. В бланк интервью (анкету) необходимо включать вопросы об удовлетворенности и то, от чего хотели бы избавиться или изменить, планах на будущее и другое.

Полученные данные информативны сами по себе (общее распределение по группам ожиданий, а также по социальным категориям и регионам), но на их основе можно путем вторичного анализа выделить следующие виды ожиданий: а) утилитарно-потребительские – заработной платы, комфортных условий, услуг; б) отношенческие – на другого (других), особенно в системе работодатель – работник, органы государственной власти – население; в) личностные – на самого себя.

Сочетание утилитарно-потребительских и личностных ожиданий представляет собой относительно устойчивый ситуативный комплекс индивидуальных ожиданий, обусловленный статусно-ролевыми возможностями, личностными диспозициями и культурой, нормативно-ценностными характеристиками общества.

Социальными называются ожидания относительно других (людей, представителей определенных групп и статусов). По своему содержанию социальные ожидания – это предвосхищение, прогнозирование вероятных реакций другого (других) участников взаимодействия в ответ на собственные действия: приехал работать на загрязненные территории по распределению – обязаны предоставить жилье, желаете сохранить молодых работников на предприятиях – предложите достойную зарплату и т. д. В исследовании этот тип ожиданий можно также выявить по уровню удовлетворенности существующим положением дел в различных сферах: от учебы, работы до бытового комфорта и условий проведения досуга. В этом отношении социальные ожидания можно классифицировать по разным основаниям:

1) по уровню настоятельности: а) императивные – предписывающие, обязательные (например, безусловно бесплатного медицинского обслуживания населения пострадавших территорий, бесплатного питания в детских учреждениях); б) рекомендательные, содержащие советы, предложения, пожелания, выполнение которых остается на усмотрении участников (льготное строительство жилья, санаторно-курортное оздоровление населения и т. п.);

2) по направленности ожиданий: а) ценностные – ожидания справедливости, толерантности, истины (достоверности и полноты той же информации о радиационной безопасности); б) инновационные – направленные на новое

качество, изменение, обновление; в) амелиористские – ориентированные на улучшение существующего (условий проживания и безопасности, отношений, технологий) и др.

С точки зрения стабильности и устойчивого развития пострадавших территорий, общество заинтересовано прежде всего в том, чтобы уже существующие ролевые ожидания на всех уровнях и во всех сферах поддерживались и воспроизводились: партнерские отношения в бизнесе на основе «игры по правилам»; грамотное делегирование полномочий в системе «руководитель – подчиненный»; определенность ожиданий между покупателем и продавцом, учителем и учениками, учреждениями и гражданами и т. д. В тех случаях, когда требования, выдвинутые одним лицом к другому лицу (коллективу, ведомству, государству), обоснованы и находятся в структуре объективных полномочий последнего, они являются ожиданиями. В противном случае – это субъективные претензии и неадекватные притязания.

Обращаясь к ролевой теории, обратим внимание на различие подходов к определению понятия роли. Социологи выделяют две исторически сложившиеся линии развития ролевой теории: интеракционистскую (Ч. Кули, Дж. Мид и др.) и функционалистскую (Р. Линтон, Р. Мертон, ранний Т. Парсонс и др.). В интеракционизме роль – это определенная личностная диспозиция, представляющая собой проекцию на себя своих рефлексивных представлений о восприятии меня другими (игровое освоение ролей взрослых детьми, влияние «обобщенного другого» (Мид), подражание, конформизм и т. п.). В межличностном взаимодействии роль понимается как стандарт поведения, опирающийся на систему взаимных ожиданий. В структуре личности интериоризованная роль, то есть усвоенные и принятые как собственное достояние нормативные образцы поведения, становится центром самосознания и идентичности. «Каждой социальной роли, – подчеркивает П. Бергер, – соответствует определенная идентичность… С социологической точки зрения общество жалует нас идентичностью, поддерживает и трансформирует ее» [6, с. 165]. Здесь Бергер выходит за пределы интеракционизма, поскольку в нем термин «общество» не категоризован. Например, С. Московичи дает следующее определение: «Общество – это система связей между социальными субъектами, групповыми и индивидуальными, которые самоопределяются через отношения друг к другу» [7, с. 7]. Но какие отношения, каков механизм самоопределения, как поддерживается целостность и, вообще, есть ли она – на эти системообразующие положения в приведенном определении ответов нет. П. Бергер под обществом имеет в виду страну-государство. Следовало бы, наверное, более точно сказать, что каждая страна «жалует» индивидов **своей** идентичностью через те роли, которые нужны ей и институционализированы; но только государство, а не, например, группа, компания, партия, корпорация и пр., может «пожаловать» (если использовать терминологию автора) индивиду гражданскую идентичность, правовой статус гражданина, включающий права, обязанности и ответственность.

«Большинству из нас, – утверждает Бергер, – ярмо общества не слишком трет шею. Почему? Отчасти потому, что в большинстве случаев **мы сами желаем** именно того, что общество **ожидает от нас**. Мы *хотим* подчиняться правилам. Мы *хотим* той доли, которую общество определяет нам. А это, в свою очередь, возможно не потому, что власть общества меньше, а потому, что она даже больше, чем мы до сих пор утверждали. Общество детерминирует не только то, что мы делаем, но также и то, что мы есть» [6, с. 162]. Суть в том, что приведенные положения верны в теоретическом плане – с точки зрения социологической перспективы. Верны они и эмпирически – применительно к любому конкретному обществу, которое развивается не вразрез, а в соответствии с социальными ожиданиями большинства населения. Характерно, что и другой автор, известный психолог Э. Эриксон, считал: «Общество, в принципе, устроено так, что развитие социальных возможностей человека понимается одобрительно, оно пытается способствовать сохранению этой тенденции, а также поддерживать как надлежащий темп, так и правильную последовательность развития» (цит. по: [8, с. 219]). Это и понятно, поскольку не только личность выстраивает свои ожидания относительно общества, но и у общества есть свои ожидания относительно личности, прежде всего подрастающего поколения, которое должно сохранить целостность и развивать дальше то, что сделано их предшественниками.

Не будем останавливаться на возможных отклонениях от этого магистрального принципа и основных механизмах его предотвращения, таких как социализация и социальный контроль. Заметим только, что интеракционистский вариант ролевой теории не выходит на макроуровень и не рассматривает ролевые ожидания в системе «общество – личность». Ч. Кули, обосновывая концепцию «зеркального Я», писал: «Подобно тому, как, видя свое лицо, фигуру и одежду в зеркале, мы проявляем к ним интерес, так и в воображении мы рисуем себе, что другие думают о нашей внешности, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д., и это оказывает на нас самое разнообразное влияние» [9, с. 135]. Центральным в этой схеме является не механическое отражение, а воображаемое суждение, то есть антиципация возможных реакций другого как ожидание быть понятым и получить тем самым вознаграждение самим фактом понимания и поддержки. Так создается мотивация к овладению индивидом стандартами ролевого поведения, включающими, разумеется, и позитивные санкции и прескрипции для случаев девиации. Трудно признать, кстати, корректным – причины не ясны – то, что ни сам Ч. Кули, ни его последователи не упоминают следующие слова К. Маркса, сказанные почти 40 лет раньше. «Так как, – писал К. Маркс, – человек родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я есмь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к себе как к человеку» [10, с. 62]. Нетрудно заметить, если говорить о приоритете, кто первым высказал саму эту идею зеркального отражения.

Функционализм ввел определение роли как функции. Амбивалентность такого подхода связана, прежде всего, с многозначностью термина «функция», на что обращали внимание Э. Дюркгейм (в работе «О разделении общественного труда»), Р. Мертон («Явные и латентные функции») и др. Релационность термина требует указания той величины (структуры, параметра и пр.), к которой функция относится как к аргументу. Назвав роль функцией, необходимо отнести ее к чему-то или кому-то: обществу или личности, статусу или положению, потребности или деятельности. Р. Линтон дефинировал роль как динамический аспект статуса [11, с. 168]. В этом случае под ролью понимаются статусные исполнительские функции. Формально такое определение приемлемо, однако возникают трудности при его интерпретации. Во-первых, понятие статуса, как отмечал еще и сам Р. Линтон, имеет двойственное значение: его можно определять по одному признаку или по нескольким, сочетание которых часто бывает проблематичным. В силу этого появилось понятие «маргинальный статус», в котором сочетание социальных, экономических, культурных, правовых, поселенческих и других признаков не отличается устойчивостью. Во-вторых, статус, понимаемый как положение человека в обществе, должен иметь некоторую эмпирически релевантную систему показателей, позволяющей позиционировать каждого в социальном пространстве. Но если в число таких показателей входит роль (профессия, должность), то возникает круг в исходном функциональном определении роли.

На наш взгляд, эти и другие противоречия вызваны тем, что функционализм не только изгнал любые упоминания классов в их марксистском определении, но заодно отверг и все иные способы структуризации статусных характеристик и соответствующей дифференциации населения по социально-экономическим признакам (репутационную теорию У. Уорнера, семичленную шкалу вертикальной стратификации современного западного общества и др.). Таким образом, общественное положение оказалось представленным в альтернативных статусах, а роль – как эквивалентное каждому из них.

Т. Парсонс попытался преодолеть возникшие в этих направлениях ролевой теории противоречия и синтезировать их на более высоком уровне. Для нашей темы существенно то, что он переосмыслил и придал более широкое эвристическое значение термину «ожидания». Важно учесть, что в «чистом» функционализме ожидания эпифеноменальны: от человека определенного статуса ожидается исполнение некоторой роли на приемлемом уровне, и не более того. Для интеракционизма ожидания значимы только с точки зрения аффилиативной мотивации, главным образом, применительно к процессам, можно сказать, «правильной социализации».

Парсонс категоризует этот термин в социологическом смысле. Он подчеркивает, что для ролевой теории «**дополнительность ожиданий** является основополагающим понятием» [5, с. 47]. Она представляет собой особый случай системного равновесия, адекватного понятию **социального порядка**. Относительно полная дополнительность ожиданий – главное условие стабильности

процессов взаимодействия. В действительности, оно не всегда реализуется в соответствии с теоретической моделью как по внутренним причинам, так и под воздействием внешних факторов, ресурсных возможностей и многого другого. «Однако, – утверждает Парсонс, – не будь она (дополнительность ожиданий) и эмпирически достаточно распространенным явлением, не было бы ни социальных систем, ни собственно личностной» [5, с. 47]. Общество не является гоббсовской войной всех против всех, хотя в нем есть и нарушения равновесия, и проявления социального беспорядка. Законом интеграции социальной системы, по Парсонсу, является следующий: «Она должна иметь достаточное количество своих компонентов, акторов, адекватно мотивированных на действие в соответствии с требованиями ее ролевой системы, настроенными позитивно относительно выполнения ожиданий, и негативно – к слишком деструктивному, т. е. девиантному поведению» [5, с. 100].

Рассмотрим, что понимает Т. Парсонс под «дополнительностью ожиданий» и как в этой связи уточняет термины «роль» и «статус». «Часть ожиданий эго, – пишет он, – во многих случаях более значительная часть, сводится к вероятным реакциям другого на возможные действия эго. Эти реакции прогнозируются и таким образом влияют на собственные выборы эго» [5, с. 77]. Как видим, речь идет об отдельной группе социальных ожиданий, хотя терминологически это выделение не закреплено и не показывает их отличия от тех ожиданий, которые возникают вне социального контакта. Так, у Робинзона есть много ожиданий, связанных с использованием объектов и свойств окружающей среды: взойдут или не взойдут посеянные злаки, удастся ли приручить диких коз, поплывет ли построенная лодка и т. д. Именно такие ожидания целесообразно называть экспектациями. Но собственно социальные ожидания появляются при встрече с Пятницей. Они и есть прогнозируемые вероятные реакции последнего на все те действия, которые предпринимает Робинзон по отношению к нему: от строгого запрета каннибализма до обучения английскому языку, пользованию оружием, ношением одежды и пр. По мере укрепления контакта и доверия, Пятница также выражает и свои ожидания к Робинзону.

В системе взаимодействия (для примера – на уровне диады) существуют два аспекта: а) ролевые ожидания как стандарты поведения актора, который принимается за точку отсчета; б) его же ожидания по отношению к возможным случайным реакциям другого, которые можно назвать санкциями (позитивными или негативными). «Такая связь между ролевыми ожиданиями и санкциями, очевидно, является *взаимодополнительной.* То, что является санкцией по отношению к *эго*, по отношению к *другому* – его ролевое ожидание, и наоборот» [5, с. 111]. В свою очередь, участие актора во взаимодействии имеет две стороны: позиционную и процессуальную. Позиционная – показывает, как актор размещен в социальной системе относительно других акторов. «Это то, – говорит Т. Парсонс, – что мы будем называть его *статусом,* который представляет собой *место* в системе отношений, рассматриваемой

структурно, т. е. как модель системы отдельных частей» [5, с. 97]. Процессуальная – характеризует то, что делает актор, рассматриваемый в контексте его функционального значения для социальной системы, то есть его роль.

Отличие статуса от роли Т. Парсонс усматривает в следующем. Статусное значение определяется тем, что актор является объектом ориентации для других (и его самого), и именно поэтому его «объектность» вытекает из его положения в системе социальных отношений – как некоторая размерность соответствующих ориентаций. Но, вместе с тем, каждый актор ориентирован на других. «И в этом своем качестве он действует, а не служит объектом (для чьих-то ориентаций): это – то, что мы понимаем под играním им своей роли» [5, с. 97]. Отсюда следует, что статусы и роли – «это не неизменные атрибуты актора, но единицы социальной системы, хотя наличие конкретного статуса иногда и может рассматриваться как атрибут» [5, с. 97].

Парсонс не использует даже для иллюстрации каких-либо концепций (схем) социальной стратификации, например, американского общества. Поэтому несколько странно выглядит следующее положение: «Богатые и бедные образуют классы по статусу. Такой атрибут не является характеристикой личности в обычном смысле слова… Всегда есть место для значительной вариабельности личностных характеристик членов класса, образованного по статусу» [5, с. 175–176]. Хотел ли он этим сказать, что и богатство, и бедность могут иметь разные уровни; или же пытался облагородить крайности социального расслоения – не ясно. Жаль, что ему не известна наша «новоязовская» поговорка об этих атрибутах: «Лучше быть богатым и здоровым, чем больным и бедным».

Что касается статуса как атрибута, то, хотя автор не поясняет, что он имеет в виду, однако, можно предположить следующее. Во-первых, некоторые аскриптивные (приписанные, унаследованные от рождения) характеристики; во-вторых, ситуации, когда с потерей статуса (банкротство, снятие с должности, миграция и т. п.) человек «теряет лицо». Таким образом, Т. Парсонс ввел понятие социальных ожиданий в состав фундаментальных социологических категорий, показал ее аналитические возможности и практическую значимость как механизма регуляции социальных процессов, обеспечения равновесия и порядка, поддержания стабильности социальных систем разного уровня – от семьи и коллектива до общества в целом.

Посмотрим, как и под воздействием каких факторов вообще возникают роли, каким образом они трансформируются и заменяются новыми. Чаще всего в качестве источника и движущей силы этого процесса называют потребности и разделение труда. Но потребности, чтобы мотивировать человеческую активность в определенном направлении, должны быть осознаны, отрефлексированы. Иначе говоря, они должны ощущаться не как «голая нужда» или давление инстинктов, а превратиться в ожидания, хотя бы в форме отсроченного желания и способности некоторое время ждать, терпеть и т. д.

Разделение труда в его естественной половозрастной форме обусловлено анатомо-физиологическими особенностями и само по себе не определяет

сущность и специфику социальных отношений. Идя в глубь истории, мы дойдем до периода, который этнологи называют «собирательство». В нем даже естественное разделение труда скорее ситуативно, чем закономерно. Далее идут периоды охотничества, скотоводства и земледелия. Все это виды общественного разделения труда, но его законы работают не автоматически. Так, охотничьи племена в силу, с одной стороны, роста численности населения, с другой – изменения среды обитания (ландшафта и состава фауны), оказались перед необходимостью приручить хоть каких-то животных, сделать их домашними. Эмпирическим путем формировались некоторые представления о деятельности по приручению животных и их разведению. Со временем эти представления систематизировались и закрепились – с помощью магических средств и санкций со стороны общественного мнения – в качестве нормативных (рекомендательных, а чаще в императивной форме) требований, представляющих собой ни что иное, как ролевые ожидания, адресованные тем, кто будет заниматься этой работой.

Таким образом, **роль представляет собой совокупность более или менее четко и однозначно сформулированных ожиданий относительно функционально значимых с точки зрения поддержания целостности социума видов деятельности, обеспечивающую высокую вероятность их успешного выполнения в конкретных условиях**. Роль неразрывно связана с престижем – социальной категорией, выражающей оценку разных видов деятельности на шкале значимости в общественном сознании. Скажем, в первобытном племени охота не могла не стоять выше таких занятий, как собирательство или разделывание добычи, приготовление пищи и т. п. Разумеется, правила охоты, включая выбор места и времени, подготовку оружия и приемов его использования, определялись знатоками, но и в этом требовалось их одобрение общественным мнением, которое вводило также определенную систему санкций, то есть вознаграждений за правильное исполнение и наказаний за нарушение. Тем самым ролевые ожидания приобретали характер норм, а в тех случаях, когда речь шла о жизнеобеспечивающих видах деятельности, нормы институционализировались, то есть узаконивались от имени ценностной системы социума, в религиозном обществе – освящались, сакрализировались.

Следовательно, именно ожидания есть тот материал, из которого строятся (проектируются, конструируются) новые роли. Ожидания субстантивируют роли, то есть наполняют их конкретным содержанием. Роль космонавта создал не Ю. А. Гагарин, хотя и его мнение учитывалось. Но главное, что, когда появилась возможность освоения космоса, все накопленное знание – от Кибальчича, Циолковского до Королева и многих специалистов по космической медицине и психологии – было синтезировано в ролевые ожидания новой для человечества деятельности. Такова логика процесса, и если роль космонавта заняла в общественном сознании самое престижное место, то это признание ее перспективной значимости и оценка огромной сложности, ответственности и риска.

Т. Парсонс в своем определении роли допустил, на наш взгляд, не просто смещение акцентов, но перестановку предикатов. Он пишет: «Мы можем теперь определить роль как структурированное, т. е. нормативно регулируемое участие некоего лица в конкретном процессе взаимодействия с конкретными партнерами по роли» [5, с. 575]. Думается, что данная дефиниция относится не к роли, а только к ее исполнению, ибо действительно, если нет участия, то нет и исполнения роли. Но как же быть с теми ролями, которые сегодня уже не востребованы? Нет ямщиков, нет ковбоев и многих других, но их роли существуют в человеческой памяти, в литературе, искусстве, кино. Более того, периодически они извлекаются из архивов для знакомства с историей, развлечения туристов и т. д. Это становится возможным потому, что роль как воплощение человеческих ожиданий, объективна, то есть безлична, анонимна.

Мы обращаем на это особое внимание в силу того, что в нашем недалеком прошлом имели место и создание должностей под индивида, и синекура (от лат. sine – без, kura – дело), то есть места, назначения «без дела», без ответственности, которые по определению называться ролями не могут. Сегодня мы наблюдаем дисбаланс между численностью общественно необходимых профессиональных ролей и кандидатами на их исполнение: по одним – избыток, по другим – недостаток. Все такие проявления сказываются на поддержании динамического равновесия социальной системы, наносят ущерб и обществу, и тем молодым людям, которые неточно учли ролевые ожидания общества.

С нашей точки зрения следует признать ошибочным тезис функционализма о первичности статуса и вторичности роли, понимаемой как его функционально-исполнительский аспект. Генетически исходной в процессах социальной дифференциации и структуризации является роль, поскольку именно она через ожидания выделяет и конституирует жизненно важные для социума виды деятельности. Вместе с тем, как мы видели, одновременно роль амальгируется (облагораживается) с помощью престижа. В раннем первобытном обществе никаких статусов нет. Этот термин Р. Линтон ввел в 1930-е годы для того, чтобы отделить в этнографическом материале аскриптивные элементы, которые наследуются независимо от индивидуальных качеств и усилий (пол, возраст и принадлежность), от достижительных – завоеванных, приобретенных, накопленных. Но введение престижных оценок автоматически влекло за собой ранжирование видов деятельности и, соответственно, некоторую иерархию исполнителей. Это и была первая предпосылка социальной стратификации. Ранги делились на атрибутивные и интерактивные. Первые указывали положение (дистанцию) индивида по отношению к высшим ценностям (жрец был выше «добытчика» и других), вторые – позицию в совместной деятельности. Положение авторитетных лиц (бигмены, старейшины и т. п.) не институционализировалось и не наследовалось, то есть не входило в число элементов аскрипции. Статусы возникли путем наследования атрибутивных рангов и властных полномочий авторитетных лиц, прежде всего в области имущественных отношений и регулирования распределения. Конечно, со временем, особенно в высших стратах, соотношение «роль – статус» оказалось перевер-

нутым: принцам с рождения присваивали офицерские звания, принцесс зачисляли на придворные должности и т. д. и т. п. Но в теоретической модели социально-экономический статус определяется по ролевым ожиданиям, в частности по образованию, доходу и престижу профессии, а стратификация осуществляется по социально-классовой шкале: в репутационной теории – 6 классов, в теории социальной мобильности – 7 (от высших менеджеров до неквалифицированных рабочих).

В Советском Союзе статус определялся путем совмещения двух шкал: социального происхождения и социального положения. Причем сразу после революции и вплоть до 1950-х годов преимущественное значение имело происхождение, то есть аскриптивные градации. Но по мере роста общего и профессионального образования, усиления социальной мобильности главными становились достижительные – профессионально-ролевые признаки. В соответствии с известной «трехчленкой», выделялись три социально-классовые категории: рабочие, крестьяне и служащие. Это значит, что прослойка интеллигенции, присутствующая в теоретической модели, заменялась на статистическую категорию служащих, в которую входили не только лица с высшим и среднеспециальным образованием, но и технические работники.

В настоящее время в Беларуси основаниями для определения статуса (общественного положения) являются вид деятельности и конкретная профессиональная роль. По данным критериям выделяются также учащиеся (студенты), военнослужащие, пенсионеры и временно не работающие. Для углубленного анализа социальной стратификации используются дополнительные показатели: образование, доход, место жительства и др.

Список использованных источников

1. *Хекхаузен*, *Х.* Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. – 860 с.

2. *Бандура, А.* Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.

3. *Shackle, G.* Epistemics and Economics. A Critique of Economic Doctrines / G. Shackle. – Cambridge, 1972. – 83 p.

4. *Хайек, Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. А. Хайек. – М. : Новости, 1992. – 304 с.

5. *Парсонс*, *Т.* О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Академ. Проект, 2002. – 832 с.

6. *Бергер, П.* Общество в человеке / П. Бергер // Социол. журн. – 1995. – № 2. – С. 162–180.

7. *Московичи, С.* Машина, творящая богов : пер. с фр. / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.

8. *Хьелл, Л.* Теории личности: основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – 2-е изд., испр. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.

9. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок : пер. с англ. / Ч. Х. Кули. – М. : Идея Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.

10. *Маркс, К.* Критика политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.

11. Большой толковый социологический словарь («Collins») : в 2 т. / сост. Д. Джери, Дж. Джери ; пер. с англ. – М. : Вече ; АСТ, 1999. – Т. 2. – 527 с.

Поступила 25.11.2019 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

УДК 316.752

Н. АНАРБЕК,

кандидат педагогических наук, доцент,
Национальный научно-практический образовательно-оздоровительный центр «Бобек»,
Алматы, Казахстан, e-mail: nazanar@gmail.com

ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В современном обществе наблюдается активный интерес к воспроизводству духовных ценностей. К началу XXI в. понятия «духовность», «духовные ценности», «духовное воспроизводство» прочно обосновалось в различных социальных науках. Важнейшей функцией духовного воспроизводства является духовная деятельность, которая направлена на совершенствование всех остальных сфер жизни общества (экономической, политической, социальной). Процесс духовного воспроизводства будет завершенным, когда его продукт дойдет до потребителя. Одним из социокультурных механизмов являются повседневные практики человека. В данной статье автор раскрывает на примере развития японского общества роль практик повседневности в воспроизводстве духовных ценностей общества.

Ключевые слова: духовные ценности, повседневные практики, социокультурный механизм, воспроизводство.

N. ANARBEK,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
National Scientific and Practical Educational and Health Center "Bobek",
Almaty, Kazakhstan, e-mail: nazanar@gmail.com

DAILY PRACTICES AS A SOCIO-CULTURAL MECHANISM REPRODUCTION OF SPIRITUAL VALUES

There is an active interest in the reproduction of spiritual values in modern society. By the beginning of the 21th century the concepts of "spirituality", "spiritual values", "spiritual reproduction" are firmly established in various social sciences. The most important function of spiritual reproduction is spiritual activity, which is aimed at improving all other areas of society (economic, political, social). The process of spiritual reproduction will be completed when its product reaches the consumer. One of the socio-cultural mechanisms is everyday human practice. In this article the author reveals the role of everyday practices in the reproduction of the spiritual values of society on the example of the development of Japanese society.

Keywords: spiritual values, everyday practices, socio-cultural mechanism, reproduction.

Духовные ценности – своеобразный духовный капитал человечества, накопленный за тысячелетия, который не только не обесценивается, но и возрастает. Природа духовных ценностей исследуется в аксиологии, то есть в теории ценностей, которая устанавливает соотношение ценностей с миром реальностей человеческой жизни. При определении духовных ценностей общества мы опирались на современные дискурсы понятия «духовность», неразрывно свя-

занные с развитием светского понимания. XXI век многими учеными (социологами, психологами, философами, педагогами) признается как новая эпоха Возрождения, новый Ренессанс, возвращение человека к самому себе, к своей истинной сущности. И социальные политики многих государств направлены на гуманизацию общества, на изменение и одухотворение качеств человека.

Так, Республика Казахстан имеет тенденцию развиваться через культурообразующую, интегрирующую миссию, через качество, глобализацию и гуманизацию знаний, что возможно только при изменении общественного сознания и духовной модернизации. Эти идеи красной нитью проходят через выступления бывшего Президента Н. Назарбаева. В статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» он подчеркивает: «Само понятие духовной модернизации предполагает изменения в национальном сознании. Открытость сознания означает, по крайней мере, три особенности сознания. Во-первых, понимание того, что творится в большом мире, что происходит вокруг твоей страны, что происходит в твоей части планеты. Во-вторых, открытость сознания – это готовность к переменам, которые несет новый технологический уклад. Он изменит в ближайшие 10 лет огромные пласты нашей жизни – работу, быт, отдых, жилище, способы человеческого общения. Нужно быть готовым к этому. В-третьих, способность перенимать чужой опыт, учиться у других. Две великие азиатские державы Япония и Китай – классическое воплощение этих способностей. Открытость и восприимчивость к лучшим достижениям, а не заведомое отталкивание всего “не своего” – вот залог успеха и один из показателей открытого сознания» [1].

В рамках данной статьи предлагается осмысление опыта японского общества по воспроизводству духовных ценностей через практики повседневности. Базовые принципы построения практик повседневности в Японии являются отражением традиционных духовных учений Востока, выходят на уровень самостоятельных духовных практик повседневной жизни, выступая средством духовного восхождения, вплетенного в обыденную жизнь человека, сообразно его природе и ментальным качествам.

Вопросы воспроизводства ценностей общества являются основополагающими культурного воспроизводства, и в русле данного исследования предполагают обращение к практикам повседневности как феномену культуры. *Культурные практики* – это обычные для личности, повседневные и привычные способы самоопределения и самореализации, тесно связанные с экзистенциальным содержанием его бытия и со-бытия с другими людьми [2]. Культурные практики сопряжены с активной, самостоятельной, разноаспектной апробацией каждым человеком новых для него видов деятельности, а также способов ее осуществления и разных форм организации, основанных на индивидуальных интересах, потребностях, способностях. Можно сказать, что культурные практики – это эффективный путь решения наиболее острых проблем современного общества, направленного на позитивную социализацию и гибкую индивидуализацию. В своей деятельности, мыслях, переживаниях,

поступках, оценках каждый человек выступает субъектом культуры, поскольку в той или иной мере опирается на общечеловеческие ценности – духовные и нравственные. Процесс овладения культурой рассматривается сегодня как восхождение до всеобщего социального опыта.

Духовная практика – регулярные или постоянные действия, предпринимаемые с целью возбуждения духовного опыта и/или культивирования духовного развития [3]. Под духовной деятельностью понимают творческий процесс производства и воспроизводства духовных ценностей (идей, знаний, представлений и т. д.), а также их сохранение, распределение, распространение и потребление. Специализированными видами духовной деятельности являются наука, искусство, религия, образование [4].

Подчеркнем, что духовность в русле нашего исследования рассматривается как объективная реальность, которая не является исключительно производной от человеческой деятельности, – это единая, внутренняя сущность всей Вселенной и человека. Во Вселенной духовная реальность проявляется как жизнь, движение, развитие, порядок, в сознании человека – как общечеловеческие ценности, высшие идеалы: совесть, любовь, истина [5].

Рут Бенедикт писала, что «Япония – культура совести» [6]. Совесть есть внутреннее мерило – духовно-нравственная ответственность за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. Японцы испытывают стыд и совесть не только под взглядом других людей, но и под взглядами предков. Для японского народа смысл жизни человека заключается в выполнении своего долга, по совести. Вся японская культура пронизана духом, и вся жизнедеятельность человека одухотворена. Духовность воспринимается японцами через ощущения. К примеру, если японец идет в горы, то он ощущает дух горы, кроме того, он ощущает присутствие предков, ощущает богов и будд. Если в реальности происходит что-то плохое, то он считает, что это последствия за совершенные им деяния. Тогда срабатывает глубинное понимание того, что наказание есть следствие того, что в жизни что-то происходит не так, что-то неправильно делается. В культурном своеобразии духовных практик повседневности первостепенное значение имеет такой феномен, как «Путь», то есть сам процесс творчества, который помогает человеку духовно совершенствоваться. Процесс формирования духовности в Японии – это искусство повседневности, основанное на классическом принципе «Одно во всем и все в едином» [6].

Японцы демонстрируют путь к совершенствованию своего духа через истину красоты. Расчет, размеренность и прагматичность в восприятии мира китайскими мудрецами смягчились японской традицией легкой незавершенности, незаконченности мысли и действия, элементом спонтанности, асимметрии как понимания обязательного условия гармонии. Путь Китая – моральный закон Вселенной, путь японцев – очищение души красотой, изначально присущей миру. При этом цель творчества, как духовного восхождения, остается актуальной в обеих культурах. Внутренний мир личности находится

в процессе постоянного совершенствования понимания высших истин через осознанное переживание. Умение жить, придерживаясь «Срединного пути», неподверженность страстям определяют истинного лидера своего дела. Особенность искусства повседневности буддийского Востока Китая и Японии заключена в том, что процесс творчества не только активизирует духовную работу, но и невозможен без нее. От личности требуется понимание смысла всеединства, проникновение в него, а не только знание законов Вселенной, иначе икебана останется пучком цветов, а сад камней – кучкой щебня и песка [7].

Современные люди замирают в восхищении перед садом камней. Считается, что первый сад камней в Японии был построен знаменитым мастером дзен-буддизма Соами (1480–1525). Это наиболее известный японский сад камней, который находится в Рёандзи в г. Киото. Садом является небольшая прямоугольная площадка (с востока на запад 30 метров и с юга на север 10 метров). На площадке расположены 15 камней, которые собраны в пяти группах. Если смотреть на камни из храмового павильона с того места, где традиция предписывает созерцать сад, то можно обнаружить, что кажущееся беспорядочное расположение камней обладает гипнотическим воздействием на человека. Созерцание камней позволяет сосредоточиться и обрести спокойное состояние, предрасполагающее к медитации. Храм Рёандзи был построен в XIV в., и с тех пор люди замечают в расположении сада некую неизвестную загадку, которая проявляется в восприятии необъяснимой и таинственной гармонии. Пятнадцатого камня перед глазами нет. Его загораживают соседние. Делаешь шаг по деревянной галерее, протянувшейся вдоль края песчаного прямоугольника – с остальных трех сторон сад ограничен каменными монастырскими стенами, – и снова четырнадцать камней. Пятнадцатый – тот, что до сих пор прятался, теперь оказался в их числе, а исчез другой камень. Еще шаг по галерее, и гениально спланированный хаос предстает опять в иной композиции, состоящей из все тех же пятнадцати камней, из которых один – невидим... Для каждого, кто созерцает эту красоту, возникают свои ассоциации. Для кого-то это пять горных вершин, взмывающих в облака, для других – острова в бескрайних просторах океана... В общем, все зависит от вашей чистоты и глубины внутреннего мира.

К практикам повседневности в Японии относится и ряд праздников. Например, ханами – японская национальная традиция любования цветами [8]. Начинается его шествие с цветов умэ (японская слива). После умэ цветет сакура. Суть этого праздника – остановиться на мгновение в бешеном потоке жизни, зацепить настоящий момент, понять его силу. О цветении сакуры пишет в своей книге «Ветка сакуры» Всеволод Овчинников: «Жизнь в Японии не стоит на месте. Но и в стране, где высокими технологиями насыщены все сферы жизни человека, наступает время, когда японцы на миг останавливаются, замирают, чтобы насладиться потрясающим по красоте зрелищем – цветением сакуры. В парках и скверах с началом цветения сакуры устанавливают палатки, продающие разнообразную снедь и напитки, игрушки для детей. В эти

дни повсеместно – и в выходные, и в будни – в парки приходит множество желающих провести небольшой пикник под цветущими деревьями. Накануне выходных места, откуда открывается красивый вид, часто занимают еще с ночи, расстилая под облюбованным деревом пластиковые коврики. Сакурой можно любоваться не только днем, но и ночью. Для этого муниципалитеты стараются заранее установить подсветку под деревья, оттеняющую нежный цвет сакуры. В парках и садах под деревьями устанавливают маленькие фонарики под названием “райт-аппу”, которые освещают их снизу, а также высокие фонари из рисовой бумаги “васи”, свет от которых мягко падает на цветы. Ночное ханами называется ёдзакура (яп. 夜桜 *ёдзакура*, “ночная сакура”). Цветы сакуры, которые опадают, едва успев раскрыться, японцы считают символом своего отношения к прекрасному: воспринять красивое как таковое можно только потому, что красота недолговечна и мимолетна и исчезает до того, как успеет превратиться в нечто привычное и будничное».

Культ японских поклонов. Если сравнивать разные народы или разные эпохи по их приверженности этикету, то меркой здесь может служить время, которое люди затрачивают на взаимные приветствия. Учтивость японцев выглядит как нечто удивительное: встретив знакомого, японец способен замереть, согнувшись пополам, даже посреди улицы. Но еще больше поражает приезжего поклон, которым его встречают в японской семье. Хозяйка опускается на колени, кладет руки на пол перед собой и затем прижимается к ним лбом, то есть буквально простирается ниц перед гостем. После того как посетитель снял обувь и уселся на татами, хозяин помещается напротив и ведет беседу, хозяйка молчаливо выполняет свои обязанности, а все остальные члены семьи в знак почтения вообще не показываются на глаза [8].

Еще когда мать по японскому обычаю носит младенца у себя за спиной, она при каждом поклоне заставляет кланяться и его, давая ему тем самым первые уроки почитания старших. Чувство субординации укореняется в душе японца не из нравоучений, а из жизненной практики. Он видит, что мать кланяется отцу, средний брат – старшему брату, сестра – всем братьям независимо от возраста. Причем это не пустой жест, это признание своего места и готовность выполнять вытекающие из этого обязанности.

Это так. Мы были в Японии больше недели, и уже на второй день стали склонять головы на каждый поклон японцев. Так, каждый раз, заходя в лифт отеля, мегамолла, здания конференции, все, кто находился в нем, слегка кланялись нам – не кланялись только иностранцы.

Уважение. Для нас, как для иностранцев, поездка в метро стала неплохой возможностью ознакомиться с некоторыми особенностями японского менталитета. Так, в Японии не уступают место в метро, автобусе: вскакивать при виде входящего старика или беременной женщины здесь не принято. Каждый сидящий японец испытывает желание не обидеть вошедшего, вот примерный список вопросов, которые в этот момент пронеслись в его голове: «Вдруг дедушка обидится, что его приняли за немощного, который уж и на ногах сам

не может стоять? А может женщина поправилась, а я ее обижу?» Конечно, мы, восточные люди из Казахстана, были несколько обескуражены: для нас такое поведение считается признаком невоспитанности. Но стоит только дать понять, что нужна помощь, место обязательно уступят все, кто услышал.

Японцы отличаются приветливостью и уважением, никогда не откажут в помощи, с почтением отнесутся к вашей просьбе, даже если у них запланированы свои дела, они готовы отложить их ради того, чтобы быть полезным кому-то. Это говорит нам лишь об одном: высокой ответственности японцев перед окружающими их людьми. Так, когда мы заблудились в метро, сойдя не на той станции, попросив о помощи девушку, были приятно удивлены тем, что, несмотря на языковой барьер, девушка, которой нужно были идти в другом направлении, с доброжелательностью проводила нас до пункта назначения.

В Японии невероятно высокая культура поведения в обществе. Потому что люди на практике относятся к другим так, как хотят, чтобы относились к ним самим. К примеру, на дорогах водители проявляют уважение и терпение друг к другу, никто не показывает раздражения, даже если возникают непредвиденные обстоятельства. Удивительным для нас также было наблюдать за тем, как японцы стоят в очередях. Без указаний, коридоров из лент – сами формируют ровные линии и терпеливо ждут своей очереди. Стоят в очереди все: от мала до велика, однако если кто-то второпях нарушит очередь или станет толкаться, его никто не осудит, так как это снова его выбор, который вправе делать каждый.

В японской культуре есть такое понятие, как *«право выбора»,* которое характеризуется принятием ответственности и обязательств, вытекающих из выбора, сделанного человеком. Так, у Саяко Кудоры было право выбора, и сделав этот выбор, она понимала, что должна соответствовать роли, которую выбрала. И как мы знаем, принцесса позитивно отнеслась к новой социальной роли и ответственно подошла ко всем обязательствам.

Хотелось бы немного остановиться на реальной истории из жизни принцессы Саяко Кудоры, которая, как известно, в 2004 г. вышла замуж за «простолюдина» и отказалась от титула принцессы. После свадьбы принцесса покинула императорскую семью, взяв фамилию мужа, человека неаристократического происхождения. Саяко понимала, что ей будет непросто приспособиться к непривычной для нее роли домохозяйки, и поэтому она решила оставить свою работу исследователя, чтобы сосредоточиться на семейной жизни и возможном материнстве, около года посещала курсы домоводства и кулинарии и училась водить автомобиль, чтобы разделить с мужем удовольствие от езды на своих машинах.

Эта история говорит о Саяко Кудоре как о человеке, который умеет бескорыстно любить, быть готовым нести ответственность за свой выбор, жить в единстве мысли, слов и дела. Приведенный нами пример дает право полагать, что воспитанию и развитию духовного начала в жизни японцев уделяется важное значение.

Анализируя культурные продукты европейского и восточного типов, мы приходим к обозначению их как Познание (европейская культура) и Понимание (восточная культура) при условии, что Познание и Понимание наполняются не только психологическим смыслом, а воспринимаются как имена духовные, культурные [7]. Япония – страна, которая, по нашему мнению, не относится ни к восточной, ни к западной культуре. Люди здесь на самом деле очень духовны и нравственны, так как осознание духовного пути может совершаться любым образом, в том числе в процессе занятия любым видом искусства можно достичь просветления. Духовные учителя утверждают, что неважно, каким родом деятельности ментального и материального плана человек занимается, в то время как запускает механизмы духовного совершенствования, важна методичная внутренняя работа над собой при этом. Более того, свойства взаимопроницаемости и уравновешенности подразумевают открытость, восприимчивость к вновь приходящим знаниям при соприкосновении с иными культурами. Не противопоставлять одно другому, а почтительно относится к знанию – основной постулат японской духовности, поскольку в сфере духа, которую японцы ощущали как высшую реальность, все едино.

Интерес к воспроизводству духовных ценностей общества через повседневные практики граждан проявляет сегодня большинство мирового научного сообщества. Так, Институтом социологии НАН Беларуси выделены следующие направления практик повседневности белорусского народа: здоровье и самоактуализация; семья как носитель и первичная среда формирования духовных ценностей; представления о социальной справедливости; отношение к частной собственности; и другие [9].

Анализ нормативно-правовых актов Республики Казахстан, посланий Президента народу, результатов актуальных исследований в области социологии позволяет выделить следующие практики повседневности казахского народа по воспроизводству духовных ценностей: возвращение к национальной идентичности; развитие государственного языка как фактора единства народа; социальная ответственность; здоровый образ жизни; традиционные семейные ценности; лидерство; и другие.

Опыт Японии показывает, что повседневная культура приобретает не только художественно-прикладное значение, но и играет многофакторную роль в формировании духовности человека. Искусство повседневности как формы духовных практик сохраняют и закрепляют в культуре народа умения и знания, накопленные предыдущими поколениями в виде различных практик оздоровления организма человека, ежедневных навыков сохранения психического и физического здоровья, развития интеллектуальных способностей, которые поддерживают особенности менталитета человека восточных культур и обеспечивают его передачу последующим поколениям [7].

В казахской культуре и традициях, несомненно, есть все вышеописанные качества, которые необходимо развивать. Главные культурные ценности казахов – уважение к старшим, миролюбие и терпимость, открытость к общению,

гостеприимство и стремление жить в гармонии с окружающим миром. Казахские традиции требуют, чтобы гость был напоен чаем и обильно накормлен. Каждый казах считает своей добродетелью и достоинством готовность расстелить дастархан, то есть накрыть стол для гостя. Казахи – чрезвычайно гостеприимные люди. Если вы приедете в гости к казахской семье, даже совершенно неожиданно, то будете приняты так, будто вас ждали здесь целую вечность. С раннего детства казахам внушаются уважение к гостям и старшим, так же как принципы мира и терпимости.

Считаем важным отметить, что глобализационные процессы современности, которые выражаются в ценностной ориентации казахского народа на достижения западной цивилизации, влекут за собой и ряд негативных последствий. Западное общество в своем развитии отодвинуло на задний план мораль, традиционные семейные ценности, специфику национального воспитания. Недаром именно в Японии был издан указ «Великие принципы образования», в котором основной акцент сделан на том, что людям сначала необходимо воспитать в себе духовное начало и придерживаться моральных устоев, а затем они могут усваивать различные предметы в соответствии со своими способностями и потребностями.

В Казахстане государственная социальная политика направлена на усиление духовно-нравственного образования. Так, обязательным стало изучение дисциплины «Самопознание» – светского учения о духовности, которое учит нести ответственность за свои мысли, слова и дела, реализовывать право выбора, выполнять свой долг на совесть, бескорыстно служить, формируя качества истинного лидера. Главное, чему учит самопознание, – это практика общечеловеческих ценностей. И, как показывает опыт Японии, – это самая лучшая практика. Более того, восточные искусства повседневности в своем варианте духовных практик подразумевают формирование некоторых качеств личности, способствующих интровертивному восприятию для последующего экстравертивного действия. Духовные навыки определяют результат творчества, при этом психофизические умения – одна из составляющих проявленного функционирования творческого потенциала, которая дает возможность его репрезентировать посредством этико-эстетических возможностей человека в сфере психофизических практик [7].

В 2010/11 учебном году в Казахстане было осуществлено массовое внедрение предмета «Самопознание» в систему образования. В последние годы происходит обновление содержания его программы. На первом этапе содержание предмета «Самопознание» больше было ориентировано на нравственные и моральные нормы, не делая упора на духовность. На втором этапе развития программы восстановлена целостность понятий «духовность» и «нравственность» [10]. Акценты расставлены на такие моральные нормы, как: жить по совести; единство мысли, слова и дел; быть, а не казаться; любовь как энергия и есть основа жизни; бескорыстное служение; воспитание личным примером. Предмет «Самопознание» основывается на вечных общечеловеческих

ценностях, понимаемых как проявление высшей духовной природы человека: Истина, Любовь, Праведное поведение (Долг), Внутренний покой (Мир), Ненасилие. Выявление этих ценностей ведет к формированию духовно-нравственных качеств личности. Таким образом, преподавание предмета «Самопознание» как светского учения о духовности, основанного на повседневной практике общечеловеческих ценностей, осознании единства всего сущего, а также принципах личностно-смыслового развития и новых стратегий преподавания, становится одним из важнейших социокультурных механизмов воспроизводства духовных ценностей казахского общества.

Список использованных источников

1. *Назарбаев, Н.* Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электронный ресурс] / Н. Назарбаев : Статья Главы государства от 12 апреля 2017 г. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya. – Дата доступа: 09.12.2019.

2. *Крылова, Н. Б.* Развитие культурологического подхода в современной педагогике / Н. Б. Крылова // Личность в социокультурном измерении: история и современность : сб. статей. – М. : Индрик, 2007. – С. 132–138.

3. Духовная практика [Электронный ресурс] // Википедия : Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0. – Дата доступа: 09.12.2019.

4. *Викторова, Е. В.* Социология духовной жизни : учеб. пособие / Е. В. Викторова. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2010. – 80 с.

5. *Мукажанова, Р. А.* Общечеловеческие ценности (5–11 кл.) / Р. А. Мукажанова, Р. А. Омарова // Методическое пособие для учителей. – Алматы : ННПООЦ «Бөбек», 2014. – 120 с.

6. *Бенедикт, Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры : пер. с англ. / Р. Бенедикт. – М. : РОССПЭН, 2004. – 256 с.

7. *Чабанец, Е. Н.* Духовные практики искусств повседневности Китая и Японии / Е. Н. Чабанец : автореф. дис. … канд. филос. наук : 24.00.01 / Е. Н. Чабанец ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2006. – 23 с.

8. *Скворцова, Е. Л.* Духовная традиция и общественная мысль в Японии XX века / Е. Л. Скворцова, А. Л. Луцкий. – СПб. : Центр гуманитар. инициатив : Унив. кн., 2014. – 384 с.

9. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 392 с.

10. *Anarbek, N.* Self-cognition teaching methodology in higher education institution / N. Anarbek. – Алматы, 2016. – 48 с.

Поступила 09.12.2019 г.

УДК 316.3-053.8/.9(476)

Е. М. БОРОДАЧЁВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск
Н. В. ЦЫБУЛЬСКАЯ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОЛОДЕЖЬ И ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ: ВЗГЛЯД БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

В статье представлен анализ стереотипных представлений о молодежи и пожилых людях, транслируемых в белорусском обществе. С применением поколенческого подхода выявлены особенности мнений представителей четырех возрастных групп взрослого населения Беларуси об отношении белорусского общества к молодым и пожилым людям. Показано, что представители каждой из четырех возрастных групп, отвечая на вопросы об отношении белорусского общества к молодежи и пожилым людям, формируют различные наборы стереотипных высказываний.

Ключевые слова: социальные стереотипы, общественное мнение, общественное сознание, поколенческий подход, молодежь, пожилые люди.

E. M. BORODACHEVA,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk
N. V. TSYBULSKAYA,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

YOUNG AND ELDERLY PEOPLE: A VIEW OF THE BELARUSIAN SOCIETY THROUGH THE PRISM OF SOCIAL STEREOTYPES

The article presents an analysis of stereotypical ideas about young and about elderly people broadcast in Belarusian society. Using the generational approach, features of the opinions of representatives of four age groups of the adult population in Belarus on the attitude of Belarusian society towards young and elderly people were revealed. It is shown that representatives of each of the four age groups form different sets of stereotypical statements, while answering questions about the attitude of Belarusian society towards youth and elderly people.

Keywords: social stereotypes, public opinion, public consciousness, generational approach, youth, elderly people.

Понятие «стереотип» ввел в научный обиход в качестве научного термина американский социолог и журналист Уолтер Липпман в 1922 г., представив свою концепцию общественного мнения [1]. Автор концепции определил стереотипы как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой

образы в сознании человека, которые экономят усилия при восприятии сложных объектов мира и защищают его ценности, позиции и права. Стереотипы – это принятые в социальной общности образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанные на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой отражение социальной реальности в сознании людей.

Общественное мнение о различных социальных общностях во многом основывается на социальных стереотипах. Восприятие обществом представителей социально-демографических общностей, формирующихся по признаку возраста (далее – возрастных общностей), не является исключением. Стереотипы играют значительную роль в формировании отношения общества к представителям возрастных групп.

С целью выявления доминирующих в белорусском обществе стереотипов по отношению к возрастным общностям в весеннем мониторинге Института социологии 2019 г.[1] были включены вопросы, касающиеся представлений респондентов о том, как относится белорусское общество к молодежи и пожилым людям. Почему объектами исследования были выбраны именно эти возрастные общности? Мы исходили из того, что молодежь и пожилые люди, символически представляющие «начало» и «завершение» активной социальной жизни человека и находящиеся на «возрастных полюсах» социальной активности, отличаются не только по возрасту, но и в значительной степени по целям, идеалам, образу жизни, особенностям трудовой деятельности и многим другим социальным признакам. Одновременно эти две возрастные общности являются объектами внимания и интереса не только со стороны общества в целом, но и по отношению друг к другу. Осознавая или не осознавая это, молодые люди видят в поколении пожилых людей свое будущее. Можно сказать, что люди пожилого возраста являются для молодых такой «аутгруппой», которая для многих из них – в будущем – станет «ингруппой». Пожилые же люди с высоты своего жизненного опыта наблюдают за жизнью молодых, видя в них не только свое прошлое, свою молодость, но и общее настоящее, в котором именно от молодых людей зависит, будет ли меняться к лучшему жизнь старшего поколения.

Внимание и интерес к молодежи со стороны общества обусловлены тем, что на молодежь традиционно возлагаются надежды, связанные с раскрытием потенциала молодого поколения и подготовкой достойной смены для дальнейшего развития общества. Пожилые люди являются объектом внимания в современном белорусском обществе, которое не избежало социальных изме-

[1] Исследование ИС НАН Беларуси «Мониторинг социально-экономической и политической ситуации в Республике Беларусь». Дата проведения опроса – апрель 2019 г. Генеральная совокупность – жители Беларуси в возрасте 16 лет и старше. Тип выборочной совокупности – республиканская случайная многоступенчатая выборка с контролем квот на последнем этапе. Объем выборочной совокупности – 2126. Максимальная погрешность $\Delta = \pm 2{,}1$ % при уровне значимости $\alpha = 0{,}05$.

нений, связанных со старением населения. Доля пожилых людей в населении Беларуси стремительно растет, что является причиной появления проблем, с которыми еще совсем недавно наше общество не сталкивалось: повышается финансовая нагрузка на участников рынка труда, поскольку именно за счет отчислений ими взносов в фонд социальной защиты населения выплачивается пенсия сегодняшним пенсионерам; меняется образ жизни пожилых людей; меняется их роль в семейных взаимодействиях, – в связи с этим меняются старые стереотипы восприятия в обществе представителей пожилого поколения и формируются новые.

Для выявления существующих в нашем обществе стереотипов в отношении молодежи и старшего поколения в ходе исследования респондентам задавался вопрос: «Какое отношение, по Вашему мнению, сформировалось в белорусском обществе по отношению к молодому поколению/пожилым людям?» В качестве вариантов ответов респондентам были предложены различные утверждения, касающиеся молодых/пожилых людей. Причем утверждения носили как позитивный, так и негативный характер.

Сложно сказать, какой процент населения должен согласиться с некоторым утверждением, чтобы это утверждение можно было назвать социальным стереотипом (обобщенным высказыванием о некой социальной группе, которое поддерживает большая часть общества, воспринимая это высказывание некритично и эмоционально). В идеале было бы показательно, если бы половина и более респондентов (представителей общества) согласились с предложенным в вопросе утверждением. Но в нашем случае возникает проблема с трансляцией этого утверждения: респондент может в целом быть с ним согласен, но та формулировка, в которой социолог «подает» это утверждение, у респондента может вызывать несогласие. Возможно поэтому ни одно из предложенных нами утверждений не набрало хотя бы 50 % голосов всех респондентов. Исходя из такой ситуации, мы предприняли попытку обозначить существующие в белорусском обществе стереотипы, опираясь на мнение хотя бы трети населения. При таком подходе выделяются два утверждения о старшем поколении и пять утверждений, касающихся молодежи (рис. 1).

Более трети всех респондентов согласились со следующими утверждениями о старшем поколении: «Пожилых неохотно берут на работу и в первую очередь сокращают/увольняют» (42,8 %) и «Если у пожилых есть силы и потребности, следует предоставить им возможность продолжать профессиональную деятельность» (35,0 %). Следует отметить, что оба утверждения являются отражением стигмы пожилых людей в отношении их функционирования на рынке труда (констатация особенностей поведения работодателей относительно работников пожилого возраста и своеобразный совет по изменению такого поведения).

Из предложенных в вопросах высказываний о молодежи более трети респондентов выбрали пять:

1) «Молодые люди активны, энергичны и полны творческих сил» (42,0 %);

2) «Молодежи предоставлены все возможности для образования и развития» (39,0 %);

3) «Молодежь – опора и надежда общества» (38,8 %);

4) «Молодое поколение – более технически грамотное, чем остальное население» (37,4 %);

5) «Сейчас молодежь более развитая, образованная, умная, чем 30–40 лет назад» (34,8 %).

Как видим, все пять утверждений о молодежи можно назвать «позитивными» стереотипами.

Исходя из полученных данных, можно предположить, что в нашем обществе существует дискриминационное отношение к пожилым людям как к работникам на рынке труда, и «радужное» – в отношении молодежи.

В ходе анализа данных было замечено, что для разных возрастных групп «срабатывают» разные наборы стереотипов. Пока (по причине недостаточного количества эмпирических данных) сложно ответить на вопрос, – из-за чего это происходит? Причиной могут быть как обычные возрастные изменения в восприятии мира (накопление опыта, знаний, изменение жизненных приоритетов), так и какие-то процессы, происходящие в самом обществе (в этом случае молодежь выступает в качестве локомотива, который «тянет» за собой изменения стереотипов в будущем). Попробуем порассуждать о долгой «жизни» некоторых стереотипов, переходящих от поколения к поколению, на примере одной известной советской песни, строчка из которой – без преувеличения можем это сказать – стала своеобразным стереотипом-лозунгом: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!» Вторая часть этого «лозунга» скрывает в себе некое противоречие между поколениями, – если молодым все пути открыты, то старикам – только уважение и почет: отдохни от работы, уступи молодым, а они за это тебя будут чтить и уважать (то есть проскальзывает определенная дискриминационная составляющая отношения к пожилому человеку как к работнику). Если через призму этого стереотипа посмотреть на ответы наших сегодняшних респондентов, то можно увидеть следующее: дискриминационная составляющая осталась, а вот уважение уже пропадает… О причинах такого отношения к возрастным группам в обществе говорить пока сложно. Судить о них можно будет через немалый промежуток времени, проведя повторное исследование и учитывая определенные погрешности.

Для того чтобы проследить, как изменяются стереотипы с возрастом, респонденты были разделены на 4 группы по возрасту с применением поколенческого подхода: поколение «дети» (от 18 до 24 лет), поколение «родители» (от 25 до 44 лет), поколение «прародители» (от 45 до 64 лет), поколение «прапрародители» (65 лет и старше).

Попробуем выявить группы основных характерных для каждой поколенческой группы стереотипов, основываясь на наиболее часто выбираемых утверждениях.

Рис. 1. Частота выбора респондентами различных утверждений о молодых и пожилых людях, %

Если рассматривать утверждения, выбранные не менее чем третью респондентов, то в возрастной группе младше 25 лет можно отметить восемь таких утверждений: пять позитивных высказываний о молодежи, два утверждения о старшем поколении и одно высказывание и о молодых, и о пожилых (рис. 2).

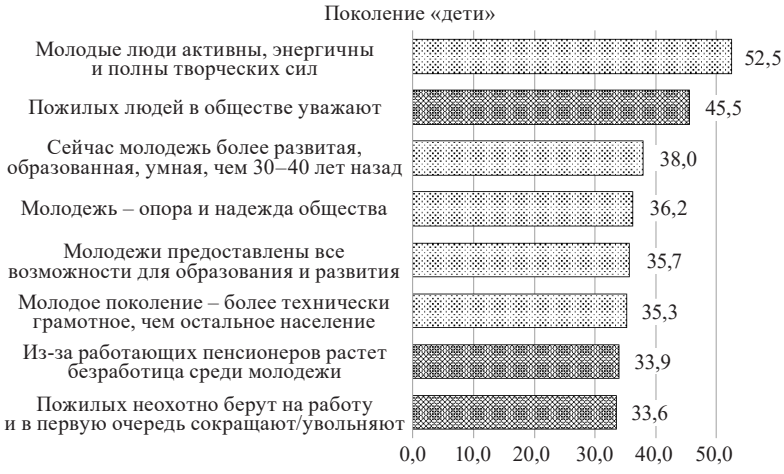


Рис. 2. Наиболее часто выбираемые представителями поколения «дети» утверждения о молодежи и о пожилых людях, %

Более половины респондентов из поколения «детей» согласились с утверждением о том, что молодые люди активны, энергичны и полны творческих сил, и, как можно предположить, тем самым выразили мнение о самих себе. Более трети респондентов этого поколения согласились с высказываниями о том, что современная молодежь выше по развитию, образованию, уму, чем несколько десятилетий назад, и технически более грамотна, чем остальное население. В таких ответах проявляется высокий уровень самооценки представителей молодого поколения, что не всегда объективно подтверждается. Выбранное более чем третью молодых респондентов высказывание о том, что молодежь является опорой и надеждой общества, предполагает определенные действия для того, чтобы соответствовать этому позитивному стереотипу. Однако мы не будем утверждать, что согласие с подобным утверждением прямо означает, что оно будет подтверждено соответствующим поведением. Что же касается выбранного молодым поколением утверждения о том, что молодежи предоставлены все возможности для образования и развития, – сравнительно высокая степень согласия респондентов с этим высказыванием показывает, что сейчас у молодежи, если не лениться, действительно есть много возможностей для роста и развития. На наш взгляд, в этом высказывании речь идет о том, что эти возможности создают сами молодые люди, их родители, а также новые образовательные (формальные и неформальные) социальные институты. Высока вероятность того, что эта треть молодых респондентов действительно активно занимается своим самообразованием.

Более трети молодых респондентов согласились с тремя утверждениями о пожилых людях. Одно из этих утверждений является «позитивным» стереотипом – это высказывание об уважительном отношении общества к пожилым людям, и с ним согласны более 45 % представителей поколения «дети». Пред-

положим, что этот стереотип неплохо усвоен молодыми людьми в процессе социализации, но, поскольку стереотип к ним не относится, молодежь «не проверяет», насколько он верен.

Остальные два утверждения о пожилых людях, которые были выбраны более чем третью молодых респондентов, относятся к «негативным» стереотипам. Это высказывания, касающиеся стереотипных характеристик пожилых людей на рынке труда. Одно из них отражает дискриминационное отношение к пожилым людям как к той группе работников, которые нежелательны при приеме на работу, а в случае необходимости сокращения рабочих мест или их освобождения для более предпочтительных кандидатов – представителей этой группы в первую очередь сокращают или увольняют. И такое утверждение не является безосновательным. Второй же «негативный» стереотип, с которым согласились более трети молодых респондентов, – «из-за работающих пенсионеров растет безработица среди молодежи». Необходимо отметить, что это высказывание имеет мало общего с действительностью на рынке труда, поскольку белорусское общество уже в течение нескольких десятилетий характеризуется как «стремительно стареющее». Процесс старения населения имеет две взаимосвязанные стороны: в обществе не только значительно увеличивается количество пожилых людей в связи с увеличением продолжительности жизни, но и уменьшается количество детей и молодежи как прямое следствие процесса снижения рождаемости. Поэтому можно утверждать, что даже если пожилые люди освободят свои рабочие места, которые они продолжают «занимать» после выхода на пенсию, то на многих «освободившихся» рабочих местах их некому будет заменить… Таким образом, на примере этого стереотипа мы можем видеть, как эмоциональное суждение, не отражающее реального положения дел, приобретает влияние в некоторых социальных группах и может стать потенциальной причиной конфликтов между представителями разных поколений.

При ответе на поставленные вопросы респонденты в возрасте от 25 до 44 лет (поколение «родители») указали девять высказываний, с которыми согласны треть и более респондентов этой группы: пять утверждений касаются молодежи, и четыре – пожилых людей (рис. 3).

Как и для поколения «дети», все выбранные респондентами-«родителями» утверждения о молодежи являются «позитивными» стереотипами. Самый высокий процент согласия с утверждением – у высказывания об активности и энергичности молодежи. Затем следуют утверждения о технической грамотности молодежи, о более высоком уровне ее развития и образованности по сравнению с молодежью 30–40 лет назад. Практически 40 % респондентов из поколения «родители» транслируют сложившийся в обществе стереотип о том, что «молодежь – опора и надежда общества». Таким образом, в целом для респондентов в возрасте 25–44 года характерна позитивная трансляция восприятия молодежи в обществе. У нас есть основания предположить, что поколение «родителей» с большой вероятностью в понятие «молодежь» включают и себя. Понятие «молодежь» в современном обществе очень растяжимо.

Рис. 3. Наиболее часто выбираемые представителями поколения «родители» утверждения о молодежи и пожилых людях, %

Поскольку в последнее время наблюдается процесс повышения возрастных границ для всех обобщенных понятий (молодежь, старики, пожилые и т. д.), то и верхняя возрастная граница «молодежи» находится где-то в поколении «родители» (даже в науке «молодой ученый» – это ученый в возрасте до 35 лет включительно). И тогда эта возрастная группа, соглашаясь с высказываниями о молодежи, практически говорит о себе.

При выборе же утверждений о пожилых людях «родители» (как и поколение «дети») транслируют дискриминационное отношение к старшему поколению как к работникам. Хотя респонденты в возрасте 25–44 года и говорят о том, что в обществе пожилых людей уважают, все-таки превалирует идея о том, что старшее поколение не должно работать.

Девять утверждений о молодежи и пожилых людях были выбраны более чем $^{1}/_{3}$ респондентов поколения «прародители». Шесть утверждений касаются молодежи, и три – пожилых людей (рис. 4).

Все шесть высказываний о молодежи, выбранных представителями поколения «прародители», являются отражением «позитивных» стереотипов. Следует отметить, что утверждение «Молодежи предоставлены все возможности для образования и развития», с которым согласилось в вопросе о молодых людях наибольшее количество респондентов в возрасте 45–64 лет (42 %), занимает только третью строчку среди наиболее часто выбираемых респондентами этого возраста вариантов ответа на поставленный

Рис. 4. Наиболее часто выбираемые представителями поколения «прародители» утверждения о молодежи и пожилых людях, %

вопрос. Первые две позиции занимают утверждения о пожилых людях (вернемся к ним ниже). Как видно из рис. 4, пять из шести высказываний о молодежи, собравших треть и более голосов респондентов поколения «прародители», представляют собой положительные характеристики молодого поколения (позиции 4, 6, 9), содержат в себе надежду на раскрытие созидательного потенциала молодежи в обществе (позиция 5), а также констатацию предоставления молодежи возможностей для образования и развития со стороны общества (позиция 3). Еще одно высказывание о молодежи касается функционирования молодого поколения на рынке труда (позиция 8). Выбравшие это высказывание респонденты, по всей видимости, транслируют свое мнение о том, что в трудовых отношениях конкурентная победа в «борьбе» за рабочие места – за молодежью.

Треть и более респондентов-«прародителей» согласились с тремя из тринадцати высказываний о пожилых людях. Следует отметить, что первую позицию с наибольшим количеством выборов (ее выбрали чуть более половины всех респондентов этого возраста) занимает утверждение, касающееся функционирования пожилых людей на рынке труда. По всей видимости, представители поколения, по своему возрасту «стоящие на пороге» перехода в еще более старшее поколение, близко к сердцу принимают проблему на рынке труда, с которой, на их взгляд, сталкиваются люди пожилого возраста, а именно – довольно распространенное нежелание работодателей предоставлять рабочие места пожи-

лым людям. Можно предположить, что чувствительность к этому утверждению связана с личным опытом или рассказами родственников/знакомых о том, что в трудовых отношениях люди в возрасте 45–64 лет нередко встречаются с такими решениями руководства предприятий и организаций по отношению к ним.

Вторую позицию по частоте выборов респондентов поколения «прародители» занимает утверждение «Если у пожилых есть силы и потребности, следует предоставить им возможность продолжать профессиональную деятельность». Можно сделать вывод о том, что таким ответом многие представители этой возрастной группы транслируют свое желание продолжить профессиональную деятельность и с наступлением пенсионного возраста. Своеобразным «продолжением» скрытой дискуссии о роли людей старшего возраста на рынке труда является согласие «прародителей» с утверждением о том, что многие пожилые люди сегодня полны сил и энергии.

Респонденты – представители поколения «прапрародители», в отличие от более младших поколенческих групп, отметили всего пять высказываний, с которыми согласились треть и более респондентов этого возраста. Четыре высказывания – о молодежи, и только одно – о пожилых людях (рис. 5).

Первую, вторую, четвертую и пятую позиции в «рейтинге» наиболее часто выбранных поколением «прапрародителей» утверждений занимают «позитивные» стереотипы о молодежи. Особо хотелось бы отметить тот факт, что в этой возрастной группе впервые в группу наиболее часто выбираемых утверждений попало высказывание «Государство поддерживает молодежь». Вероятно, представители самой старшей по отношению к молодежи группе несколько иначе видят роль государства в деле поддержки молодежи, сравнивая нынешнюю ситуацию с временами своей трудной молодости.

Утверждение о пожилых людях было выбрано только одно, и оно отражает «негативный» стереотип о положении пожилых людей на рынке труда. Следует обратить внимание на то, как по-разному отнеслись респонденты – представители поколений, находящихся на противоположных «возрастных полюсах», к утверждению о том, что пожилых людей в обществе уважают.

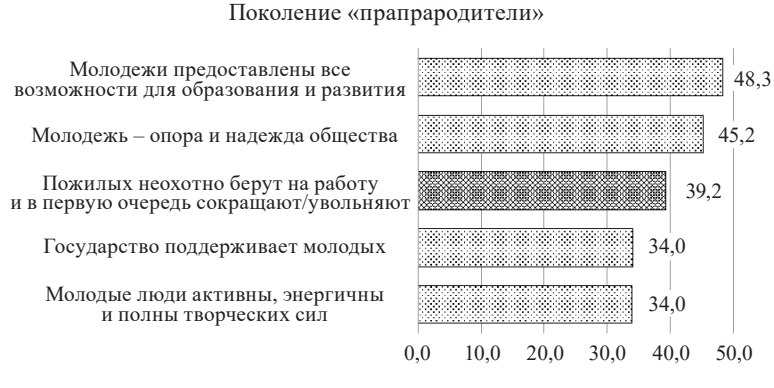


Рис. 5. Наиболее часто выбираемые представителями поколения «прапрародители» утверждения о молодежи и пожилых людях, %

Если почти половина представителей поколения «дети» согласны с таким высказыванием, то респонденты в возрасте 65+ (а именно они – «целевая группа» направленности этого стереотипа) по большей части не согласны с тем, что общество проявляет к ним достаточно уважения: с утверждением согласились менее трети представителей этого поколения. Таким образом, мы имеем следующий результат: у каждой возрастной группы свой набор высказываний, которые, на их взгляд, описывают сложившееся отношение в обществе к молодому поколению и пожилым людям, – и по количеству высказываний, и по набору выбранных утверждений (рис. 6, 7).

Рис. 6. Частотное распределение ответов на вопрос:
«Какое отношение, по Вашему мнению, сформировалось в белорусском обществе по отношению к пожилым людям?» в зависимости от возраста, %

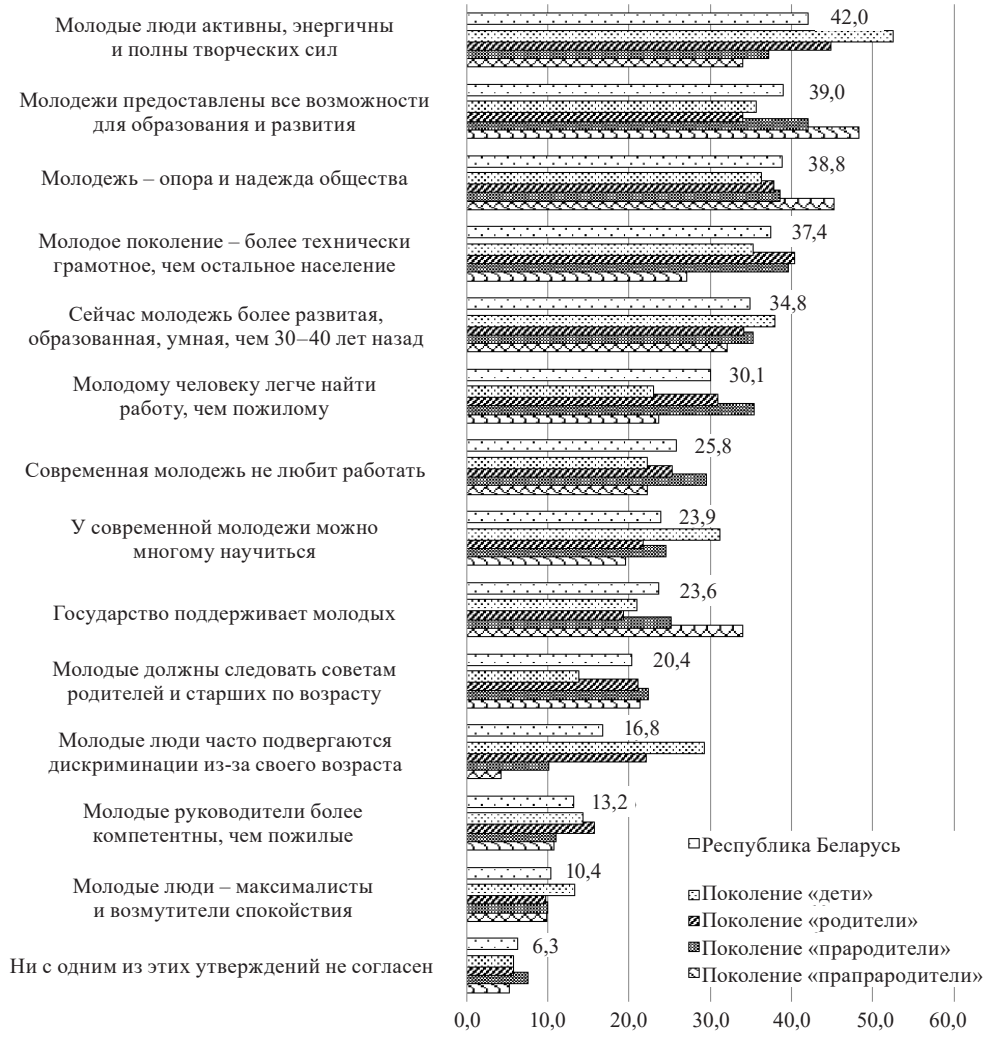


Рис. 7. Частотное распределение ответов на вопрос «Какое отношение, по Вашему мнению, сформировалось в белорусском обществе по отношению к молодому поколению?» в зависимости от возраста, %

Интересно также проследить изменения в выборе предлагаемых утверждений в разных поколенческих группах. По выбору некоторых высказываний прослеживается четкая зависимость от того, в какую поколенческую группу входит респондент. Причем возможны два варианта: первый – чем старше респондент, тем реже он выбирает рассматриваемое выражение; во втором случае ситуация противоположная – чем старше респондент, тем чаще он выбирает выражение. К первому варианту относятся следующие высказывания: «Пожилых людей в обществе уважают», «Пожилые люди не способны к быстрым переменам, консервативны и занудливы», «Опыт по-

жилых людей ценится младшими поколениями», «В обществе ценят пожилых людей за их вклад в развитие нашей страны», «У пожилых людей много политического влияния», «Молодые люди активны, энергичны и полны творческих сил».

Выборы представителями старших возрастных групп указанных вариантов могут быть подтверждением гипотезы о том, что с возрастом у человека усиливается пессимистическое восприятие мира.

Ко второму варианту относится только одно высказывание – «Молодежь – опора и надежда общества». Причем, существенны различия в частоте выбора данного высказывания только для поколения «прапрародителей». Возможно, здесь проявился некий прагматизм по отношению к молодежи, – надежда пожилых людей на помощь именно от молодежи.

Таким образом, анализ представлений наших респондентов о том, как белорусское общество относится к молодежи и пожилым людям, позволил нам сделать вывод о том, что эти представления связаны с социальными стереотипами. Общего для всех стереотипа в отношении исследуемых нами «возрастных полюсов» социально активных групп не выявлено и, по нашему мнению, его не существует. Каждая возрастная группа вносит свое видение в транслируемые социальные стереотипы. И если и существует некая общая для всех «канва», то каждый возраст «вышивает» по этой канве нитями разных цветов.

Список использованных источников

1. *Липпман, У.* Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсона, К. В. Петренко. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

Поступила 06.12.2019 г.

УДК 316.7:94+930.1:316.74

Н. М. БРОВЧУК,

младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье представлен теоретический анализ основных структурных компонентов исторической памяти. Выявлено, что основу исторической памяти как социокультурного явления составляют образы прошлого, знания, традиции, нормы, обряды, ритуалы, ценности и символы общества. Определены основные группы источников и механизмов формирования исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, общество, структурные компоненты, знания, традиции, нормы, обряды, ритуалы, ценности, символы, источники и механизмы формирования.

N. M. BROVCHUK,

Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus,
Minsk, e-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com

STRUCTURAL COMPONENTS OF HISTORICAL MEMORY: THEORETICAL ASPECTS

The article presents a theoretical analysis of the main structural components of historical memory. It is shown that the basis of historical memory as a socio-cultural phenomenon is formed by images of the past, knowledge, traditions, norms, rites, rituals, values and symbols of society. The main groups of sources and mechanisms of forming historical memory are identified.

Keywords: historical memory, society, structural components, knowledge, traditions, norms, rites, rituals, values, symbols, sources and mechanisms of formation.

В настоящее время историческая память является одной из самых востребованных тем для теоретических и эмпирических исследований в социально-гуманитарных науках. Интерес к изучению особенностей формирования, укрепления и воспроизводства исторической памяти во многом обусловлен тем, что одним из ключевых факторов консолидации общества выступают процессы накопления, восстановления, сохранения и передачи его культурно-исторического наследия.

Одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов в социогуманитарных науках является проблема определения структуры и внутреннего содержания исторической памяти, так как, в зависимости от избираемого исследователем подхода, историческая память включает в себя самые разнообразные компоненты. Для социологического изучения исторической памяти,

по нашему мнению, необходимо рассматривать в качестве основополагающего ее компонента *образы прошлого* [1, с. 581].

Как отмечает белорусский социолог Н. Л. Мысливец, первоначально понятие образов прошлого воспринималось как интеллектуальная метафора, однако по мере возрастания актуальности проблемы сохранения людьми своего исторического прошлого данный термин перешел в одну из наиболее важных категорий современного научного знания [2, с. 159].

Например, в концепции «мест памяти» знаменитого французского ученого, историка Пьера Нора, не утратившей своей актуальности и на сегодняшний день, образы прошлого конструируются социальными группами для поддержания единства общества, а места памяти, в которых происходит репрезентация воспоминания о прошлом, представляют собой не столько географические локации, сколько особые точки, несущие в себе символическое значение и концентрирующие память социума [3]. Американский социолог П. Хаттон в своей работе «История как искусство памяти» называл образы прошлого «стереотипами мышления… материалом коллективной памяти, которую мы связываем с живыми традициями» [4, с. 23]. Как полагает российский историк Л. П. Репина, образы прошлого являются одним из уровней исторической памяти [5, с. 42].

В рамках социально-психологического подхода (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм) рассматривается аспект, связанный с психическими явлениями и процессами, происходящими в ходе повседневного взаимодействия людей. Память в данном ракурсе играет далеко не последнюю роль и, как и в других подходах, носит социальный характер. Наиболее видным представителем данного направления является Карл Густав Юнг, который ввел в науку понятие архетипов – универсальных базовых психических образцов, основанных на образах, символах и мифах. Согласно К. Юнгу, в человеке с самого рождения заложена неосознаваемая им определенная духовная предрасположенность, оказывающая важное влияние на его дальнейшую жизнь. Архетипы содержатся в той части человеческой психики, которую Юнг называл коллективным бессознательным, хранящим и накапливающим опыт человечества за всю историю его существования и тем самым способным влиять на внутренний мир отдельного индивида [6]. Именно коллективное бессознательное способствует возникновению и распространению общественных символических образов в каждой исторической эпохе в соответствии с природными и социальными потребностями людей, поэтому осознание своих архетипических образов способствует более глубокому пониманию членами тех или иных сообществ своей истории и своего положения в мире.

В данной статье мы будем отталкиваться от понимания образа прошлого, предложенного российской исследовательницей Л. Н. Мазур: образ прошлого – это устойчивая абстрактно-символьная модель исторической реальности, которая представлена в массовом сознании [7, с. 251]. Эта модель содержит в себе часто противоречивую информацию о событиях, явлениях и процессах

прошлого и преимущественно обращена к чувственно-эмоциональной стороне человеческого сознания. По мнению Л. Н. Мазур, основными свойствами образов прошлого являются:

1) метафоричность;
2) эмоциональный компонент;
3) узнаваемость;
4) ценностная составляющая;
5) целостность;
6) парадоксальность;
7) способность к становлению мифом [7, с. 249].

При этом остается недостаточно изученным вопрос внутренней структуры образа прошлого. Л. Н. Мазур отмечает следующие элементы или стороны: 1) знак/имя (семиотическая сторона); 2) форма/описание (внешнесобытийная сторона); 3) пространство образа (система, в которой он существует) [7, с. 251]. Н. Л. Мысливец выделяет объекты и субъекты образа прошлого в качестве основных компонентов его теоретико-методологической модели. Под объектами исследователь подразумевает образы пространства, времени, исторических событий, образы различных исторических персонажей и др.; субъектами же являются конкретные носители представлений о прошлом, а именно различные государственные и общественно-политические пропагандистские структуры, художественные и политические элиты, предельно широкие социальные категории [2, с. 160–161].

Сама историческая память общества выступает как весьма мощный регулятор общественного сознания, а восприятие событий и процессов настоящего времени находится в непосредственной зависимости от знаний, мнений и оценок событий прошлого [8, с. 31]. Составляющие ее основу образы прошлого многочисленны, бесконечно изменчивы и постоянно подвижны; создаваемая в массовом сознании картина исторической реальности непрерывно дополняется новыми образами, смыслами и интерпретациями, для нее также характерно исключение, забывание, предание забвению тех или иных реалий прошлых лет. Для проведения социологических исследований исторической памяти общества нам представляется целесообразным сосредоточиться на изучении таких разновидностей образов прошлого, как:

1) образы исторических событий;
2) образы людей;
3) образы памятных мест.

Как указывают Л. П. Репина и О. Б. Леонтьева, «память об общем прошлом, представленном историческими событиями, героями, памятными местами, выступает как одно из важнейших средств консолидации и самоидентификации той или иной общности, создания и поддержания ее внутреннего единства» [9, с. 4]. Сосредоточение на этих категориях может стать одним из первых шагов к упорядочению модели карты исторической памяти того или иного общества. Выявление наиболее знаковых исторических событий, изу-

чение эталонных, уникальных или же наиболее типичных образов людей, оказавших влияние на ход истории, определение специфики мемориализации прошлого в местах памятных событий для социологического исследования может в значительной степени упростить процедуру реконструкции исторической памяти, выявить ее пространственные и темпоральные особенности.

Наследование исторического опыта происходит также посредством таких компонентов исторической памяти, как знания, традиции, нравственные нормы, обычаи, обряды и ритуалы, а также ценности и символы. Данный набор компонентов исторической памяти основан на результатах научной работы, проведенной российской исследовательницей М. Г. Дмитриевой [10].

Рассмотрим *знания* членов общества о своей истории и своем историческом прошлом. Традиционно знания являются продуктом познавательной деятельности человека (как в научном ракурсе, так и в области повседневности), который в свою очередь выступает базовым фундаментом, воспроизводящим всю историко-культурную сферу общества. Знания отображают прошлое, работают с исторической реальностью, будь то определенная проблема, ситуация или событие, ориентированы на создание логически обоснованных представлений общества о содержании своей истории. В высказываниях многих видных ученых, писателей и мыслителей прослеживается мысль о том, что знание прошлого помогает лучше понимать настоящее и прогнозировать будущее. Как отмечают В. В. Артемов и Ю. Н. Лубченков, несмотря на различия между историческими периодами жизни человечества в целом, многие особенности остаются неизменными: желание людей улучшить свою жизнь и жизнь своих детей, необходимость трудиться и взаимодействовать друг с другом, стремление найти и осмыслить свое место в мире [11, с. 4], и т. д. Изучение особенностей всех областей человеческой жизни (с точки зрения исторической, социологической, философской и других наук) дает возможность определить глубинные механизмы функционирования общества; само же содержание знаний как компонента исторической памяти определяется не только самой ситуацией, но и теми, кто ее отражает (человек, группа, общество в целом), как в соответствующий самому событию период, так и последующими поколениями.

При этом необходимо учитывать влияние элемента субъективности и домысливания происходивших событий, поскольку знание о том или ином историческом событии формируется не только благодаря объективно существующим доказательствам, но и посредством личных рассказов, сообщений, историй в произвольной форме и т. д., что часто приводит к возникновению исторических мифов. Как показывает опыт изучения восприятия событий из прошедшей истории, люди больше склонны доверять мифам, слухам и легендам, в которых в большей степени концентрируется эмоциональный (и нередко – поучительный) посыл, вносящий свой вклад в формирование образов исторических событий и фигур.

В научной литературе уделяется огромное внимание *традициям*, так как они признаются одним из важнейших механизмов поддержания межличностных отношений в обществе, выполняют организационную, регулятивную и интегрирующую функции. Например, философ и социолог К. Поппер определял традицию как фактор, дающий представление о том, как надо действовать и чего стоит ожидать, его позиция позволяет говорить о том, что традиция вводит элемент единства во все многообразие форм человеческого поведения [12]. Исследователь В. Д. Плахов видел в традиции спецификацию «всеобщих диалектических и общесистемных законов и закономерностей» [13, с. 24]. Однако, как отмечает, например, А. Н. Уткина, из этого проистекают две особенности, которые обязательно необходимо учитывать для понимания сути традиций: 1) традиции способствуют возникновению социальных стереотипов; 2) традиции ориентированы, главным образом, на внешнюю сторону человеческих взаимодействий, не объясняя глубинных причин происходящего [14, с. 191].

Применительно к исторической памяти традиции выступают как элементы социального, исторического и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение, сохраняющиеся на уровне как всего общества, так и отдельных социальных групп на протяжении длительного промежутка времени. Их главная задача заключается в накоплении, сохранении и передаче социальной ценностно-значимой информации, обеспечивая тем самым преемственность между настоящим и прошлым. В традициях увековечиваются образы исторических событий, мест и фигур, закрепляется определенное, разделяемое всеми членами общества или социальной группы отношение к тому или иному фрагменту исторической реальности. Сохраняя свою нацеленность на постоянство, традиции, тем не менее, могут претерпевать изменения, в зависимости от социально-экономических и социокультурных изменений в обществе. Однако их ядро остается при этом, по большому счету, неизменным, дабы избежать информационного «расслоения» сложившейся системы социальных взаимоотношений.

Внешним выражением традиций являются *обычаи*, *обряды* и *ритуалы*. Они семантически достаточно схожи, но относятся к разным аспектам общественной жизни. Обычаи ориентированы на более детальное регламентирование социального взаимодействия, способствуют развитию конкретных привычек и более частных моделей поведения, имеют практический смысл. А вот наличие сакральной, священной составляющей в большей степени характерно для обрядов и ритуалов. В большинстве случаев ее истинный смысл недосягаем, обряды и ритуалы характеризуются большей стабильностью и долговечностью в спектре социальных практик; но при этом ритуал часто описывается как намного более строгая форма социального взаимодействия [10, с. 34–35].

В этих элементах традиций оживает сама история общества, воспроизводится реальность, которая существовала ранее. Во взглядах многих ученых (Дюркгейм, Хальбвакс, Нора, Ассман, Хаттон) присутствует позиция, что

данные компоненты – важнейшее условие реконструирования и воспроизводства исторической памяти на всех уровнях общества.

В них также находят свое воплощение *нормы* и *правила*, принимаемые обществом для поддержания порядка. Данная составляющая отображает глубинные основы конструирования исторической памяти, транслирует четко зафиксированные установки в процессе общественных отношений. Нормативная компонента выступает наиболее строгим показателем нравственной жизни человека и социума, а историческая память осуществляет отбор норм и принципов. Многие нормы и правила приходят из прошлого, предъявляют требования к поведению человека в той или иной ситуации, играют роль якоря не только в морали и нравственности, но и в политике, религии, праве, труде и других сферах человеческой жизни. Они имеют всеобщий характер и, соответственно, затрагивают всех людей. Тот, кто не придерживается их и/или позволяет себе их нарушать, отторгается обществом, и в этом проявляются функции регуляции и власти.

Ценности как элемент исторической памяти отражают общественную и культурную значимость происходящих событий для жизни людей, формируются в процессе человеческой деятельности. Ценности являются ядром любой культуры и любых социальных норм, они не существуют сами по себе и обладают неотъемлемой связью с человеком и с объективным миром.

Одна из наиболее распространенных классификаций ценностей предполагает их разделение на материальные и духовные. Материальные ценности связаны с миром вещей, с реальностью материальной культуры, в которой каждый предмет создан человеком для удовлетворения своих потребностей и служит доказательством его умений, способностей и талантов. В современной культуре прочно укоренилась установка, согласно которой сущность человека во многом определяется его отношением к материальному миру и его благам, и, в целом, для любой культурно-мировоззренческой системы актуальным является вопрос о соотношении ценностной значимости человека, его жизни и материальных ресурсов. Что касается духовных ценностей, то они всегда рассматриваются как индикатор нравственной зрелости человека, общества, уровень богатства любой культуры; важнейшими из них выступают человек, его жизнь, милосердие, взаимопомощь и др. В отличие от норм, ценности всегда относительны.

Во многом ценности предопределяют личное отношение человека к окружающей его действительности. В соответствии с избираемыми им критериями, он определяет одни явления как хорошие, положительные, полезные или значимые; другие же расценивает как негативные, плохие. Восприятие, оценка своей истории, воспроизводство исторической памяти социума давно стало невозможным без этого субъективного компонента; процесс изменения памяти о прошлом тесно соотносится с изменением иерархии индивидуальных и коллективных ценностей, которые, к тому же, выступают еще критерием индивидуальной и групповой идентификации индивидов.

Еще одним важным компонентом в структуре исторической памяти являются *символы*. Многими исследователями подчеркивается наравне с ценностной символическая составляющая объектов и явлений, входящих в историю общества. В широком смысле символ представляет собой любой произвольный знак, который замещает собой другой знак; понятие, действие, явление или предмет, являющиеся заменой для других на основании порой не всегда очевидного сходства. Причем значений и смыслов у символа может быть несколько, и его нельзя назвать постоянным: символ представляет собой динамичное явление, он может и приобретать, и терять смыслы с течением времени.

Историческая память – это средство символической репрезентации прошлого; многие ее компоненты наделены сильной символической составляющей. Образы событий, мест и фигур со многих позиций можно рассматривать как символы, соединяющие самые различные аспекты жизни людей и создающие своеобразные «мосты» между многочисленными пластами социокультурного пространства. Они многочисленны, и могут формироваться естественным и искусственным путем.

Говоря о структурных элементах исторической памяти, нельзя обойти вниманием и вопрос об *источниках* или *механизмах* ее формирования, поддержания и укрепления. Данный вопрос также требует в дальнейшем более детального рассмотрения, поэтому в настоящий момент выделим только основные группы:

1) традиционные средства массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение), способные за максимально короткий срок передать практически любой аудитории информацию любого рода; их способность к убеждению и эмоциональному воздействию делает их одним из основных социальных институтов, обладающим широкими возможностями к созданию информационно насыщенной картины исторической памяти;

2) произведения литературы, кинематографа, изобразительного искусства, способные полномасштабно воздействовать на подсознание и внедрять в него не только существующие научные знания о прошлом, но и различные исторические мифы, придавая тем самым образам прошлого (ключевому, по нашему мнению, компоненту исторической памяти как феномену общественного сознания) живость, полноту, позволяя широкой аудитории ощутить более тесную взаимосвязь со своей историей и удовлетворить свои эмоциональные потребности;

3) информационные материалы сферы образования и науки (учебники, пособия, статьи, монографии и иные результаты научно-исследовательской деятельности), которые формируют, безусловно, научно обоснованную картину исторической памяти, однако вместе с тем и они способны оказать сильное эмоциональное воздействие на людей и существенно повлиять на их взгляды на те или иные исторические события, периоды, эпохи и фигуры, особенно если речь идет о событиях кровопролитных войн, трагедий, преступлений или же периодах побед, триумфов, расцветов;

4) электронно-цифровые ресурсы (интернет-сайты, форумы, блоги, социальные сети и др.). Многие организации и учреждения активно переносят свои информационные ресурсы в цифровое пространство, в значительной степени повышая качество и разнообразие источников памяти о прошлом; речь идет не только об институтах науки, культуры, средствах массовой информации, но и о том, что практически каждый человек, имеющий доступ к компьютеру, сети Интернет, современным средствам и технологиям коммуникаций способен создавать собственный контент, в котором реализуется функция реконструкции исторической реальности, причем как прошлого, так и настоящего времени.

Главной особенностью вышеназванных каналов трансляции исторической памяти является то, что они так или иначе содержат прочно зафиксированную информацию, которая, вне зависимости от интерпретации исследователем, может быть пересмотрена или перепроверена в любой момент времени. Помимо этого, существенно высокими являются возможности сохранения контента подобных информационных каналов и предоставления доступа к ним более широким социальным группам, общностям и/или индивидам.

Вместе с тем данные источники и механизмы формирования исторической памяти характерны, однако, для общества современного типа, чьим главным ресурсом выступают информация и технологии работы с нею, что в определенной степени и упрощает, и одновременно усложняет задачу изучения динамики исторической памяти; в традиционных же обществах ее эволюция происходит преимущественно естественным, трудно отслеживаемым путем, когда основным методом передачи информации от старшего поколения к младшему является устная коммуникация (легенды, предания и т. д.). Как отмечалось уже ранее, это весьма часто приводит к созданию домыслов, мифов и значительно видоизменяет знание таких обществ о своем прошлом.

Как отмечает Л. Н. Мазур, источники и механизмы формирования исторической памяти испытывают на себе прямое воздействие таких факторов, как религия, идеология, рынок и информационные технологии, которые не только определяют особенности информационной среды и культуры общества, но и являются ответственными за фактическое управление всей картиной исторической памяти [7, с. 247].

Таким образом, выделение указанных выше структурных элементов исторической памяти, несмотря на ярко выраженный субъективный характер с элементами условности, в процессе исследования исторической памяти предоставляет возможность выстраивания ее детализированной картины, что, в свою очередь, способствует ее более глубокому осмыслению, выявлению новых проблемных аспектов культурно-исторического пространства социума, а также характеристике факторов, влияющих на ее внутреннее содержание.

Поддержание памяти о своем историческом прошлом, сохранение национальной самобытности и историко-культурного наследия – один из давних приоритетов социально-исторического и культурного развития Республики Беларусь. В связи с этим проблематика исторической памяти является одним из наиболее актуальных и перспективных исследовательских направлений для белорусской социологической науки. В частности, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси примерно с 2010-х годов занимается активной разработкой собственной исследовательской традиции в области исторической памяти. Им уже проведено несколько фундаментальных и прикладных исследований, в рамках которых были предприняты шаги по формированию теоретико-методологической модели изучения исторической памяти.

Например, в рамках белорусско-российского проекта «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ» (2012–2014 гг.) изучались особенности восприятия жителями двух стран событий Великой Отечественной войны, разрабатывались программы социологических исследований для изучения иных исторических событий, изучались материалы средств массовой информации, тексты учебников, используемых в учреждениях образования, и т. д. [15]. Данные одного из ежегодных мониторингов, проводимых Институтом социологии, показали в качестве одного из наиболее влиятельных факторов оценки белорусами своего исторического прошлого таких событий, как Вторая мировая война, авария на Чернобыльской АЭС, распад СССР [16]. Схожие результаты показало другое исследование, проведенное в 2016 г., в котором при помощи метода контент-анализа были исследованы публикации трех крупных белорусских общественно-политических печатных СМИ, посвященные различным сторонам истории Беларуси [17].

Подробно, однако, на этих исследованиях сейчас останавливаться не будем, так как их результаты уже освещены в соответствующих научных публикациях, но вместе с тем отметим, что полученные в их ходе результаты явственно показывают преобладание в общественном сознании как минимум одного исторического события – Великой Отечественной войны, которое воспринимается как одно из самых тяжелых, трагических и в то же время невероятно значимых событий в истории белорусского народа. Соответственно, есть основания говорить о том, что именно это событие играет основополагающую роль в формировании внутреннего содержания исторической памяти Беларуси.

Также необходимо отметить, что данные исследования являлись частью проектов, направленных на внутреннюю консолидацию белорусского общества, что явственно демонстрирует стремление белорусской социологии добиться качественных результатов в гражданско-культурной самоидентифика-

ции и интеграции белорусов не только как представителей своего народа, но и как членов мирового сообщества.

В заключение стоит сказать, что историческая память представляет собой одно из наиболее сложноструктурированных социокультурных явлений, и описанные в данной статье элементы во многом носят условный характер, их содержание очень часто перекликается между собой. Тем не менее определение границ и рамок исторической памяти происходит в зависимости от избираемого исследователем подхода и стоящими перед ним задачами; в значительной степени данная проблема решается в рамках научно-исследовательской конвенции, которая, в свою очередь, непосредственно определяется концептуальной целостностью, логической непротиворечивостью, а также способностью самой исследовательской модели в достаточно большей степени описывать специфику данного социального явления. Затронув в данной статье проблематику структурных компонентов исторической памяти, нами была предпринята попытка проанализировать с теоретических позиций ее внутреннее содержание и определить основу для концептуализации дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. *Бровчук, Н. М.* Образы прошлого как компонент исторической памяти общества / Н. М. Бровчук // International Symposium Experience. Knowledge. Contemporary Challenges 4th ed. «Necessity of new Economic-Social Paradigms in the current globalization Context», Бухарест, 23–24 мая 2019 г. – Бухарест : Ун-т «Artifex», 2019. – С. 581–585.

2. *Мысливец, Н. Л.* Образы прошлого в исторической памяти : теоретико-методологический аспект / Н. Л. Мысливец // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 157–164.

3. *Нора, П.* Франция – память / П. Нора. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.

4. *Хаттон, П. Х.* История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. – 424 с.

5. *Репина, Л. П.* Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33–45.

6. *Юнг, К. Г.* Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М. : Канон, 1994. – 320 с.

7. *Мазур, Л. Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.

8. *Романова, К. С.* Дискурсы исторической памяти / К. С. Романова // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 31–36.

9. *Леонтьева, О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. / О. Б. Леонтьева. – Самара : Книга, 2011. – 448 с.

10. *Дмитриева, М. Г.* Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества : дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / М. Г. Дмитриева. – М., 2005. – 195 с.

11. *Артемов, В. В.* История : учебник для студ. учреждений сред. проф. образования / В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков. – 15-е изд., испр. – М. : Изд. центр «Академия», 2014. – 448 с.

12. *Поппер, К. Р.* Предположения и опровержения: рост научного знания : пер. с англ. / К. Р. Поппер. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 638 с.

13. *Плахов, В. Д.* Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования / В. Д. Плахов. – М. : Мысль, 1982. – 220 с.

14. *Уткина, А. Н.* Роль традиции, мифа и символа в передаче содержания социальной памяти / А. Н. Уткина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 5 (19) : в 2 ч. – Ч. II . – С. 190–192.

15. Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России : сравнительный анализ / под общ. ред. Н. В. Проказиной. – Орёл : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. – 220 с.

16. *Бровчук, Н. М.* Историческая память как социальный феномен: теоретико-методологические предпосылки социологического изучения / Н. М. Бровчук // International Symposium Experience. Knowledge. Contemporary Challenges 3nd ed. «Romania in the Year of the Centenary. The European and global socio-economic Context», Бухарест, 13–14 дек. 2018 г. – Бухарест : Ун-т «Artifex», 2018. – С. 535–543.

17. *Денисова, Н. Ф.* Историческая память белорусов : социологический анализ / Н. Ф. Денисова, Н. М. Бровчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 21–32.

Поступила 05.11.2019 г.

УДК 316.613:159.928:303.4.025

Н. Ф. ДЕНИСОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОДАРЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

В статье представлен обзор подходов к изучению одаренности со второй половины XIX в. по настоящее время. Обзор основан на результатах эмпирических исследований, опубликованных в англо- и русскоязычных источниках. По итогам анализа предложена авторская типология концепций одаренности, выделены ключевые дискутируемые аспекты современных концепций одаренности.

Ключевые слова: одаренность, одаренная молодежь, способности, тестирование, биографический подход.

N. F. DENISOVA,
Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF GIFTEDNESS IN THE SOCIAL SCIENCES

The article provides an overview of development of approaches to the study of giftedness from the second half of the 19th century to the present. The review is based on the results of empirical studies published in English and Russian-language sources. The author's typology of giftedness concepts based on the results of the analysis is proposed, the key debated aspects of modern giftedness concepts are distinguished.

Keywords: giftedness, gifted youth, abilities, testing, biographical approach.

Несмотря на то что период эмпирического изучения такого явления, как одаренность, насчитывает уже более ста лет, на данный момент в социальных науках отсутствует консенсус касательно того, как необходимо определять данное понятие. Очень ярко данную проблему проиллюстрировал А. Зиглер (A. Ziegler) на примере того, как исследователи данной области оценивают количество одаренных в обществе: «Согласно Л. Термену (1925 г.) это будет 1 % населения; в соответствии с Н. М. Робинсоном (2005 г.) – 1–3 %; в соответствии с Л. Дж. Броди и Дж. К. Стэнли (2005 г.) одаренными являются 3 %; в соответствии с Дж. Фрименом (2005 г.) – 5–10 %; в соответствии с Ф. Ганье (2005 г.) – 10 %; по словам Э. В. Гордона и Б. Л. Бридглал (2005 г.) – топ-15 %; и согласно Дж. Рензулли (2005 г.) одаренных 15–20 %» [1, p. 1510]. Представленные оценки не носят случайного характера, каждая из них имеет прочный теоретический и эмпирический фундамент. Вместе с тем такая высокая вариативность ответов о распространенности этого явления демонстри-

рует, что данная каждым исследователем оценка базируется на специфичных, отличных от других представлениях о том, что из себя представляет «одаренность». В силу отсутствия консенсуса в данном вопросе возрастает ценность анализа и типологии представлений об этом явлении в научном дискурсе. Поэтому целью данной работы выступает описание общих черт подходов к изучению одаренности, господствующих в социальных науках. Также мы коснемся и наиболее дискутируемых аспектов этих подходов, так как именно они являются потенциальными точками развития данного исследовательского направления.

Следует также отметить, что в целях избегания терминологической путаницы в дальнейшем понятия «одаренность» и «талант» будут рассматриваться как синонимы. Это связано с тем, что многие ученые не разводили их и использовали как взаимозаменяемые. В случаях, когда предполагается разделение данных понятий в рамках рассматриваемой нами теории или исследования, этот момент будет отдельно упомянут.

На данный момент существует множество определений одаренности, однако в общем виде можно выделить три ключевых аспекта одаренности, на раскрытии которых строятся ее дефиниции:

указание источника одаренности (врожденные либо приобретенные качества, фундирующие одаренность, например, умственные способности);

выделение области проявления одаренности (виды деятельности, в которых можно зафиксировать одаренность, в частности, интеллектуальная деятельность);

определение формы проявления и признаков одаренности (другими словами, критериев идентификации факта наличия одаренности).

Определение одаренности может затрагивать лишь несколько из указанных аспектов, но в случае освещения всех трех оно отвечает на вопросы: благодаря чему, в чем и как проявляется одаренность. Для примера можно привести определение, данное в «Рабочей концепции одаренности», в которой данное явление трактуется как «системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких по сравнению с другими людьми, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности» [2, с. 47]. В этом определении в качестве источника одаренности выступает «качество психики», областью проявления считаются «один или несколько видов деятельности», признаком же проявления одаренности выступают «более высокие достижения по сравнению с другими людьми, незаурядные результаты».

Таким образом, уже само определение одаренности может с разной степенью жесткости задавать предметную рамку рассмотрения. В свою очередь более детально границы и принципы изучения предметной области обозначает выбранный исследователем теоретико-методологический подход, объединяющий в себе комплекс идей и принципов изучения, которые вкупе составляют некоторое описание, модель этого феномена. Вне зависимости от сферы

проявления одаренности (спорт, интеллектуальная деятельность, искусство и пр.), с точки зрения теории любая концепция одаренности всегда отвечает на два ключевых вопроса – о структуре и динамике изменения данного явления. С точки зрения методологии она всегда описывает критерии и принципы идентификации и измеримости одаренности. Эти универсальные аспекты концепций будут использоваться нами в качестве оснований для группировки теоретических и методологических подходов к изучению одаренности.

Теоретико-методологические подходы могут быть разделены на три группы в зависимости от структурной сложности принятой в них модели одаренности.

Унарные модели одаренности рассматривают одаренность как высокий уровень развития одной группы способностей в определенной сфере деятельности. Остальные качества личности могут либо игнорироваться, либо анализироваться как факторы, оказывающие влияние лишь на реализацию одаренности в форме достижений (но не само наличие у человека одаренности). Так, например, сверхмотивация может рассматриваться как катализатор одаренности, но не признается ее компонентом.

Одним из наиболее ярких примеров этого подхода является лонгитюдное исследование «The Genetic Studies of Genius» (1921–1959 гг.), проведенное научным коллективом Стэнфордского университета под руководством Л. Термена. В 1921 г. с использованием шкалы интеллекта Стэнфорда–Бине было отобрано примерно 1500 детей в возрасте 11 и 14 лет из примерно 250 000 детей данного возраста, проживающих в Калифорнии [3]. Одаренность рассматривалась как высокий уровень развития мыслительных способностей, которые постоянно присутствуют у носителя и отличают его от остальных людей. Что это значит с точки зрения исследователя?

Сведение понятия одаренности к определенному виду способностей предоставляет исследователю возможность выявлять одаренных посредством оценки развития данных способностей у индивида. Следует отметить, что это представление дополнялось также допущением, что уровень интеллекта может быть объективно количественно измерен посредством специальных тестов. Признание перманентного характера одаренности позволяет утверждать, что одаренность как качество личности не может быть утеряна в течение жизни человека. С исследовательской точки зрения это означает, что однократно выявленный факт наличия одаренности гарантирует, что человека можно считать одаренным до конца его жизни, а значит, становится возможным проследить, как происходит реализация одаренности в форме значимых достижений в определенном виде деятельности.

Таким образом, одаренность в интеллектуальной деятельности сводилась Л. Терменом к высокому уровню интеллекта и носила характер врожденной, перманентной, измеримой способности. Одной из целей этого масштабного проекта было выявить, действительно ли высокий уровень интеллекта является ключевым элементом одаренности и позволяет добиваться исключи-

тельных достижений по сравнению со сверстниками. Отчасти эта гипотеза подтвердилась: к своим 40 годам исследуемыми одаренными были написаны 67 книг, около 1400 статей и более 400 рассказов или пьес, что примерно в 10–30 раз больше, чем аналогичные показатели для случайной выборки из 800 их сверстников. Однако одаренность проявилась как более сложный феномен, реализация которого может обусловливаться и рядом других качеств личности. В 1950-х гг. Л. Термен осуществил попытку проверить, какие факторы, не связанные с интеллектом, опосредуют жизненный успех одаренных. Для этих целей он провел сравнение двух подгрупп своих испытуемых: 150 наиболее успешных и 150 наименее успешных участников проекта. Различия между ними нельзя было объяснить разницей в интеллектуальном уровне, так как все участники проекта отличались высочайшим уровнем IQ. По итогам исследования Л. Термен пришел к выводу, что наибольший контраст между данными двумя группами лежал в способности к эмоциональной и социальной адаптации и целеустремленности [4].

Таким образом, унарные модели одаренности обладают простотой в прикладном использовании: выбор критериев идентификации одаренных сужен до одной группы способностей (психомоторных, когнитивных или пр.). Однако редуцирование одаренности до одной группы способностей значительно снижает прогностический потенциал исследования (в плане предсказания достижений).

Поликомпонентные модели одаренности с доминирующей ролью специализированных способностей определяют одаренность как результат констелляции нескольких типов способностей личности, однако из них ядром одаренности признаются лишь профильные для определенной сферы деятельности качества. Примером использования такого теоретического подхода выступает Мюнхенское лонгитюдное исследование одаренности (1985–1997 гг.), в котором одаренность рассматривалась как результат констелляции нескольких факторов. С одной стороны, это источники (предикторы) одаренности – разнообразные способности (интеллектуальные, творческие, музыкальные и пр.), которые требуются для успешности в определенной области деятельности. А с другой, – это факторы-модераторы, опосредующие применение и развитие этих способностей (не-когнитивные личностные характеристики и условия среды) [5, p. 151].

Подобного рода модели одаренности более трудоемки в рамках исследований, так как требуют сложной проверки на валидность, а также многокритериального отбора одаренных по набору разнообразных качеств. Вместе с тем эти сложности компенсируются повышением прогностического потенциала исследований.

Поликомпонентные модели без доминирующей роли специализированных способностей признают существенный вклад в одаренность способностей, непрофильных для сферы ее проявления (например, таких, как мотивация). Вклад такого рода качеств в одаренность наряду с профильными способностя-

ми признается равноценным либо даже преобладающим над ними. Примером подобных концепций одаренности выступает теория трех колец Дж. Рензулли. Рензулли определяет одаренность как «взаимодействие между тремя основными группами качеств человека – способностями выше среднего уровня, целеустремленности и способностями к творчеству» [6, p. 87]. При этом ученый подчеркивает, что ни один из данных компонентов не способен сам по себе сделать человека одаренным и все три компонента должны рассматриваться как равные.

Отказ от признания доминирующей роли специализированных способностей в одаренности приводит к тому, что одаренность в таких концепциях трактуется как развиваемое и управляемое качество. Другими словами, при среднем уровне способностей в какой-либо деятельности коррекция других качеств личности может стать импульсом для ее развития.

Помимо типологии подходов по их структурной сложности, теоретико-методологические подходы могут быть сгруппированы в зависимости от принятой в них интерпретации изменчивости одаренности. Рассмотрим данные типы подходов подробнее.

Теории статической одаренности описывают одаренность как перманентное и неизменное качество, присущее ее носителю на протяжении всей жизни, вне зависимости от того, реализуется ли она в каких-либо достижениях либо нет. В таком ключе одаренность понималась Ф. Гальтоном, а также трактовалась в исследовании «The Genetic Studies of Genius» Л. Термена. Признание статического характера одаренности предоставляет исследователю широкие возможности в выборе групп одаренных. Так, выбрав критерии идентификации, можно отобрать одаренных на любом этапе их жизни и изучать как в ретроспективном, так и в перспективном плане, поскольку они перманентно всегда были и будут одаренными. Вместе с тем такая трактовка фактически отрицает возможность коррекции одаренности: можно нивелировать социальные барьеры для реализации одаренности в форме достижений, однако никак нельзя ее сформировать у человека.

Теории динамической прогрессивной одаренности рассматривают одаренность как развиваемое качество личности. В таком понимании одаренность может рассматриваться и как врожденное качество, и как продукт обучения, но при этом в каждом случае постулируется необходимость усилий по формированию одаренности. Способности, фундирующие одаренность, первоначально являются лишь задатком, нереализованным потенциалом и требуют определенной работы (обучения, воспитания, опыта) для достижения мастерства. Примером таких интерпретаций одаренности выступают «Мюнхенская динамическая модель способность-достижение», дифференцированная модель одаренности и таланта Ф. Ганье, исследование математически одаренной молодежи (Study of Mathematically Precocious Youth).

В подходах данного типа сложным и дискутируемым вопросом выступает выбор точки отсчета, с которой можно говорить, что человек обладает ода-

ренностью (либо потенциальным набором качеств, достаточным для развития одаренности).

Теории динамической нестабильной одаренности интерпретируют одаренность как такое качество личности, которое может изменяться не только в сторону прогресса (усиления), но и в сторону регресса (снижения способностей), вплоть до полного исчезновения. Тезис о нестабильном характере одаренности был сформулирован на основе результатов ряда исследований, демонстрирующих регресс способностей, фундирующих одаренность человека в определенной сфере. Одним из ярких примеров выступает изучение такого компонента одаренности, как креативность. Так, Э. П. Торренс в исследованиях творческого мышления среди учащихся трех школ Миннесоты в 1958–1964 гг. зафиксировал значительное снижение творческих способностей при переходе учеников от начальной к средней школе и связал это с влиянием неблагоприятных социальных факторов, бедности [7, p. 286].

Следует отметить, что использование в исследованиях модели нестабильной одаренности крайне усложняет работу в методологическом и методическом плане, так как требует не просто поиска критериев идентификации одаренных, но и организации постоянного мониторинга динамики изменения одаренности.

В целом на данный момент подходы, основанные на поликомпонентных, динамических моделях одаренности, представляются наиболее перспективными в силу большего прогностического потенциала и большей приближенности к действительности.

В свою очередь, с точки зрения методологии, исследовательские подходы могут быть типологизированы в зависимости от критериев и принципов идентификации факта наличия одаренности.

Тестологические подходы к одаренности базируются на допущении, что способности, фундирующие одаренность, являются количественно измеримыми. Следовательно, посредством специально подобранных заданий (тестов) возможно оценить степень развития способностей и идентифицировать людей с высоким уровнем развития, опережающим их сверстников. Одним из наиболее известных инструментов, используемых в такого рода подходах к идентификации одаренных, стали тесты IQ. Аргументом в пользу тестологических подходов выступает минимизация субъективности при выявлении одаренных: оценка способностей посредством тестов в меньшей степени зависит от субъективного мнения исследователя, чем отбор одаренных на основе значимости их достижений. Вместе с тем применение тестологических подходов к изучению одаренных сопряжено с необходимостью решения ряда трудностей методологического плана. С одной стороны, для комплексной оценки уровня развития определенной группы способностей человека требуется создание и проверка на валидность многокритериальных тестов, охватывающих ключевые компоненты данных способностей. С другой, – при разработке тестов необходимо учитывать потенциальные социокультурные ограничения.

Так, например, данные особенности не были учтены Л. Терменом при использовании шкалы интеллекта Стэнфорда–Бине, все вопросы которой имели вербальную форму, в силу чего их успешное прохождение зависело от уровня знания английского языка.

Однако такого рода трудности являются преодолимыми, в отличие от ключевого пункта критики тестологических подходов: результаты тестирования обладают слабым прогностическим потенциалом и не способны с высокой степенью надежности определять, станут ли выявленные способности в дальнейшем основой для значимых достижений в определенной сфере деятельности. Так, несмотря на то, что в целом изученная Л. Терменом когорта одаренных отличается положительными, успешными биографическими траекториями, тестирование не позволило выявить на этапе отбора двух будущих нобелевских лауреатов по физике (У. Шокли и Л. Альварес), которые проходили тестирование наряду с другими школьниками Калифорнии, однако не попали в выборку. Вместе с тем следует отметить, что тестологические подходы развиваются, стремясь преодолеть указанные недостатки, и на данный момент активно применяются в исследованиях одаренности.

Биографические (фактологические) подходы к изучению одаренности основываются на выявлении фактов биографии (моделей поведения, достижений), которые рассматриваются в качестве свидетельства одаренности человека. В качестве таких свидетельств, подтверждающих одаренность, могут выступать значимые (признаваемые другими людьми) достижения: такого подхода придерживался Ф. Гальтон в своей работе «Наследственный гений» (1869 г.), определяя одаренных по их репутации. Также признаком одаренности могут выступать такие факты биографии, которые свидетельствуют об опережении развития индивида по сравнению со сверстниками. В качестве примера применения данной разновидности биографического подхода выступает исследование математически одаренной молодежи (Study of Mathematically Precocious Youth, сокр. SMPY), начатое в Университете Джона Хопкинса в 1971 г.

Отличительной чертой этого исследовательского проекта стал отказ от попыток выделить одаренность как изучаемую предметную область (то есть как набор способностей) в пользу изучения преждевременности интеллектуального развития в определенной области как маркера одаренности. Первоначально в данном исследовании в изучаемую выборку входили дети в возрасте до 13 лет включительно, которые на добровольной основе участвовали в экзамене Scholastic Aptitude Test (сокр. SAT, тест, который абитуриенты сдают для поступления в высшие учебные заведения США) и демонстрировали высокие достижения в разделах математики (позже отбор проводился и по высоким достижениям в разделе анализа текста) [8, p. 319]. Исследователи исходили из того, что различия в способностях и мотивации, как ключевых элементах одаренности, наиболее ярко проявляются в достижениях, а не в традиционных тестах умственных способностей, используемых в американских школах.

Поэтому факт опережения в развитии интеллектуальных способностей, выраженный в высоких баллах на экзамене, ориентированном для старшей возрастной группы, имеет большую прогностическую способность, нежели более абстрактный уровень IQ, который никак не фиксирует влияние мотивации на развитие и использование способностей человека.

Ключевой проблемой использования фактологических подходов выступает нестандартизированный характер биографической информации, что требует большой интерпретативной работы исследователя. Исследователь определяет, какие факты биографии являются существенными и несущественными, какие достижения человека значимы и свидетельствуют о незаурядных способностях и одаренности. Все это является основой для критики биографических подходов в субъективизме исследователей при идентификации одаренных.

Комбинированные подходы к изучению одаренности являются попыткой преодоления проблем использования тестологического и биографического подходов путем их совместного применения. В основе комбинированных подходов лежит идея взаимосвязи способностей и поведения, биографии: без способностей в определенной сфере деятельности индивид не может достичь сколь-либо значимых результатов. Следовательно, тестирование способностей и анализ биографий (достижений) индивида позволяет увеличить прогностический потенциал исследования и снизить степень субъективизма исследователей при поиске и идентификации одаренных. Примером использования комбинированного подхода при идентификации одаренных выступает Мюнхенское лонгитюдное исследование одаренности. В рамках данного исследования на первом этапе отбора одаренных учителя, на основании имеющейся у них информации (академической успеваемости, фактах биографии, достижениях и пр.), формировали перечень из лучших (по сравнению со сверстниками) 30 % учеников в пяти исследуемых областях проявления одаренности. На втором этапе проводилось тестирование с целью отбора из предложенных учителями детей лиц с наивысшим уровнем развития способностей в одной из пяти сфер деятельности. Таким образом, исследователи, с одной стороны, упростили работу с нестандартизированной биографической информацией, отдав на первом этапе право принятия решения экспертам – учителям, которые хорошо знают своих учеников. На втором этапе с целью отобрать 10 % от этой группы (в каждой области одаренности 2–5 %) было проведено тестирование, которое рассматривалось как более формализованный и объективный по сравнению с экспертными мнениями инструмент оценки способностей [5, p. 151].

Следует отметить, что использование комбинированных подходов в исследовании одаренных при всех своих преимуществах является более трудоемким и ресурсозатратным вариантом, чем тестологический или фактологический подход, что ограничивает его распространенность на практике.

Таким образом, опираясь на описанные в начале статьи три ключевых аспекта дефиниции, мы можем определить *одаренность* как способность че-

ловека демонстрировать превосходство среди своих сверстников в какой-либо сфере деятельности посредством достижения в ней исключительных результатов или демонстрацией возможностей для их достижения, подтверждаемых специальными тестами. Следует отметить, что данное определение одаренности обладает формальным характером: оно фиксирует внешние атрибуты одаренности как явления, однако не включает в себя сведения о его сущности, – о тех качествах личности, благодаря которым достигается превосходство в какой-либо деятельности над другими людьми.

Представления о сущности данного явления раскрываются через комплекс идей и допущений, которые можно объединить под понятием «модель одаренности». Данная модель выступает своего рода дорожной картой исследования, определяя возможности контроля, сопоставимости и воспроизводства эмпирических результатов. Вместе с тем представления о сущности одаренности являются наиболее дискутируемым, а значит, и динамично изменяющимся научным знанием. Именно в силу дискуссионности этого знания, эволюция теорий одаренности протекает в направлении роста структурной сложности моделей и отражении в них динамического состояния одаренности.

С методологической точки зрения также открытым остается вопрос об оптимальных критериях и подходах к идентификации факта наличия одаренности. Выбор критериев и принципов идентификации ограничивается не только допустимой время- и ресурсозатратностью исследования, но и во многом – принятой исследователем теорией одаренности. Так, если ученый допускает возможность измеримости способностей одаренных, а также возможности деконструкции одаренности на составляющие, становится возможным и использование количественных методов. В обратной ситуации, если одаренность признается неизмеримым, уникальным, эмерджентным явлением, исследователь ограничен лишь качественными методами и должен рассматривать каждый случай одаренного как отдельный кейс. Таким образом, только комплексная интерпретация понятия «одаренность» (как с точки зрения формальных признаков, так и сущностных характеристик) позволяет наиболее четко определить границы объекта и выбрать оптимальные методы изучения.

Список использованных источников

1. *Ziegler, A.* Research on Giftedness in the 21st Century / A. Ziegler // International Handbook on Giftedness / ed. L. V. Shavinina. – Springer, 2009. – P. 1509–1524.

2. *Богоявленская, Д. Б.* Рабочая концепция одаренности [Электронный ресурс] / Д. Б. Богоявленская // ЭСМ: Федеральный образовательный портал. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/124/877/1219/03bogoyavlenskaya46-68.pdf. – Дата доступа: 23.11.2019.

3. *Terman, L. M.* Genetic studies of genius / L. M. Terman. – Stanford, CA. : Stanford Univ. Press, 1926. – Vol. 1 : Mental and physical traits of a thousand gifted children. – 670 p.

4. *Terman, L. M.* Genetic studies of genius / L. M. Terman, M. H. Oden. – Stanford, CA. : Stanford Univ. Press, 1959. – Vol. 5 : The gifted group at mid-life. – 216 p.

5. *Perleth, C.* Selected Results of the Munich Longitudinal Study of Giftedness: The Multidimensional Typological Giftedness Model [Electronic resource] / K. A. Heller, W. Sierwald, C. Per-

leth // Roeper Review. – 1993. – Vol. 15, No. 3. – P. 149–155 // Taylor & Francis Online. – Mode of access: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02783199309553491. – Date of access: 23.11.2019.

6. *Renzulli, J. S.* What Makes Giftedness? Reexamining a Definition [Electronic resource] / J. S. Renzulli // Phi Delta Kappan. – 2011. – No. 2. – P. 81–88 // SAGE J. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003172171109200821?journalCode=pdka. – Date of access: 23.11.2019.

7. *Cramond, B.* Report on the 40-Year Follow-Up of the Torrance Tests of Creative Thinking: Alive and Well in the New Millennium [Electronic resource] / B. Cramond, J. Matthews-Morgan, D. Bandalos, L. Zuo // Gifted Child Quarterly. – 2005 – No. 3. – P. 283–291 // SAGE J. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/001698620504900402. – Date of access: 23.11.2019.

8. *Lubinski, D.* Study of Mathematically Precocious Youth After 35 Years Uncovering Antecedents for the Development of Math-Science Expertise [Electronic resource] / D. Lubinski, C. P. Benbow // Perspectives on Psychological Science. – 2006. – No. 6. – P. 316–325 // SAGE J. – Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1745-6916.2006.00019.x. – Date of access: 23.11.2019.

Поступила 16.11.2019 г.

УДК 316.334.2(476)

Е. В. КАРГАПОЛОВА,

доктор социологических наук, профессор,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва,
e-mail: k474671@list.ru

МОЛОДЕЖЬ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ «НОВОГО ВАРВАРСТВА» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА)

В статье на основе результатов социологического мониторинга представлен анализ проявлений у молодежи конкретного российского региона феномена современного общества – «нового варварства». «Новое варварство» отражается в росте доли безразличных к своему региону, потере ощущения локальности как привязанности к региону на фоне усиления локально-поселенческой идентичности; растет ксенофобия и нетерпимость к другим культурам; падает поддержка базовых ценностей при росте осознания опоры только на собственные силы. Под влиянием новых масс-медиа трансформируется структура информационных предпочтений, но одновременно «включаются» также паттерны сохранения традиционных образцов культуры, что проявляется в росте посещаемости молодежью традиционных культурно-массовых учреждений – театров, музеев, библиотек.

Ключевые слова: молодежь, регион, новое варварство, социологический мониторинг.

E. V. KARGAPOLOVA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, e-mail: k474671@list.ru

YOUTH OF THE REGION IN THE CONDITION OF "NEW BARBARISM" (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL MONITORING)

The article analyzes the manifestations of the phenomenon of "new barbarism" among young people in a particular Russian region on the results of sociological monitoring. The "new barbarism" is reflected in the growth of the proportion of people who are indifferent to their region, in the loss of the sense of locality as an attachment to their region against the background of the strengthening of local-local identity; in the growth of xenophobia and intolerance to other cultures; in the fall of basic values with the growing awareness of reliance only on their own forces. The structure of information preferences is changing under the influence of new mass media, but at the same time the patterns of preservation of traditional cultural practices are activated, which is manifested in the growth of youth attendance of traditional cultural institutions – theaters, museums, libraries.

Keywords: youth, region, new barbarism, sociological monitoring.

Молодежь – активная часть общества, «пионеры» распространения инноваций, чуткий и оперативный индикатор всех происходящих в социуме перемен. Посредством ИКТ молодые люди включаются в современные процессы, одним из которых является глобализация. Как отмечают исследователи, процесс глобализации в последние десятилетия постмодерна также модифицируется и «осуществляется посредством формирования сетей и потоков. Локальность теряет значение и деградирует, если она оказывается вне потока или узла глобальной сети. Оборотной стороной господства высоких технологий и соответствующих социокультурных паттернов в узлах и потоках является архаизация сообществ, точнее – своего рода новое варварство, поскольку традиция в них тоже утрачена, а точнее, уничтожена модернизационными процессами» [2, с. 14]. Таким образом, молодые люди сталкиваются с одной из проблем современного человека – феноменом «нового варварства». «Варварство – это нечто, что идет вразрез с моральными ценностями и часто ассоциируется с жестокостью и свирепостью, нечеловеческой жестокостью. “Новое варварство” – феномен, противостоящий культуре. Конечно, человеческая история богата варварскими действиями, совершенными как “цивилизованными” обществами, так и “дикими” племенами. Однако сегодня любое действие, которое вызывает понимание среди людей, приближает нас к цивилизации, а любое действие, которое создает рознь и конфликты, – к варварству» [4, с. 43]. Характеристиками «нового варварства» являются низкая ценность человеческой жизни, жестокость и насилие, стремление к разрушению (материальных объектов), ориентация на потребление; опора на традицию и мифологический способ миро-объяснения, отрицание ценностей чужой культуры, бездуховность, усиление системного насилия через медиа [4]. «Новое варварство» – один из модусов «критического перехода от некоторого прошлого к неопределенному будущему» [10, с. 71].

На основе результатов конкретного социологического исследования рассмотрим черты «нового варварства» в сознании и поведении молодежи одного из регионов Российской Федерации – Астраханской области[1]. Для начала отметим значительный рост (с 11 до 19 %) доли тех молодых людей, которые не испытывают особых чувств к своему региону. Эта тенденция, но в меньшей степени, затронула даже пожилых (данная категория в этой возрастной груп-

[1] Источник эмпирической информации – результаты мониторингового социологического исследования, проведенного под руководством Е. В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае–июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле–мае 2016 г. (N = 1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Проведен межпоколенческий анализ результатов на основе таблиц сопряженности.

пе выросла с 7 до 12 %). То есть локальность вообще потеряла свое значение для каждого пятого молодого и каждого восьмого пожилого астраханца.

Тенденции архаизации, на наш взгляд, достаточно ярко проявляются при анализе иерархии базовых ценностей астраханцев: по результатам последней волны исследования (2016 г.) зафиксировано резкое падение степени поддержки этих ценностей по сравнению с результатами первой волны (2010 г.)[1]. На основе межпоколенческого анализа была определена иерархия базовых ценностей молодежи региона, степень межпоколенческой преемственности/разрывов в структуре ценностных ориентаций астраханцев. В первую очередь необходимо отметить, что среднее значение поддержки базовых ценностей для каждой возрастной группы находилось в 2016 г. в пределах 3,54–3,58 балла. Это позволяет сказать, что в целом вся система ценностей в той или иной мере является основополагающей для каждой возрастной группы, а различия проявляются в обратно пропорциональной зависимости для части переменных.

Различия между группами «молодые» и «взрослые» не составляют в 2016 г. более 5 % в 10 случаях из 14. Отличия более 5 % обнаруживаются в таких переменных, как своевольность (10,4 %), порядок (5,1 %), независимость (6,3 %), традиция (7,1 %). Молодежь больше предпочитает своевольность (и это тревожный симптом), а три другие переменные скорее характерны для взрослой части населения. Несколько другую картину можно обнаружить, сравнивая группы «взрослые» и «пожилые». Отличия более 5 % обнаруживаются в семи переменных: благополучие (9,2 %), своевольность (15,1 %), свобода (6,9 %), независимость (4,9 %), властность (19,1 %), жертвенность (6,3 %), традиция (7,9 %). В данном случае такие ценностные ориентации, как благополучие, жертвенность и традиция, в значительной степени более присущи людям старшего возраста, другие четыре – среднего.

Еще больше различий было обнаружено при сравнительном анализе молодежи и пожилых. Более половины переменных (8 из 14) статистически различаются для групп «молодые» и «пожилые»: своевольность (23,9 %), властность (22,5 %), традиция (15,7 %), порядок (8,4 %), благополучие (7,7 %), жертвенность (6,3 %), свобода (5,7 %), семья (5 %). Своевольность, свобода и властность в значительной мере более актуальны для молодежи, в то время как пять других ценностей присущи людям старшего возраста.

После нахождения отличительных для каждой группы переменных были установлены общие для всех возрастных групп ценностные ориентации по степени их поддержки. В 2016 г. это нравственность, инициативность и жизнь

[1] Проведенное исследование базировалось на методике изучения структуры ценностей Н. И. Лапина. Отличительная особенность этой методики – выявление кластеров ценностей, которые являются основными ориентирами в поведении индивидов. В методике используются 14 базовых ценностей, распределенных в иерархическом порядке, по признаку наиболее основополагающего характера для индивида. В процессе анализа ценности также были разделены на два кластера: интегрирующий и дифференцирующий. Суть подобного разделения в придании дополнительного смысла каждой ценности: для интегрирующих это функция интегрирования, а для второго кластера – функция сохранения и преобразования социальной структуры (более подробно о данной методике см., например, [7]).

человека. Несмотря на количественные отличия, необходимым представляется анализ кластеров ценностей, что позволит выявить, являются ли межпоколенческие отличия качественными. После распределения изучаемых переменных по кластерам были получены следующие результаты. Во-первых, для населения Астраханской области в 2016 г. предложенные ценностные ориентации не являются основополагающими, так как не наблюдается переменных в диапазоне интегрирующего ядра (свыше 4,4 балла). Во-вторых, для групп «молодые» и «взрослые» не наблюдается никаких качественных отличий во всех кластерах (разница лишь в иерархии внутри кластеров). Отличия имеет только группа «пожилые»: здесь две переменные переместились из дифференцирующего кластера в интегрирующий. Таким образом, интегрирующий кластер ценностей у людей старшего возраста больше, чем у молодежи и взрослых, что является свидетельством большей степени устойчивости системы ценностных ориентаций пожилых. Можно сказать, что в 2016 г. не наблюдается значительных отличий между возрастными группами. Однако заметна тенденция: чем моложе возрастная группа, тем менее актуальны для нее базовые ценности [5].

Анализируя динамику системы ценностей астраханской молодежи, еще раз подчеркнем, что падение поддержки базовых ценностей «лишило» в 2016 г. молодежь, так же, как и остальные возрастные группы астраханцев, интегрирующего ядра ценностей, что проявляет тенденции архаизации, «новое варварство». В интегрирующем резерве ценностей молодежи осталось четыре ценности из семи: жизнь человека, общительность, семья, порядок. Либеральные, западные ценности благополучия, свободы и независимости перешли из интегрирующего резерва в оппонирующий дифференциал, то есть в группу ценностей, которая не разделяется большинством членов общества. Но вместе с этими ценностями в оппонирующий дифференциал перешла и ценность традиции. Подобная ситуация может быть описана в терминологии аномии, нормативно-ценностного вакуума, который заполняется опасными инновациями – симулякрами ценностей потребления, успеха, комфорта, вседозволенности. А как отмечает Н. И. Лапин, «модели саморазвивающихся инновационных сред соответствуют положениям постнеклассической научной рациональности, в центре внимания которой оказывается этика стратегических субъектов саморазвивающейся среды, ориентирующая их на сохранение их целостности и их сборку» [6, с. 12].

«Новое средневековье», «новое варварство» отражается также в преобладании у молодежи локально-поселенческой идентичности, хотя ее уровень в этой группе ниже, чем у взрослых и пожилых. Во всех возрастных группах наблюдается рост региональной территориально-поселенческой идентичности, однако у молодежи ее уровень остается ниже, чем у взрослых и пожилых (55 % против 61 %). Кроме того, ниже, чем у пожилых, у молодежи идентификация с жителями федерального округа (35 % против 45 %), всей России (31 % против 35 %), бывших республик СССР (22 % против 34 %). Интересно только

отметить, что если региональная и общероссийская идентичность выросла у молодежи на 6 %, то идентичность с жителями бывших республик СССР – на 14 %. Также симптоматично, что распространение новых ИКТ, как это ожидалось по оптимистичным прогнозам, не привело к возникновению у молодых людей, пионеров Интернета, устойчивых межстрановых сетей коммуникаций: идентификация с жителями всей Земли выросла, так же, как и у взрослых, на 6 %, но не превысила этот показатель у взрослых, а только у пожилых (в этой группе данный показатель, напротив, снизился на 7 %) (табл. 1).

Таблица 1. **Ответы астраханцев на вопрос: «Вы чувствуете свою близость с такими людьми…» (% от опрошенных по сумме ответов «свое» + «близкое, но не свое»; по столбцу)**

Вариант ответа	Молодые		Взрослые		Пожилые		Итого	
	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.	2010 г.	2016 г.
Жители поселения, в котором я живу (деревни, села, города)	72	74	75	79	78	85	77	77
Жители всего моего региона (республики, края, области, округа)	34	55	30	61	40	61	33	57
Жители моего федерального округа	н/д	35	н/д	38	н/д	45	н/д	37
Жители всей России	25	31	20	33	28	35	22	33
Жители бывших республик СССР	8	22	14	27	27	34	15	24
Жители всей Земли	13	19	14	20	20	13	15	18

«Новое варварство», отсутствие подлинной системы общечеловеческих ценностей, заменяемое симулякрами трансгуманизма и толерантности, рост социокультурных дистанций, сужение горизонтов мышления, уровня истинной образованности в условиях технологизации системы образования приводят к росту ксенофобии среди молодежи: примерно каждый третий среди представителей молодого поколения отмечает напряжение в отношениях между приезжими и коренным населением региона. Только 22 % молодых людей считают отношения с переселенцами устойчивыми и хорошими, тогда как среди пожилых эта категория составляет 30 % (табл. 2).

Таблица 2. **Ответы респондентов на вопрос: «Если Вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?» (% от опрошенных; по столбцу)**

Вариант ответа	2010 г.				2016 г.			
	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого
У них сложились устойчивые хорошие отношения	19	23	29	25	22	22	30	23
В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения	45	48	36	44	41	40	42	40
Отношения неровные, нередко возникает напряжение	14	9	7	9	13	12	7	12

Окончание табл. 2

Вариант ответа	2010 г.				2016 г.			
	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого
Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают полицию	9	4	2	4	7	4	3	5
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	3	3	4	3	2	4	3	3
Затрудняюсь ответить	9	12	20	11	11	15	13	13

Результаты опроса отражают динамику значимости опоры на собственные силы у населения региона (табл. 3). При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих», во всех возрастных группах выросла доля выборов однозначного варианта «полностью зависит»: среди молодежи с 78 до 84 %, среди взрослых – с 63 до 75 %, среди пожилых – с 49 до 70 %. У молодежи региона самый высокий уровень значимости опоры на собственные силы для улучшения своей жизни зафиксирован уже в 2010 г. Так, по мнению Г. Ф. Ромашкиной и В. А. Давыденко, можно говорить о формировании у определенной части населения граждански самостоятельного, инновационного типа личности и ослаблении патерналистского начала [9]. И молодежь, как самая активная социальная группа, должна находиться в авангарде этого процесса. Но другой возможной интерпретацией может быть вынужденная опора на собственные силы в условиях роста социального одиночества [3], экспансии рынка в личностные структуры [8], отсутствия диалоговых форм взаимодействия, соответствия между вновь созданными социальными структурами и символическим универсумом.

У молодежи региона также наблюдается самая высокая среди возрастных групп степень опоры для улучшения условий жизни на близких родственников, друзей, земляков, но ниже уровень опоры на начальника по работе, органы государственной власти всех уровней. Хотя ощущение зависимости для улучшения жизни от региональной и общероссийской власти у молодежи выросло.

Таблица 3. **Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит…» (% от опрошенных по сумме ответов «полностью зависит», «пожалуй, зависит»; по столбцу)**

Вариант ответа	2010 г.				2016 г.			
	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого
От Вас самих	94	89	66	85	95	92	89	91
От Ваших близких родственников	80	61	67	65	79	72	74	74
От друзей, земляков	45	33	36	35	44	43	42	42
От начальника по работе	49	54	25	48	48	58	37	51
От районных, городских властей	38	45	53	46	41	52	58	47

Окончание табл. 3

Вариант ответа	2010 г.				2016 г.			
	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого
От республиканских, областных властей	28	38	44	39	40	49	52	45
От общероссийской власти	38	47	54	47	52	59	52	55

Глобализация «вооружила» население новыми средствами коммуникации. Мобильные телефоны в 2016 г. используют по 97 % молодежи и взрослых и 93 % пожилых. Молодые астраханцы, что ожидаемо, являются лидерами по использованию компьютеров (91 % против 83 % у взрослых и 51 % у пожилых) и Интернета (95 % против 86 % у взрослых и 53 % у пожилых), присутствию в социальных сетях (88 % молодежи против 70 % взрослых и 39 % пожилых). Также глобализация изменила и структуру информационных предпочтений молодых астраханцев: среди них доля вообще не читающих газеты составила 55 % (против 36 % у взрослых и 21 % у пожилых), что в 2,1 раза больше, чем в 2010 г. У молодежи существенно не изменилась доля читателей центральных газет, тогда как у взрослых она даже несколько выросла, а пожилые стали больше читать и областных, и центральных печатных изданий. Доля молодых людей, которые не смотрят телевизионные передачи, выросла с 6 % до 20 %, тогда как среди взрослых и особенно среди пожилых существенно расширилась аудитория центральных каналов (табл. 4). Это, с одной стороны, является свидетельством преодоления тенденции регионализации информационного пространства страны, с другой – не способствует укреплению связей с малой родиной.

Таблица 4. **Информационные предпочтения астраханцев (% от опрошенных; по столбцу)**

Вариант ответа	2010 г.				2016 г.			
	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого	Молодые	Взрослые	Пожилые	Итого
Ответы респондентов на вопрос: «Какие Вы читаете газеты?»								
Республиканские, краевые, областные, местные	21	31	41	33	14	21	24	19
Центральные	12	11	7	10	14	15	19	15
Те и другие	26	33	31	31	15	26	35	22
Никакие	26	33	31	24	55	36	21	43
Ответы респондентов на вопрос: «Какие передачи Вы чаще смотрите по телевизору – республиканские, краевые, областные, местные или центральные?»								
Чаще республиканские, краевые, областные, местные	10	9	17	10	9	11	11	10
Чаще центральные	45	37	21	35	39	45	41	42
Те и другие в равной мере	38	48	57	50	31	34	43	33
Никакие	6	4	5	5	20	9	4	13

Необходимо также отметить, что на фоне инноваций глобализации в регионах России начинают «работать» традиционалистские паттерны сохранения культуры и истории: «в районах, несмотря на депрессию девяностых и хронический недостаток ресурсов, в наши дни удалось сохранить библиотеки, музеи, музыкальные и художественные школы, дома культуры» [2, с. 18]. По результатам социологического мониторинга в Астраханской области с 2010 по 2016 г. выросла посещаемость библиотек, музеев, театров, кинотеатров. Не может не радовать, что больше всего этот рост наблюдается среди молодежи [1].

Таким образом, в сознании и поведении молодежи региона отражаются противоречивые проявления «нового варварства», «нового средневековья» – от разрушения культурных образцов до актуализации традиционалистских паттернов сохранения культуры.

Список использованных источников

1. *Арясова, А. Ю.* Культура как интегратор социокультурного пространства региона (по результатам мониторингового социологического исследования) / А. Ю. Арясова, С. В. Каргаполов // Социально-гуманитар. вестн. Прикаспия. – 2017. – № 1. – С. 12–17.

2. Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / О. В. Аксенова [и др.] ; отв. ред. О. В. Аксенова. – М. : ФСНИЦ, 2017. – 207 с.

3. *Гаврилюк, В. В.* Специфика проблемы одиночества в современном российском обществе / В. В. Гаврилюк // Вестн. РУДН. Сер. Социология. – 2007. – С. 5–10.

4. *Гаязова, С. Р.* Сущность и специфика медианасилия как проявление «нового варварства» в медиакультуре / С. Р. Гаязова // Вестн. Казанского гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 3. – С. 43–46.

5. *Каргаполова, Е. В.* Ценностные ориентации населения Астраханской области: межпоколенческий анализ / Е. В. Каргаполова, И. К. Переверзев // Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности : сб. науч. ст. студентов и преподавателей. – М. : Изд-во ПЕРО, 2018. – Вып. 6 / Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова ; Высш. шк. соц.-гум. наук и межд. ком. ; Каф. соц. раб. и соц. без.; [отв. ред. и сост. Н. В. Цихончик]. – 650 с. [Электронное издание]. – С. 300–305.

6. *Лапин, Н. И.* Региональные инновационные системы – способ саморазвития российских регионов / Н. И. Лапин // Социокультурные и социоэкономические факторы развития инновационных систем в регионах : сб. докл. участников XIV Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, В. И. Мосин. – Тула : Тульский гос. ун-т, 2018. – С. 7–19.

7. *Лапин, Н. И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

8. *Лушников, Д. А.* Вызовы и угрозы правам и свободам человека в ситуации мирового социально-экономического кризиса / Д. А. Лушников, Т. И. Барсукова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3–2. – С. 121–126.

9. *Ромашкина, Г. Ф.* Жизненные миры и региональная идентичность как сопряженные научные проблемы / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 86–96.

10. *Силантьева, М. В.* Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «нового средневековья» / М. В. Силантьева // Ученые зап. Забайкальского гос. ун-та. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 71–79.

Поступила 13.11.2019 г.

УДК 316.334.3:64(476)

Д. В. НАЗАРОВА,
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье представлены ключевые принципы социальной политики в области жилищно-коммунального хозяйства. Рассматриваются актуальные проблемы в данной области как для населения, так и в сфере управления: доступность услуг, социальные гарантии, государственная или частная система управления и обслуживания в ЖКХ и др. Описываются новые возможности научного социологического исследования проблем сферы ЖКХ и также новые формы работы с населением, основанные на развитии информационных технологий для данной отрасли.

Ключевые слова: социальная политика, жилищно-коммунальное хозяйство, доступность услуг, законодательство, информационные технологии.

D. V. NAZAROVA,
Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

SOCIAL POLICY IN THE HOUSING AND COMMUNAL SPHERE IN THE REPUBLIC OF BELARUS: OLD PROBLEMS AND NEW OPPORTUNITIES

The article presents the key principles of social policy in the field of housing and communal services. Actual problems in this area are considered both for the population and in the sphere of management such as: accessibility of services, social guarantees, a public or private management and service system in the housing and communal services, etc. New possibilities of scientific sociological research of housing and communal services problems are described, as well as new forms of work with the population based on the development of information technology for the industry.

Keywords: social policy, housing and communal services, access to services, legislation, information technology.

Как отмечает доктор социологических наук С. А. Шавель: «Социальная политика – один из самых тонких, сложных и ответственных видов внутриполитической деятельности государства, местных органов власти, а также формирований и организаций гражданского общества и отдельных граждан», призванная «предотвращать накопление социального недовольства; своевременно снижать напряженность между социальными группами путем разумного согласования их расходящихся интересов; обеспечивать социальную защищенность каждого члена общества, и прежде всего уязвимых категорий…» [1, с. 243].

Система жилищно-коммунального хозяйства – важнейшая отрасль не только экономики, но и социальной сферы. Жилищно-коммунальное обслуживание касается непосредственно всех. С системой жилищно-коммунального хозяйства человек взаимодействует постоянно – это и наличие в домах электричества, газа, канализации и качественной питьевой воды, поддержание соответствия норм жилых помещений, вывоз мусора и уборка территорий и т. д. От эффективности функционирования ЖКХ напрямую зависят повседневный, бытовой комфорт граждан, их жизненный уровень, социальное самочувствие, а также и степень социального недовольства. Эти параметры во многом задают позитивную или негативную направленность общественного мнения и определяют степень поддержки государственной социальной политики, принципов государственного устройства и степени доверия к местным органам власти.

Нынешняя система жилищно-коммунального хозяйства в республике во многом является *преемницей советской системы социальной политики в области социальной сферы*. Во-первых, в подавляющем большинстве это единая государственная система как в экономическом, так и в управленческом разрезе. Во-вторых, она построена по принципу солидарности, причем как горизонтальной – когда происходит централизованный сбор доходов со всех граждан в виде жилищно-коммунальных платежей, налогов, поступающих в республиканский бюджет, и т. д., и уже потом происходит перераспределение средств, так и солидарности поколений – например, при накоплении и распределении средств капитального ремонта жилищного фонда. В-третьих, первостепенное значение уделяется не экономическим показателям, таким как рентабельность при оказании услуг, получение максимальной прибыли, а социальной защите населения: льготные тарифы, кредиты на улучшение жилищных условий, перекрестное субсидирование. Так, повышенная экономическая нагрузка на предприятия, организации и иные юридические лица при оплате тарифов позволяет снижать их для населения.

Устойчивое развитие страны требует, чтобы социальная политика, ответственная за непосредственное жизнеобеспечение населения, эффективно использовала предоставленные ресурсы и гибко реагировала на изменения настроений и самочувствия людей, связанных с удовлетворенностью качеством жизни.

На сегодняшний день среди наиболее актуальных проблем сферы жилищно-коммунального хозяйства, волнующих население республики, можно выделить следующие.

1. *Тарифы на ЖК-услуги.* Несмотря на достаточно невысокие тарифы на ЖК-услуги, тема повышения тарифов весьма чувствительна для населения. Особенно в связке цена/качество. Повышаются тарифы – логично, что должно повышаться и качество услуг. По данным ежегодного мониторинга Института социологии НАН Беларуси, если летом 2015 г. – 6-е место в рейтинге актуальности проблем (29,9 %) из 16 альтернатив, то уже летом 2016 г. – 4-е мес-

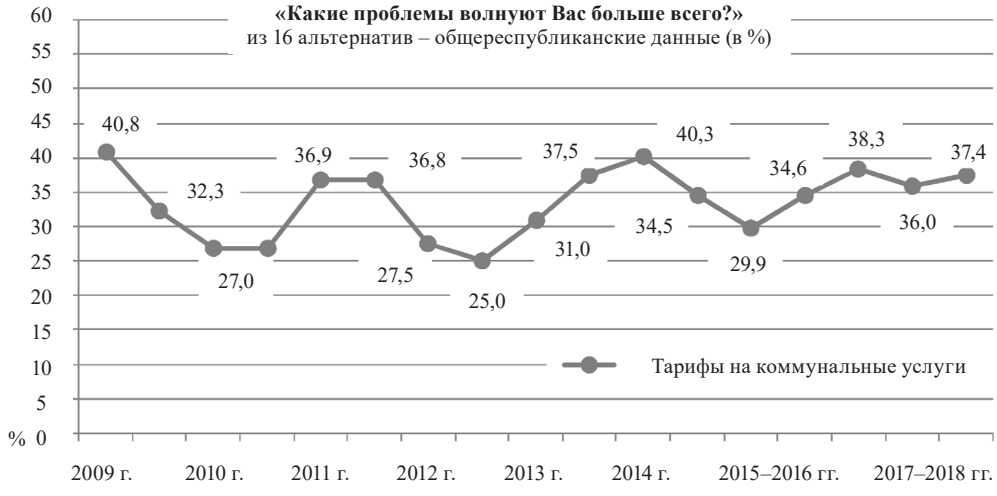


Рис. 1. Динамика актуальности проблемы тарифов на коммунальные услуги в общественном мнении – по данным республиканского мониторинга Института социологии НАН Беларуси (в %)

то (34,6 %), в декабре 2016 г. – 3-е место (38,3 %), в июне 2017 г. – также 3-е место в рейтинге (36,0 %), в июне 2018 г. – 5-е (37,4 %). Динамика показателя представлена на рис. 1. В сентябре 2018 г. в ходе специального исследования вопрос об актуальности тех или иных проблем также показал озабоченность тарифами на ЖК-услуги – 4-е место с 34,9 % избравших такой ответ.

В апреле 2019 г. актуальными для населения становятся проблемы экономического характера, и респонденты на вопрос: *«Рост цен на какие товары и услуги Вы ощущаете в большей степени?»* из 15 альтернатив на первое место (77,8 %) поставили «продукты питания», на второе (62,6 %) – рост цен на «жилищно-коммунальные услуги». Цены на ЖК-услуги и энергию с 2015 г. регулярно повышаются, и по данным Белорусского статистического комитета выходят на первые места по уровню годовой инфляции в списке других услуг. Объективно растет статистика по просроченной задолженности населения за жилищно-коммунальные услуги. Как отмечают представители Минжилкомхоза, просроченная задолженность населения за жилищно-коммунальные услуги резко начала расти с апреля 2016 г. Это также связано с тем, что процесс приватизации государственного жилищного фонда закончился 1 июля 2016 г., после чего неоформленные в собственность квадратные метры автоматически приобрели статус арендного жилья. Граждане, не приватизировавшие квартиры, заключили договор найма, согласно которому оплачивают не только потребленные ЖК-услуги, но и арендную плату. С 2016–2017 гг. арендную плату за пользование жильем на время трудовых (служебных) отношений, в том числе общежитий от предприятий и организаций, также включили в извещение на оплату жильцам. Именно пе-

ерасчет платы за жилье и ЖК-услуги в общежитиях – наиболее острая тема последних лет для тех, кто там проживает.

Значительный рост цен на ЖК-услуги за последние годы при незначительном росте и даже падении роста располагаемых денежных доходов населения существенно отражается на расходах домашних хозяйств, делая услуги малодоступными для определенных категорий граждан. Социологические показатели озабоченности проблемами ЖКХ, доли их расходов в семейном бюджете, удовлетворенности качеством ЖК-услуг по месту жительства, – вероятно, самая объективная оценка гражданами и степени комфортности их жилья, и степени благоприятности окружающей среды в городах и населенных пунктах.

Респондентам по всей республике в ходе исследований было предложено оценить свои расходы на ЖК-услуги и энергию в процентном соотношении к их доходам: «*Какую часть совокупного дохода Вашей семьи Вы тратите на оплату ЖХ-услуг и электричества?*» Если в июне 2014 г. 72,2 % опрошенных по ответам попали в группу тех, у кого данные расходы укладываются до 20 % (и включительно), то уже в декабре 2016 г. в разгар отопительного сезона таких ответов значительно поубавилось – 64,3 %. В сентябре 2018 г. данная группа стала еще меньше – 54,2 % респондентов (рис. 2).

Необходимо особо подчеркнуть, что представленный социологический показатель – это в первую очередь субъективные оценки, что объясняет их значительное расхождение с данными официальной статистики по выборочному исследованию домашних хозяйств. Субъективные оценки не являются точными расчетами с учетом всех объективных данных (как данные статистики); они зависят также и от того, насколько респондентам удалось самостоятельно совершить расчеты и справедливо указать их при заполнении анкеты.

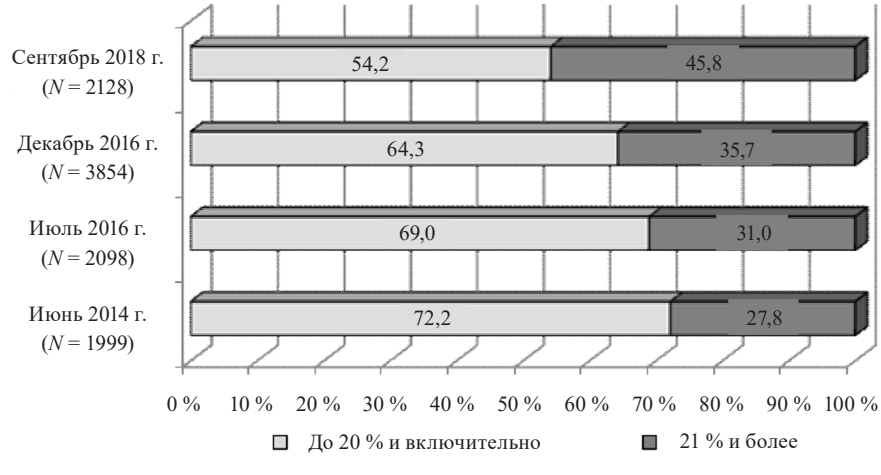


Рис. 2. Динамика расходов на ЖК-услуги в общих доходах домохозяйств по самооценкам респондентов – по данным республиканского мониторинга Института социологии НАН Беларуси (в %)

Задумываясь над подобным вопросом, респонденты могут отвечать даже чисто интуитивно – как уровень обеспокоенности по поводу ЖК-расходов. А также, как они представляют себе эти расходы, возможно, приплюсовывая сюда даже такие ежемесячные обязательные платежи, как услуги ТВ-каналов, телефонную связь, обслуживание домофонов, даже Интернет и др. В любом случае, социологические данные объективно показывают повышение уровня напряженности граждан по поводу тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Ранее система социальной защиты предполагала категориальный принцип получателей льгот, в том числе и по оплате жилищно-коммунальных услуг, – пенсионеры, инвалиды, студенты, многодетные и др. С введением адресной социальной помощи (ГАСП), а также в конце 2016 г. безналичных жилищных субсидий на оплату ЖК-услуг немногие граждане самостоятельно обращаются за помощью, хотя задолженность за коммунальные услуги растет. Для Республики Беларусь введение арендной платы за пользование государственным/муниципальным/служебным жильем или общежитием от работы – серьезная социально-экономическая инновация, для которой еще не до конца просчитаны риски. Во многих странах, таких как Федеративная Республика Германия или Российская Федерация, право на государственную помощь в удовлетворении жилищно-коммунальных благ имеют малообеспеченные граждане по заявительному принципу. Однако помощь включает не только оплату расходов на жилищно-коммунальные услуги, в расчет принимается и сумма арендной платы. Так, статья 159 «Жилищного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2014 № 188-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 г. и изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2018 г.) звучит как «Предоставление субсидий *на оплату жилого помещения и коммунальных услуг*». Как в России, так и в Германии при предоставлении помощи не имеет значения – собственник ли жилья или арендатор (государственного, муниципального, а также частного жилфонда), главное – это регистрация по месту постоянного жительства. Такие нюансы в оплате жилищно-коммунальных услуг необходимо рассмотреть и отразить законодательно и в Республике Беларусь.

Перекрестное субсидирование в системе оплаты жилищно-коммунальных услуг выгодно для населения, но экономически сложно для предприятий и организаций. Так, по официальным данным по результатам 1-го квартала 2018 г. в особо трудном положении оказываются юридические лица (организации и предприятия), тариф на ЖК-услуги и энергию у которых значительно выше, чем у населения. «Предприятия для осуществления своей деятельности, оплаты энергоресурсов, труда работников и покрытия других текущих расходов вынуждены брать кредиты, сумма которых за 1-й квартал составила 77,2 млн руб., а сумма начисленных процентов – 1,2 млн руб. А ведь есть еще и дебиторская задолженность юридических лиц, которая достигла 696 млн руб.» [2]. «Часто приходится слышать, что долги по оплате жилищно-коммунальных услуг мешают стабильной работе предприятий. Как я уже говорил, к населению сегодня особых претензий нет: люди свои обязательства

исполняют исправно. А вот просроченная задолженность юридических лиц за коммунальные услуги, которая в 4,5 раза выше, чем по населению, – это не просто проблема, это тормоз развития отрасли» [3], – отметил Александр Лукашенко на семинаре по вопросам ЖКХ.

Еще одной серьезной проблемой, связанной с тарифами на ЖК-услуги, является вступивший в силу с 1 января 2019 г. закон об изменении платы услуг ЖКХ для тех граждан, которые, не имея уважительных причин, официально нигде не работают (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.04.2018 № 314 «Об определении услуг, предоставляемых трудоспособным гражданам, не занятым в экономике, по ценам (тарифам), обеспечивающим полное возмещение экономически обоснованных затрат на их оказание, и об условиях их предоставления»). Пока это касается только собственников жилья. Местные органы власти в 2019 г. уточняли списки «тунеядцев» и вносили корректировки при оплате жилищно-коммунальных услуг, что часто вызывало активное общественное обсуждение в СМИ. Можно довольно уверенно предположить, что применение данного закона на практике (при перерасчете цен на ЖК-услуги для всех жильцов, вне зависимости от их статуса собственника) в будущем создаст серьезные социальные риски. Среди не занятых по уважительным причинам в экономике большое количество граждан невысокой социальной ответственности, ведущих асоциальный образ жизни. Единственным сдерживающим механизмом от полного выпадения из общества для которых является семья и близкие кровно-семейные связи. Введение 100 %-ной стоимости на ЖК-услуги создаст серьезное напряжение внутри таких семей, и люди будут вынуждены предпринимать не только воспитательные меры по воздействию на таких членов семьи, но и меры по избеганию уплаты ЖК-услуг. Первая стратегия поведения грозит увеличением числа семейных конфликтов и росту их криминальных последствий, в то время как стратегия избегания – росту просроченной задолженности за услуги ЖКХ и лишением собственниками жилья тунеядцев прав проживания и пользования жилым помещением. В новом Жилищном кодексе 2012 г. такая возможность – решение собственника жилья о выселении и снятии с регистрационного учета жильцов *без предоставления другого жилого помещения* – предусмотрена. Необязательно это приведет к увеличению лиц без определенного места жительства, но, вполне вероятно, увеличит количество граждан, официально нигде не зарегистрированных, что также затруднит их учет и контроль со стороны местных органов власти и МВД.

В последние годы все чаще звучит предложение об изменении тарифов на газ для населения: отказе от дифференциации на «летние» и «зимние» тарифы, ликвидации перекрестного субсидирования (тарифы для физических и юридических лиц отличаются практически в 2 раза). Так, например, в 2018 г. разница по цене на природный газ в разный период была существенна: за 1 куб. метр с установленными приборами индивидуального учета расхода – 0,1015 бел. руб. зимой и 0,3275 бел. руб. летом. Здесь необходимо учитывать

интересы и сельских жителей, особенно проживающих на пострадавших в результате аварии на ЧАЭС территориях, для которых такие инновации весьма некстати. По всей республике сельчане в зимний период в подавляющем большинстве случаев отапливают свои дома дровами; имеет место даже практика самостоятельной заготовки хвороста, сухостоя в близлежащих лесах. Но для жителей территорий, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, приняты довольно жесткие правила, устанавливающие запреты на лесопользование в связи с еще существующим радиационным загрязнением лесов. Проведенная газификация пострадавших территорий, переориентация системы отопления частных домов на газ позволяют населению в полной мере использовать чистую и пока недорогую энергию. Увеличение тарифов на природный газ, особенно в зимний период, может отразиться на структуре потребления населением различных видов энергии. Увеличившийся же спрос на дрова потребует дополнительных усилий по контролю за качеством и безопасностью продукции от местных производителей. Такие бытовые потребности довольно большого количества людей, проживающих на пострадавших территориях, безусловно, должны быть учтены при принятии соответствующих решений.

2. *Удовлетворенность качеством ЖК-услуг по месту жительства.* Показатель удовлетворенности качеством предоставляемых услуг населению зависит от множества факторов. Не всегда по имеющейся негативной тенденции и росту количества неудовлетворенных можно судить о снижении объективных параметров предоставляемых услуг. В основе удовлетворенности качеством услуг лежит представление людей о должном уровне при определенной цене. Если цена на жилищно-коммунальные услуги постоянно увеличивается, то логично, что многие ожидают значительного увеличения комфортности и острее реагируют на временные трудности или чрезвычайные ситуации.

Еще одним фактором, влияющим на показатель удовлетворенности качеством тех или иных услуг социальной сферы, безусловно, выступает методика самого исследования, чувствительность измеряемой шкалы и т. д. Из представленных на рис. 3 данных 10 замеров общественного мнения в семи исследованиях использовалась довольно жесткая шкала предложенных вариантов ответа («удовлетворен», «не удовлетворен» и «затрудняюсь ответить»). И только в трех исследованиях применяли шкалу, в большей степени отражающую нюансы степени удовлетворенности («удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен» и «затрудняюсь ответить») – весной 2013 г., в сентябре 2018 г. и в апреле 2019 г. Данные по этим исследованиям перегруппировывались следующим образом: в категорию удовлетворенных попадали те, кто выбирал вариант ответа «удовлетворен» и «скорее удовлетворен», и, соответственно, группа неудовлетворенных – сумма позиций «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен». В 2018 г., как можно заметить по данным, представленным на рис. 3, суммарное количество удовлетворенных качеством услуг ЖКХ по месту жительства достигло 51,7 %, в 2019 г. – 50,0 %; в основном за счет тех, кто смог определить себя на шкале

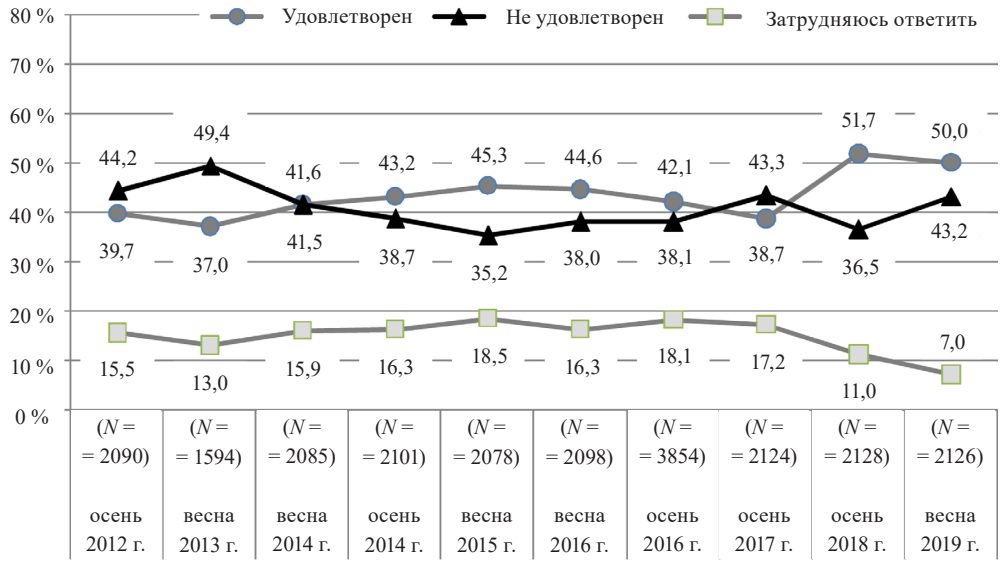


Рис. 3. Динамика удовлетворенности качеством ЖК-услуг по месту жительства респондентов – по данным республиканских исследований Института социологии НАН Беларуси (в %)

предложенных ответов и избежал выбора позиции «затрудняюсь ответить». Обращает на себя внимание за последние 6 лет практически константа тех, кто качеством ЖК-услуг, несмотря на проводимую политику в области ЖКХ и тарифов, недоволен – от 35 до 45 % (за исключением весеннего исследования 2013 г., проводимого как раз после циклона «Хавьер»). В апреле 2019 г. ответы по удовлетворенности работой жилищно-коммунальных служб распределились в целом по республике следующим образом: «удовлетворены» – 11,4 %, «скорее удовлетворены» – 38,6 %, «скорее не удовлетворенны» – 26,2 %, «не удовлетворены» – 17,0 %.

Значительны региональные отличия. По положительным оценкам в 2019 г. лидирует по-прежнему Брестская область – 62,2 % удовлетворенных против 32,1 % неудовлетворенных (60,4 % и 24,2 % соответственно в 2018 г.); затем следует Гродненская область – 60,9 % и 34,7 % (в 2018 г. – 54,7 % и 21,6 %); «вышла в плюс» Могилевская область – 54,9 % и 40,1 % (ранее 44,0 % и 48,8 %); Минская область – 51,0 % и 43,6 % (59,0 % и 34,8 %); ухудшила позиции Гомельская область – 43,5 и 42,6 % (ранее 58,4 % и 29,7 % ответов соответственно). Наибольшая неудовлетворенность, по данным социологического опроса, зафиксирована в г. Минске – 41,4 % респондентов удовлетворены, а 54,0 % – нет (в 2018 г. – 45,9 % и 44,1 %) и в Витебской области – 41,1 % и 50,2 % (39,1 % и 50,7 % в 2018 г.) соответственно.

Вместе с тем осенью 2018 г., когда респондентам предложили вписать самостоятельно те проблемы ЖКХ, которые в настоящее время волнуют больше

Рис. 4. Динамика актуальности жилищной проблемы в общественном мнении – по данным республиканского мониторинга Института социологии НАН Беларуси (в %)

всего и затрагивают непосредственно их, то такой возможностью воспользовались только 28,5 % (в основном называя только какую-то одну проблему, но в общем списке таких записей оказалось 557). 23,3 % опрошенных от ответа уклонились, а 48,2 % отметили, что «никаких проблем нет, все нормально».

3. *Жилищные проблемы.* Несмотря на введение и развитие программы арендного жилья, для опрошенных респондентов по-прежнему актуальна жилищная проблема. В основном это связано с тем, что в белорусском менталитете за долгие годы сформировался довольно жесткий стереотип относительно обязательности собственности на жилье. Вариант съемного жилья (у частника, предприятия или государства) не является, по мнению белорусов, решением жилищных вопросов, и эта проблема продолжает волновать людей.

В июне 2018 г. (замер общественного мнения в режиме мониторинга), после некоторого снижения остроты жилищной проблемы, 34,6 % опрошенных все же отметили данную позицию как актуальную для них (рис. 4). В основном это молодые люди 20–29 лет – 51,7 %, в возрасте 30–39 лет – 46,6 % и уже в последующей возрастной группе 40–49 лет – 31,4 %. Острее всего данную проблему ощущают в Минске – 49,1 %, в то время как в Гродненской области жилищные проблемы как актуальные были названы только в 22,3 % случаев. Данные различия существенны при определении нуждаемости в жилье как по территориям, так и по социально-демографическим группам населения. Так, например, респонденты в городах отмечали для себя жилищную проблему как актуальную в 37,0 % случаев, в то время как сельчане – только в 27,8 %. Для определения конкретных регионов и населенных пунктов, где имеет смысл строить жилье (присутствует или планируется развитие производств, отсутствуют миграционные настроения, в первую очередь среди молодежи), необходимы более детальные расчеты. Государственная политика в отноше-

нии жилищного строительства должна, на наш взгляд, поддерживать регионы, сельские населенные пункты, предлагая более льготные условия для нуждающихся там, в первую очередь молодежи и молодых специалистов.

4. *Государственная или частная система ЖК-обслуживания.* Выбор организаций, обслуживающих жилищный фонд, по критерию формы собственности (государственная/муниципальная или частная) – весьма актуальная проблема, начиная с 2015–2016 гг., когда в г. Минске проводились эксперименты с внедрением посреднической структуры – заказчика ЖК-услуг. Тогда к данной управленческой инновации многие граждане отнеслись с некоторым скепсисом, как и всегда в тех случаях, когда ломаются устоявшие десятилетиями привычные для населения социально-организационные структуры и схемы взаимодействия. Но уже в июне 2017 г. практически на 10 % снижается уровень предпочтений государственным службам ЖК-обслуживания (до 47,8 %) и на столько же (до 34,8 %) возрастает количество опрошенных, затруднившихся с ответом (рис. 5).

Здесь целесообразно проследить смену взглядов на обслуживание жилищного фонда среди опрошенных минчан. Если весной 2016 г. 61,8 % выступали за государственные службы и только 14,2 % за частные, то уже в июне 2017 г. – 44,9 % и 19,9 % соответственно. Вместе с тем, если в 2016 г. затруднившихся с ответом было 20,4 %, то уже в июне 2017 г. таких стало 33,5 %. Очевидно, что первоначально резкий отказ от инновации по допуску к обслуживанию жилищного фонда частными организациями прошел, и население «присматривается» к иным альтернативам, нежели монополия в данном сегменте рынка государственных/муниципальных ЖК-организаций.

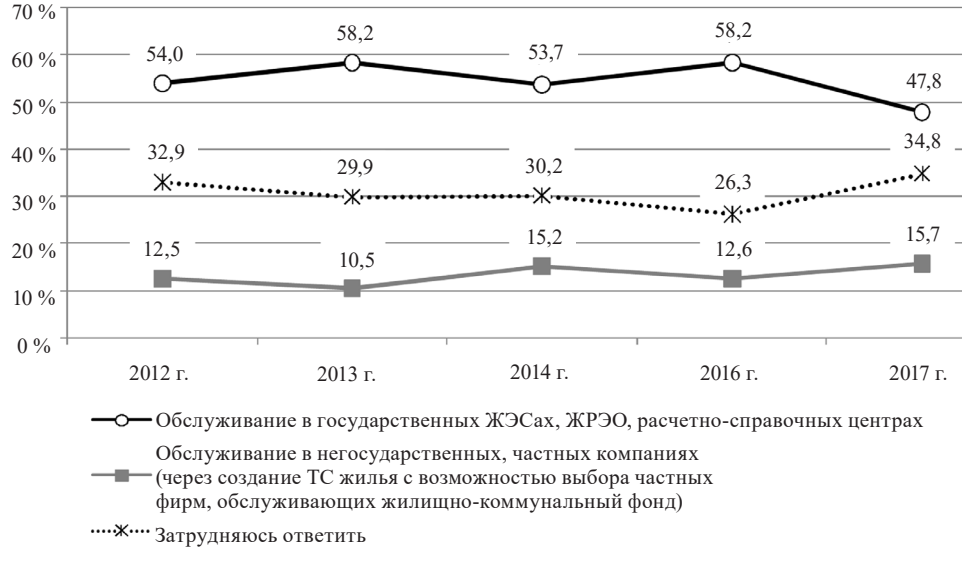


Рис. 5. Динамика предпочтений опрошенных обслуживающих ЖК-организаций по форме собственности (частные или государственные), в %

Развитие негосударственных форм (ИП, ЗАО и др.) по обслуживанию жилищного хозяйства во многом может стать новым рынком для Беларуси, хотя, к сожалению, белорусы не столь активно стремятся занять данную нишу, в отличие от немцев (предложения «умный дом», «нетрадиционная энергетика» в жилом фонде, «тепло-ресурсо-сбережение» и др.), литовцев («депозитно-залоговая система» при обращении с отходами) и других инвесторов.

5. *Гражданские инициативы в ЖК-сфере.* Гражданское участие, волонтерство в сфере жилищно-коммунального хозяйства – одно из направлений использования человеческого и социального капитала, не отраженного в трудовых отношениях, в качестве дополнительного ресурса экономического роста. Непосредственное участие самих жильцов в управлении, контроле, организации и проведении различных мероприятий в жилом секторе способствует более полному воплощению их представлений о комфорте окружающей среды, создает дополнительные блага без привлечения финансовых средств.

В специальных исследованиях, проведенных в 2013 г. (N = 1594) и в 2018 г. (N = 2128) Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской репрезентативной выборке, вопрос о гражданском участии населения в решении проблем жилищно-коммунального хозяйства был задан следующим образом: «*Как бы Вы оценили степень своей личной готовности к участию в следующих гражданских инициативах по благоустройству и самоуправлению в ЖКХ?*» Как показали исследования, за пять лет в социальных и поведенческих установках опрошенных по добровольному и инициативному участию в решении проблем ЖКХ произошли некоторые изменения.

Так, участие в мероприятиях, организованных другими, стали менее интересны для респондентов – в 2013 г. количество тех, кто отметил такой вариант ответа, составило 29,5 %, в то время как уже в 2018 г. – только 20,9 %. Увеличилось количество тех, кто считает, что «мое жилье – это только моя квартира, и все, что за ее дверью, меня не интересует» и принципиально ни в чем не участвует – 11,6 % (против 9,5 % в 2013 г.). До 12,3 % опрошенных увеличилось количество тех, кто «согласился бы организовать жильцов, но по решению тех проблем, которые важны лично для меня» (5,2 % в 2013 г.). Все эти данные показывают, что на рост гражданской активности в решении проблем ЖКХ не следует возлагать серьезных надежд, так как инициативные горожане сталкиваются с нюансами *совместного домовладения* и не могут избежать коллективных и совместных решений. Вместе с тем следует рекламировать такие инициативы, в том числе активно в СМИ, так как именно согласие, совместное решение граждан и их добровольный труд приводят к созданию более благоприятной и комфортной среды в городах и населенных пунктах, отвечающих запросам самих их жителей.

6. К последним предложениям в *цифровой экономике в области ЖКХ* можно отнести создание (расширение) единой государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства «115.бел» по всей республике. Видится наиболее целесообразным и перспективным на данной информаци-

онной площадке развитие новых направлений предоставления информации, аналогом которого может служить «ГИС ЖКХ» в Российской Федерации. Как отмечают российские аналитики, основная цель создания и развития «ГИС ЖКХ» – «формирование технически необходимого, экономически оправданного и социально значимого информационного пространства для осуществления определенных установок. К ним относятся следующие:

1) создание развитой конкурентной среды на рынке по обслуживанию жилья и предоставлению коммунальных услуг;

2) объединение необходимой информации в сфере ЖКХ в едином месте и в режиме онлайн, то есть в реальном времени;

3) возможность получения органами власти информации о сфере ЖКХ для проведения аналитики по всей территории страны;

4) укрепление доверия граждан к органам власти путем обеспечения свободного доступа граждан к информации в сфере ЖКХ, получения возможности направления обращений через систему в управляющую организацию, органы жилищного надзора с получением гарантированной реакции по ним;

5) повышение оперативности принятия решений и управляемости отраслью ЖКХ на всех уровнях власти;

6) возможность получения гражданами полной и актуальной информации о доме» [4, с. 457].

Вместе с тем важным моментом при создании такой информационной системы является форма собственности предприятия, которое предоставляет такие услуги. Так, например, в Беларуси в 2019 г. облачный провайдер beCloud уже анонсировал подобные комплексные решения – «Подомовой учет» для организаций жилищно-коммунальной отрасли. На наш взгляд, такие проекты целесообразно начинать изначально на подконтрольных государственных информационных площадках, что обеспечит долгосрочность проекта и большую защиту информации (в том числе личной информации собственников и жильцов).

7. *Возможности социогуманитарных исследований проблем жилищно-коммунальной отрасли.* Концепция совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29.12.2017 № 1037, впервые для сферы ЖКХ включает Научное обеспечение развития отрасли и отражено как одно из приоритетных направлений дальнейшего развития (Глава 3, п. 7). Открывается возможность целевых НИР и практико-ориентированной научной работы непосредственно для сферы жилищно-коммунального хозяйства. На междисциплинарном уровне «социология–экономика» желательны такие исследовательские проекты, как разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию и оптимизации тарифной политики в области ЖК-услуг по принципам социально ориентированного государства (с целью предотвращения социальной напряженности), расчет и определение оптимального баланса в ЖК-тарифах экономической рентабельности, социальных и экономических возможностей населения и др. Еще одним важнейшим на-

правлением научных исследований в области ЖКХ на стыке экономики и социологии можно назвать определение факторов, приводящих к образованию задолженности по оплате ЖК-услуг у потребителей. Это не только актуальная экономическая проблема предприятий ЖКХ, недополучающих финансирование, и юридических лиц, по сути переплачивающих за ЖК-услуги в рамках системы перекрестного субсидирования. В первую очередь – это социальная проблема, связанная с ростом тарифов, изменением экономической ситуации на местах в ряде регионов и др., и как следствие – рост недоступности жилищно-коммунальных услуг для определенных категорий граждан. Необходимо оперативное выявление таких объективных факторов, разработка незамедлительных мер по смягчению экономических последствий роста тарифов и совершенствование подходов к начислению за пользование жильем. Необходима также разработка практико-ориентированных рекомендаций по работе с населением и разными социальными, социально-демографическими категориями жителей в сфере оказания ЖК-услуг, а также с учетом территориально-региональных особенностей, выработка рекомендаций и мер предотвращения маргинализации (снижение уровня жизни людей «до грани», понижение социального статуса, угроза выхода из общественной жизни) групп населения по критерию задолженности за ЖК-услуги в условиях повышения стоимости ЖК-тарифов. Такое возможно при систематизации информации по должникам ЖК-услуг, сборе статистической информации и ее социолого-экономический анализ. При работе с полной базой данных по задолженникам можно проводить различные виды математико-статистического анализа, наиболее полно вскрывающие социальные и социально-экономические закономерности.

Социологические исследования незаменимы для принятия более взвешенных социально ориентированных управленческих решений, основанных на ожиданиях граждан. С одной стороны – исследования служат механизмом обратной связи: показывают, насколько эффективно то или иное управленческое решение, как население на него реагирует и как проводит в жизнь. С другой – по данным социологических исследований, по субъективному восприятию жителей различных регионов можно в достаточной мере судить об особенностях ситуации на местах, в населенных пунктах, в областях, корректировать и прогнозировать дальнейшее развитие. Данные социологических исследований позволят отслеживать готовность населения в реализации планов государства, выявляя проблемные точки (неравномерное развитие по областям, типам населенных пунктов и др.) в работе самой отрасли жилищно-коммунального хозяйства. На основании данных социологических исследований корректируются многие управленческие решения, изучается их восприятие населением: уровень удовлетворенности текущей ситуацией, проблемы, ожидания, интересы, степень поддержки и поведенческие стратегии населения. Такой механизм обратной связи позволяет проводить взвешенное и наиболее эффективное управление человеческими, организационными, материальными и прочими ресурсами с учетом экономических реалий и социальных ожиданий населения.

Список использованных источников

1. *Шавель, С. А.* Социальная политика и ее императивы / С. А. Шавель // Беларусь на пути в будущее : социологическое измерение / И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 242–260.

2. *Кислый, В.* Предприятия ЖКХ в первом квартале сэкономили 23,6 млн руб. [Электронный ресурс] / В. Кислый // Портал коммунальной грамотности ГП «Жилкомиздат» (25.04.2018). – Режим доступа: http://gkx.by/novosti/ofitsialno/2068-predpriyatiya-zhkkh-v-pervom-kvartale-sekonomili-23-6-mln-rub. – Дата доступа: 05.10.2019.

3. О чем говорил Президент на республиканском семинаре по ЖКХ [Электронный ресурс] // Портал коммунальной грамотности ГП «Жилкомиздат» (20.10.2017). – Режим доступа: http://gkx.by/novosti/ofitsialno/1773-pod-emnye-tarify-usovershenstvovannye-subsidii-izbavlenie-ot-gigantizma. – Дата доступа: 05.10.2019.

4. *Белова, А. А.* ИКТ в госсекторе: информатизация в сфере ЖКХ [Электронный ресурс] / А. А. Белова // Электронный вестн. Ростовского социально-экономического ин-та. – 2015. – Вып. 3–4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ikt-v-gossektore-informatizatsiya-v-sfere-zhkh/viewer. – Дата доступа: 05.10.2019.

Поступила 31.10.2019 г.

УДК 316.74:61-051(476)

А. Г. ПАЦЕЕВА,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин БГУИР,
кандидат социологических наук, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ ПАЦИЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

На основании результатов конкретных исследований представлен сравнительный анализ элементов профессиональной культуры врачей. Отражено, что культура профессионального сообщества обеспечивает все условия для стимулирования деятельности специалистов здравоохранения с позиций высокого качества. Полагается, что неудовлетворенность пациентов обеспечена не только объективной ситуацией, но и некоторым несоответствием социальных ожиданий пациентов реалиям этой ситуации.

Ключевые слова: социальные ожидания, профессиональная культура, качество оказания медицинской помощи.

A. G. PATSEYEVA,

Candidate of Sociological Sciences, Associated Professor,
Department of Humanitarian Disciplines BSUIR, Minsk

PATIENTS' SOCIAL EXPECTATIONS AS AN ELEMENT OF QUALITY ASSESSMENT OF MEDICAL CARE

On the basis of results of concrete researches the comparative analysis of elements of professional culture of medics is given. It is reflected that the culture of the professional community provides all conditions for stimulating the activities of health professionals from the standpoint of high quality. It is believed that the dissatisfaction of patients is provided not only by the objective situation, but also by the discrepancy of social expectations of patients to the realities of this situation.

Keywords: social expectations, professional culture, quality of medical care.

Качество оказания медицинской помощи – это сложная категория. При оценке качества оказания медицинской помощи для врачей являются привычными объективные показатели. Используя подход к оценке качества медицинской помощи А. Донабедиана, отметим три направления, на которых основана эта оценка: структурное качество, качество технологии, качество результата. Структурное качество отражает условия оказания качества медицинской помощи. В понятие «условия» включаются квалификация кадров, наличие и состояние зданий и помещений, лекарственное обеспечение и др. Качество технологии отражает, насколько комплекс лечебно-диагностических мероприятий, оказанных конкретному больному, был оптимален. Качество результата показывает соотношение достигнутых результатов с реально достижимы-

ми (планируемыми). Важнейшим элементом этих подходов являются профессиональные качества, технологии поведения медицинских работников [1].

Особое значение приобретает оценка качества оказания медицинской помощи с субъективных позиций. Она производится пациентами. Методологически значение этого направления находит также свое обоснование в работах Э. Деминга, если рассматривать пациентов как «потребителей» [2]. Американский ученый и консультант по менеджменту определяет «удовлетворенность потребителя» как один из четырех «столпов» качества и подчеркивает его необходимость.

Недовольство системой здравоохранения – одна из самых популярных тем для обсуждения, как в официальных выступлениях, так и в неформальных беседах, интернет-чатах. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь отмечает: «Согласно результатам исследования, больше всего граждан страны волнуют вопросы занятости, безработицы (отметили 47,5 % опрошенных), работа медицинских учреждений и жилищно-коммунального хозяйства (38 % и 33,5 % соответственно)» [3, с. 92].

Основной целью данной работы стал анализ ситуации, способствующей формированию этой неудовлетворенности.

Полагаем, что одной из причин возникновения неудовлетворенности может выступать несоответствие социальных ожиданий участников взаимодействия врача и пациента. «Если эти ожидания релевантны (соответствуют друг другу), имеет место плодотворное сотрудничество. В противном случае неизбежны конфликты, ведущие к разрыву отношений», – отмечает С. А. Шавель [4, с. 151]. Социальные ожидания формируются в конкретной социокультурной ситуации, задаются ею. Культура конкретного общества транслирует определенные представления о важном и необходимом в жизни человека. На самом абстрактном уровне в культуре также формируются представления о том, какие цели должны преследовать профессионалы.

Современное общество полагает здоровье в качестве одного из самых необходимых факторов успешной жизнедеятельности. Белорусские исследователи отмечают, что здоровье – одна из важнейших ценностей белорусов. Данные свидетельствуют, что рейтинг здоровья является самым высоким среди двух десятков жизненных ценностей [5, с. 273]. Казалось бы, источник недовольства пациентов действительно надо искать в особенностях осуществления профессиональной врачебной деятельности. Однако такой взгляд представляется упрощенным.

Формирование профессиональных качеств, определение объективных и субъективных приоритетов и особенностей технологий профессиональной деятельности происходит в рамках профессиональной культуры медицинского работника в целом и врача в частности. Профессиональная культура врача может быть рассмотрена как система социальных представлений, ценностей и социальных норм, которые осуществляют социокультурную регуляцию профессиональной врачебной деятельности, поддерживают оптималь-

ные социальные взаимодействия как внутри профессиональной группы, так и с другими социальными группами и институтами, а также обеспечивают целостность, идентичность, солидарность и эффективное функционирование профессионального сообщества врачей с целью оказания эффективной медицинской помощи населению [6].

Для более объективной оценки сопоставим элемент профессиональной культуры врача – самоидентификацию с соответствующими элементами других профессиональных культур. Далее в работе приводятся данные, полученные в ходе опроса жителей Могилевской области в конце 2015 г. Объем выборочной совокупности составил 695 респондентов, максимальная погрешность при уровне значимости 0,05 – ±3,7 %. Выборочная совокупность – случайная территориальная многоступенчатая выборка с проверкой квот по полу, возрасту и образованию на последнем этапе. Полученная выборочная совокупность пропорциональна численности населения, проживающего в городской и сельской местности; и численности населения[1].

Наряду с другими задачами, в рамках исследования освещались также элементы профессиональной культуры различных профессиональных групп: специалистов сферы питания, специалистов в сфере торговли, инженеров и техников, специалистов в сфере обслуживания, специалистов в сфере образования, экономистов, медицинских работников (врачи и медицинские сестры) и др.

На вопрос: «Считаете ли Вы себя профессионалом своего дела?» ответ «да» прозвучал у 30,4 %, и ответ «скорее да» – у 47,1 % респондентов, представителей медицинских профессий. При сопоставлении с другими группами видно, что индекс профессиональной самоидентификации этой группы профессий в исследованном кейсе самый высокий среди всех перечисленных (табл. 1).

Таблица 1. **Индексы профессиональной самоидентификации различных профессиональных групп (на примере предлагаемого исследования)**

№ рейтинговой позиции	Профессиональная группа	Индекс профессиональной самоидентификации
8	Специалисты в сфере питания	0,429
7	Специалисты в сфере торговли	0,482
6	Другие	0,498
5	Инженеры и техники	0,500
4	Специалисты в сфере обслуживания	0,518
3	Специалисты в сфере образования	0,538
2	Экономисты	0,583
1	*Медицинские работники (врачи и медицинские сестры)*	*0,620*

[1] НИР № Г15Р-043 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси» (научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент В. Р. Шухатович).

Другими словами, индекс причисления себя к профессиональной группе, отождествления себя с профессионалами наиболее высокий именно среди представителей медицинских профессий. Безусловно, степень приверженности в профессиональной деятельности декларируемым коллегами целям и идеалам профессионализма обусловлена индивидуальностью профессионала. Но при этом демонстрация столь высокого уровня профессиональной идентификации целой группой позволяет утверждать о высокой вероятности того, что каждый отдельный профессионал усвоил идеалы профессионализма, свойственные деонтологии профессиональной группы.

Это предположение также подтверждается и самым высоким индексом положительных ответов представителей медицинских профессий Могилевской области на вопрос: «В какой мере Вы следуете профессиональным ценностям и идеалам в своей повседневной профессиональной деятельности?» Ответы «полностью следую» и «скорее следую, чем нет» врачи и медсестры давали значительно чаще, чем специалисты в сфере образования. Индекс следования профессиональным ценностям в первой группе – 0,8750, во второй – 0,617. Специалисты в сфере торговли, инженеры и техники, экономисты, специалисты в сфере питания в этом рейтинге отразили еще меньшую заинтересованность в следовании в повседневности ценностям и идеалам профессиональной деятельности.

Добавим также, что индекс изменчивости профессиональных ценностей и идеалов за время профессиональной деятельности у представителей медицинских профессий, выявленный в предполагаемом исследовании, относительно небольшой (табл. 2). Нельзя упускать из виду, что именно в ходе получения образования будущие специалисты получают возможность усваивать профессиональные ценности и идеалы, максимально приближенные к тем, что декларирует академически осмысленная профессиональная этика. В дальнейшем трансформация профессиональных ценностей и идеалов попадает под влияние ряда социальных процессов: логики изменения особенностей осуществления профессиональной деятельности, взаимодействия с коллегами и руководством, изменения статуса профессиональных групп, особенностей взаимодействия с «потребителями профессиональных услуг или помощи». Но академически осмысленные и научно выверенные идеалы профессиональной этики являются наиболее социально-эффективными и воплощают сущность миссии профессии.

Таким образом, можно утверждать, что профессиональная культура врачей обладает специфическим характером в сравнении с профессиональной культурой других профессиональных сообществ. К таким чертам можно отнести:

ярко выраженную профессиональную идентификацию;

глубокое усвоение профессиональных ценностей и идеалов;

небольшую, по сравнению с другими профессиональными группами, изменчивость профессиональных ценностей и идеалов.

Таблица 2. **Индексы изменчивости профессиональных ценностей и идеалов различных профессиональных групп (на примере предлагаемого исследования)**

№ рейтинговой позиции	Профессиональная группа	Индекс изменчивости
1	Экономисты	–0,056
2	Специалисты в сфере торговли	0,01
3	Специалисты в сфере образования	0,041
4	*Медицинские работники*	*0,053*
5	Специалисты в сфере обслуживания	0,087
6	Инженеры и техники	0,123
7	Специалисты в сфере питания	0,433

Другими словами, используя выражение министра здравоохранения В. Караника, «с профессионализмом у наших врачей все в порядке». Конечно, результаты опроса, проведенного в Могилевской области, не имеют достаточных математических оснований для экстраполяции результатов исследования на врачей всей республики. Но они позволяют отразить качественно новые точки зрения в интерпретации профессиональной культуры врача.

Следует также отметить общий смысловой контекст функционирования профессиональной группы врачей в сфере оценки престижности профессии. С одной стороны, в исследованиях фиксируется негативная оценка престижности профессии врача самими врачами. При том, что пациенты оценивают профессию врача как достаточно уважаемую [7]. Но, с другой стороны, престижность профессии можно оценить и в масштабе всего общества. Объективное исследование престижности профессиональных групп решило бы эту задачу, но пока эта задача комплексно не решена. В связи с этим можно обратить внимание на результаты частных исследований.

В предлагаемом исследовании отражен индекс восприятия престижности профессии медицинских работников в сравнении с представителями иных профессиональных групп (табл. 3).

Таблица 3. **Индексы восприятия престижности своей профессии представителями профессиональных групп (на примере предлагаемого исследования)**

№ рейтинговой позиции	Профессиональная группа	Индекс положительной оценки престижности профессии
9	Специалисты в сфере образования	4,3
8	Специалисты в сфере обслуживания	4,57
7	Другие	4,6
6	Инженеры и техники	4,87
5	Нет ответа	4,89
4	Специалисты в сфере торговли	5,02
3	Специалисты в сфере питания	5,13
2	Экономисты	5,25
1	*Медицинские работники (врачи и медицинские сестры)*	*5,32*

Отдельным вопросом для обсуждения и исследования становится уровень удовлетворенности профессионалов престижем их профессии в белорусском обществе в целом. Такое исследование обладает большим эвристическим потенциалом, а также даст основания для формирования социальной политики в сфере трудовых отношений.

Следует также отметить и направленность руководителей системы здравоохранения на поддержание профессиональных ценностей. Дополнительным элементом профессиональной культуры медицинских профессий является развитая система нормативно-правового регулирования медицинской деятельности. Объективное отражение эти процессы получили в общественном обсуждении проекта постановления о нормах медицинской этики. «В тексте говорится, что медицинские и фармацевтические работники должны проявлять вежливость и сдержанность при работе. Общаясь с пациентами, они должны следить за корректностью не только своей речи, но и жестов и мимики. Также медработники должны быть терпимы, уважать взгляды других людей и не допускать дискриминацию по любым признакам, от национального до языкового» [8].

Итак, результаты проведенных исследований дают возможность утверждать, что текущая ситуация в сфере медицинских профессий, в большей мере по сравнению с другими, обеспечивает благоприятные условия для поддержания и развития профессиональных ценностей и идеалов. Что в свою очередь дает основания предполагать достаточный уровень осуществления профессиональной деятельности.

Другая сторона, обеспечивающая ситуацию неудовлетворенности работой медицинских учреждений, – это пациенты. Анализировать участие пациентов в рассогласовании ожиданий относительно системы здравоохранения сложно. Эта сложность обеспечена недостатком информации и отсутствием глубинных целенаправленных, комплексных качественных исследований поведения пациентов. Нормативно-правовое регулирование поведения пациента обеспечивается законом «О здравоохранении», статьей 42. В законе не обозначены санкции, которые могут быть применены к пациенту за невыполнение своих обязанностей. Таким образом, ответственность пациента переходит исключительно в сферу социальных взаимодействий и социальных представлений. В медийной сфере формируется образ врача, подобный всемогущему колдуну, магу, которому подвластно всё. Классический пример – известный сериал «Доктор Хаус». Да, безусловно, возможности врача на современном этапе весьма велики, но в сознании пациентов формируется, в лучшем случае, образ всемогущества медицины. Активно формируют данный образ (и завышенные ожидания пациентов) и сами медицинские работники, и система здравоохранения в целом, представляя результаты внедрения «высоких технологий» и их перспективы. За скобкой остаются случаи, когда возможности современной медицины ограничены, и помочь пациенту невозможно, а также тот факт, что высокие технологии значительно менее доступны, а их использование требу-

ет и дополнительных условий (например, при позднем обращении пациентов с острым коронарным синдромом современные технологии становятся бесполезными, а количество таких пациентов составляет до 25 %). Другие образы врача в медийном пространстве оставим за рамками данной работы.

Как уже отмечалось выше, здоровье – одна из важнейших ценностей белорусов. При этом исследования показывают, что «принцип ответственности за собственное здоровье постепенно укореняется в повседневную жизнь людей, однако он еще не стал всеобщей нормой. Для значительной части опрошенных все еще характерно пассивное отношение к своему здоровью, перекладывание ответственности за состояние своего здоровья на внешние факторы, а не на собственные усилия» [9, с. 268].

Можно обратиться к опыту российских коллег. В ряде работ они констатируют факт отказа от профессиональной врачебной помощи: «Отказ от профессиональной медицинской помощи (за исключением острых случаев, требующих вмешательства, например, скорой медицинской помощи) стал одной из основных практик самосохранительного поведения в сегодняшней России» [10, с. 125]. Конечно, такая интерпретация поведения российских пациентов не может быть полностью перенесена в систему взаимодействия белорусских медиков и пациентов. Но об актуальности этих тенденций в отечественном здравоохранении косвенно свидетельствуют и белорусские исследователи. При анализе сферы потребления лекарственных средств населением страны Е. Е. Кучко отмечает: «Основная масса респондентов независимо от возраста совершила покупку лекарственного препарата без рецепта врача, что можно квалифицировать как самолечение» [11, с. 92]. Другими словами, несмотря на отсутствие прямых указаний на особенности самосохранительного поведения населения Беларуси, есть основания предполагать, что практики самолечения, отказ от профессиональной медицинской помощи, пассивное отношение к своему здоровью, объективно фиксированные в отношении россиян, свойственны и белорусам.

Неудовлетворенность пациентов и населения системой здравоохранения традиционно аргументируется с позиций признания недостаточного качества реализации профессиональной деятельности. И эта позиция имеет достаточные основания для того, чтобы быть признанной объективной. Нельзя отрицать, что качество функционирования любой социальной подсистемы зависит от степени удовлетворенности потребителя.

Тем не менее объективный анализ всей ситуации, с учетом особенностей формирования социальных ожиданий пациентов, показывает, что полностью сводить все факторы этой проблемной ситуации исключительно к врачебной деятельности неправомерно. С одной стороны, в самой профессиональной культуре врачей, обеспечивающей регламентацию осуществления врачебной помощи, присутствуют устойчивые социокультурные детерминанты, обусловливающие высокий профессионализм медицинских работников. Это подтверждается сравнением указанных детерминант с аналогичными показа-

телями других профессиональных культур. С другой стороны, отказ от профессиональной медицинской помощи, медийная мифологизация возможностей современной медицины приводят к созданию условий для становления неадекватных ожиданий пациентов. Последние, в свою очередь, обеспечивают недовольство системой здравоохранения.

Список использованных источников

1. *Тарасенко, Е. А.* Зарубежный опыт выбора показателей качества медицинской помощи для построения рейтингов медицинских организаций: уроки для России [Электронный ресурс] / Е. А. Тарасенко // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – 2013. – № 6 (34). – Режим доступа: http://vestnik.mednet.ru/content/view/520/30/lang,ru/. – Дата доступа: 10.11.2019.

2. *Деминг, Э.* Выход из кризиса / Э. Деминг. – Тверь : Альба, 1994. – 497 с.

3. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь ; [под общ. ред. А. П. Дербина]. – Минск : ИАЦ при Президенте Респ. Беларусь, 2018. – 180 с.

4. *Шавель, С. А.* Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 404 с.

5. *Шухатович, В. Р.* Анализ социальных реформ в области здравоохранения / В. Р. Шухатович // Социальные реформы в Беларуси : социологический анализ / С. А. Шавель [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2004. – С. 261–336.

6. *Пацеева, А. Г.* Профессиональная культура врача : социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / А. Г. Пацеева ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2018. – 25 с.

7. *Пацеева, А. Г.* Взаимодействие «врач–пациент» в системе отечественного здравоохранения / А. Г. Пацеева // Вопр. оранизации и информатизации здравоохранения. – 2013. – № 4. – С. 100–104.

8. Минздрав Беларуси будет дорабатывать проект по нормам медицинской этики [Электронный ресурс] // Портал Doctora.by. – 2016. – Режим доступа: https://doktora.by/novosti-mediciny/minzdrav-belarusi-budet-dorabatyvat-proekt-po-normam-medicinskoy-etiki. – Дата доступа: 30.10.2019.

9. *Оображей, О. Н.* Актуальность изучения самосохранительного поведения населения / О. Н. Оображей, В. С. Подвальская // Социол. альм. – 2010. – № 1. – С. 263–268.

10. *Аронсон, П.* Утрата институционального доверия в российском здравоохранении / П. Аронсон // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2006. – № 2. – С. 120–131.

11. *Кучко, Е. Е.* Социологический анализ потребления лекарственных средств населением Республики Беларусь / Е. Е. Кучко // Социология. – 2011. – № 4. – С. 90–97.

Поступила 16.11.2019 г.

УДК 303.4

О. В. ТЕРЕЩЕНКО,
кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: oteresch@tut.by
М. С. ТЕРЕЩЕНКО,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: tereschenkom@bsu.by

ИЗМЕРЕНИЯ АУДИТОРИИ СМИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

В статье представлен анализ развития измерений аудитории СМИ как в мировом контексте, так и в Беларуси. Рассмотрены основные методы проведения подобных исследований и их историческое становление. В динамике показано становление и текущее состояние подобных исследований в современной Беларуси по основным видам СМИ (телевидение, радио, пресса).

Ключевые слова: аудитория, измерение аудитории, медиаметрия, исследования СМИ.

O. V. TERESCHENKO,
Candidate of Sociological Sciences, Associated Professor,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: oteresch@tut.by
M. S. TERESCHENKO,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: tereschenkom@bsu.by

MEASUREMENTS OF MEDIA AUDIENCE: FORMATION HISTORY

The article presents an analysis of the development of media audience measurements both in the global context and in Belarus. The basic methods of conducting such studies and their historical formation are considered. Formation and current state of such studies in modern Belarus on the main types of media (television, radio, press) are shown in dynamics.

Keywords: audience, audience measurement, mediametry, media research.

Исследования аудитории средств массовой информации возникли в XVI в., одновременно с появлением прессы. Начало их бурного развития обычно относят к середине XIX в., когда, с одной стороны, развивавшаяся капиталистическая экономика сопровождалась развитием рекламного дела; с другой, – опросы аудитории СМИ использовались в политических кампаниях, в частности, в предсказании результатов президентских выборов в США. Спустя почти 200 лет актуальность измерений аудитории не только не снизилась, но возросла настолько, что регулируется на государственном уровне и может привлекать внимание первых лиц государств. Так, 31 января 2019 г. на совещании у Президента Республики Беларусь по вопросам информационной безопасности был вынесен и вопрос организации в стране новой системы медиаизмерений [10].

Методы измерения аудитории СМИ. Данные измерений аудитории активно используются редакциями и рекламными агентствами при составлении медиапланов, а также при определении эффективности рекламного и информационного воздействия [13]. Информация о СМИ и их аудиториях необходима, в первую очередь, для проведения рекламных кампаний и оценки эффективности работы издания.

Предыстория исследований аудитории СМИ. До начала XX в. измерению поддавался только тираж выпущенных, доставленных по подписке и проданных печатных изданий. Однако часть экземпляров может быть не продана и не прочитана, а другие экземпляры в семьях и особенно в организациях могут читаться разным количеством читателей. Первые исследования аудитории американские издатели прессы начали осуществлять в начале XIX в. с целью увеличения подписки и продаж, и тем самым повышения эффективности публикуемой рекламы, которое, в свою очередь, служит общему повышению доходов издательства. Этот период вплоть до начала 1930-х гг. Б. З. Докторов определил как предысторию исследований рынка и рекламы [4, с. 45].

Необходимо заметить, что именно печатный бизнес первым начал проводить социологические и политические опросы, а также опросы общественного мнения с целью привлечения новых и удержания имеющихся читателей посредством публикации полученных результатов, в том числе и прогнозов политических и электоральных кампаний. В частности, в 1824 г. именно издатели американских газет первыми начали публиковать предсказания результатов итогов выборов по результатам электоральных опросов [5, с. 51], и в случае сбывшегося прогноза выборов это позволяло им рекламировать свое издание как наиболее точное и правдивое.

Примером того, как близко аудитория принимала к сердцу точность проводимых исследований и как это влияло на поведение аудитории, является фатальная ошибка, сделанная при предсказании результатов президентских выборов в 1936 г. журналом «Literary Digest», который с высокой точностью делал это в 1920, 1924, 1928 и 1932 гг., и вследствие этого к 1936 г. распространял тираж более 1 млн экземпляров два раза в неделю. Однако в 1936 г., разослав несколько миллионов опросных бюллетеней и получив обратно более 2 млн ответов, журнал ошибся в предсказании результатов выборов на 19,6 %; причем на выборах победил Ф. Рузвельт, набравший при голосовании 62,5 %, которому было предсказано, что он их проиграет, набрав 42,9 % голосов [9, с. 15–17]. В 1938 г., потеряв большую часть своей аудитории и не справившись вследствие этого с конкурентной борьбой за выживание, «Literary Digest» был вынужденно продан издательству «Time Magazine». Заметим, что и в наше время подтвержденная точность предсказаний результатов выборов расценивается и заказчиками исследований, включая рекламные агентства, и самими исполнителями (медиаметрическими, маркетинговыми, социологическими и другими агентствами) как показатель квалифицированности проведенных опросных кампаний и приводит к заключению или раз-

рыву многолетних миллионных договоров на маркетинговые и рекламные исследования.

Помимо проведения массовых (многомиллионных) опросов по различным вопросам, связанным с выборами, политическими решениями, общественным мнением и др., и публикации их результатов с целью привлечь новую и удержать имеющуюся аудиторию, уже в начале XX в. проводились исследования самой аудитории печатных средств. Например, в 1912 г. Ч. Парлин провел первый национальный опрос потребителей готовой одежды, для участия в котором пригласил значительное количество подписчиков журнала «Ledies Home Journal» с целью *измерения* влияния рекламы, размещенной в этом журнале, на покупательскую активность [4, с. 56]. Таким образом, опросы аудитории прессы, начавшиеся уже в XIX в., касались не только печатаемых материалов, но также использовались в политических, социологических, психологических, маркетинговых, рекламных и других исследованиях.

Измерения аудитории прессы. Для прессы необходимо различать аудиторию издания в целом, его конкретных выпусков, а также отдельных материалов.

В качестве наиболее точной характеристики размера аудитории издания в целом издавна рассматривался его *тираж*, определяемый как общее количество экземпляров одного номера издания; другими словами, экземпляр – это основная единица измерения тиража. Тираж характеризуется пятью основными показателями: *подписной тираж* (количество экземпляров одного номера издания, на которое оформлена подписка); *розничный тираж* (количество экземпляров одного номера издания, поступивших в розничную продажу); *списанный тираж* (количество экземпляров одного номера издания, которое поступило в розницу, но не было продано); *заявленный тираж* (количество экземпляров одного номера издания, которое заявляется редакцией в выходных данных издания); *реализованный тираж* (количество экземпляров одного номера издания, реально проданным читателям через розницу и подписку).

Важность тиражей можно понять на примере создания в США в 1914 г. (с началом Первой мировой войны) Общенационального бюро по контролю над тиражами, отчеты которого строились на основе реализованного тиража, включающего подписку (предоплаченный тираж), количество проданных экземпляров и количество экземпляров, розданных бесплатно, а также распределение экземпляров по территории, на которой распространялось издание. Контроль над тиражами снижал для прессы возможности манипулировать информацией, в том числе и объемами тиражей, в своих политических (в том числе пропагандистских) и экономических (рекламных) интересах.

Аналогичная ситуация сложилась в 1990-е гг. в постсоветской Беларуси, когда исследования одного из первых белорусских рекламных агентств «РеМарк» показали, что у некоторых белорусских газет реализованные тиражи были значительно меньше, чем заявленные [6, с. 81]. Издания вряд ли могли позволить себе такие потери постоянно, из чего можно сделать вывод, что за-

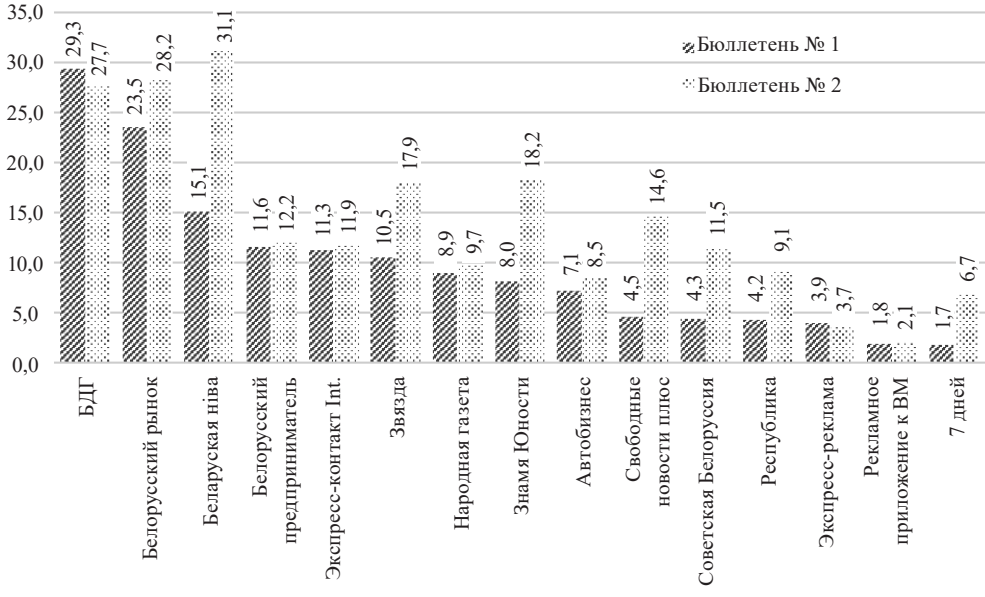


Рис. 1. Динамика списанного тиража, % (1994, 1995 гг.) [6, с. 83]

явленные тиражи постоянно завышались с целью привлечения рекламодателей (рис. 1). Публикация таких данных спровоцировала ряд судебных процессов, в результате которых агентствам, проводящим исследования, было запрещено распространять информацию о реализованных тиражах.

В более спокойные времена издательства могут *реально изменять* тиражи для более эффективного распространения информации и рекламных материалов. Например, газета «Комсомольская правда в Беларуси» уже много лет имеет два формата – ежедневный выпуск и выпуск «Толстушка» по пятницам, – которые не только продаются, но и могут выписываться в трех форматах: ежедневный выпуск без «Толстушки», ежедневный выпуск, включая «Толстушку», «Толстушка» без ежедневных выпусков.

Несмотря на свою точность и контролируемость, тираж издания не позволяет определить численность и социальный состав своей аудитории. Для их определения издание периодически (от одного раза в год до одного в квартал) должно заказывать исследование в формате квартирного опроса по репрезентативной выборке.

Аудиторией отдельного сообщения является полная совокупность его получателей; применительно к прессе – прочитавших и/или рассмотревших конкретный материал (например, рекламную картинку). Такие исследования проводят сами издания для уточнения информации об эффективности своей работы, а также организации, размещающие свои сообщения, для оценки эффективности не только самих сообщений, но также их размещения в определенном издании, на определенной странице и т. п.

Необходимо отметить, что сообщение, являющееся общим для всех, кто его прочитал (рассмотрел), восприниматься может по-разному. Поэтому аудитория конкретного СМИ – не только прессы, но также телевизионного или радиоканала, а также интернет-ресурса – редко представляет аудиторию каждого его материала не только репрезентативно, но и просто достоверно. Ведь кто-то из читателей может интересоваться, главным образом, материалами, касающимися здоровья, включая рекламу фармакологических средств; в то время как другие – исключительно результатами спортивных соревнований, включая графики предстоящих встреч и таблицы результатов.

Аудитории отдельных рубрик, материалов и авторов определяются чаще всего с помощью *прессового опроса* – одной из разновидностей анкетных опросов. Анкета, включающая «паспортичку» респондента, печатается в самом издании. В заполненном виде она должна быть вырезана из газеты или журнала и отправлена письмом по указанному адресу, в чем прессовый опрос является частным случаем почтового опроса, с тем только отличием, что к экземпляру издания с прессовой анкетой довольно редко прилагается конверт с адресом издания и почтовой маркой (хотя, например, для глянцевых журналов это не исключено). Ввиду добровольности ответов на анкету и некоторой затрудненности возвращения ее в редакцию, прессовый опрос не бывает репрезентативным, но все же позволяет получить полезную информацию об аудитории, не доступную другими методами.

Заметим также, что прессовые опросы традиционно могут использоваться и для «зондажа» общественного мнения. В частности, в Советском Союзе первое такое исследование было проведено в 1961 г. Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» под руководством Б. А. Грушина, когда за 20 дней после публикации анкеты пришло 19 тысяч писем с ответами [2, с. 47–48]. Таким образом, для более подробных, чем тираж, измерений аудитории прессы используются опросные исследования с применением репрезентативных выборок населения для издания в целом, и выборок внутри самой аудитории издания для конкретных рубрик и отдельных материалов. Заметим, что для более глубоких исследований аудитории выборки могут быть также разработанными специально, и позволяющими получить интересные результаты, однако не являющимися без дополнительной обработки репрезентативными.

Измерения аудитории радио и телевидения. Поведение аудитории печатных СМИ от поведения аудитории электронных СМИ – радио и телевидения – отличается тем, что печатные издания могут читаться в любое время суток, в разные дни и любое количество раз, в то время как передачи радио и телевидения еще несколько лет назад могли потребляться (и значительной частью аудитории потребляются до сих пор) только в ходе трансляции передач и фильмов в прямом эфире в соответствии с заранее подготовленными и опубликованными программами. Из этого следует, что поведение аудитории радио и телевидения необходимо изучать на протяжении суток, и это по-

ведение описывается терминами, которых нет в исследованиях аудитории печатных изданий, – охват, рейтинг, доля и др.

Спрос на измерение аудитории радиослушателей, которых не регистрировали, как, например, подписчиков печатных СМИ, и, соответственно, число которых было неизвестно, появился в США в 1920-е гг. Одним из первых, кто начал ее измерять, был А. Кроссли, разработавший временны́е рейтинги каналов, а также способ оценки размера аудиторий на основе данных репрезентативного опроса населения.

Для получения такого рода данных с развитием телефонной инфраструктуры аудиторию радио стали изучать с помощью *телефонных интервью* в двух основных формах: интервьюирование в процессе прослушивания радиоканала или на следующий день после эфира – *day-after recall* (DAR). Последний метод показал себя более надежным, и в своем развитии привел к открытию большого числа call-центров, специализирующихся на массовых опросах населения.

Опросы такого рода осуществлялись специализированными коммерческими службами по изучению аудиторий, появившимися в 1930-х гг. Если раньше издатели оценивали только сбыт тиража и обратную связь с редакцией, то теперь началось изучение самой аудитории – не только количественных, но и качественных ее показателей.

Наибольший вклад в изучение аудиторий – как прессы, так и радио – внес Дж. Гэллап, открывший в 1939 г. Институт изучения аудитории, а в 1948 г. – фирму, ставшую пионером в области изучения эффективности рекламы. Им была предложена методика составления точного статистического портрета потребителей массовой информации, которая учитывала демографические, социально-психологические, политические характеристики аудитории. В докторской диссертации «Об объективном методе определения читательского интереса к содержанию газет» Гэллап представил новые методы изучения аудитории. В качестве инструментария он предложил индивидуальное (face-to-face) социологическое интервью по выборке, репрезентативность которой обеспечивалась многошаговым стратифицированным отбором (обычно 1500 взрослых респондентов вместо нескольких миллионов, опрашиваемых через прессу ранее), осуществляемым в большом количестве населенных пунктов; в каждом из которых интервьюер следовал по заданному маршруту и выбирал домохозяйства по заданному алгоритму. Наряду с этим методом Гэллап также предложил для телефонного опроса применять комплектование выборки на основе постоянно обновляемого архива номеров всех домашних телефонов США, из которого случайным образом отбиралось нужное количество номеров. По ним звонили интервьюеры, которые в случае получения ответа применяли специально разработанную процедуру отбора респондента среди взрослых членов семьи, гарантировавшую любому из них равные шансы на участие в опросе, и опрашивали отобранного респондента. Если же после многократного повтора не удавалось дозвониться по отобранному номеру, то принималось решение о его замене [3, с. 51–53].

Спустя несколько десятилетий технологии телефонных опросов были дополнены компьютерными процедурами (CATI – Computer Assisted Telephone Interviews), включающими случайный отбор телефонных номеров из баз данных; непосредственный ввод получаемых ответов в компьютер, а также аудиозапись интервью с целью контроля качества работы интервьюеров. С появлением Интернета широкое распространение получили также мобильные и планшетные опросы с записью данных по мере их получения – в режиме онлайн или несколько раз в день – на сайт, с которого проводится опрос, и на котором в режиме онлайн производится также статистическая обработка данных.

Аппаратные методы измерения аудитории. В 1929 г. студент Клод Робинсон запатентовал прибор, записывающий частоту работы радиоприемника, время его включения и продолжительность работы. С помощью выборочных исследований стало возможным определять предпочтения радиослушателей – популярность радиостанций и программ – в любое время суток. Однако материальное положение не позволило Робинсону довести эту работу до конца, и впервые прибор под названием «аудиометр» был использован фирмой «Эй Си Нильсен» в 1938 г. в Чикаго, где была создана первая техническая панель из 200 частных домов. С тех пор в социологических, демографических, маркетинговых и других исследованиях панелью называется выборка объектов, длительное время участвующих в одном и том же исследовании (в данном случае, семей, в домах которых были установлены аудиометры).

В 1940-х гг. технические панели были дополнены дневниковыми (diary panel), в которых представители аудитории с определенными социально-демографическими характеристиками в течение определенного периода времени за небольшую плату фиксировали свои взаимодействия с радиоприемниками, а позднее и с телевизорами, в специальном дневнике [4, с. 243]. В 1960–1970-х гг. аудиометры были вытеснены пиплметрами, большим преимуществом которых является возможность не только фиксировать время включения телевизора и просматриваемый канал, но также отмечать посредством специальных кнопок, кто из членов (а в некоторых моделях – и гостей) семьи в данное время смотрит телевизор. Такой способ изучения телеаудитории до сих пор является популярным и активно используется во многих странах. Поскольку аудиометры и сменившие их пиплметры весьма недешевы, дневниковые панели также продолжают использоваться в некоторых странах и регионах.

Исследования аудиторий и медиаметрические исследования. Таким образом, к моменту появления Интернета имелся значительный арсенал методов измерения аудитории, как опросных (почтовый, персональный, дневниковый, телефонный, планшетный, мобильный), так и аппаратных (аудио- и пиплметры). В зависимости от решаемых задач их можно разделить на методы изучения собственно аудитории и медиаметрические методы [11, с. 114].

Для *изучения аудитории* могут применяться не только рассмотренные выше, но также любые другие социологические методы сбора данных. Напри-

мер, интервью – телефонные (day-after recall), экспертные, фокус-групповые или «с номером газеты в руках» и др.; наблюдения – включенные и невключенные – за поведением аудитории в лабораторных или естественных условиях, при чтении изданий, просмотре телепередач, в метро и т. п.; контент-анализ при обработке вопросников с ответами аудитории и при изучении писем в редакцию; социально-психологический эксперимент с изменением модели издания, заголовка, типа публикации, оформления, расположения на полосе или в программе и т. п. с последующим опросом аудитории или наблюдением за ее поведением; лабораторные эксперименты с видеоматериалами; социопсихолингвистические методы (метод семантического дифференциала, метод коллажа и др.). А также изучение статистических данных, данных тиражей, подписки, пользователей теле- и радиоканалов, интернет-изданий и т. п., изучение динамики этих показателей за ряд лет. При этом изучается не только численность и состав аудитории, но также ее отношение к содержанию, восприятие материалов, произведенные эффекты и т. п.

Главной задачей *медиаметрических исследований*, помимо численности и структуры аудитории издания или канала в целом, является также определение количественного объема и социальной структуры аудитории конкретного опубликованного материала, программы или передачи. Такой метод берет начало в коммерческом подходе к СМИ, для которого главным показателем качества является зрительская аудитория, влияющая на объем рекламы в зависимости от рейтингов изданий, программ, передач. В рамках медиаметрических исследований применяются также специальные методы – дневниковые панели и электронный.

Медиаметрические исследования отличаются высокой трудоемкостью и очень высокой стоимостью. Как правило, они осуществляются организациями-«измерителями» и оплачиваются рекламными и маркетинговыми агентствами, телевизионными каналами и другими заинтересованными организациями «в складчину». В частности, в Беларуси на сегодняшний день работает монопольный измеритель аудитории «ГЕВС» (директор В. Студент), созданный в 2010 г. И хотя белорусские потребители данных об аудитории неоднократно пытались создать для повышения качества и снижения стоимости медиаметрических исследований организацию измерителя-конкурента, эти попытки пока не достигли успеха.

Первые исследования СМИ в Беларуси. Первые исследования аудиторий СМИ в БССР осуществлялись Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований (ПНИЛСИ) Белорусского государственного университета с середины 1970-х гг. Методами опроса населения и контент-анализа редакционной почты сотрудники группы по изучению СМИ (руководитель О. Манаев) исследовали, в частности, эффективность средств массовой информации и пропаганды (СМИП), а также представление моделей образа жизни в СМИ и редакционной почте. В 1992 г. был открыт частный Независимый институт социально-экономических и политических иссле-

дований (НИСЭПИ, директор О. Манаев), который измерял 4 раза в год аудиторию печатных СМИ, теле- и радиоканалов, а также проникновение Интернета (с 1993 г.). Необходимо отметить, что НИСЭПИ был первым по измерению аудитории Интернета среди всех институтов других стран бывшего Советского Союза [14]. НИСЭПИ использовал анкетные опросы населения по стратифицированной маршрутной выборке объемом 1500 человек для измерения аудитории 22 газет, 6 каналов белорусского телевидения и 8 каналов радио, как государственных, так и частных, а также для изучения общественного мнения.

Появление медиаметрических исследований было связано с развитием рынков и рекламы. Агентства, проводящие медиаметрические исследования, измеряют аудиторию актуальных изданий, теле- и радиоканалов, информация о которых может в дальнейшем продаваться не только самим изданиям, но также рекламным агентствам, рекламодателям и политическим организациям, размещающим в них свои материалы. Первые исследования рынка рекламы в прессе были начаты в Беларуси социологической службой рекламного агентства «РеМарк» в 1994 г. в рамках проекта «Исследования в рекламе: пресса» [6]. Для измерения аудитории 31 печатного издания по стратифицированной маршрутной выборке объемом 1220 респондентов городское население страны опрашивалось один раз в год. Проводились также полустандартизированные интервью рекламодателей и руководителей рекламных служб и агентств, выпускался ежегодный бюллетень «Исследования в рекламе: Пресса».

В 1996 г. начались первые *измерения аудитории радио и телевидения* методом телефонных опросов «day-after recall», позволяющим измерять ее в реальном времени. Социологическая служба Белорусского центра рекламы (руководитель проекта Р. Смирнова) ежемесячно издавала бюллетень «Телевидение в Минске: ежедневный мониторинг аудиторий телевизионных каналов», включающий такие рубрики, как доступность телевизионных каналов жителям г. Минска; распределение ежедневной аудитории Минска по дням недели и каналам; рейтинги телевизионных каналов в среднем за месяц; ежедневное распределение аудитории и рейтинги каналов по времени; распределение аудитории по тематике передач; социально-демографические характеристики аудитории телеканалов и наиболее популярных передач. Опросы для получения этих данных проводились ежедневно с 1 по 28 число каждого месяца; ежедневная выборка включала 300 человек, или всего 8400 респондентов в месяц. Аудитории и рейтинги шести существовавших тогда каналов представлены на рис. 2 и 3.

В 1996 г. осуществлялся также первый мониторинг аудитории четырех радиоканалов – Первого канала белорусского радио, и трех FM-станций – Радио «ba», Радио «Рокс» и Радио 101.2 (руководитель проекта – В. Тихонов). Еженедельная выборка включала 4200 респондентов – по 600 в день. На рис. 4 представлены распределения слушателей двух каналов по полу и по времени суток. Оба исследования – «Телевидение в Минске» и «Мониторинг аудитории радиоканалов» – проводились методом телефонного интервью «day-after recall».

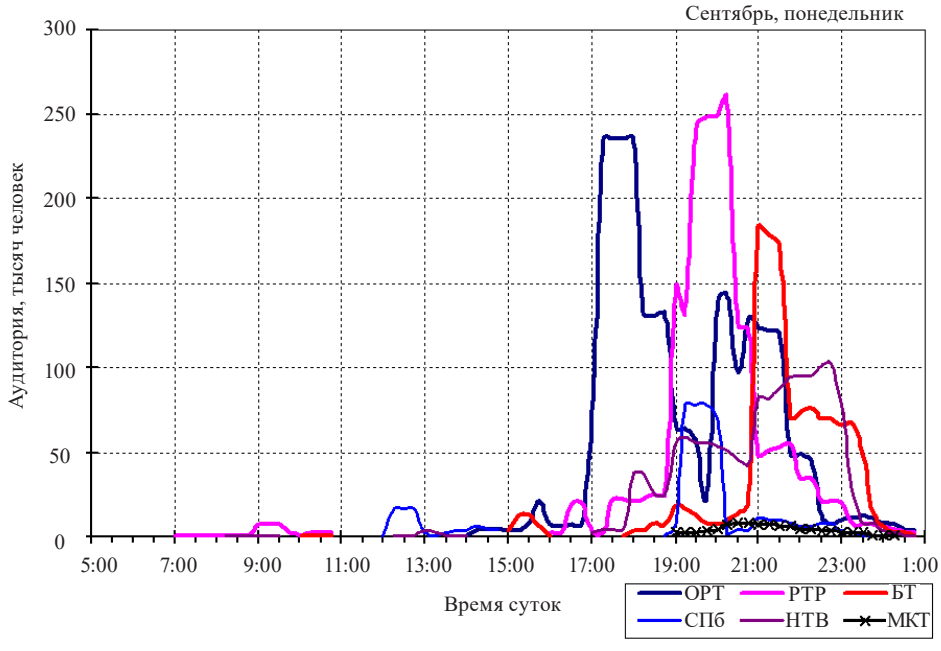


Рис. 2. Аудитории шести телеканалов по времени суток (сентябрь 1996 г., понедельник) [12, с. 15]

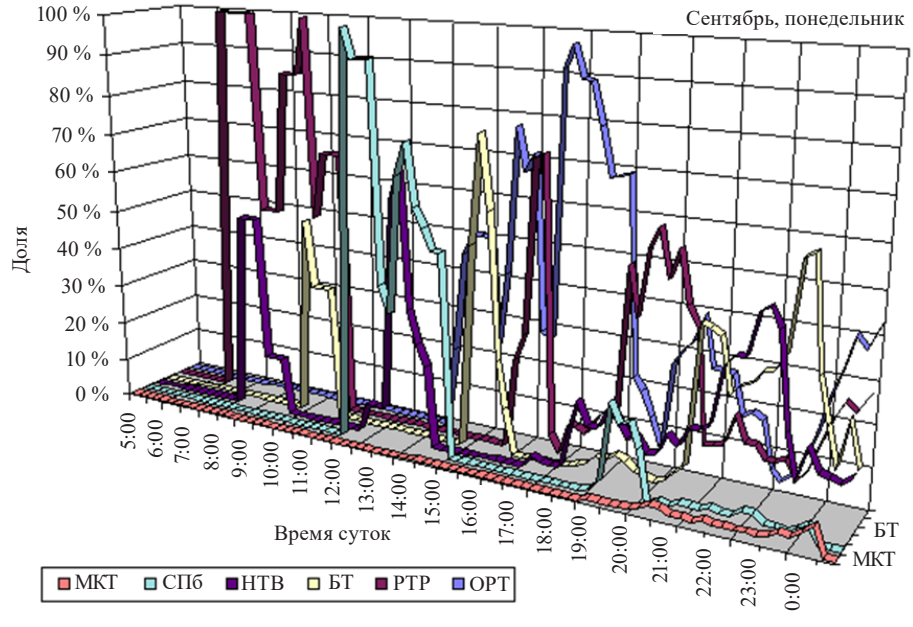


Рис. 3. Рейтинги шести телеканалов по времени суток (сентябрь 1996 г., понедельник) [12, с. 15]

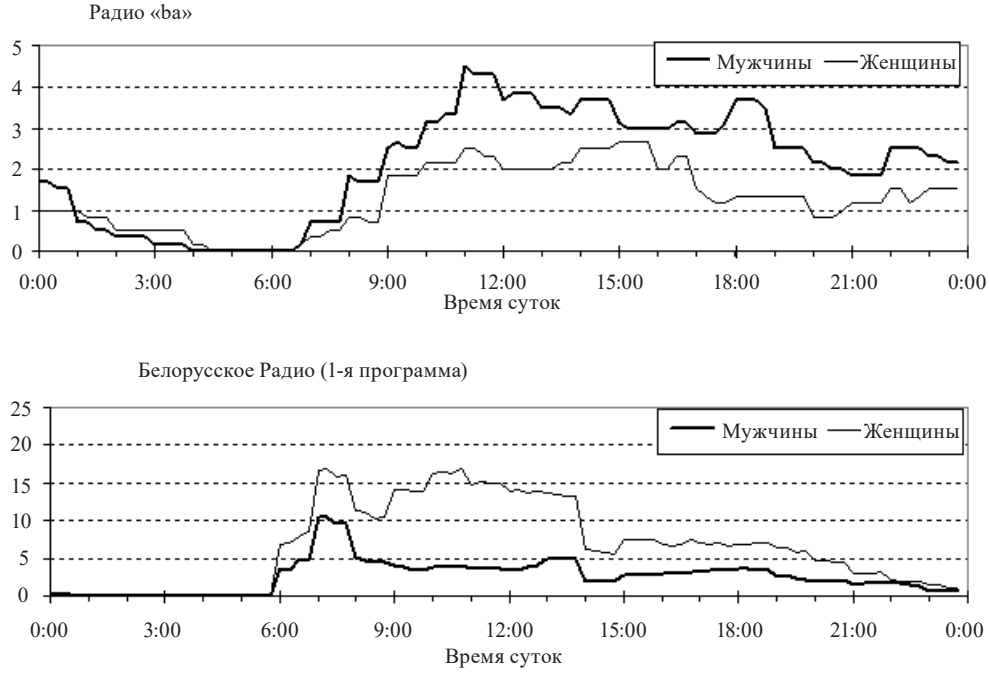


Рис. 4. Суточная динамика аудитории двух радиостанций по полу (выходные 28 января 1996 г.) [8, с. 14–15]

Индустриальные исследования. В 1998 г. агентство «Лаборатория “Новак”» (директор – А. Вардомацкий) начало мониторинг республиканской телевизионной аудитории по дневниковой панели (объем выборки – 3000 домохозяйств, репрезентирующий сельское и городское население в возрасте от 12 лет и старше); исследование было прекращено в 2013 г. по причине экономической нерентабельности [7]. В это же время лабораторией осуществлялось измерение популярности радиостанций, для чего респонденты заполняли специальные «дневники слушания», а также популярности печатных изданий (городское население, от 12 лет и старше).

Особенностью лаборатории «Новак» на рынке измерения аудиторий было то, что результаты этих исследований рекламные агентства и рекламодатели могли приобретать не только в форме готовых отчетов, но также в виде базы данных, с которой можно работать в специальном программном обеспечении (ПО) Palomars, Galileo и др. Благодаря этой возможности данные медиаизмерений вошли в повседневную практику специалистов по медиапланированию, которые теперь могли самостоятельно создавать любые необходимые отчеты и работать с разными целевыми группами. В то время как вещатели и их селлеры начали учитывать аудиторные данные в своем ценообразовании и при переговорах.

С сентября 1999 г. компания MASMI начала предоставлять мониторинг телевизионный рекламы, а затем и прессы, что сделало доступными постбай-отчеты по этим СМИ.

В 2005–2011 гг. компания MASMI поставляла на рынок уникальные данные проекта «МедиаМикс», сочетавшие в себе изучение потребительских и медиапредпочтений различных аудиторий, что позволяло рассматривать интерес респондентов к различным СМИ. Работа с данными «МедиаМикс» была возможна как в виде готового отчета, так и в специальном ПО, в котором можно было задавать собственные параметры отчетов.

«Новейшая история». В 2005 г. Институт социологии НАН Беларуси (ИС) в качестве эксперимента устанавливает в Минске первые пиплметры. После нескольких лет апробации и попыток коммерционализировать проект, ЧУП «ГЕВС» (директор – В. Студент) в сотрудничестве с ИС в июле 2008 г. начинает коммерческую поставку пиплметрических данных на белорусский рынок. Данные предоставлялись комплексно: вместе с более точным автоматизированным мониторингом рекламы и собственным программным обеспечением. Изначально выборка насчитывала 400 домохозяйств, из них 200 находились в Минске.

Несмотря на попытки рекламных агентств выбрать в 2010–2011 гг. поставщиком данных признанного измерителя с мировым именем, отечественный измеритель «ГЕВС» (с 2016 г. также «Реальное измерение») не только «выжил» на рынке, но и добился того, что с 2014 г. рынок начал использовать данные пиплметрии для продажи и покупки телевизионной рекламы. В настоящее время пиплметрическая панель репрезентирует городское население Беларуси в возрасте 4 лет и старше, в 25 городах работает 800 измерительных приборов.

В 2010 г. «ГЕВС» выходит также на рынок измерений прессы и радио. Исследование аудитории прессы просуществовали до 2013 г., мониторинг – до конца 2016 г.

Радиометрия была предложена рынку с использованием технологии CATI и метода воспоминаний вчерашнего дня (DAR) с 2–4 волнами опроса в год. В октябре начинается измерение популярности радиостанций, в ноябре к этим данным добавляется мониторинг радиорекламы. В конце 2014 г. исследования были приостановлены. В феврале–июне 2015 г. радиовещатели объединились для выбора измерителя аудитории радио, в котором победу вновь одержал «ГЕВС». Исследование было перезапущено с выборкой по Минску (12–65 лет, 2 волны в год, не менее 5000 интервью за волну). С 2017 г. исследование проводится непрерывно, с 2018 г. в выборку включены также и областные центры, а количество интервью увеличено с 20 до 45 тысяч в год. В октябре 2019 г. сообщено о тестировании электронных дневников радиослушания с возможным переходом на их использование с 2020 г. [1].

С 2018 г. в белорусской области медиаиндустрии работает сервисная компания «АМГ-Консалт», предоставляющая технологические решения для участников рекламного рынка, в частности, программное обеспечение для автоматизированной закупки телевизионной рекламы в Беларуси, а также систему ав-

томатизированной закупки рекламы на радио и в Глобальной сети. Компания также является единым заказчиком измерений аудитории телеканалов и радиостанций, осуществляемых компаниями «ГЕВС» и «Реальное измерение».

Заключение. Методы исследований аудитории СМИ и эффективного размещения рекламы появились около 200 лет назад. Эволюция методов измерений аудиторий и их использования произошла в Беларуси за 40 лет; медиапланирования – за 20 лет. В настоящее время *новые медиа* – средства массовой коммуникации в Интернете, и *социальные медиа*, создаваемые в социальных сетях, сообществах, блогосфере и др. – развиваются значительно более высокими темпами и как источники информации, и как носители рекламы. Но это совсем другая история…

Список использованных источников

1. В Беларуси меняется методика измерений рейтингов радио. Что это значит? [Электронный ресурс] // marketing.by. – 2019. – Режим доступа: https://marketing.by/analitika/v-belarusi-menyaetsya-metodika-izmereniy-reytingov-radio-chto-eto-znachit/. – Дата доступа: 25.10.2019.

2. *Грушин, Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 624 с.

3. *Дмитриев, Е. И.* Социология журналистики : конспект лекций / Е. И. Дмитриев. – Минск : БГУ, 2001. – 150 с.

4. *Докторов, Б. З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения / Б. З. Докторов. – М. : ЦСП, 2006. – 488 с.

5. *Докторов, Б. З.* Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов / Б. З. Докторов. – М. : ЦСП, 2008. – 628 с.

6. Исследования в рекламе: пресса / Е. А. Коростелева [и др.] // Бюл. социол. службы «РеМарк». –Минск : Социол. служба «РеМарк», 1995. – Вып. 2. – 239 с.

7. Лаборатория «Новак» объявила о закрытии исследований ТВ-аудитории Беларуси [Электронный ресурс] // marketing.by. – 2013. – Режим доступа: https://marketing.by/novosti-rynka/laboratoriya-novak-obyavila-o-zakrytii-issledovaniy-tv-auditorii-belarusi/. – Дата доступа: 10.10.2019.

8. Мониторинг аудитории радиоканалов / В. Н Тихонов, Е. А. Барковская, С. М. Терещенко // Социологический бюллетень. – Минск, 1996. – 23 с.

9. *Петровская, М. М.* Общественное мнение США: опросы и политика / М. М. Петровская. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 143 с.

10. Пресс-секретарь президента: В стране будет создана новая система медиаизмерений [Электронный ресурс] // ТУТ БАЙ МЕДИА. – 2019. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/624707.html. – Дата доступа: 08.05.2019.

11. *Свитич, Л. Г.* Социология журналистики : учеб. пособие / Л. Г. Свитич. – М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2005. – 119 с.

12. Телевидение в Минске: ежедневный мониторинг аудиторий телевизионных каналов / ред. Р. А. Смирнова // Бюл. Социол. службы Белорус. центра рекламы. – 1996. – № 3. – 63 с.

13. *Терещенко, М.* С. Информация и качество данных в медиапланировании / М. С. Терещенко // Социологические дебюты. Альманах студенческих работ [Электронное издание]. – Минск : БГУ, 2018. – Вып. 4 / редкол. : Т. В. Щелкова (отв. ред.) [и др.] ; под ред. А. Н. Данилова. – С. 89–97.

14. *Терещенко, О. В.* Когортный подход к анализу белорусской аудитории Интернета [Электронный ресурс] / О. В. Терещенко // Тезисы III Всерос. социол. конгресса, Москва, 21–24 окт. 2008 г. – М. : ИС РАН, РОС, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Поступила 13.11.2019 г.

УДК [316.422.44:[004+62]]:316.7

Ю. Г. ЧЕРНЯК,

кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния цифровизации и технологизации на социокультурную сферу. Результатом такого взаимодействия является включение в технологическое развитие знаково-символических элементов, социальных норм, ценностей и коммуникации. Определяется необходимость создания новой методологии междисциплинарного изучения трансформации социокультурной среды.

Ключевые слова: цифровизация, технологизация, трансформация, социокультурная сфера, социальные процессы.

Y. G. CHERNYAK,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

DIGITALIZATION AND TECHNOLOGY OF PUBLIC LIFE AS A FACTOR OF TRANSFORMING THE SOCIO-CULTURAL SPHERE OF MODERN SOCIETY

The article discusses some aspects of the impact of digitalization and technology on the socio-cultural sphere. The result of this interaction is the inclusion in the technological development of sign and symbolic elements, social norms, values and communication. The necessity of creating a new methodology for interdisciplinary studying the transformation of the sociocultural environment is determined.

Keywords: digitalization, technologization, transformation, sociocultural sphere, social processes.

Наблюдаемые в последние десятилетия социальные преобразования со всей очевидностью позволяют фиксировать коренные изменения не только повседневных практик, но и трансформацию социальных институтов и нормативно-ценностной системы, характера и содержания социальных процессов. Значительную роль в этих изменениях играют новые информационные технологии. Именно они в настоящее время являются детерминантой современных производственных и экономических отношений, оказывая при этом существенное влияние на социокультурную сферу.

Развитие новых технологий ведет к очевидным и неизбежным социальным изменениям. Их влияние на общество, характер возможных выгод и последствий были многократно описаны представителями социогуманитарно-

го знания. По сути, можно говорить о двух сформировавшихся в этой связи позициях в отношении технологизации современного общества: технологии как средство решения социальных проблем и как источник появления новых социальных деструкций. В силу своей целевой ориентации оба этих подхода не в состоянии в полной мере отразить влияние новых технологий на социокультурный контекст. Описывая процессы цифровизации в обществе, каждый из них строит свою концептуальную схему, оставляя, как правило, вне поля своего внимания особенности трансформации социокультурной сферы под влиянием возрастания скорости внедрения новых технологий в повседневную жизнь, их разнообразия видов, физической и ценовой доступности для населения. В свою очередь акцентуация внимания именно на взаимосвязи социально-культурной среды и современных технологий позволяет выявить новые возможности его измерения и интерпретации.

Цифровизация и технологизация становятся ключевыми характеристиками функционирования экономики, промышленности и общества в целом. Как процесс сближения реального и виртуального, они оказываются основной движущей силой инноваций и изменений, что констатируется многими исследователями. Среди наиболее актуальных и востребованных в настоящее время следует назвать такие технологии и направления их развития, как «интернет вещей» (IoT) и «интернет всего» (IoE), электронное правительство, облачные технологии, роботизацию и автоматизацию производственных и бытовых процессов, цифровую медицину и т. д. [1; 5].

Вполне очевидно, что современные технологии не могут обеспечить решения всех социальных и экономических проблем, но их функционал к этому стремится. Одним из механизмов повышения степени полезности является возведение их использования в статус своеобразного социального стандарта. Так, например, применение информационно-коммуникативных технологий уже стало неотъемлемым атрибутом образовательного процесса (несмотря на консервативность его содержания). К настоящему времени использование технологий нового поколения перестало быть сакральным процессом, сами же «гаджеты» уже не воспринимаются как атрибут элитарности.

Темпы интеграции новых технологий в повседневную жизнь действительно интенсифицируются. Как отмечает М. Дегуста, если электричеству потребовалось 30 лет для того, чтобы достичь уровня распространения в 10 %, стационарным телефонам – около 45 лет для достижения такого же показателя в 50 %, то мобильным телефонам (несмотря на их высокую изначальную стоимость) – около семи лет, чтобы достичь такой же доли потребителей [7]. В данной связи следует обратить внимание на то, что современные смартфоны уже обладают техническими характеристиками, превосходящими стационарные компьютеры, и совмещают в себе не только коммуникационные возможности, но и функции по решению ряда специфических задач (например, навигации, прослушивания музыки и т. д.), в результате чего возрастает их востребованность и популярность. Так, если объем поставок смартфонов по всему миру

в 2009 г. составил 173,5 млн единиц, то в 2018 г. – 1,46 млрд единиц [8]. Высокая скорость распространения мобильных коммуникационных устройств характерна и для Беларуси. По данным Международного союза электросвязи, в 2017 г. мобильный охват населения в нашей стране составил 99,9 % (в 2009 г. этот показатель составлял 59,3 %) [9, p. 46].

Цифровизация активно проникает в самые разнообразные сферы и процессы жизнедеятельности человека. Очевидно, что интенсивность распространения информационных и коммуникационных технологий можно связать не только со снижением их стоимости для потребителя. Одним из трендов цифровизации является объединение информационно-коммуникативных технологий в одну пользовательскую систему. В частности, использование современных средств коммуникации предполагает автоматизированный обмен данными между конечными устройствами. Такие «конвергентные услуги» позволяют абонентам мобильных устройств получать уведомления о полученных электронных письмах, об изменении баланса карт-счета, осуществлять с помощью мобильных приложений оплату услуг, диагностику других устройств и т. д. Расширяющиеся границы применения современных технологий обусловливают заинтересованность производителей устройств и разработчиков приложений в продвижении своей продукции и удовлетворении запросов рынка, в том числе и путем создания цифровых «экосистем». Их особенностью (таких, например, как Xiaomi, Samsung, Apple и пр.) является формирование новых услуг, которые не увеличивают сущностные возможности Интернета и используемых информационно-коммуникативных технологий, но локализуют их функционал в рамках одной операционной или аппаратной системы, что не всегда делает их доступными для других пользователей.

Влияние цифровизации на общество очевидно и не ограничивается только модернизацией промышленности и экономики. Она формирует сложную систему информационных сетей и соответствующих технологий, охватывающих, по сути, все сферы жизнедеятельности человека. Это приводит к тому, что технологические инновации, активно продвигаемые субъектами социального управления (в том числе и в целях повышения конкурентоспособности региона, социально-демографических групп, выпускаемой продукции и т. п.), детерминируют не только естественную трансформацию традиционного производственного и социального уклада, но и способствуют изменению моделей поведения социальных субъектов, коммуникации, поиска, воспроизводства и восприятия информации.

Рост статуса цифровых технологий, актуализация их функций (в том числе и социальных) приводят к созданию особого социального контекста, в рамках которого человек, не владеющий ими (или обладающий низкой «цифровой» грамотностью) исключается из нормального и привычного ранее социального взаимодействия. В научной литературе многократно описаны примеры того, как люди, не имеющие мобильных устройств (например, телефона) и аккаун-

тов в социальных сетях и мессенджерах, исключаются из коммуникации со своим окружением (не только профессиональным), подчас приобретая статус «туземца» в оценках первичных и вторичных групп. Возникновение таких ситуаций объясняется тем, что существующие социальные конвенции уже предполагают наличие необходимых компетенций для эффективных интеракций и участия в жизни общества. Другими словами, существующие социальные ожидания закрепляют и предписывают «обязательность» использования цифровых технологий, что, в свою очередь, обеспечивает познавательную и поведенческую готовность социальных субъектов осуществлять взаимодействие с помощью новых форм и методов. Следует отметить, что такие «антиципации» не являются формализованными и носят неформальный характер (хотя в требованиях к соискателям некоторых вакансий уже заявляется необходимость знаний и навыков работы с информационно-коммуникативными технологиями в качестве обязательных).

Возрастание значимости новых технологий оборачивается очевидной зависимостью от их функционирования и стабильности работы. Речь в данном случае не идет об индивидуальных пристрастиях или психологических расстройствах (например, увлечение компьютерными играми). Вполне возможны ситуации (в современной истории уже не раз случавшиеся), когда «технологический коллапс» – ошибки в работе той или иной цифровой системы – приводил к невозможности реализации привычных повседневных практик. В качестве примера можно привести сбой в работе электронной платежной системы, используемой в том или ином регионе, затрудняющий или в принципе делающий невозможным процесс покупки какого-либо товара с помощью банковской карты.

Современные технологии открывают перед человеком новые возможности и практически безграничные перспективы. Именно этот аспект детерминирует усиление роли и значения цифровизации и технологизации в современном обществе. Обозначенные процессы приводят к неоправданному и неосознаваемому переносу решения ряда проблем, в том числе и значимых для общества, на достижения технического прогресса. Абсолютное доверие к ним приводит к тому, что опоздание курьера все чаще объясняется некорректной работой навигатора, а из обыденной лексики постепенно начинает уходить понятие «человеческий фактор». При этом цифровая «готовность» населения не всегда соответствует логике технологических и связанных с ними управленческих решений, принимаемых на стратегическом уровне. Одной из причин этого является восприятие технических инноваций общественным мнением как контрпродуктивных. Так, например, концепция «точного земледелия», при всей своей конструктивности и полезности, наверняка будет непонятна фермеру, использующему традиционные способы хозяйствования. Такой антагонизм (неприятие и непонимание перспектив, которые дают новые технологии), тем не менее, не становится причиной стагнации процесса цифровизации. Стремление «цифровой» индустрии превратить выгоды от ис-

пользования в своеобразный товар делает их, в конечном счете, осязаемыми для реального и потенциального потребителя, а применение инструментов маркетинга только усиливает этот эффект.

Увеличивающееся влияние цифровизации на общественные процессы и отношения приводит к тому, что она становится своеобразным средством конструирования социальной реальности, основу которого составляют современные технологии. Вместе с этим формируются новые социальные и личностные ценности. Вполне очевидно и закономерно, что интенсивность их закрепления в общественном сознании опосредуется увеличением зависимости повседневности от новых технологий. Эти актуальные аксиологические основания формируют особый тип социально значимых качеств, знаний, навыков и умений. В частности, стремительный рост IT-индустрии приводит к появлению новых профессий (таких как инженер по машинному обучению, тестировщик новых технологий и т. п.). Следствием этого является переориентация интересов потребителей образовательных услуг. Так, например, если ранее в нашей стране особой востребованностью среди абитуриентов высших учебных заведений пользовались специальности преимущественно гуманитарного профиля (экономика, право, коммуникации и т. д.), то в последние годы в качестве таковых выступают профессии, связанные с программированием, компьютерными и информационными технологиями и т. п.

Процессы цифровизации объективно приводят к смене системы групповых интересов и способов социального взаимодействия. По сути, меняются не качественные характеристики социальных субъектов, а те аспекты их деятельности, которые детерминированы использованием новых технологий. В этой связи вполне можно согласиться с утверждением К. Манхейма о том, что черты характера, склонности и пристрастия человека развиваются как ответная реакция на новую ситуацию, предъявляющую к личности свои требования [6, с. 56]. Следствием этих «императивов» является формирование новых типов сознания, жизненных стилей и ценностей, проявляющихся и закрепляющихся как на уровне индивидов, так и на уровне социальных групп и общества в целом. При этом изменение групповых интересов и ценностных ориентаций не является радикальным, процесс их трансформации происходит постепенно и связан в большей степени со скоростью адаптации социальных субъектов к новым условиям.

Показательным в этой связи является использование населением новых технологий в обыденных практиках. Результаты республиканских социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г., показывают, что значение информационно-коммуникативных технологий достаточно высокое и с каждым годом будет только увеличиваться. Значительная часть белорусов (65,6 %) уже активно используют интернет-мессенджеры в своей повседневной коммуникации, а для 68,1 % молодежи социальные сети стали основным источником получения информации. При этом 44,7 % представителей данной социально-демографической группы считают,

что стратегия развития страны должна ориентироваться прежде всего на развитие IT-сектора.

Рассматривая влияние процесса цифровизации на общество, необходимо учитывать, что продукты и услуги, создаваемые в рамках него, имеют свой жизненный цикл, который, по аналогии с маркетингом, может пониматься как период существования определенного товара. Предел востребованности той или иной цифровой технологии, а соответственно, и влияния на социальную систему, определяется не столько ее возможностями или функционалом, сколько значимостью для социальных субъектов. Как отмечает Е. В. Иванова, «каждая технология развивается по своей траектории, направление которой определяется техническими и экономическими границами выбранной парадигмы, а также стратегией и поведением индивидов, социальных групп и институтов» [3, с. 44]. Другими словами, на технологическое развитие влияет в том числе и культура как знаково-символическая система норм, ценностей и социальных коммуникаций.

Потребности людей постоянно меняются, а соответствие базового продукта запросам общества и рынка корректируется за счет разработки и внедрения новых технологий, а также привлечения к ее использованию максимального количества субъектов. Само по себе существование этих технологий парадоксально: с одной стороны, они упрощают жизнь общества, но, с другой, – стимулируют излишнюю «потребительскую нервозность» (например, «гонку» за передовыми технологиями на уровне государства или за новыми гаджетами на уровне индивидуального потребителя). Возникает так называемый эффект «лестницы Пенроуза» (или бесконечных ступеней), при движении по которой в одном направлении человек будет подниматься бесконечно – то есть удовлетворяться будут одни и те же потребности, но разными средствами.

Все большее проникновение цифровизации в социальную жизнь приводит к естественной динамике существующей в обществе системы норм, идеалов, представлений о мире и формированию новой иерархии ценностей. В силу этого меняются, как следствие, и методы ценностного освоения социальной реальности. Данный процесс является вполне естественным и не противоречит логике поступательного развития общества. В данной связи уместно вспомнить аксиологический подход М. Вебера, согласно которому ценности являются формой организации жизненного опыта и выражают интерес того или иного исторического периода [2]. Взаимодействуя между собой, ценности выступают в качестве содержательного элемента культуры. В свою очередь, устойчивость и воспроизводимость социальных ценностей приводит к их формализации, дальнейшей трансляции и закреплении в массовых социальных практиках. Особенно наглядно это иллюстрируется появлением новых терминов, активно проникающих в обыденную коммуникацию и замещающих традиционные речевые обороты. Многие из них связаны именно с технологиями, наиболее часто применяемыми в повседневной деятельности. Так, например, при необходимости оперативного поиска инфор-

мации используется понятие «гуглить», при исключении из коммуникации – «забанить», и т. п.

Одной из важных характеристик цифровой эпохи является возрастание роли экспертного знания. Очевидно, что в современных условиях принципиальное значение эпистемических систем и сообществ как своеобразной платформы для дальнейшего технического и технологического развития общества неоспоримо. Иными словами, сегодня, как отмечает М. Кастельс, «знание и информация представляются действительно главными источниками производительности и роста в развитых обществах» [4, с. 202]. При этом такие знания и информация становятся востребованными не только в промышленности и экономике, но и в обыденной жизни.

Вместе с тем возможности, которые дает цифровизация (такие как оперативность поиска и создания информации), приводят к девальвации традиционных экспертных компетенций. Возникает противоречивая ситуация, когда в силу ускорения темпа технологических изменений, их возрастающей доступности и функциональности предметное экспертное знание теряет свою социальную значимость. Как отмечает М. Кастельс, «трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все сферы человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями, так же как и между элементами и агентами этой деятельности» [4, с. 82]. В результате этого в общественном мнении статус эксперта приобретает тот, кто может оперативно агрегировать информацию, а не профессионал, являющийся специалистом в той или иной сфере.

Еще одной причиной снижения значимости специализированного знания становится существование множества экспертных систем. Причиной «недоверия» к создаваемой ими информации является наличие у общественности представлений (хоть и поверхностных) о предмете экспертизы и возможности оперативно получить необходимые данные. Тем не менее «профессионалы» заинтересованы в предоставлении результатов своих изысканий различным социальным субъектам. В то же время обыденное сознание ведет к признанию ограниченности «экспертиз», поскольку при оценке одних и тех же объектов разные эпистемические системы дают им различную оценку и интерпретацию, что приводит к недоверию к экспертному знанию.

Таким образом, цифровизация и технологизация оказывают существенное влияние на социокультурную сферу. В рамках воздействия новых технологий на общество наблюдается двойственная тенденция. С одной стороны, цифровизация становится одним из ключевых факторов наращивания прогрессивных преимуществ технологий нового поколения, «драйвером» развития социально-экономической сферы, а с другой – ведет к изменению существующей модели трансляции социального опыта от одного поколения к другому. Расширение границ информационного пространства приводит к трансформации традиционной нормативно-ценностной системы, возникновению новых доми-

нант мышления и поведения социальных субъектов. Такая неоднозначность предполагает формирование новой методологии междисциплинарной рефлексии, позволяющей не только фиксировать социокультурные изменения, но и прогнозировать их характер и последствия.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Контуры грядущего: цифровизация экономики и других сфер жизнедеятельности человека / Е. М. Бабосов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 3. – С. 11–23.

2. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.

3. *Иванова, Е. В.* Технология и ее роль в эволюционном развитии общества / Е. В. Иванова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Экономика. Вып. 20. – 2009. – № 9 (147). – С. 42–45.

4. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / Мануэль Кастельс ; под науч. ред. О. И. Шкаратана ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

5. *Лисенкова, А. А.* Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект / А. А. Лисенкова // Рос. гуманитар. журн. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 217–222.

6. *Манхейм, К.* Избранное. Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. / Карл Манхейм. – М. : Изд-во РАО «Говорящая книга», 2010. – 744 с.

7. *DeGusta, M.* Are Smart Phones Spreading Faster than Any Technology in Human History? [Electronic resource] / M. DeGusta // MIT Technology Review. – Mode of access: www.technologyreview.com/s/427787/are-smart-phones-spreading-faster-than-any-technology-in-human-history. – Date of access: 23.09.2019.

8. Global smartphone shipments forecast from 2010 to 2022 (in million units) [Electronic resource] // Statista. – Mode of access: https://www.statista.com/statistics/263441/global-smartphone-shipments-forecast. – Date of access: 23.09.2019.

9. Yearbook of statistics Telecommunication / ICT Indicators 2008–2017. – Geneva, 2018. – 390 p.

Поступила 02.12.2019 г.

УДК 316.775.4:654.197:621.397.13.037.372

Е. В. ШКУРОВА,

кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: vogel_82@mail.ru

Е. А. ПОКЛАД,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ИНТЕРАКТИВНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИДЕНИЯ)

В статье представлен анализ потребительских предпочтений телезрителей в эпоху информатизации и повсеместного перехода к цифровым типам телевещания. В контексте изучения мирового опыта цифровизации телевидения на основе данных республиканского опроса телезрителей актуализируется систематическое изучение телеаудитории и предлагается типологизация потребительских стратегий в зависимости от возрастных категорий.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, телевидение, цифровое телевидение, телесмотрение, потребительские предпочтения.

A. V. SHKUROVA,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: vogel_82@mail.ru

E. A. POKLAD,

Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

DIGITALIZATION IN THE INTERACTIVE MEDIA SPACE (AN EXAMPLE OF TELEVISION)

The article presents an analysis of consumer preferences of televiewers in the era of informatization and the widespread transition to digital types of television broadcasting. On the basis of data from a republican survey of television viewers, a systematic study of television audience is being updated in the context of studying the world experience of digitalization of television and a typology of consumer strategies depending on age categories is proposed.

Keywords: digitalization, informatization, television, digital television, television viewing, consumer preferences.

Распространение информационных и телекоммуникационных технологий закономерно находит отражение в различных сферах социальной жизни. Когда информация и знание становятся основным ресурсом, использование компьютерных и телекоммуникационных технологий позволяет каждому индивиду реализовывать свои способности, удовлетворять потребности и при этом производить информацию и знания.

Активно процессы информатизации охватывают медиапространство. При этом очень часто при их оценке на первый план выдвигается технический аспект, связанный с цифровизацией СМИ, а также вопросами государственного регулирования их электронных форм. Однако медиасфера предполагает также наличие аудитории, которая воспринимает информацию, рефлексирует и дает на нее реакцию.

По версии М. Маклюэна, телевидение относится к таким типам медиа, коммуникационная модель которых требует высокой степени участия аудитории, достраивания недостающей информации [1]. Цифровизация телевидения происходит весьма быстро, что актуализирует вопрос об изучении потребительских предпочтений в данной сфере.

Несмотря на довольно активное проникновение информационных и телекоммуникационных технологий, говорить об однозначной категоризации понятий «информатизация», «цифровизация», «дигитализация» пока рано [2]. Для рассмотрения феномена цифровизации телевидения целесообразно разграничить указанные понятия.

Наиболее общей категорией в данном случае является *«информатизация»*. С точки зрения правового подхода, под информатизацией понимается организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений [3]. В предельно широком смысле информатизация предполагает проникновение информации во все сферы общественной жизни, что влечет соответствующие социальные и культурные изменения, меняющие образ жизни как отдельного индивида, так и социальной структуры в целом и обеспечивающие переход к информационному обществу.

Вторым распространенным термином, характеризующим внедрение информационных технологий в социальную практику, является *«цифровизация»*, которая понимается в узком и широком смысле. В узком смысле она предполагает преобразование информации в цифровую форму. В такой интерпретации для описания данного процесса используется также термин *«дигитализация»*, которая обеспечивает широкое применение в современных системах связи цифровой трансмиссии информационных данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы [4].

Цифровизация в широком смысле – современный глобальный тренд развития общества, который не только основан на качественном преобразовании информации в цифровую форму, но и обеспечивает повышение качества жизни и эффективности экономики. При этом эффективная реализация процессов цифровой трансформации характеризуется следующими критериями [5]:

охватом производства, науки, бизнеса, социальной сферы и повседневной жизни;

жестким отбором и оценкой результатов цифровизации;

наличием базовых навыков работы с цифровой информацией у пользователей;

доступностью результатов цифровизации не только для экспертного сообщества, но и для широкого круга лиц.

Переход к цифровому формату циркуляции информации в социальной, культурной и экономической сферах в большинстве случаев ведет к расширению возможностей сохранения и трансляции культурно-исторического опыта и, соответственно, является одним из методов улучшения отдельных сторон жизни, а в перспективе – механизмом общественного развития.

Дополнительно также применяется категория *«компьютеризация»*, которая представляет собой процесс расширенного внедрения электронно-вычислительной техники во все сферы жизнедеятельности человека, развернувшийся в середине XX в. с началом научно-технической революции и являющийся точкой отсчета наступления эпохи информатизации [6, с. 219].

Цифровизация телевидения опосредуется технологиями телевизионного вещания. В зависимости от использованного принципа передачи сигнала телевидение может быть:

эфирным (наземным);

кабельным;

спутниковым;

интернет-телевидением, в том числе интерактивным.

При этом первые три типа передачи сигнала можно использовать как для аналогового, так и для цифрового вещания. Стремительное развитие телекоммуникаций с внедрением цифровых технологий обработки и передачи сигналов предоставило возможность перехода телевизионного вещания на новый, более качественный уровень – цифровое телевизионное вещание. Особое место здесь занимает интернет-телевидение, поскольку открывает широкие возможности для потребителей. За последнее время в мире получило распространение множество разновидностей цифрового телевизионного вещания: эфирное (наземное), кабельное, мобильное, спутниковое, IP-телевидение. Также необходимо отметить, что в современных условиях приоритетными становятся комбинированные технологии, основанные на более выгодных стратегиях доставки контента, подразумевающих применение различных способов цифрового вещания на разных этапах.

Цифровое телевидение имеет ряд преимуществ перед аналоговым. В первую очередь оно обеспечивает высокое качество изображения и звука. Цифровое телевидение дает возможность передачи изображения с высоким разрешением (телевидение высокой четкости или HDTV), с многоканальным звуковым сопровождением, а также в перспективе переход к стереоизображению (3D). Цифровой сигнал имеет большую помехозащищенность, что позволяет вести более качественные телетрансляции. Для сравнения: там, где аналоговое телевидение транслируется с шумами и помехами, цифровой сигнал будет принят в том качестве, в котором он был сформирован в телевизионной студии за счет цифровой обработки.

Опыт внедрения цифрового телевидения в мире

Основанное в 1965 г. для содействия установлению международных соединений в сетях связи специализированное учреждение Организации Объединенных Наций в области информационно-коммуникационных технологий – Международный союз электросвязи – осуществляет мониторинг перехода на цифровое вещание (табл. 1). По его данным, аналоговое вещание прекращено в 54 странах, еще 75 государств находятся в процессе перевода на цифровое телевидение [7].

Таблица 1. **Порядок перехода стран на цифровое телевещание (источник: [7; 8])**

Страна	Начало перехода на цифровое телевидение	Окончание перехода на цифровое телевидение
США	Выдача лицензий для перехода к цифровому вещанию в США началась в 1996 г.	Передача аналогового сигнала была прекращена 12 июня 2009 г.
Франция	Подготовка велась с 1996 г. 31 марта 2005 г. началось поэтапное отключение аналогового сигнала	Полностью прекращено аналоговое вещание 30 ноября 2011 г. В стране 7 мультиплексов[1], транслирующих более 30 каналов
Чехия	В Чехии переход на цифровой сигнал вещания начался в 2000 г.	Переход завершен 30 ноября 2011 г. В стране 14 общедоступных каналов, транслируемых через 5 мультиплексов
Великобритания	Впервые цифровой сигнал стал доступен в 1998 г. в виде сервиса под названием «ONdigital»	Полный переход к цифровому вещанию завершился 24 октября 2012 г. (к цифровому формату перешли более 100 каналов)
Германия	Процесс перехода к цифровому вещанию начался в 2002 г.	Полностью завершен в апреле 2012 г.
Италия	Начало перехода на цифровое телевидение датируется 2004 г.	Переход завершен в 2012 г. В стране действует 6 национальных мультиплексов с 27 телеканалами
Австралия	Начало перехода к цифровому телевидению в 2001 г.	Процесс завершен в 2013 г.
Польша	9 ноября 2001 г. было запущено тестовое цифровое вещание. Однако сам переход начался только в 2012 г. Он осуществлялся в 7 этапов, предусматривающих постепенное отключение аналогового телевидения в регионах	Аналоговое вещание прекращено 23 июля 2013 г. В Польше транслируется 20 общедоступных каналов через 3 мультиплекса
Болгария	В Болгарии переход к цифровому сигналу начался в 2008 г. Регулярные трансляции стартовали уже 1 марта 2013 г. с параллельным аналоговым вещанием	30 сентября 2013 г. поддержка аналогового сигнала была прекращена. В стране транслируется более 20 общедоступных каналов через 4 мультиплекса
Мексика	Первой страной Латинской Америки, начавшей переход к цифровому телевидению, была Мексика в 2004 г.	Полностью переход завершен в 2015 г.

[1] Мультиплекс – набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу.

Окончание табл. 1

Страна	Начало перехода на цифровое телевидение	Окончание перехода на цифровое телевидение
Россия	В России переход к цифровому вещанию начался 3 декабря 2009 г.	Аналоговое эфирное вещание в России было прекращено 14 октября 2019 г. На данный момент вне зоны охвата цифрового эфирного телевещания расположены 18 тыс. населенных пунктов. Из них в 12 тыс. проживает около 800 тыс. семей, в остальных никто не живет. Население вне зоны охвата планируется обеспечить спутниковым телевидением по льготным тарифам
Аргентина	В Аргентине переход к цифровому сигналу запущен в 2010 г.	Полный переход планируется на конец 2019 г.
Китай	Переход к цифровому вещанию в Китае начался еще в 1990-х гг., его завершение планировалось в 2015 г. Однако в ходе его реализации возникло множество проблем	На данный момент предварительная дата окончательного перехода к цифровому телевещанию назначена на 2020 г.
Бразилия	В Бразилии перевод телевидения на цифровой формат был начат в 2007 г.	Завершение перехода предварительно планируется на 2023 г.

Переход к цифровому телевещанию в Республике Беларусь

Республика Беларусь начала цифровой переход в рамках международного сотрудничества. На Региональной конференции радиосвязи по планированию цифровой наземной радиовещательной службы в полосах частот 174–230 МГц и 470–862 МГц (РКР-06), прошедшей в Женеве в 2006 г., принято решение о полном переходе на эфирное цифровое телевизионное вещание 17 июня 2015 г.

В целях реализации международного соглашения постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 08.12.2005 г. № 1406 была утверждена Государственная программа внедрения цифрового телевизионного и радиовещания в Республике Беларусь до 2015 года, направленная на улучшение качества предоставления услуг по трансляции телевизионных программ, повышение эффективности использования радиочастотного ресурса, а также на освоение производства новых видов приемного и передающего телевизионного оборудования [9]. 17 июня 2015 г. в стране полностью завершены необходимые мероприятия по отключению всех аналоговых телевизионных передатчиков, подпадающих под соглашение Женева-2006. Таким образом, Республика Беларусь вместе с целым рядом других стран своевременно и в полном объеме исполнила свои международные обязательства в части эфирного распространения телевизионных программ в аналоговом формате.

В Республике Беларусь идет активное развитие цифрового телевизионного вещания стандарта DVB-T/T2 с применением кодирования MPEG-4 AVC/H.264, направленное на обеспечение населения республики общедоступным пакетом телевизионных программ. По состоянию на 1 января 2018 г. цифровое телевидение было доступно для просмотра 99,45 % населения республики [10].

Потребительские предпочтения белорусских телезрителей

В условиях повсеместного перехода к цифровому телевидению и возникновения более совершенных способов доставки контента конечному потребителю возникают новые потребительские стратегии и предпочтения. В данных условиях достаточно важным представляется изучение мнений потребителей телевизионного контента в Беларуси. В данной статье они представлены по результатам республиканского социологического исследования, осуществленного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, об общих оценках населением страны особенностей белорусского телевещания.

Социологическое исследование проведено в августе 2019 г. методом телефонного опроса (CATI). В опросе приняли участие 603 телезрителя в возрасте от 18 лет, проживающих в г. Минске, областных центрах и других крупных городах Беларуси с населением от 100 тыс. человек (15 городов). Исследовательские задачи в ходе изучения общественного мнения были связаны в том числе с определением особенностей технического обеспечения телесмотрения, предпочтений потребителей в выборе передаваемого сигнала, а также характера использования интерактивных функций телевидения.

Телесмотрение технологизируется. Белорусы используют все доступные технические средства для просмотра телепередач. Наиболее распространенным является традиционный способ просмотра контента телевизионных каналов – с помощью телевизора (95,9 %). Практически каждый четвертый использует для этих целей мобильный телефон (23,1 %), почти каждый пятый – планшет или ноутбук (18,1 %), еще 15,1 % смотрят телепередачи через стационарный компьютер (рис. 1).

Использование различных устройств для просмотра телевизионного контента имеет возрастные закономерности. В целом телевизор традиционно является наиболее популярным средством просмотра. При этом наибольшая доля респондентов, использующих его в качестве основного устройства получения телесигнала, приходится на старшую возрастную группу (51 год и старше). Для младших возрастных категорий как специфического адресата ком-

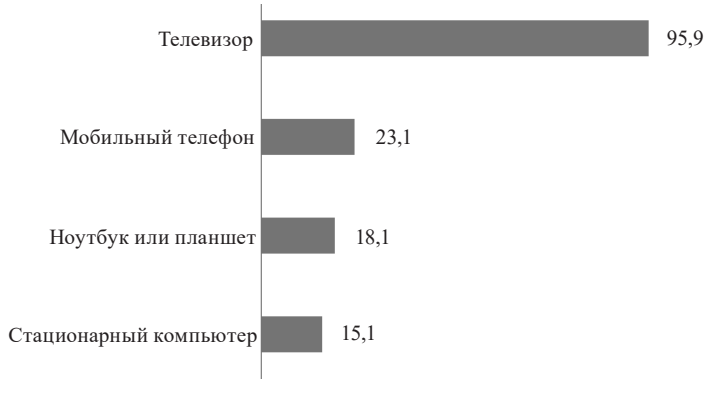


Рис. 1. Устройства, используемые для телесмотрения, в %

муникации, информационные потребности которого проявляются с довольно высокой интенсивностью, в большей степени характерно использование разнообразных устройств – мобильных телефонов, планшетов, ноутбуков и стационарных компьютеров (табл. 2).

Таблица 2. **Выбор устройства телесмотрения в зависимости от возраста респондентов, в %**

Устройство	Возрастные группы			В целом по массиву
	18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше	
Телевизор	80,4	95,6	98,5	95,9
Мобильный телефон	37,5	31,0	16,0	23,1
Ноутбук или планшет	23,2	22,7	14,5	18,1
Стационарный компьютер	28,6	17,7	11,3	15,1

Выбор устройств для телесмотрения сказывается и на предпочтениях относительно особенностей получаемого сигнала: более половины белорусских потребителей используют кабельное телевидение (51,6 %), более трети (37 %) – интерактивное (телевидение через Интернет), каждый десятый (10,4 %) – эфирное телевидение (базовый набор каналов государственного вещания), заметно меньшая часть респондентов (6,5 %) подключена к спутниковому телевидению (рис. 2).

Данные предпочтения обусловлены в том числе возрастной спецификой: люди старшего возраста (51 год и старше) реже молодых респондентов используют телевидение через Интернет и чаще других являются потребителями кабельного и эфирного типа телевещания. На молодежь (18–30 лет) и среднюю возрастную группу (31–50 лет) приходится наибольшая доля тех, кто предпочитает интернет-телевидение. А вот просмотр эфирного ТВ (базовый набор каналов государственного телевещания) молодым людям не свойствен в принципе (табл. 3).

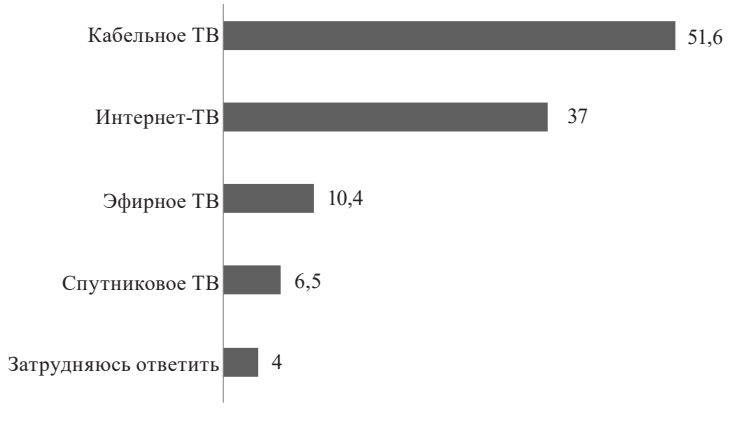


Рис. 2. Предпочитаемые виды телевидения, в %

Таблица 3. **Распределение видов телевидения в зависимости от возраста респондентов, в %**

Вид телевидения	Возрастные группы			В целом по массиву
	18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше	
Кабельное ТВ	39,3	44,8	57,6	51,6
Телевидение через Интернет (интерактивное ТВ)	50,0	47,8	28,5	37,0
Эфирное ТВ (базовый набор каналов государственного телевещания)	0,0	6,4	14,5	10,4
Спутниковое ТВ	10,7	7,9	4,9	6,5
Затрудняюсь ответить	5,4	2,5	4,7	4,0

Цифровизация формирует преимущества интерактивного телевидения, и его пользователи довольно активно используют соответствующие возможности. Оценки преимуществ интерактивного телевидения сформировали три группы позиций (рис. 3). Во-первых, популярность интерактивного телевидения обусловлена возможностью управления процессом просмотра – перемотки (60,1 %) и постановки на паузу (53,4 %). Во-вторых, оно позволяет управлять контентом посредством отложенного просмотра (42,2 %), выбора каналов и телепередач (41,7 %), просмотра ТВ без рекламы (40,8 %). И, в-третьих, потребитель может смотреть телевизор с учетом собственных предпочтений: записать телепередачу (38,6 %) или искать интересующую (32,3 %).

Примечательно, что, несмотря на довольно высокие оценки преимуществ интерактивного телевидения, одной из наиболее популярных функций – отложенного просмотра – пользуются меньше половины его потребителей (46,6 %), более половины (51,6 %) функцию не используют (рис. 4).

Рис. 3. Преимущества интерактивного ТВ по мнению респондентов, в %

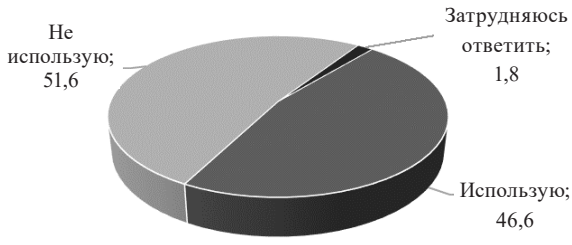


Рис. 4. Использование функции отложенного просмотра среди пользователей интерактивного ТВ, в %

Здесь опять же проявляют себя возрастные характеристики респондентов: заметна взаимосвязь использования интерактивного телевидения и возраста потребителей. Использование отложенного просмотра заметно выше в возрастной группе молодежи (18–30 лет), респонденты средних возрастов (31–50 лет), использующие и не использующие данную функцию, разделились примерно пополам, люди старшего возраста (51 год и старше) реже всего применяют указанную возможность (табл. 4).

Таблица 4. **Использование функции отложенного просмотра среди пользователей интерактивного ТВ в зависимости от возраста, в %**

Использование функции отложенного просмотра	Возрастные группы			В целом по массиву
	18–30 лет	31–50 лет	51 год и старше	
Использую	60,7	52,6	36,7	46,6
Не использую	39,3	47,4	59,2	51,6
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	4,1	1,8

Исходя из полученных в результате республиканского опроса данных, можно судить о возрастных закономерностях в поведении телезрителей: старшее население тяготеет к более консервативным потребительским стратегиям телесмотрения, в то время как молодое поколение предпочитает потреблять телевизионный контент с применением новых цифровых технологий, чаще используя для своих целей интернет-телевидение. В целом стратегии потребления современного телевизионного контента в зависимости от различных возрастных категорий образуют три типа: 1) традиционная модель поведения присуща населению старшего возраста, для которого характерно телесмотрение при помощи телевизора, подключенного кабельным способом, и слабо выраженная потребность в применении интерактивных функций; 2) переходная модель характерна для телезрителей среднего возраста, часть из которых придерживается традиционных способов просмотра, часть включается в использование новых технологий; 3) современная цифровая комбинированная модель телесмотрения охватывает молодежь, использующую для получения контента современные технологии, специальные телеплатформы и интернет-соединение, и пока находится в стадии становления и трансформации.

Преимущества цифрового телевидения очевидны: оно обеспечивает высокое качество изображения и звука, бесперебойное вещание и большой набор телеканалов, а соответственно, контента. Однако цифровое телевидение является более требовательным в плане технического оснащения и обслуживания. Повсеместный переход телевидения к цифровому формату сигнала открывает новые возможности перед потребителями, что актуализирует задачи систематического изучения телеаудитории и мониторинга потребительских предпочтений различных социальных категорий.

Список использованных источников

1. *Маклюэн, М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2007. – 464 с.

2. *Коршунов, Г. П.* Цифровая трансформация общества – проблемы и перспективы социологического изучения / Г. П. Коршунов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 1. – С. 12–22.

3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 января 2014 г. № 102-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь, 11 мая 2016 г. № 362-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455. – Дата доступа: 02.09.2019.

4. *Князев,* А. А. Энциклопедический словарь СМИ [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. – Режим доступа: https://royallib.com/book/knyazev_aleksandr/entsiklopedicheskiy_slovar_smi.html. – Дата доступа: 02.09.2019.

5. *Халин, В. Г.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.

6. Экономико-социологический словарь / сост.: Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк ; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.

7. Как мир переходит на цифровое телевидение [Электронный ресурс] // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР–ТАСС). – Режим доступа: https://tass.ru/info/5865100. – Дата доступа: 02.09.2019.

8. Цифровое эфирное телевидение [Электронный ресурс] // Российская телевизионная и радиовещательная сеть. – Режим доступа: https://spb.rtrs.ru. – Дата доступа: 02.09.2019.

9. Об утверждении Государственной программы внедрения цифрового телевизионного и радиовещания в Республике Беларусь до 2015 г. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г. № 1406 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г. № 1655 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C20501406. – Дата доступа: 04.09.2019.

10. Цифровое телевизионное вещание [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://mpt.gov.by/ru/cifrovoe-televizionnoe-veshchanie. – Дата доступа: 04.09.2019.

Поступила 06.12.2019 г.

УДК 316.334:614.2:004(476)

В. Р. ШУХАТОВИЧ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭЛЕКТРОННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается ресурсный потенциал электронного здравоохранения и его реализации в сфере социальной политики. Автором представлены результаты эмпирически-социологического анализа распространенности электронных практик в контексте территориальной дифференциации в Беларуси. Показаны различия между поддержкой населением электронного здравоохранения и реальной практикой его использования в повседневной жизни. Результаты исследования свидетельствуют о возможностях и направлениях улучшения ситуации.

Ключевые слова: социальная политика, неэкономические ресурсы, электронное здравоохранение, опрос, Беларусь, практики электронного здравоохранения.

V. R. SHUKHATOVICH,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus

E-HEALTH AS A RESOURCE OF SOCIAL POLICY

The article discusses the resource potential of e-health implementation in the field of social policy. The author presents the results of an empirical-sociological analysis of the prevalence of electronic practices in the context of territorial differentiation in Belarus. The differences between the support of e-health by the population and the actual practice of its use in everyday life are shown. The results of the study indicate the possibilities and directions for improving the situation.

Keywords: social policy, non-economic resources, e-health, survey, Belarus, e-health practices.

В настоящее время мы являемся свидетелями возрастания важности социальной сферы, ее усложнения и роста влияния на политическую и экономическую сферы общества. В этой связи возрастает и роль социальной политики. Основное назначение социальной политики – не допустить грубых форм неравенства и несправедливости, социальной напряженности и конфликтов в обществе путем согласования интересов, содействовать развитию человеческого и социального потенциала. Здравоохранение является одним из главных направлений социальной политики и представляет собой один из самых значимых институтов социальной защиты населения.

В современном обществе невероятным образом возросла степень сложности задач, стоящих перед социальными политиками. Усложняется система социальной дифференциации общества, многие формы неравенства и несправедливости проявляют себя латентно.

О значимости социальной политики в международном масштабе свидетельствует ежегодное издание Докладов о человеческом развитии, в которых обращается внимание на социальное неравенство и несправедливость, приобретающих новые формы в современном мире. Так, авторы Доклада о человеческом развитии 2019 «За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке» обращают внимание на возрастание чувствительности людей в разных странах к самым разнообразным проявлениям неравенства и несправедливости, рост напряженности и конфликтности, на тот факт, что преодоление крайних форм депривации, голода и нищеты не привело к снижению актуальности этих проблем, значительная часть населения не имеет возможности в достаточной мере управлять своей жизнью, делать жизненный выбор [1]. В Докладе акцентируется внимание на необходимости перехода от рассмотрения обеспеченности населения базовыми потребностями к расширенным, к которым отнесены в том числе такие, как доступ к качественным услугам на всех уровнях в сфере здравоохранения и образования, эффективный доступ к современным технологиям.

Теоретическими опорами социальной политики являются категории равенства, справедливости и согласования интересов, представления о которых определяют специфику социальных отношений любого общества [2].

В условиях ограниченного финансирования, а социальная политика требует серьезных инвестиций, встает вопрос об эффективности функционирования социальной сферы и ее отдельных отраслей, о выборе методов и инструментов, приемлемых для общества, посильных для экономики и в то же время соответствующих социальным ожиданиям людей.

Междисциплинарный характер социальной политики как сферы деятельности позволяет обсуждать наиболее актуальные вопросы представителям науки и практики, экспертам различных областей знания, в полной мере мобилизовать экспертный ресурс. В настоящее время в Беларуси пространство социальной политики – это площадка для свободных дискуссий как в международном формате, так и внутри страны. Волнующие темы активно обсуждаются в СМИ, на различных интернет-платформах, в социальных сетях и форумах.

Теоретические построения и практические рекомендации в вопросах социальной политики носят принципиальный характер, поскольку принимаемые на их основе политические решения существенным образом влияют на перераспределения ресурсов внутри общества, архитектуру социального неравенства.

Развитие электронного здравоохранения и других направлений цифровизации социальной сферы (электронного образования, электронных занятости и социальной защиты населения) рассматривается в числе задач, обеспечивающих информатизацию и инновационное развитие национальной экономики [3]. Развитие электронного здравоохранения в последние годы происходит

особенно интенсивно. Революционные технологические изменения, интеллектуализация экономики, совершенствование интернет-ресурсов и мобильных средств связи ведут к постоянному расширению границ самого понятия электронного здравоохранения. В настоящее время оно охватывает широкий круг мероприятий, ресурсов и услуг, предполагающих применение электронных средств и использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в интересах сохранения здоровья населения и предоставления связанной с этим информации[1]. Современное здравоохранение выступает одним из наиболее значимых, сложноорганизованных и интеллектуально насыщенных социальных институтов, в числе главных социальных функций которого – социальная защита населения и воспроизводство человеческого капитала. Его деятельность выходит далеко за пределы медицины. В социологии термин «здравоохранение» относится к различным социальным институтам, деятельность которых ориентирована на поддержание здоровья [4; 5]. Электронное здравоохранение не ограничивается сферой медицинских технологий, проникая в различные области деятельности и повседневную жизнь людей.

Цифровая трансформация – это не только революционные сдвиги в технологическом укладе общества и экономике, но и глобальные изменения в социальной организации общества, образе жизни и повседневной деятельности людей, их психике и социальном самочувствии [6; 7]. Эти процессы на протяжении последних десятилетий находятся в фокусе внимания мировой гуманитарной науки.

Актуальность социологического изучения процесса цифровой трансформации общества диктуется необходимостью создания описательных, объяснительных и прогнозных моделей новой цифровой социальной реальности, возникающей под влиянием современных информационно-коммуникационных технологий и роботизации. Укореняясь в повседневность, эти инновации изменяют образ жизни людей и социальную организацию общества, социальные отношения и социальную структуру. Возникает потребность в разработке релевантной системы понятий, методов сбора и анализа социологической информации, ее интеграции в массивы «больших данных» (big data) с целью более эффективного использования в процессах управления экономикой и обществом. Социологические исследования, выступая средством обратной связи, способствуют синхронизации технологических и социальных процессов, тем самым повышая эффективность управления процессами цифровой трансформации общества.

Стремительное распространение интернет-технологий и мобильной связи показало, что их развитие часто опережает развитие систем обеспечения безопасности и понимание новых масштабных рисков. Особую значимость приобретают социальная поддержка нововведений со стороны населения, готовность к участию, мотивация освоения новых навыков и компетенций, гражданская зрелость людей, иммунитет к негативным явлениям, солидарность

[1] URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/e-health.

общества относительно фундаментальных социальных ценностей, сплоченность, доверие, социальная ответственность.

В 50-х годах прошлого века медицинские учреждения начали использовать новые технологии для автоматизации таких задач, как бухгалтерский учет и расчет заработной платы. В дальнейшем бурное развитие сектора ИКТ привело к более широкому использованию его продуктов в сфере здравоохранения и развитию электронного здравоохранения (созданию веб-сайтов медицинских учреждений, электронного документооборота, распространению телемедицины). По данным зарубежных медицинских журналов, до 70 % населения Германии, США, Сингапура и других стран мира используют Интернет для поиска информации, касающейся здоровья.

В Беларуси так же, как и во многих странах мира, модернизируется электронная инфраструктура здравоохранения. Планируется создание электронной карты пациента, расширение сферы использования телемедицины, осуществляется ряд проектов, финансируемых Всемирным банком. Эти нововведения способствуют:

повышению качества медицинской помощи и эффективности системы охраны здоровья;

демократизации социальных отношений в системе «медицина–общество» и формированию развитой обратной связи путем электронных обращений граждан (населения, пациентов, представителей общественности и самих медицинских работников);

оптимизации маршрута пациента в здравоохранении;

упорядочению информационных потоков;

уменьшению бумажного документооборота;

преодолению неравенства и несправедливости в вопросах охраны здоровья;

улучшению внутриинституциональной и межсекторальной коммуникации;

повышению доверия системе здравоохранения и системе государственного управления в целом;

сбережению ресурса времени.

По мнению академика Е. М. Бабосова, многие технологии электронного здравоохранения способствуют здравосозиданию, хотя ученые и практики осознают и порождаемые ими риски [8].

В настоящее время становится очевидным, что форсированная цифровизация общества предоставляет шанс осуществить экономический рывок странам с ограниченными природными ресурсами и высоким уровнем развития человеческого и социального капитала. В частности, разработки в области мобильного здравоохранения (устройства, сервисы) приносят огромные прибыли своим разработчикам и IT-компаниям. Это происходит во многом потому, что эти технологии воплощают в себе значимые личностные и социальные потребности и ожидания, такие как персонализация профилактики и лечения, малоинвазивность, мобильность, свобода передвижения и независимость, экономия времени и многие другие. Коммерциализация сферы электронного здравоохранения будет усиливаться.

С учетом этих очевидных возможностей для развития человека и общества социальные политики, обладая значимыми ресурсами, не только экономическими, но и политическими, социальными, кадровыми, организационными, должны в полной мере осознавать и использовать их как на уровне методологии, так и практической реализации.

Поэтому так важно не просто выполнять текущие задачи информатизации, но и учесть опыт (позитивный и негативный) других стран, мнение мирового и отечественного экспертного сообщества, социальные ожидания населения. Комплексное видение этих процессов и проблем позволит избежать узковедомственных подходов и содействовать оптимальному продвижению на пути информатизации общества.

Обращение к рассмотрению социальных факторов цифровизации объясняется стремлением к акцентированию неэкономических, в том числе латентных, ресурсов развития, их системному рассмотрению и включению в аналитические модели и практику государственного управления.

Осуществляя цифровизацию, здравоохранение, будучи связанным с государственными и надгосударственными структурами, с одной стороны, должно вписаться в существующие системы функционирования в рамках сложившихся мировых и страновых взаимосвязей. С другой стороны, в каждой стране само здравоохранение, имея уникальный историко-культурный профиль и интеллектуальный потенциал, способно порождать и интенсифицировать инновационные процессы во взаимосвязанных структурах, способствовать развитию человеческого и социального потенциала.

В качестве социальных факторов, оказывающих влияние на развитие электронного здравоохранения, следует отметить:

институциональный климат, который характеризуется степенью развитости нормативно-законодательной базы, восприимчивостью к нововведениям в области ИКТ со стороны населения и ответственных структур;

человеческий и социальный капитал (уровень образования, интеллектуального и творческого развития населения и работников ответственных министерств и ведомств, внутриорганизационную культуру, доверие и сплоченность);

уровень развития электронных навыков (e-skills), в том числе: практических навыков использования ИКТ (ICT practitioner skills), обеспечивающих возможность осуществления администрирования, поддержки и обслуживания систем ИКТ; знаний пользователей ИКТ, охватывающих понятие цифровой грамотности (digitalliteracy); навыков электронного лидерства (e-Leadershipskills), позволяющих быстро оценивать новые возможности существующих систем, актуальность предложений программного обеспечения и новых веб-сервисов, понимать основы согласования деловых и IT-функций информационных технологий в различных организациях[1];

[1] URL: http://eskills-monitor2013.eu/fileadmin/monitor2013/documents/country_reports/brochure/e-skills_monitor_broschuere.pdf.

возможность обратной связи (развитие тематических цифровых платформ, интернет-СМИ), учет общественного мнения (выявленного при проведении массовых и экспертных опросов, анализа тематических форумов и т. д.).

Согласно результатам зарубежных исследований и публикациям в СМИ, развитие электронного здравоохранения сдерживается не только недостатком финансовых инвестиций, но и существованием социальных мифов, которые коренятся в сознании IT-специалистов и медицинских работников. В их числе, например, такие как:

уверенность в том, что люди не желают использовать цифровые услуги для здравоохранения;

только молодежь стремится использовать услуги электронного здравоохранения;

практика использования гаджетов, затрагивающих вопросы здоровья, это только мода и игра, а не осмысленное и стратегическое поведение;

комплексная платформа с предложениями по всему спектру услуг является необходимым условием для создания полноценной системы электронного здравоохранения.

Так, международные сравнительные исследования, проведенные в 2014 г. в Германии, Великобритании и Сингапуре, полностью опровергли эти мифологические представления. Они показали, что подавляющее большинство населения этих стран имеет потребность в развитии навигации по поиску самой разнообразной информации, касающейся здоровья, медицины, лекарств и медицинских сервисов. Более 75 % респондентов хотели бы использовать цифровые медицинские услуги, поскольку они соответствуют их потребностям. Согласно полученным данным, ограниченная вовлеченность отдельных групп населения объясняется неудобством сервисов, а также несоответствием контента ожиданиям аудитории. Более 75 % всех больных рассчитывают на использование цифровых услуг в будущем. Так, более 70 % всех пожилых пациентов в Великобритании и Германии хотели бы использовать цифровые медицинские услуги; в Сингапуре это число еще выше. Выявлена разница между видами цифровых технологий (каналов коммуникации), посредством которых пациенты хотели бы получить доступ к информации: пожилые пациенты предпочитают традиционные цифровые каналы, такие как веб-сайты и электронная почта, в то время как молодые пациенты отдают предпочтение социальным медиа.

Эти исследования показали, что при развитии электронного здравоохранения важны маленькие разнообразные, но быстрые шаги, и совсем не обязательно их интегрировать в масштабные цифровые платформы.

Приведенные результаты отражают социальные ожидания пациентов и позволяют предположить, что и внутри самой системы здравоохранения, и внутри общества могут быть найдены не только экономические и технологические ресурсы развития электронных услуг и сервисов, но и организационные, кадровые, социально-культурные и социально-психологические.

Необходимо отметить, что вовлеченность населения в процессы цифровизации, в том числе в сфере здравоохранения, активно исследуется социологами. Так, например, в России осуществляется Всероссийское исследование «Индекс цифровой грамотности» [9]. Согласно полученным результатам, наблюдается быстрый рост изучаемых параметров, в том числе увеличивается количество записывающихся на прием к врачу через Интернет. В масштабах общества эти изменения приводят к колоссальной экономии ресурсов (времени и жизненной энергии пациентов, снижению нагрузки на общественный транспорт и т. д.).

Приведем результаты национальных опросов, осуществленных Институтом социологии НАН Беларуси в 2018–2019 гг. Данные получены на основе авторской разработки – системы эмпирических индикаторов, позволяющей измерить динамику процессов цифровизации в сфере здравоохранения. Эти индикаторы охватывают такие параметры измерения, как восприимчивость, поддержка, оценка, вовлеченность, рефлексивность, мотивация, освоение навыков использования электронных практик в повседневной жизни.

Согласно полученным результатам, пациенты и население в целом демонстрируют восприимчивость к цифровым нововведениям в учреждениях здравоохранения по месту жительства и позитивно оценивают многие их них. Так, согласно данным национального опроса 2018 г., 70,1 % населения поддерживает введение персональных электронных медицинских карт; 66,3 % – введение электронных рецептов; 69,9 % – функционирование электронной очереди; 71,2 % – запись к врачу через Интернет; 50,2 % – медицинские консультации посредством видеосвязи.

В то же время, несмотря на заинтересованность и позитивное восприятие, реальная распространенность самих электронных практик существенно отстает от потребностей и ожиданий населения (таблица).

Электронное здравоохранение и повседневные практики населения Беларуси, 2019 г., контекст – территориальные зоны (в % от числа опрошенных указанных групп)

Какое из следующих новшеств Вы используете в своей повседневной жизни?	Областной центр + Минск	Крупные города (50–250 тыс.)	Города с численностью 10–50 тыс. (основа – районные центры)	Малые города и поселки городского типа	Сельские населенные пункты	Итого Республика Беларусь
Возможности телемедицины (консультации посредством видеосвязи)	4,5	0,4	3,2	2,5	1,7	2,7
Запись на прием к врачу через Интернет	30,4	16,9	34,4	28,2	20,3	25,6
Инфокиоски (информационные системы) в поликлиниках и других медучреждениях	9,8	1,9	19,6	5,0	12,0	9,8

Окончание табл.

Какое из следующих новшеств Вы используете в своей повседневной жизни?	Областной центр + Минск	Крупные города (50–250 тыс.)	Города с численностью 10–50 тыс. (основа – районные центры)	Малые города и поселки городского типа	Сельские населенные пункты	Итого Республика Беларусь
Рекомендации специалистов о профилактике заболеваний, размещенные на информационных порталах	10,2	9,3	10,7	7,6	6,1	8,9
Мобильное приложение для контроля параметров состояния здоровья, пульсометр, шагомер	18,7	7,2	8,8	7,3	14,6	13,7
Получение результатов обследований по электронной почте	10,8	7,4	11,4	0,5	9,1	9,2
Электронный рецепт	11,5	3,1	12,0	2,1	10,7	9,3
Ничем из вышеперечисленного не пользуюсь	52,2	71,3	48,4	61,8	64,1	59,0

Так, согласно данным национального опроса, проведенного в 2019 г., запись на прием к врачу через Интернет используют только 25,6 % населения страны; 9,3 % жителей республики отметили, что используют электронный рецепт; всего 9,2 % населения получает результаты обследований по электронной почте. Только 8,9 % жителей указали, что используют в своей повседневной жизни информацию экспертов (врачей и других специалистов) о профилактике заболеваний (интервью, рекомендации), размещенную на информационных порталах (таблица). Неожиданно, что такой результат наблюдается в ситуации, когда на самых популярных информационных порталах и в СМИ, как государственных, так и негосударственных, к популяризации знаний, касающихся сохранения здоровья, привлекаются эксперты и ведущие специалисты.

Данные приведены в разрезе территориальных зон и представляют интерес в контексте управления процессами цифровизации с учетом территориальной дифференциации.

Результаты проведенного исследования показали, что в изучаемый период (2018–2019 гг.) только половина населения республики использовала в своей повседневной жизни практики электронного здравоохранения. Мы сфокусировали свое внимание на территориальной дифференциации, так как теоретически социальная инфраструктура электронного здравоохранения (телемедицина, онлайн-консультации со специалистами, запись на прием к врачу через Интернет, получение результатов лабораторных и диагностических исследований по электронной почте) способна минимизировать территориальное неравенство и даже компенсировать недостаток традиционных форм медицинского обслуживания населения новыми формами коммуникации. Однако, согласно полученным данным, в настоящее время ресурсные возможности электрон-

ного здравоохранения не задействованы в полной мере. Перед социальными политиками стоит задача максимально использовать потенциал электронного здравоохранения (искусственного интеллекта, телемедицины, электронных карт пациента, электронной записи на прием к врачу и других сервисов) для повышения качества медицинской помощи и здоровьесозидания [8].

Стремительное распространение интернет-технологий и мобильной связи, их глубокое проникновение в повседневную жизнь показало, что их развитие часто опережает развитие систем обеспечения безопасности и понимание новых масштабных рисков. Особую значимость приобретают не только социальная поддержка нововведений со стороны населения, готовность к участию, мотивация освоения новых навыков и компетенций со стороны населения, но и гражданская зрелость людей, иммунитет к негативным явлениям, солидарность общества относительно фундаментальных социальных ценностей, сплоченность, доверие, социальная ответственность. Происходят фундаментальные изменения в характере труда и формах его организации [10]. С учетом взаимовлияния труда, здоровья человека и здравоохранения эти изменения приведут к трансформации системы здравоохранения и здоровья населения, и этими вопросами необходимо заниматься, не откладывая, уже сейчас.

Список использованных источников

1. Human Development Report 2019 Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf. – Date of access: 10.10.2019.

2. *Шавель, С. А.* Социальная политика суверенной Беларуси / С. А. Шавель, Р. А. Смирнова. – Минск : Ин-т социологии НАН Беларуси, 1996. – 124 с.

3. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody. – Дата доступа: 05.08.2019.

4. *Аберкромби, Н.* Социологический словарь : пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер / под ред. С. А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1997. – С. 93–94.

5. *Шавель, С. А.* Сферная парадигма в социальном знании и жизнеспособность общества / С. А. Шавель // Социол. альм. – Минск, 2018. – Вып. 9. – С. 70–76.

6. *Тоффлер, Э.* Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун ; под общ. ред. А. Александровой. – М. : Профиздат, 2008. – 569 с.

7. *Toffler, A.* A Future Shock [Электронный ресурс] / A. Toffler ; пер. на рус. А. Мирер [и др.]. – 2011. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4797. – Дата доступа: 12.10.2019.

8. *Бабосов, Е. М.* Здравосозидание с виртуальным компонентом / Е. М. Бабосов // Беларус. думка. – 2018. – № 6. – С. 19–25.

9. Всероссийское исследование. Индекс цифровой грамотности 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/media/Digital_Literacy_Index_2016.pdf. – Дата доступа: 05.10.2019; Всероссийское исследование. Индекс цифровой грамотности 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/media/Digital_Literacy_Index_2017.pdf. – Дата доступа: 05.10.2019.

10. Всемирный банк. 2019 год. Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://documents.worldbank.org/curated/en/469061544801350816/pdf/WDR-2019-RUSSIAN.pdf. – Дата доступа: 05.10.2019.

Поступила 09.12.2019 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 331.108.22

А. Г. АЛЛАХВЕРДЯН,

кандидат психологических наук,
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва, e-mail: sisnek@list.ru

КАДРОВЫЙ СОСТАВ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЦИФРОВИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ НАУКИ[1]

В статье представлен анализ феномена цифровизации – одного из относительно новых понятий, введенных в предметно-когнитивный аппарат различных наук. К их числу относится и социология науки, цифровизация которой отражает современную тенденцию растущего использования количественных методов в эмпирических исследованиях науки. Однако процесс цифровизации – это прерогатива не только постсоветской социологии науки, он активно проявлялся еще с 1960-х годов в развитии советской социологии науки. Выявлено, когда статистическая информация о кадровом составе советской науки интерпретировалась без учета «контекста информации», то это приводило к искажению реальной численности советских ученых.

Ключевые слова: социология науки, цифровизация, кадровый состав науки, количественные методы, межстрановые исследования, соотношение численности ученых СССР и США.

A. G. ALLAHVERDYAN,

Candidate of Psychological Sciences,
S. I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology of the RAS,
Moscow, e-mail: sisnek@list.ru

THE STAFFING OF SCIENCE AND PROBLEMS OF ITS DIGITALIZATION IN THE SOCIOLOGY OF SCIENCE

The article presents an analysis of the phenomenon of digitalization. This is one of the relatively new concepts introduced into the subject-cognitive apparatus of various sciences. Among them is the sociology of science, the digitalization of which reflects the current trend of the growing use of quantitative methods in empirical research of science. However, the digitalization process is not only the prerogative of the post-Soviet sociology of science, it has been actively manifested since the 1960s in the development of Soviet sociology of science. It was revealed that when statistical information about the personnel composition of Soviet science was interpreted without taking into account the "information context", this led to a distortion of the real number of Soviet scientists.

Keywords: sociology of science, digitalization, personnel of science, quantitative methods, intercountry studies, the ratio of the number of scientists of the USSR and the USA.

Об актуальности феномена «цифровизации» общества, его экономики и социальных процессов свидетельствуют многочисленные публикации и научные конференции, посвященные этой тематике. Так, на II академическом

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ (17-03-00885) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 20182020 (П. 23).

форуме Digital Science (Москва) в выступлении вице-президента Российской академии наук А. Р. Хохлова отмечалось, что цифровизация «изменила и продолжает изменять жизнь людей. Важно понимать, что первой областью, которая подверглась сильнейшему влиянию цифровизации, была именно наука» [1]. Ввиду своей новизны понятие «цифровизация» имеет неоднозначное, достаточно широкое толкование: от простого до весьма сложного. Это нашло отражение в различных словарях современных терминов. Так, в «Толковом словаре по информационному обществу и новой экономике» цифровизация трактуется, во-первых, как «преобразование информации в цифровую форму», во-вторых, как «цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы». Цифра же – это знак (символ) для обозначения количественной информации об исследуемом объекте [2].

В качестве основы дальнейшего анализа сосредоточимся на первой трактовке феномена цифровизации. Данную трактовку и исторически предшествующую, близкую ей идею «математизации» социально-гуманитарных дисциплин [3–8], объединяет общая методологическая установка на их частичную формализацию, что приоткрывает возможность количественного анализа проблематики этих дисциплин, в том числе проблематики социологии науки. Логически предполагалось, что использование количественных методов в социологии науки включало и опору на статистические показатели об объектах социологического исследования.

Наиболее активное развитие количественных методов в социологии науки связано с зарождением в 1960-х гг. нового, комплексного направления исследований науки – науковедения. У его истоков стояли представители различных научных дисциплин: философы, историки науки, социологи, экономисты, психологи [9–13]. В одной из первых классификаций, предложенных С. Р. Микулинским, в науковедческий комплекс включались такие специальные (частные) дисциплины, как логика науки, история науки, социология науки, экономика науки и психология науки, носившие, в значительной степени, описательный (внецифровой) характер. Но, несмотря на то что в классификационных схемах 1960-х гг. статистика науки еще не входила в науковедческий комплекс, статистические исследования уже проводились и играли заметную роль в количественных исследованиях науки и ее кадрового состава[1].

Однако цифровизация научно-кадровой информации, ее количественная формализация, наряду с позитивными, порою имеет и негативные аспекты в тех ситуациях, когда «создатели» этой цифровой информации не учитывают, в полной мере, ее «внутренний», содержательный контекст. Это особенно просматривается в межстрановых сравнениях кадрового потенциала науки СССР и США.

[1] Одним из научных коллективов, в деятельности которого активно использовались количественные методы, являлась «Школа социологии науки», ныне носящая имя ее руководителя – профессора С. А. Кугеля. Наиболее рельефно и последовательно тенденция использования количественных методов, включая статистический анализ кадрового состава науки, проявилась в коллективной монографии [14].

В послевоенный советский период потребность в международных сравнительных исследованиях нередко возникала в силу социально-идеологического соревнования двух политических систем: капиталистической и социалистической. Наиболее рельефно историческое соревнование имело место между лидерами двух противостоящих политических систем: США и СССР. Оно проявлялось не только в таких областях жизни, как экономика, культура, но и в сфере науки. Развитие науки и ее кадрового потенциала было приоритетной задачей властей США и СССР. Имело место негласное соревнование между СССР и США: у кого больше ученых? Опираясь на научно-кадровую информацию о двух странах, включая статистику, можно было отслеживать процесс соревнования не только в нарративном, но и в количественном контексте, что нашло отражение в ряде зарубежных и отечественных публикаций [14–16].

Следует отметить, что США среди развитых стран мира оказались первыми, кто создал в начале 1950-х гг. специальную государственную организацию – Национальный научный фонд (ННФ), выделив науку в отдельный объект статистического учета, и стали проводить регулярный сбор и обработку информации по широкому спектру показателей развития научного потенциала, включая его научно-кадровую составляющую [17]. В эти же годы в Советском Союзе, ввиду бурного количественного роста академических и отраслевых научных организаций, высших учебных заведений, возникла необходимость статистического учета занятых в них научных и научно-педагогических работников (без учета научно-вспомогательного персонала). Ниже в сравнительном контексте представлены темпы роста численности научных работников и работников других социально-профессиональными групп населения СССР (табл. 1).

Таблица 1. **Темпы роста численности населения, научных работников и других социально-профессиональных групп за 20 лет (1950–1970): сравнительный анализ (сост. авт. по: [14, с. 59])**

Категории групп	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1965 г. к 1950 г., в %
Население (млн человек)	182	198	216	232	127
Рабочие и служащие (млн человек)	40	50	62	77	192
Специалисты с высшим образованием (тыс. человек)	1443	2184	3545	4891	339
Инженеры (тыс. человек)	400	598	1135	1631	407
Научные работники (тыс. человек)	162	224	354	665	410
Наука и научное обслуживание (тыс. человек)	714	992	1763	2625	368
Выпуск специалистов из вузов (тыс. человек)	177	246	343	404	228

Как видно из сравнительного анализа, темпы роста численности категории сотрудников «научные работники» существенно опережали (410 %) как население в целом (127 %), так и другие социально-профессиональные группы: рабочих и служащих (192 %), выпускников вузов (228 %), специалистов с выс-

шим образованием (339 %), группы «наука и научное обслуживание» (368 %), инженеров (407 %). Поскольку численность научных работников и темпы их роста являлись одним из важных показателей развития научного потенциала, государственная политика в СССР и США стимулировала все возрастающий приток новых работников (табл. 2). При этом в двух странах показатели темпов роста численности научных работников существенно превосходили аналогичные показатели других стран мира.

Таблица 2. **Динамика численности научных работников и темпов их роста в СССР и США: сравнительный анализ в 1950–1966 гг., тыс. человек (сост. авт. по: [15, 16])**

Страна	1950 г.	1955 г.	1966 г.
СССР	162,5	223,9	712,4
США	146,3	208,5	416,8

Сопоставляя табличные кадровые показатели в США и СССР, на первый взгляд представляется, что и по численности ученых, и по темпам ее роста советская наука опережала науку США (1950 г.: численность ученых СССР возросла в 4,4 раза, а США – в 2,8 раза; если в 1950 г. показатель численности ученых СССР опережал этот показатель в США в 1,1 раза, то в 1966 г. – уже в 1,7 раза). Здесь, как бы, с цифрами не поспоришь, однако необходимо прояснить, что подразумевается под понятием «научные работники» в методологии их статистического учета в СССР и США.

В этих двух странах имел место ряд существенных различий в статистическом изучении научных работников. В СССР научный работник (ученый), по образному выражению Г. А. Лахтина, это «и исследователь, склоняющийся над прибором, и профессор, читающий лекции студентам» [18, с. 84]. Иначе говоря, в понятие «научный работник», в количественном выражении, включались как научные сотрудники академических, отраслевых и других видов научных организаций СССР, так и профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, независимо от того, занимался ли преподаватель научной работой или ограничивался своей основной лекционной деятельностью. В противоположность этому в число научных работников США того периода не включались преподаватели высшей школы, специалисты в области ряда технических наук, специалисты по общественным и гуманитарным наукам и др. [19, с. 58].

Занятость ученых в советской науке имела место в двух форматах: как на полной, так и на частичной ($^1/_2$, $^1/_4$) ставке. Однако, независимо от формы ставки, суммарная численность научных работников статистически учитывалась по числу физических лиц, «по головам», а отсюда значительно завышенные количественные показатели кадров в советской науке. В США, в отличие от СССР, численность научных работников отражала «не количество их как физических лиц, занятых в научной деятельности, а сумму долей времени, затрачиваемых научными работниками, в том числе педагогическими, ис-

ключительно на проведение НИОКР» [17, с. 52–53]. Иначе говоря, статистически по-разному учитываемый «формат занятости» ученых существенно сказывался на показателях сопоставимости числа научных работников в двух странах. В науке США и СССР имели место и другие различия в статистическом учете, существенно «искажающие» соотношение численности советских и американских ученых в первые два десятилетия послевоенной науки.

Часто используемой статистической единицей подсчета научных кадров, используемой в США, являются «ученые и инженеры». Учет кадрового состава науки США на базе этой единицы проводился достаточно детализированно по отраслям наук, секторам занятости, видам деятельности и т. д. Учитывая эту детализацию, науковеды В. И. Масленников и Л. Э. Миндели разработали новую, отличную от первоначальной (1966 г.) методику оценки показателя численности научных работников Советского Союза (одобренной Госкомстатом), позволившую корректно сопоставлять его с аналогичным показателем численности научных работников США. Согласно расчетам В. И. Масленникова и Л. Э. Миндели, произведенных через два десятилетия (в перестроечный период, 1988 г.), общая численность научных работников СССР в сопоставимом с США формате составила в СССР всего 1,52 млн человек против 2,73 млн человек в США, то есть научных работников США, согласно новой методике, оказалось в 1,8 раза больше, чем в СССР [17, с. 73]. Завышенная цифровая оценка числа советских ученых (псевдоцифровизация) в 1960-х гг. существенно повлияла на представление о соотношении числа научных работников СССР и США в пользу СССР. Также отметим, что завышенная оценка числа советских ученых оказала негативное влияние на распространение и другой ложной информации того же времени – «четверть всех научных работников мира» [20, с. 22] трудится в Советском Союзе.

В заключение отметим, что, обращаясь к историческому опыту цифровизации кадрового состава советской науки, включая его анализ в сравнительно-международном контексте, очень важно понимать, что кроется за цифрами. Только в таком случае результаты сравнительно-международных исследований и базирующиеся на них выводы можно считать корректными в историко-социологическом сопоставлении кадрового состава науки СССР и других стран мира. Это особенно важно учитывать и в современной практике принятия управленческих решений по совершенствованию государственной кадровой политики в сфере российской науки.

Список использованных источников

1. Цифровая наука – мировые тренды и «большие данные» в российском контексте [Электронный ресурс] / Официальный сайт портала «Научная Россия». – М., 2018. – Режим доступа: https://scientificrussia.ru/articles/v-ran-obsudili-problemy-tsifrovizatsii-nauki. – Дата доступа: 07.09.2019.

2. Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике [Электронный ресурс]. – М., 2017. – Режим доступа: http://information_society.academic.ru. – Дата доступа: 07.08.2019.

3. *Толстова, Ю. Н.* Анализ социологических данных / Ю. Н. Толстова. – М. : Науч. мир, 2000. – 352 с.

4. *Гуц, А. К.* Математические методы в социологии / А. К. Гуц, Ю. В. Фролова. – М. : ЛКИ, 2007. – 216 с.

5. *Миронов, Б. Н.* Историк и математика: математические методы в историческом исследовании / Б. Н. Миронов, З. В. Степаненко. – Л. : Наука, 1975. – 184 с.

6. Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – Л. : Наука, 1975. – 321 с.

7. *Головина, Г. М.* Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение / Г. М. Головина, В. Ю. Крылов, Т. Н. Савченко. – М. : ИПРАН, 1995. – 45 с.

8. *Леонтьев, А. Н.* К вопросу о моделировании и математизации в психологии / А. Н. Леонтьев, Э. А. Джафаров // Вопр. психологии. – 1974. – № 5. – С. 3–18.

9. *Добров, Г. М.* Наука о науке. Введение в общее наукознание / Г. М. Добров. – Киев : Наук. думка, 1966. – 272 с.

10. *Лазар, М. Г.* Этика науки / М. Г. Лазар. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 126 с.

11. *Лейман, И. И.* Наука как социальный институт / И. И. Лейман. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1971. – 177 с.

12. *Майзель, И. А.* Социология науки: проблемы и перспективы / И. А. Майзель. – Л. : Знание, 1974. – 48 с.

13. *Мирская, Е. З.* Ученый и современная наука / Е. З. Мирская. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1971. – 104 с.

14. Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР / под ред. Д. М. Гвишиани, С. Р. Микулинского, С. А. Кугеля. – М. : Наука, 1973. – 200 с.

15. Научные кадры СССР: динамика и структура / под ред. В. Ж. Келле и С. А. Кугеля. – М. : Мысль, 1991. – 285 с.

16. Employment of scientists and engineers in the United States, 1950–1966. – Washington D.C. : NSF, 1968. – Table A-4.

17. *Масленников, В. И.* Научные потенциалы СССР и США: опыт сопоставления / В. И. Масленников, Л. Э. Миндели // Вестн. Рос. акад. наук. – 1989. – № 10. – С. 52–62.

18. *Лахтин, Г. А.* Организация советской науки: история и современность / Г. А. Лахтин. – М. : Наука, 1990. – 220 с.

19. *Кугель, С. А.* Изменение численности и структуры научных кадров / С. А. Кугель, Ю. С. Мелещенко, С. Р. Микулинский // Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР / под ред. Д. М. Гвишиани [и др.]. – М. : Наука, 1973. – С. 55–63.

20. Потенциал науки / Г. М. Добров [и др.]. – Киев : Наук. думка,1969. – 152 с.

Поступила 25.09.2019 г.

УДК 378.22-052:[001.32(476):005.72]+378.22.06/.09(476)

О. Г. ВОРОШЕНЬ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ В АСПИРАНТУРЕ УЧРЕЖДЕНИЙ НАН БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ АСПИРАНТОВ

В статье представлен анализ мнений и оценок аспирантов по поводу условий обучения в аспирантуре и работы над кандидатской диссертацией. Подчеркивается значимость создания оптимальных условий обучения аспирантов для качественной подготовки специалистов высшей квалификации.

Ключевые слова: аспирантура, аспиранты, удовлетворенность условиями обучения.

O. G. VOROSHEN,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

POSTGRADUATE STUDY CONDITIONS IN INSTITUTIONS OF NAS OF BELARUS IN THE ASSESSMENTS OF POSTGRADUATES

The article presents an analysis of the opinions and assessments of graduate students about the conditions of study in graduate school and work on the dissertation. The importance of creating optimal conditions for training graduate students for high-quality training of highly qualified specialists is emphasized.

Keywords: graduate school, graduate students, satisfaction with the conditions of study.

Одним из главных институтов формирования кадрового потенциала науки в Республике Беларусь является аспирантура. Аспирантура – важный элемент в системе воспроизводства высококвалифицированных научных кадров, от ее эффективности зависит качественное и количественное восполнение кадровой структуры научной сферы Беларуси. Основная задача аспирантуры – обеспечивать качественную подготовку научных кадров высшей квалификации для научных организаций Беларуси и высокотехнологичных производств.

В настоящее время подготовка научных работников высшей квалификации проводится в 123 организациях, реализующих образовательные программы аспирантуры по 364 специальностям, в том числе по приоритетным, необходимым для развития высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI укладам экономики [1]. В 2018 г. перечень приоритетных специальностей был расширен, и на данный момент включает 137 специальностей. Таким образом, после корректировки списка доля аспирантов, обучающихся по приоритетным специальностям, возросла в два раза: с 16,1 % в 2016 г. до 31,5 % в 2018 г. [2].

Актуальной проблемой в деятельности аспирантуры последних лет продолжает оставаться сокращение численности обучающихся в аспирантуре граждан Беларуси. За период с 2012 по 2017 г. численность обучающихся в аспирантуре белорусских граждан сократилась с 5196 до 4769 человек, то есть на 8,2 % [3]. Только в 2018 г. наметилась тенденция к повышению численности аспирантов в научных организациях страны (табл. 1).

Таблица 1. **Динамика численности обучающихся в аспирантуре за период 2012–2018 гг.**

Численность обучающихся в аспирантуре	Годы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	5456	5265	4900	4932	5090	5149	5357
из них граждан Беларуси	5196	4990	4649	4687	4769	4769	4908
иностранных граждан	260	275	251	275	321	380	449

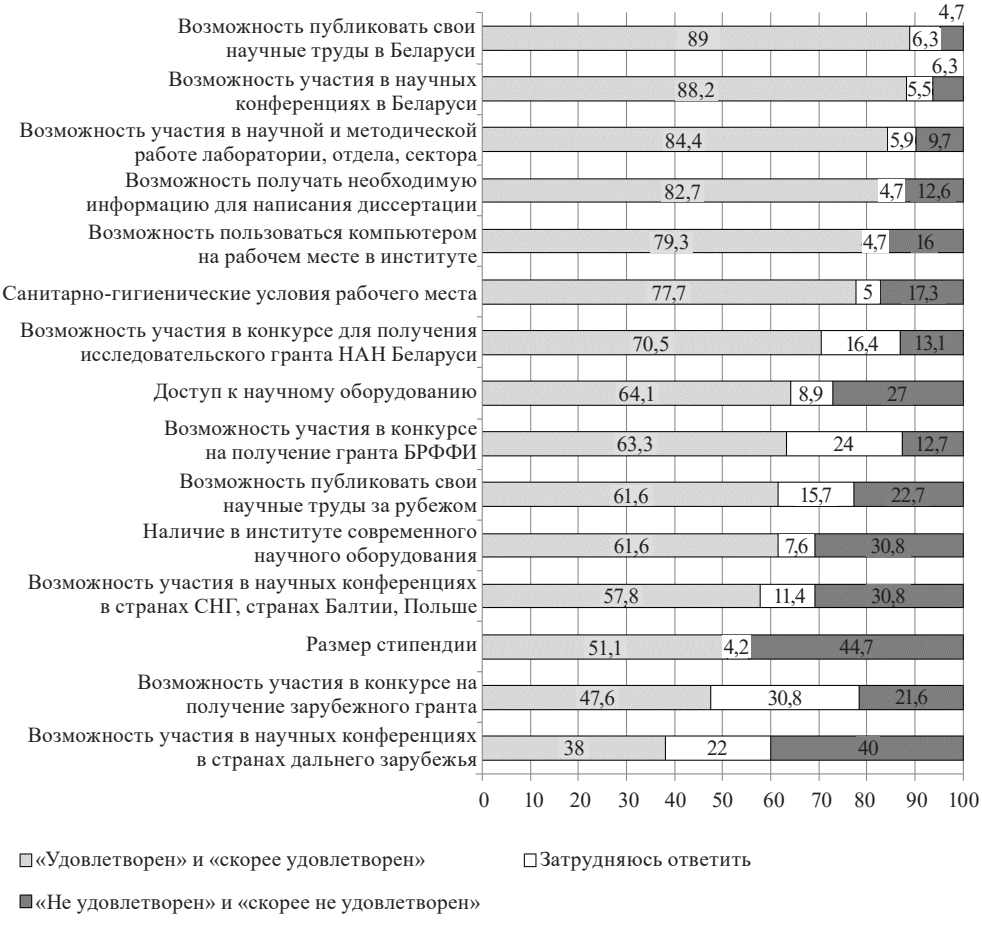
Сокращение численности обучающихся в аспирантуре граждан Беларуси создает неблагоприятные условия для воспроизводства кадрового потенциала белорусской науки и вместе с тем актуализирует вопросы о необходимости привлечения молодежи в аспирантуру, создания оптимальных условий для качественной подготовки научных кадров высшей квалификации.

В исследовании, проведенном сотрудниками Института социологии НАН Беларуси, изучались мнения и оценки аспирантов по поводу условий обучения в аспирантуре, степень удовлетворенности условиями обучения и работы над кандидатской диссертацией и их значимость для аспирантов. Опрос проводился среди аспирантов дневной формы обучения учреждений НАН Беларуси в 2019 г. В исследовании приняли участие 237 аспирантов. Среди них 38,8 % аспирантов первого года обучения, 34,2 % – второго и 27 % – третьего года обучения.

Чтобы оценить степень удовлетворенности условиями обучения в аспирантуре, респондентам было предложено ответить на вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены перечисленными ниже условиями обучения в аспирантуре и работы над кандидатской диссертацией?»

В целом аспиранты продемонстрировали довольно высокий уровень удовлетворенности основными аспектами обучения: доля ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» превалирует при оценке большинства условий (рисунок).

Наиболее высоко оцениваются респондентами возможности по опубликованию своих научных трудов в Беларуси (89 %), а также возможности участия в научных конференциях, которые проводятся в Беларуси (88,2 %). Оценивая информационные (возможность получать необходимую информацию для написания диссертации), технические (возможность пользоваться компьютером, доступ к необходимому оборудованию) и санитарно-гигиенические условия работы над диссертацией, большинство аспирантов выбрали варианты ответа «удовлетворен» либо «скорее удовлетворен».



Оценка аспирантами своей удовлетворенности условиями обучения в аспирантуре, %

В период обучения аспирантам предоставляются возможности принимать участие в конкурсах БРФФИ, конкурсе на получение исследовательского гранта НАН Беларуси для аспирантов, стипендии Президента Республики Беларусь.

Полученные данные показали, что 18,1 % опрошенных, обучающихся в очной аспирантуре НАН Беларуси на момент опроса (май–июнь 2019 г.), были удостоены Стипендии Президента Республики Беларусь за свои научные достижения. Из них 17,3 % получали Стипендию Президента Республики Беларусь для аспирантов и 0,8 % – для молодых ученых. В 2013 г. доля аспирантов, получавших Стипендии Президента Республики Беларусь, была ниже и составляла 12,7 %.

Как свидетельствуют результаты исследования, чаще других были удостоены Стипендии Президента Республики Беларусь аспиранты, представляющие Отделение гуманитарных наук (20,4 %), Отделение физики и техниче-

ских наук (19,7 %), Отделение химии и наук о Земле (19 %), Отделение аграрных наук (17,5 %). Реже всего получали стипендию обучающиеся в Отделении физики, математики и информатики (6,3 %).

Еще одна возможность получения дополнительного финансирования проводимых исследований во время обучения в аспирантуре – это участие в конкурсе на получение исследовательского гранта для аспирантов, учрежденного НАН Беларуси. Как показали результаты проведенного опроса, исследовательский грант для аспирантов был выделен для 18,1 % аспирантов, обучавшихся в очной аспирантуре НАН Беларуси на момент проведения опроса. В 2013 г. доля аспирантов, выигравших конкурс на получение исследовательского гранта НАН Беларуси, составила 22,2 %.

Таким образом, доля аспирантов, которые получали Стипендию Президента Республики Беларусь и/или исследовательские гранты для аспирантов, составила 36,3 % от общего числа опрошенных, что на 7,2 % больше, чем в 2013 г.

Аспиранты также имеют возможность принимать участие в конкурсах на получение исследовательских грантов, проводимых Белорусским фондом фундаментальных исследований. Ежегодно БРФФИ проводит конкурс на соискание грантов для молодых ученых «Наука М» в целях привлечения талантливой молодежи к выполнению фундаментальных научных исследований. Также молодые исследователи могут принять участие в ряде других конкурсов. 30,3 % аспирантов привлекались в качестве исполнителей проектов БРФФИ по конкурсам «Наука М», «Наука» и другим (табл. 2).

Таблица 2. **Участие аспирантов в проектах БРФФИ**

Участие в проектах БРФФИ	«Наука М»	«Наука»	Другие конкурсы
Участвую в качестве руководителя	4,6	0,4	0,8
Участвую в качестве исполнителя	10,1	10,5	9,7
Не участвую	78,9	80,2	71,3
Нет ответа	7,2	9,3	18,1

Значительно реже аспиранты участвуют в проектах БРФФИ в качестве руководителей НИР. Доля аспирантов, занятых в грантах по конкурсам «Наука М», «Наука», выше всего в Отделении медицинских наук и Отделении химии и наук о Земле.

По данным проведенного опроса, две трети аспирантов выразили удовлетворенность имеющимися возможностями участвовать в конкурсах на дополнительное финансирование своих исследований. 70,5 % опрошенных «удовлетворены» либо «скорее удовлетворены» возможностями участия в конкурсе на получение исследовательского гранта НАН Беларуси для аспирантов и 63,3 % – в конкурсах БРФФИ (рисунок).

Как показали полученные данные, наибольшую неудовлетворенность вызывает материальное положение самих обучающихся: 44,7 % аспирантов не

удовлетворены размером своей стипендии. Также аспиранты демонстрируют неудовлетворенность такими аспектами, как возможность участия в научных конференциях в странах ближнего (30,8 %) и дальнего (40 %) зарубежья. Треть аспирантов не удовлетворены отсутствием в организации современного научного оборудования для проведения экспериментов по теме диссертации (30,8 %), а также доступом к такому оборудованию (27 %).

Исследование, проведенное ранее в 2013 г., позволило выявить особенности динамики оценок аспирантами условий обучения. Анализ динамики степени удовлетворенности аспирантов условиями обучения в аспирантуре показал, что большинство условий оценивается опрошенными в 2019 и 2013 гг. сходным образом. В то же время в оценках некоторых сторон организации аспирантской подготовки наблюдается значительный рост позитивных оценок. Так, например, наибольший рост степени удовлетворенности наблюдается при оценке аспирантами возможностей получать необходимую информацию для написания диссертации: доля опрошенных, которые «удовлетворены» либо «скорее удовлетворены», возросла с 55,2 % в 2013 г. до 87,2 % в 2019 г.

Отмечается рост степени удовлетворенности аспирантов такими условиями обучения, как наличие в институте современного научного оборудования для проведения экспериментов по теме диссертации (с 49,4 % в 2013 г. до 61,6 % в 2019 г.), возможности участия в конкурсе на получение зарубежного гранта (с 37,8 % в 2013 г. до 47,6 % в 2019 г.), возможности участия в научных конференциях за рубежом (с 41,7 % в 2013 г. до 47,9 % в 2019 г.).

Проведенное исследование также позволило оценить степень значимости для аспирантов основных условий обучения в аспирантуре. Аспирантам было предложено выбрать пять (из 18) наиболее важных для них условий, необходимых для успешного обучения в аспирантуре и работе над кандидатской диссертацией.

Среди таких условий опрошенные чаще всего называли благоприятный психологический климат в коллективе (66,2 %) и хорошие отношения с научным руководителем и высокий уровень научного руководства (65,8 %) (табл. 3). Осуществляя свой выбор, молодые специалисты подчеркнули значимость в первую очередь социально-психологических условий, межличностных отношений в коллективе и с научным руководителем, а также важность высокого профессионализма и компетентности научного руководителя.

Таблица 3. **Распространенность ответов на вопрос: «Выберите, пожалуйста, пять наиболее важных для Вас условий, необходимых для успешного обучения в аспирантуре и работе над кандидатской диссертацией»**

Условия, необходимые для успешного обучения в аспирантуре и работе над кандидатской диссертацией	%
Благоприятный психологический климат в коллективе	**66,2**
Хорошие отношения с научным руководителем и высокий уровень научного руководства	**65,8**
Возможность постоянно получать самую новую научную информацию, в том числе из-за рубежа	**54,4**

Окончание табл. 3

Условия, необходимые для успешного обучения в аспирантуре и работе над кандидатской диссертацией	%
Уровень технической оснащенности исследований	**41,1**
Высокий уровень стипендии аспиранта	**40,4**
Возможность публиковать результаты научных исследований в ведущих научных журналах Республики Беларусь	30
Стажировка за рубежом	30
Возможность публиковать результаты научных исследований в ведущих научных журналах за рубежом	26,6
Возможность полноценного отдыха	25,7
Участие в международных исследовательских проектах	23,6
Хорошие жилищные условия	22,4
Принадлежность к известной научной школе	13,5
Участие в хоздоговорах	11,4
Получение гранта БРФФИ	11
Участие в научных конференциях за рубежом	10,5
Хорошие санитарно-гигиенические условия труда	10,5
Получение индивидуального зарубежного гранта	8,4
Получение исследовательского гранта НАН Беларуси для аспирантов	8,4

Далее по значимости следуют информационные и технические условия обучения. Более половины аспирантов (54,4 %) считают наиболее важным условием обучения возможность постоянно получать самую новую научную информацию по теме диссертации, в том числе из-за рубежа. Уровень технической оснащенности исследования важен для 41,1 % аспирантов.

В пятерку наиболее важных условий обучения в аспирантуре вошел также фактор материального благополучия. 40,4 % аспирантов считают высокий уровень стипендии необходимым условием для успешного обучения в аспирантуре.

Также следует отметить, что такой материальный фактор, как хорошие жилищные условия, считают важным условием для успешного обучения только 22,4 % опрошенных. Хотя чувство неудовлетворенности по поводу условий проживания присуще половине обучающихся в академической аспирантуре: 25,7 % аспирантов «скорее не удовлетворены» и 23,2 % – «не удовлетворены» своими жилищными условиями.

Следует отметить, что наиболее остро проблемы с жильем ощущаются среди аспирантов, обучающихся в Отделении химии и наук о Земле: среди них 66,7 % опрошенных «не удовлетворены» либо «скорее не удовлетворены» своими жилищными условиями. Наименее остро проблема с жильем стоит в Отделении физики, математики и информатики: только 25 % аспирантов выразили неудовлетворенность своими жилищными условиями.

Аспирантам было предложено оценить, недостаток каких знаний и навыков в наибольшей мере препятствует их обучению в аспирантуре и работе над кандидатской диссертацией. Как показали результаты исследования, в равной степени аспирантам недостает знаний по смежным дисциплинам и знаний

иностранного языка (38,8 % и 37,1 % соответственно). Недостаточное владение методологией и навыками проведения исследования отметили 28,3 % и 21,9 % опрошенных соответственно. 21,9 % аспирантов признались, что недостаточное умение планировать и организовывать свою работу является для них препятствием для плодотворного обучения и работы над кандидатской диссертацией. Такие запросы аспирантов, возможно, следует учитывать при разработке образовательной программы аспирантуры.

В целом аспиранты продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности большинством условий обучения в аспирантуре. Важнейшими условиями для успешного обучения в аспирантуре и работы над кандидатской диссертацией, по мнению аспирантов, являются обеспечение оптимальных социально-психологических, информационных, технических и материальных условий. Реализация комплекса мер по совершенствованию технической оснащенности организаций, расширению доступа к источникам информации по теме диссертаций, в том числе зарубежным изданиям, повышение размера стипендии будет способствовать повышению продуктивности обучения аспирантов.

Список использованных источников

1. *Пальчик, Г. В.* Подготовка научных работников высшей квалификации как необходимое условие развития отечественных инновационных научных школ / Г. В. Пальчик // Беларус. думка. – 2017. – № 7. – С. 16–21.

2. *Сутурин, А. К.* Тенденции в сфере подготовки научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь / А. К. Сутурин, Н. А. Никоненко // Белорусская наука в условиях модернизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 сент. 2018 г. – Минск : СтройМедиаПроект, 2018. – С. 100–103.

3. Образование в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белстат, 2019. – 187 с.

Поступила 29.10.2019 г.

УДК 304+316.6

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОБРАЗОВАНИЕ КАК УТИЛИТАРНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ 2018 ГОДА

В статье, на основе исторического анализа, показано, что классический подход к образованию означает общее развитие и воспитание человека и является традицией, сформированной древними греками и институционально закрепленной в либеральном образовании и либеральных ценностях. Утилитарный подход к образованию означает профессиональное обучение человека для рынка труда – институционально, этого не было в античном греко-римском мире, это продукт позднего Средневековья и начала Нового времени в истории Европы, когда профессиональное образование стало проходить в учебном заведении. На основе социологического опроса населения Беларуси 2018 г. показано, что утилитарный подход доминирует в сознании жителей Беларуси, а классический подход существенно отличается от древнегреческого варианта: жители Беларуси высоко оценивают образование для развития человека (в том числе интеллектуального развития), но не придают высокой значимости образованию как воспитанию (в частности, воспитанию нравственных качеств).

Ключевые слова: образование как ценность культуры, образование как утилитарная ценность, школа как институция воспитательной функции государства, либеральное образование, профессиональное образование, педагогика воспитания культурного человека, гуманитарное знание.

S. V. KOSTJUKEVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

EDUCATION BOTH AS A UTILITARIAN VALUE AND AS A CULTURAL VALUE: SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE POPULATION OF BELARUS 2018

Based on historical analysis, the article shows that a meaning of the classical approach to education is to develop and bring up a person. The classical approach to education is the tradition introduced by ancient Greeks and institutionally shaped in liberal education and liberal values. A utilitarian approach to education means professional training of a person for a labour market; there were no special institutions for that in the ancient Greco-Roman world. Institutionally, it is a product of the late Middle Ages and the beginning of a New time in the history of Europe when vocational education began to take place in educational institutions. Based on the sociological survey of the population of Belarus in 2018, the article shows that the utilitarian approach dominates among Belarus residents and the classical approach differs significantly from the ancient Greek version: respondents highly value education for human development (in particular, for an intellectual development), but do not attach high importance to education as upbringing (in particular, upbringing moral qualities).

Keywords: education as a cultural value, education as a utilitarian value, school as an institution of the educational function of the state, liberal education, professional education, pedagogy of cultivating a cultured person, knowledge of liberal arts and humanities.

Исторический анализ ценностного отношения к образованию позволяет выделить классический и утилитарный подходы. Классический подход к образованию означает общее развитие человека для воспитания культурного человека (традиция, идущая от древних греков и институционально закрепленная в либеральной школе и либеральных ценностях). Утилитарный подход к образованию означает профессиональную подготовку человека к рынку труда (институционально, чего не было в античном греко-римском мире, это продукт позднего Средневековья и начала Нового времени в истории Европы, когда профессиональное образование стало проходить в учебном заведении).

Впервые школу как институциональную форму воспитательной функции государства изобрели древние греки в лице своей либеральной школы. Греки были уверены, что школа – это оплот государства, и школа должна воспитывать. Либеральная школа греков воспитывала добродетельных граждан. Однако в Древнем мире либеральная школа была аристократическим феноменом – атрибутом образа жизни социальной элиты (свободных граждан города-полиса). Свободные граждане воспитывались в либеральной школе для идеологического и политического управления обществом, однако воспитывались они добродетельными гражданами и культурными людьми.

Греки создали педагогику воспитания культурного человека – это их знаменитая пайдейя. В основе пайдейи как воспитания греческого культурного человека лежала педагогическая доктрина воспитания воли и развитие разума в рамках либерального образования. Очень детально греческую пайдейю как воспитание античного грека проанализировал знаменитый немецкий филолог-классик Вернер Йегер в его работе «Пайдейя» [1].

Культурный человек греков воспитывался через общее и интеллектуальное развитие, воспитание воли, дисциплины и гражданского долга, то есть это был интеллектуально развитый человек, волевой и дисциплинированный. Именно эти качества нужны были греческой элите для идеологического и политического управления и лидерства (также следует добавить физически крепкий, так как в общее развитие человека греки включали и физическую подготовку).

Итак, греческая либеральная школа была школой для интеллектуального образования и гражданского воспитания. Никакого отношения к профессиональному образованию (обучению работе за плату на другого человека) либеральная школа не имела [2]. Элита не обучалась ремеслу для заработка. Как воспитание интеллектуальной политической элиты либеральное образование древних греков утвердило культ образования как атрибута образа жизни и ценности самой по себе. Интеллектуальный труд, которым занимались древнегреческие аристократы и который не был для них работой для заработка, а был свободным творчеством, общественным долгом, поиском истины и красоты (две базовые страсти древних греков), служил оправданием для них – тех, кто не зарабатывал себе на пропитание, а жил за счет труда других людей. Именно интеллектуальный труд, который в Древней Греции (а затем

и в Риме) был прерогативой аристократов, обеспечивал им самоуважение и осознание своей высокой культурной миссии. Деградация интеллектуальной культуры в поздней Римской империи означала и деградацию правящего слоя: превращению его в праздный слой, о чем свидетельствует римский историк Аммиан Марцеллин: «Даже те немногие дома, которые в прежние времена славились серьезным вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности, и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек, как гробницы, зато сооружаются водяные органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения» (цит по: [3, с. 234]).

Греки были убеждены, что 1) знание развивает разум человека и, тем самым, готовит его к политическому лидерству, а также к занятию наукой (поиску истины – следует вспомнить, что именно греки создали геометрию как теоретическую науку и философию как искусство теоретического мышления) и 2) знание, если оно истинное, воспитывает добродетельного гражданина. Таким образом, греки сформулировали классические ценности образования: 1) образование воспитывает и 2) образование развивает человека.

Как показали древние греки, образование как ценность культуры означает воспитание культурного человека и связано с такими ценностями, как интеллектуальное развитие человека и воспитание его быть добродетельным (нравственным), творческим и дисциплинированным. Впоследствии, много веков спустя, в массовом сознании эта модель образования сохранится как «университетское образование – для жизни», и подобный подход характерен для англосаксонских стран [4]. Для Германии и стран, следующих ей, характерен другой подход: образование дает профессиональную квалификацию и готовит человека к занятию позиции на рынке труда.

В отличие от университетского образования, дату рождения которого относят к XII в., система профессионального образования в Европе институционализировалась довольно поздно: первые профессиональные школы начали предлагать обучение в начале XVIII в. После начала промышленной революции в середине XVIII в. начали множиться технические школы. До XVIII в. профессиональное образование в Европе развивалось через систему ученичества в рамках гильдии. Исключением были профессии врача, юриста и теолога, которым обучали в университете. Гильдия воплощала средневековый стандарт подготовки к профессии – практическое обучение на рабочем месте, то есть работая под руководством квалифицированного мастера (часто это был отец), молодой человек обучался ремеслу или торговле. Есть основание считать, что развитию в Европе профессионального образования в рамках учебных заведений способствовала идеологическая революция в эпоху Реформации, которая позволила массам научиться грамоте, чтобы читать Библию. Но, тем самым, массы стали подготовленными для занятий в учебных заведениях. Это способствовало широкому распространению в Европе профессиональных учебных заведений.

Социологический анализ данных опроса населения Беларуси 2018 г.[1] показал, что в ценностном сознании граждан доминирует утилитарное отношение к образованию, что, в принципе, органично, если речь идет о всем населении (таблица).

Отношение населения Беларуси к образованию как ценности, % от числа опрошенных

На Ваш взгляд, в чем главная ценность образования, что оно дает человеку? Выберите, пожалуйста, не более трех вариантов ответа	%	Ранг
Дает человеку профессиональные знания и навыки	54,8	1
Развивает ум и способности человека	31,4	2
Помогает делать карьеру и повышать социальный статус (положение в обществе)	28,2	3
Помогает человеку больше зарабатывать, повышать свое благосостояние	23,6	4
Делает человека более конкурентоспособным на рынке труда	21,0	5
Воспитывает нравственные качества, характер	20,1	6
Повышает самооценку человека	19,7	7
Делает человека более полезным и эффективным членом общества	17,9	8
Помогает лучше понять себя и других, правильно строить отношения с людьми	14,9	9
Помогает справляться с трудными жизненными ситуациями	12,9	10
Формирует определенный круг общения (в том числе и на будущее)	9,5	11
Развивает инициативу	5,5	12
Другое	0,9	–
Нет ответа	0,8	–

Кратко утилитарное отношение опрошенных можно сформулировать так: образование – не для жизни, а для рынка труда. Подобное отношение естественно для больших масс людей, в жизни которых основным средством существования является работа за плату [5]. Соответственно, что к образованию они предъявляют требование подготовить их к рынку труда. Во-вторых, доминирующий выбор главной ценности образования как подготовки к профессиональной деятельности также обусловлен историей развития системы высшего и профессионального образования в республике, которая была создана в советский период и в которой был сделан акцент на профессионально-техническом образовании для нужд индустриализации страны.

С 1840 по 1917 г. (за 77 лет, период нахождения в составе Российской империи), на территории Беларуси были созданы 4 высших учебных заведения: 1) в 1848 г. основан Горы-Горецкий земледельческий институт (после подавления восстания 1863–1864 гг. он был закрыт, в 1919 г. снова открыт, с 1925 г. он называется Белорусская государственная сельскохозяйственная академия); 2) в 1910 г. создан Витебский педагогический институт (с 1995 г. называется Витебский государственный университет имени П. М. Машерова); 3) в 1913 г.

[1] В 2018 г. Институт социологии Национальной академии наук провел опрос населения Беларуси. В анкете были вопросы для изучения ценностного отношения жителей Беларуси к образованию. В таблице показаны результаты ответа на вопрос: «На Ваш взгляд, в чем главная ценность образования, что оно дает человеку?» Ответы респондентов проранжированы.

создан Могилевский педагогический институт (с 1995 г. это Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова); 4) в 1914 г. создан Минский учительский институт (с 1993 г. называется Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка).

Следует обратить внимание, что, помимо земледельческого института, остальные три института – это педагогические вузы. Соотнеся это с тем фактом, что грамотность населения Беларуси была довольно низкой (примерно четверть населения к концу XIX в.), становится понятным, что логика развития высшего образования первоначально подчинялась необходимости повысить процент грамотных людей.

После революции 1917 г. для развития наук и для промышленного развития страны на территории современной Беларуси приступили к созданию классических университетов и инженерных институтов. Советский Союз стремился стать одним из лидеров в научно-техническом прогрессе, и Беларусь, наряду с Россией и Украиной, становилась центром научно-технических разработок (прежде всего, для космической и военной областей). *С 1917 по 1991 г. (за 74 года, советский период) в Беларуси было создано 34 вуза.* Можно сказать, что в советский период Беларусь прошла путь от земледельческой окраины Российской империи к советской инженерной республике (если судить по хронологии создания вузов на территории современной Беларуси).

С 1991 по 2018 г. (за 27 лет, период независимости) в Беларуси создано 17 новых вузов. В настоящее время в Беларуси 52 вуза (43 государственных и 9 частных).

В контексте доминирующего, утилитарного, отношения граждан Беларуси к образованию высокий ранг такой позиции, как «образование развивает ум и способности человека» (2-й ранг для всего массива) может означать, что опрошенные связывают профессиональный успех (карьеру и заработок) с общим развитием человека, то есть чем более развит человек интеллектуально, тем более успешен он может быть в профессиональной деятельности. Однако высокий (второй) ранг данной позиции может быть также связан с восприятием образования как ценности самой по себе (то есть как ценности культуры) – традиции, идущей от Античной Греции, которая начала традицию образования как воспитания и развития человека (что было затем воспроизведено в средневековых университетах на факультетах свободных искусств). Но, скорее всего, высокий ранг данной позиции связан с развитием научно-технической сферы в республике – в советский период Беларусь была одним из центров развития научно-технического прогресса, в котором был заинтересован СССР, стремившийся к лидерству в геополитическом соперничестве.

Опрос населения Беларуси показал, что с тем фактом, что образование ценностно тем, что оно интеллектуально развивает человека, согласны многие опрошенные (2-й ранг из 12). Однако вторая классическая ценность: образование воспитывает нравственные качества и характер, то есть то, что учебное заведение должно воспитывать, поддерживается слабо (6-й ранг из 12).

Утилитарный и классический подходы к образованию присутствуют в сознании жителей Беларуси. И расставленные ими приоритеты: 1-й ранг (подготовка человека к труду – образование должно давать профессиональные знания и навыки) и 2-й ранг (общее развитие человека – образование должно развивать ум и способности) закономерны для белорусского общества, в котором подавляющее большинство граждан должны трудиться для заработка (отсюда нужны профессиональные знания и навыки) и значительная доля граждан заняты интеллектуальным трудом (в советский период в республике была создана довольно большая доля, в общем-то для маленькой страны, научно-технической сферы и большой сектор высшего образования).

В качестве проблемной ситуации можно выделить невысокую значимость для населения такой ценности, как «образование воспитывает нравственные качества, характер» (6-й ранг для всего массива), что можно интерпретировать как то, что большая часть населения Беларуси не связывает образование с воспитанием.

В дореволюционный период воспитательная функция в белорусском обществе была в основном монополизирована церковью: при немногочисленности учебных заведений на территориии Беларуси это было закономерным итогом. В советский период, в секуляризированном советском обществе, в котором школа стала массовой, воспитательная функция была передана учебным заведениям – советская школа и вузы воспитывали марксиста-ленинца. И, тем не менее, в современном белорусском обществе, наследнике советских традиций, широко не распространилась ценность образования как воспитания. В отличие, например, от другой классической ценности образования, а именно: образование развивает человека интеллектуально – эту ценность граждане Беларуси поставили довольно высоко (2-й ранг для всего массива) – и это связано с развитием науки и созданием большой научно-технической сферы, где необходим интеллектуально развитый работник.

Результаты опроса населения показывают, что необходимо формировать в обществе ценность знания (которое дается в учебном заведении) не только как развивающего человека интеллектуально и не только как готовящего его к рынку труда, но и как воспитывающего, например, культурных людей и ответственных граждан.

Литература и история в средней школе, социально-гуманитарные дисциплины в высшей школе – они не только обучают, они и воспитывают, ведь именно гуманитарное образование является базовым для воспитания культурного поведения. Греки воспитывались героизму и патриотизму на поэмах Гомера. Они были уверены, что школа должна воспитывать гражданина.

Несмотря на то что воспитательная функция школы обоснована еще древнегреческими философами и поддерживается в англосаксонских странах лозунгом «университетское образование – для жизни», учебные заведения Беларуси не используют в достаточной степени гуманитарное знание для воспитательных целей, и жители Беларуси не связывают ценность образования

с воспитанием. Между тем в современном мире потребность в воспитании становится все более актуальной. Со времен знаменитой Политехнической школы в Париже и наполеоновских войн до чернобыльской катастрофы эпоха технократов показала, что научно-технический прогресс становится все более небезопасным, а со времен Великой депрессии до финансово-экономического кризиса 2008 г. эпоха экономистов – что капиталистическая система, глобализируясь, делает кризисы все более разрушительными. В XXI в., в условиях уже довольно секуляризированного мира, когда религиозные организации не обладают более монополией на воспитание, гуманитарное знание становится определяющим для поддержания образования как культурной ценности.

Чем чреват исключительно утилитарный подход к образованию? Если в обществе отсутствует культ образования как ценности самой по себе, то в нем отсутствует культ воспитания культурного человека. Человек получает образование, чтобы, например, стать грамотным менеджером или компетентным инженером, но в нем не воспитана гражданская ответственность, идеальная мотивация и добровольное подчинение общественным и нравственным нормам (можно сказать, в нем не воспитана воля к культуре и цивилизации), а значит, он нуждается во внешней опеке [6].

Список использованных источников

1. *Йегер, В. В.* Пайдейя: формирование греческой мысли / Вернер В. Йегер. – М. : Изд-во «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1997. – 336 с.

2. *Kostiukevich, S. V.* University studies as training for the intellectual professions / S. V. Kostiukevich // Higher Education in Europe. – 1996. – Vol. XXI, № 2–3. – P. 203–213.

3. *Федорова, Е. В.* Императорский Рим в лицах / Е. В. Федорова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 462 с.

4. *Саймон, Б.* Общество и образование / Б. Саймон. – М. : Прогресс, 1989. – 200 с.

5. Культурные миры молодых россиян: три жизненных ситуации / Т. И. Варзанова [и др.] ; Центр социол. исслед. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 224 с.

6. *Шпет, Г. Г.* Очерк развития русской философии / Г. Г Шпет // Сочинения. – М. : Правда, 1989. – 608 с.

Поступила 28.10.2019 г.

УДК 316.346.2-055.2+001-057.4(476)

А. П. СОЛОВЕЙ,
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: alesia-salaviej@gmail.com

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЖЕНЩИН – НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ НА ОСНОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В статье рассмотрены примеры умозрительных, теоретических и эмпирических типологий личности ученого. Исследована значимость для женщин-ученых таких групп ценностных ориентаций, как «профессиональная научная деятельность», «семейная реализация», «общественная активность и признание», «материальная независимость и самодостаточность». Выявлены типы женщин-ученых, которые позволяют дифференцированно подойти к разработке мер по повышению эффективности научно-исследовательской деятельности женщин-ученых с учетом их ценностных ориентаций.

Ключевые слова: наука, типология ученых, женщины-ученые, факторный анализ, кластерный анализ, эмпирическая типологизация, ценностные ориентации, типы женщин-ученых.

A. P. SALAVEI,
Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: alesia-salaviej@gmail.com

EMPIRICAL TYPOLOGY OF WOMEN SCIENTISTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS ON THE BASIS OF VALUE ORIENTATIONS

The article presents examples of speculative, theoretical and empirical typologies of personality of a scientist. Importance for women scientists of such groups of value orientations as “professional scientific activity”, “family realization”, “social activity and recognition”, “material independence and self-sufficiency” is researched. The identified types of women scientists allow a differentiated approach to development of measures to increase efficiency of research activities of women scientists, taking into account their value orientations.

Keywords: science, typology of scientists, women scientists, factor analysis, cluster analysis, empirical typology, value orientations, types of women scientists.

В научной литературе существует ряд типологий ученых, дифференцируемых на основании различных критериев. Зачастую типологизация ученых носит умозрительный характер, отражающий личный опыт и размышления автора типологии. Как правило, основаниями подобного рода типологий выступают личностные качества ученого, способы мышления, умственные и творческие способности. К примеру, химик В. Оствальд разделил ученых на классиков и романтиков, главный критерий различий которых заключается

«в скорости их умственных реакций» [8, с. 349–350]. Физик Л. де Бройль – на интуитивных и абстрактных мыслителей [2, с. 293]. В свою очередь физиолог Г. Селье описал 18 типов ученых, которые объединил в четыре группы: «делатели» («собиратель фактов», «усовершенствователь»); «думатели» («книжный червь», «классификатор», «аналитик», «синтезатор»); «чувствователи» («крупный босс», «хлопотун», «рыбья кровь», «высушенная лабораторная дама», «самолюбователь», «агрессивный спорщик», «первостатейная акула», «святой», «святоша», «добрячок»); «идеалы» («фауст», «фамулус»). Автор отмечает, что ни один из представленных типов не существует в чистом виде [10, с. 35–49]. На основании аналитических способностей А. Пуанкаре выделял «аналитиков» и «геометров». Первые *«прежде всего заняты логикой»*, вторые *«вверяют себя интуиции»* [9, с. 159]. Российский социолог В. А. Ядов говорил о трех типах ученых. Первый тип – это подлинные энтузиасты, классический тип ученого, для которого самоценностью и способом самореализации является сам процесс познания. Второй тип объединяет профессиональных и компетентных работников, которые стремятся к сочетанию научного творчества и заслуженной заработной платы, стимулирующей ученых к эффективному труду. Третий тип нацелен на достижение высокого положения в структуре научной иерархии и включает прагматичных и честолюбивых ученых, которые готовы для достижения своих целей иногда и пренебречь научными методами [11, с. 4–5]. Приведенные выше критерии типологизации ученых коррелируют с авторскими наблюдениями за поведением ученых, из которых следует теоретическое описание различных типов личности ученого.

В качестве примера теоретической типологии, основанной на модели, можно привести типологию Я. Митроффа и Р. Килманна. Авторы, используя теорию К. Юнга, выделили четыре типа ученых: аналитик (ощущает и размышляет); концептуальный теоретик (воображает и размышляет); концептуальный гуманист (воображает и переживает); конкретный («партикулярный») гуманист (ощущает и переживает) [3, с. 215].

С. Бокс и С. Котгроув на основании этических ценностей ученых иллюстрируют одну из возможных эмпирических типологий. Ученый-экстраверт идентифицирует себя с профессией ученого, придает максимальное значение публикациям и коммуникации как средствам достижения признания. Ученый-интроверт направлен на профессию как таковую, он стремится к условиям, обеспечивающим получение максимальных результатов, но он не ориентируется на публичность в научном сообществе. Инструментальный тип ученого не стремится к признанию, использует свои компетенции для карьерного продвижения и готов сменить сферу деятельности [12, p. 22]. В результате факторного анализа стилевых различий в исследовательской деятельности Х. Гоу и Д. Вудворт выделили восемь стилевых типов научных работников: «фанатик», «инициатор», «диагност», «начитанный», «техник», «эстет», «методолог», «независимый» [13, p. 97]. Основание классификаций Дж. Коула – область научной деятельности, в которой трудятся ученые, входящие в иссле-

довательские коллективы, а также тип научной продуктивности [6, с. 129–130; 5, с. 167–168]. Л. Г. Зубова выделила семь типов ученых с ориентацией на различные трудовые ценности [4, с. 47]. Исходя из структуры рабочего времени, А. В. Кулакова и Я. М. Рощина выявили три группы ученых в зависимости от преобладающего вида работы: «мультифункционалы», «фундаменталисты», «прикладники» [7, с. 46].

Таким образом, приведенные выше типологии ученых не исчерпывают все типы личности, работающей в научной сфере. Несмотря на многообразие оснований для типологизации ученых, разработка типологий личности ученых остается актуальной для исследователей науки и научного сообщества. Следует отметить, что в отечественном науковедении и социологии науки не представлены типологии ученых, работающих в академическом секторе белорусской науки. Более того, в белорусской научной литературе отсутствуют попытки типологизировать женщин-ученых как отдельную демографическую и профессиональную группу. По результатам социологического исследования «Социальное самочувствие женщин – научных работников Национальной академии наук Беларуси», проведенного в 2017 г., предпримем попытку эмпирической типологизации женщин-ученых. Выборочная совокупность исследования – 450 женщин. Предельная ошибка выборки при уровне значимости 0,05 составила ±4,2 %, что позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – женщин – научных работников НАН Беларуси. Согласно контролируемому признаку «научная степень» было опрошено 13 докторов наук (2,9 %), 120 кандидатов наук (26,8 %) и 317 исследователей без ученой степени (70,3 %).

Основанием эмпирической типологизации женщин-ученых должен быть единый для всех выделяемых типов эмпирически обнаруженный и существенный признак. В данном случае в качестве такого признака выступают ценностные ориентации, которые «определяют стратегии деятельности и организуют мотивационную сферу» [1, с. 1215]. Они задают общую направленность интересам и устремлениям личности, а также определяют уровень притязаний, отражают готовность человека к осуществлению тех или иных жизненных стратегий и определяют рамки основополагающих целей в жизни. Значимость ценностных ориентаций для женщин-ученых выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. **Значимость ценностных ориентаций для женщин-исследователей НАН Беларуси (в %, в целом по выборке)**

Ценностная ориентация	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
Замужество, создание семьи	55,4	28,0	7,6	5,1	3,9
Материнство, воспитание детей	63,0	24,3	4,6	3,8	4,3
Наличие ученой степени	21,6	35,8	24,4	14,3	3,9
Научная карьера	19,7	44,5	21,9	7,6	6,3

Окончание табл. 1

Ценностная ориентация	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
Общественная активность	7,8	32,7	37,4	15,1	6,9
Общественная польза моего труда	26,7	53,0	11,8	2,7	5,9
Опора на собственные силы в достижении цели	42,6	46,5	3,0	0,6	7,3
Общественное признание результатов своей научной деятельности	23,6	53,4	13,9	2,5	6,6
Самореализация в качестве ученого	30,2	47,2	11,9	4,0	6,8
Финансовая самостоятельность	73,1	24,6	0,9	0,1	1,3

Практически для всех женщин в той или иной степени важна финансовая самостоятельность и опора на собственные силы в достижении цели: 97,7 % и 89,1 % соответственно. Материнство и воспитание детей важны для 87,3 % женщин, замужество и создание семьи – для 83,4 %. Большинство женщин ориентированы на пользу и признание своей научной деятельности. Общественная польза научного труда важна для 79,7 %, и практически для каждой седьмой (14,5 %) она не представляет важности. При этом для 77,0 % женщин важно общественное признание результатов своей научной деятельности, в то время как для каждой шестой (16,4 %) это не значимо. Самореализация в качестве ученого важна для 77,4 % женщин. Научная карьера и наличие ученой степени важны для 64,2 % и 57,4 % женщин соответственно. Для значительной части женщин научная карьера и наличие ученой степени не представляют ценностной значимости: 29,5 % и 38,7 % соответственно. В зависимости от наличия ученой степени и ее вида наблюдаются различия в степени значимости ценностных ориентаций для женщин (табл. 2).

Таблица 2. **Значимость ценностных ориентаций для женщин-исследователей НАН Беларуси в зависимости от наличия ученой степени и ее вида (в %)**

Ценностная ориентация	Доктора наук		Кандидаты наук		Без ученой степени	
	Важно	Не важно	Важно	Не важно	Важно	Не важно
Замужество, создание семьи	84,6	15,4	82,8	12,9	83,4	12,8
Материнство, воспитание детей	91,7	8,3	88,9	6,0	86,5	9,3
Наличие ученой степени	**100**	–	75,9	**21,6**	48,6	**46,9**
Научная карьера	83,3	16,6	75,4	**20,1**	58,9	**34,0**
Общественная активность	61,6	30,8	34,8	**57,4**	41,8	**51,3**
Общественная польза моего труда	85,7	7,1	81,0	12,9	79,0	15,2
Опора на собственные силы в достижении цели	**100**	–	88,7	3,5	89,0	3,5
Общественное признание результатов своей научной деятельности	92,4	7,7	80,0	14,8	75,2	**17,4**
Самореализация в качестве ученого	**100**	–	88,7	6,9	72,2	**19,6**
Финансовая самостоятельность	**100**	–	96,5	1,8	97,8	1,0

Для большинства женщин важны семейные и профессиональные ценностные ориентации, а также материальная независимость и самостоятельность, однако с различной частотой для женщин с ученой степенью доктора и кандидата наук, и женщин без ученой степени. Для женщин – докторов наук на первом месте оказались одновременно значимы четыре ценностные ориентации: наличие ученой степени, самореализация в качестве ученого, опора на собственные силы в достижении цели, финансовая самостоятельность. Для каждой пятой женщины – кандидата наук не важны наличие ученой степени и научная карьера. При этом доля тех, для кого не важны ценности профессиональной научной деятельности, выше среди женщин без ученой степени. На последнем месте для всех женщин по степени значимости оказалась общественная активность.

Значимость ценностных ориентаций не может быть едина для всех женщин-ученых в одинаковой степени. Исходя из соотношения профессиональных притязаний (ценность научной деятельности) и выполнение гендерных ролей (ценность семьи), для женщины-ученого могут сформироваться следующие ценностные стратегии: 1) ориентация на профессиональную научную деятельность (подчинение гендерной роли профессиональным устремлениям); 2) ориентация на совмещение профессиональной и гендерной роли; 3) ориентация на семью (подчинение профессиональных устремлений выполнению гендерных ролей). В данных стратегиях превалирует значимость тех или иных ценностей, но они не исключают важность для женщин других ценностных ориентаций, находящихся на последующих планах в иерархии жизненных ценностей.

Построение эмпирической типологии женщин-ученых осуществлялось формальным методом классификации – кластерным анализом, которому предшествовал факторный анализ. В результате метода выделения главных компонент выбранные нами ценностные ориентации были сформированы в 4 группы факторов (кумулятивная объясненная дисперсия 72,518 %): 1) «профессиональная научная деятельность» (наличие ученой степени; научная карьера, самореализация в качестве ученого; общественное признание результатов своей научной деятельности); 2) «семейная реализация» (замужество, создание семьи; материнство, воспитание детей); 3) «общественная активность и признание» (общественная польза своего труда; общественная активность; общественное признание результатов своей научной деятельности); 4) «материальная независимость и самодостаточность» (финансовая самостоятельность; опора на собственные силы в достижении цели). Двухэтапный кластерный анализ выявил пять кластеров. Применив попарный сравнительный анализ кластеризованных групп при помощи непараметрического критерия Манна–Уитни, нами были описаны пять типов женщин-ученых. Условно данные типы можно обозначить как: «научная карьера»; «научная деятельность + семья»; «семья + общественное признание»; «общественная активность + научная карьера»; «семья».

I тип («научная карьера») – это ярко выраженный тип женщин-ученых, ценностные ориентации которых сфокусированы, прежде всего, на общественном признании результатов своей научной деятельности, опоре на соб-

ственные силы в достижении цели, а также наличии ученой степени, научной карьере, самореализации в качестве ученого. В средней степени значимы для них общественная активность, общественная польза своего труда и финансовая самостоятельность. Представительницы данного типа отличаются от всех остальных тем, что для них замужество, создание семьи, материнство и воспитание детей не входят в число их ценностных приоритетов. Женщины-ученые данного типа, согласно результатам опроса, составляют **12,6 %** от общей совокупности, то есть это каждая восьмая.

II тип («научная деятельность + семья») – данный тип женщин отличается от всех остальных тем, что для них в одинаково высокой степени значимы семейные (замужество, создание семьи; материнство, воспитание детей) и профессиональные (ученая степень, научная карьера, самореализация в качестве ученого) ценности, а также общественная активность, общественное признание результатов своей научной деятельности и опора на собственные силы в достижении цели. В средней степени для них важна финансовая самостоятельность и общественная польза их труда. Представительниц данного типа больше всего – **41,8 %**.

III тип («семья + общественное признание») объединяет ученых, для которых высоко значимы в равной степени замужество, создание семьи, материнство и воспитание детей, а также общественное признание результатов своей научной деятельности, общественная польза своего труда, общественная активность, опора на собственные силы в достижении цели, финансовая самостоятельность. В низкой степени важны для них профессиональные ценности научной деятельности (наличие ученой степени, научная карьера, самореализация в качестве ученого). Доля представительниц данной группы составляет **21,3 %** от общей совокупности, практически каждая пятая женщина.

IV тип («общественная активность + научная карьера») – для данного типа высоко значима только общественная активность. На втором месте (на уровне выше среднего) стоит научная карьера. В средней степени важны для них семейные ценности (замужество и создание семьи, материнство и воспитание детей), а также наличие ученой степени, общественная польза своего труда и общественное признание результатов своей научной деятельности, самореализация в качестве ученого. В отличие от представительниц других типов, опора на собственные силы и финансовая самостоятельность не входят в число их ценностных приоритетов. Практически каждая седьмая женщина, работающая в Академии наук, является представительницей данного типа, то есть **14,5 %** от общей совокупности.

V тип («семья») – это ярко выраженный тип женщин-ученых, ориентированный, прежде всего, на семейные ценности (замужество, создание семьи; материнство и воспитание детей). В высокой степени также важна для них опора на собственные силы в достижении цели. В средней степени значима финансовая самостоятельность. Они отличаются от всех остальных тем, что для них профессиональная научная деятельность (наличие ученой степени, научная карьера, самореализация в качестве ученого, общественное призна-

ние результатов своей научной деятельности), а также общественная активность и общественная польза своего труда не входят в число их ценностных приоритетов. Эта группа наименее малочисленна и составляет **9,6 %** от общей совокупности, то есть включает каждую десятую респондентку.

Таким образом, важность разработки эмпирической типологии женщин-ученых обусловливается не только отсутствием в отечественной социологии науки типов женщин-ученых, но также специфическим положением женщин как социально-демографической группы. Данная типология позволяет выработать научно обоснованные рекомендации для повышения эффективности научно-исследовательской деятельности женщин-ученых с учетом значимости различных ценностей в профессиональной, общественной и семейной сферах для женщин-ученых. Для доминантного большинства женщин-ученых, которые составляют II тип, в одинаковой степени важны семейные и профессиональные ценности. Для всех остальных типов, за исключением типа I, семейные ценности занимают значимое место в системе ценностных ориентаций. Следовательно, меры для повышения эффективности данной категории женщин-ученых должны сопровождаться обеспечением необходимых условий, позволяющих рационально сочетать научную деятельность и семейно-бытовые обязанности, включающие материнство.

Список использованных источников

1. *Абушенко, В. Л.* Ценностные ориентации / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Интерпрессервис, Книжный Дом, 2003. – С. 1215.

2. *Бройль де, Л.* По тропам науки / Л. де Броль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 408 с.

3. *Григорьев, В. Е.* Социология науки : учеб. / В. Е. Григорьев. – М. : Проспект, 2018. – 384 с.

4. *Зубова, Л.* Мотивация научного труда: результаты типологического анализа / Л. Зубова // Мониторинг общественного мнения. – 1998. – № 2. – С. 47–53.

5. *Коул, Дж.* Справедливая наука. Женщины в научном сообществе / Дж. Коул, ; пер. с англ. А. В. Мозговая // Проблема эффективности труда ученого: рефератив. сб. – М. : ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 157–170.

6. *Коул, Дж.* Классификация исследовательских коллективов по стандартам деятельности и влияния: типология данных первого этапа / Дж. Коул, ; пер. с англ. А. В. Мозговая // Проблема эффективности труда ученого : рефератив. сб. – М. : ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 125–132.

7. *Кулакова, А. В.* Типология и факторы «портфелей работ» российских ученых / А. В. Кулакова, Я. М. Рощина // ФОРСАЙТ. – 2010. – Т. 4, № 4. – С. 42–55.

8. *Оствальд, В.* Великие люди / В. Оствальд. – СПб. : Провинция, 1910. – 398 с.

9. *Пуанкаре, А.* О науке / А. Пуанкаре ; пер. с фр. ; под ред. Л. С. Понтрягина. – 2-е изд., стер. – М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1983. – 560 с.

10. *Селье, Г.* От мечты к открытию: как стать ученым / Г. Селье ; пер. с англ. ; общ. ред. М. Н. Кондрашовой, И. С. Хорола. – М. : Прогресс, 1987. – 368 с.

11. Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Ядова, Д. Д. Райковой. – М. : Наука, 1992. – 165 с.

12. *Box, S.* Scientific Identity, Occupational Selection, and Role Strain / S. Box, S. Cotgrove // The British J. of Sociology. – 1966. – Vol. 17, № 1. – P. 20–28.

13. *Gough, H. G.* Stylistic variations among professional research scientists / H. G. Gough, D. H. Woodworth // The J. of Psychology. – 1960. – № 49. – P. 87–98.

Поступила 27.11.2019 г.

УДК 316(1-87)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА КАК КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье дается анализ современных изменений в сфере высшего образования, обусловленных цифровой революцией и необходимостью адаптации к ней обучения студентов. Раскрывается суть ИКТ-компетенций, формирование которых считается первостепенным для подготовки квалифицированных специалистов. Показано, что уровень развития профессиональных компетенций студенческой молодежи может выступать одним из критериев оценки ее модернизационного потенциала.

Ключевые слова: IT-компетенции, цифровая революция, высшее образование, модернизационный потенциал, студенческая молодежь.

L. G. TITARENKO,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Belarusian State University, Minsk

PROFESSIONAL COMPETENCES OF STUDENTS AS CRITERIA FOR EVALUATION OF THEIR MODERNIZATION POTENTIAL UNDER CONDITIONS OF DIGITAL REVOLUTION

The article presents analysis of modern changes in the sphere of higher education caused by the digital revolution. Formation of the IT-competences is considered paramount for the training of qualified specialists. It is shown that the level of development of the students' professional competencies is one of the criteria for assessing their modernization potential.

Keywords: IT-competencies, digital revolution, modernization potential, students, higher education.

В настоящее время в сфере высшего образования Республики Беларусь широко практикуется компетентностный подход, согласно которому учреждения высшего образования должны прежде всего формировать у студентов различные профессиональные компетенции, а не собственно знания – будь то фундаментальные или прикладные. Предполагается, что именно компетенции будут способствовать развитию у студентов способности быстро адаптироваться к требованиям изменяющегося рынка труда и проявлять свою креативность на любом рабочем месте. В свою очередь, считается, что, поскольку знания быстро устаревают, нет смысла обогащать память собственно знаниями: их всегда можно почерпнуть из новой литературы и из Интернета. На этом подходе строится современная концепция широкого внедрения в процесс обучения IT-технологий, рекомендации по активному использованию возможностей Интернета, что прямо связывается с развертыванием новой промышленной революции 4.0, которую также называют в литературе цифровой революцией и за которой видят огромные перспективы [1].

В Европейской Комиссии также выдвинуты амбициозные задачи по продвижению цифровизации (наряду с другими темами). Два лозунга, связанные с решением этих задач, предложенные новым главой Еврокомиссии госпожой фон дер Ляйен, гласят: «Европа, приспособленная к цифровому веку» и «Экономика, работающая для людей» [2]. На наш взгляд, в этих лозунгах верно отражено главное, сущностное значение процессов цифровизации: неразрывная связь экономических и социальных аспектов. Поэтому мы исходим из того, что цифровизация является непрерывным процессом изменений не только в экономической, но и в социальной среде производства, или даже изменением всех основных сфер жизни современного общества. Вполне естественно, что высшая школа должна готовить специалистов с учетом актуальных задач развития обеих этих сфер.

Цифровая компетенция признана одной из ключевых и определена в ЕС следующим образом: «уверенность, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом, участием в жизни общества и экономики цифровых компетенций» [3].

В государственных документах Республики Беларусь, определяющих развитие страны, неизменно подчеркивается, что образование, неразрывно связанное с практикой, является движущей силой экономического и социального развития страны, роста национального благосостояния. Это предполагает и развитие практико-ориентированных компетенций у студентов, и разворот системы высшего образования в сторону практики.

В рамках совершенствования системы образования в условиях цифровой революции социологи разных стран изучают, насколько нынешние студенты владеют новейшими IT-компетенциями, где они их развивают и используют, а также насколько нынешние учреждения высшего образования могут помочь студентам в развитии востребованных рынком IT-компетенций и модернизационного потенциала [4; 5]. Это вполне объяснимо, ведь в условиях цифровой революции рынок труда меняется удивительно быстро. Каждый год одни профессии исчезают, другие появляются, так что вполне возможно, что молодые люди, проучившись четыре года в вузе, уже не найдут по полученной специальности мест для своего трудоустройства. Поэтому учить сегодня надо прежде всего не знаниям конкретной профессии, а востребованным цифровой экономикой в целом компетенциям. Компетенции всегда базируются на полученных знаниях, поэтому их можно рассматривать как «второй этаж» образовательного здания, построенный на основе «первого этажа» – знаний, а также опирающийся на способности субъектов образовательной деятельности. Компетенции тем самым становятся важной характеристикой современного процесса образования, хотя и не единственной.

Парки высоких технологий (ПВТ) по всему миру заинтересованы в том, чтобы повернуть систему высшего образования в сторону интересов и запросов бизнеса, коммерциализации, развивать такого рода партнерские отношения с университетами, в результате которых университеты полностью

перестроят свою работу и станут готовить достаточно узких специалистов в избранной профессии: без фундаментальных знаний, но с высокоразвитыми практико-ориентированными IT-компетенциями. Научные конференции на тему сближения высшего образования с индустрией с целью поддержки и расширения практики предпринимательских университетов (в белорусских реалиях они называются «университеты 3.0») широко распространены в странах ЕС. Например, созданная в 2012 г. в Амстердаме Инновационная сеть университетов и индустрии (UIIN) объединяет более 200 ведущих организаций и 12 министерств образования из 25 стран Западной и Центральной Европы, ориентированных на развитие взаимодействия университетов и промышленности. Она регулярно проводит конференции по продвижению идей партнерства промышленности и университетов, рассматривая это партнерство как движущую силу инновационного развития своих стран, а тип антрепренерского университета – как учебное заведение нового типа (или нового поколения), которое определяет будущее в сфере высшего образования (см.: [6]).

ПВТ успешно развивается и в Беларуси. В настоящее время известно, что в рамках ПВТ выдвинута идея создания нового типа университета – не на базе уже имеющихся высших учебных заведений, как это имеет место в продвижении пилотной программы «университет 3.0» в Беларуси [7], а как бы своего собственного, айтишного, в котором, тем не менее, могут работать ученые и ППС из существующих ведущих университетов страны [8]. По словам одного из авторов этой идеи, сфере высоких технологий в Беларуси сегодня нужно намного больше специалистов, и одними силами существующих университетов их невозможно подготовить. Кроме того, для успешного развития креативного цифрового бизнеса, кроме узких специалистов по ИКТ, нужны и креативные специалисты других профилей образования, включая гуманитариев, так как создание инновационных продуктов предполагает работу на стыке дисциплин. Таким образом, кроме собственно IT-знаний и компетенций, нужно развивать у студентов универсальные компетенции (коммуникация, иностранные языки, фундаментальные базовые знания), стимулировать их мотивацию на постоянное обновление знаний и открытость новому.

Возникает вопрос: какие компетенции сегодня развиты у студентов, с одной стороны, и какие необходимы уже работающим специалистам для инновационного развития цифровой экономики, с другой? Для ответа на первый вопрос обратимся к эмпирическим данным, полученным разными авторами. Так, белорусские исследователи отмечают, что нынешнее поколение студентов практически полностью вовлечено в пользование Интернетом. Опираясь на данные опроса, они утверждают, что 90 % современных белорусских студентов владеют навыками по использованию Интернета для поиска места работы (пусть и временного), более 50 % рассылают посредством Интернета свои резюме, а более 40 % – используют информацию о вакансиях, помещенную в социальных сетях. Больше всего студентов, естественно, интересует использование интернет-ресурсов в образовательных целях – почти 70 % [9,

с. 46, 55]. По мнению М. М. Ковалева, у нынешнего поколения студентов под влиянием Интернета сформировалось клиповое мышление, достоинства которого – «многозадачность и способность одновременно заниматься несколькими делами, недостатки – неспособность концентрироваться и анализировать, стремление получать короткую и наглядную информацию» [10, с. 37]. Несмотря на эту критику, М. М. Ковалев считает, что в поколении цифровых студентов «доля креативных и талантливых людей больше, чем у предшествующих поколений, а трудолюбивых – меньше» [10, с. 38]. Однако молодым специалистам, которыми становятся представители «цифрового» поколения студентов, больше всего не хватает таких компетенций, как коммуникабельность, умение работать в команде, анализировать и обобщать данные, а также предпринимательская и управленческая культура.

В России данные исследований взрослого населения (включая студенчество и занятых) одного из наиболее «продвинутых» в цифровизации труда городов, Санкт-Петербурга, свидетельствуют о крене в потребительское использование ИКТ среди молодого поколения (хотя та же тенденция выявлена и для других групп горожан). Согласно полученным данным, даже когда ИКТ и соответствующие им компетенции задействованы в учебном процессе, они не будут с необходимостью позитивно влиять на будущий труд молодых специалистов. Было выявлено, что ни одна возрастная группа среди занятого населения не стремится к повышению своих компьютерных компетенций, за исключением лиц с неполным высшим образованием, для которых данные компетенции – необходимое условие карьерного роста [11].

Что касается второго вопроса, ответом на него может служить либо идеальная модель компетенций специалиста, занятого в цифровой экономике, либо опыт тех, кто на практике занимается проблемой выявления компетенций, необходимых для инновационного труда.

Российский социолог О. К. Крокинская приходит к выводу, что ключевые компетентности, необходимые современному обществу, – это «готовность находиться в поиске, непрерывно учиться и создавать новые решения для новых задач, которые способствуют выработке соответствующего языка общения, сотрудничеству в групповой работе, смелости в постановке проблем и готовности работать со сложными проблемами» [12, с. 29]. Нельзя не заметить, что указанный данным автором набор компетенций во многом совпадает с теми, которых, по мнению М. М. Ковалева, как раз и недостает современному поколению студентов. Инновационность и высокий уровень практических достижений, как считает О. К. Крокинская, включают человеческое достоинство, образование, индивидуальность и качество работы, личный успех [12, с. 34–35]. Последнее, на наш взгляд, характеризует инновационно-модернизационный потенциал населения. В рамках избранного аспекта изучения данного феномена (в связи с цифровыми компетенциями) его можно охарактеризовать следующим образом. Модернизационный потенциал – это совокупность знаний, способностей, компетенций молодежи, позволяющих ей проявлять кри-

тичность мышления в восприятии новой информации и оценке происходящего, способность постоянно умножать свои общие и профессиональные знания; выдвигать новые конкурентоспособные идеи, ставить нестандартные задачи и находить новые методы решения традиционных задач. Модернизационный потенциал соединяет аспекты модернизации и инновации, поэтому его можно также охарактеризовать как инновационное мышление и соответствующее ему инновационное поведение человека, ориентированное на создание, внедрение и использование новых идеальных конструктов и материальных продуктов, способных приумножать общественное богатство.

Цифровые компетенции – это часть модернизационного потенциала. Поэтому по уровню их развития, а также практического использования в деятельности субъекта (в данном случае – студенчества) можно в определенной мере судить и о развитии указанного потенциала. Цифровые компетенции становятся одним из критериев развития модернизационного потенциала студенческой молодежи. Следовательно, их развитие в процессе получения высшего образования – это критерий успешности образования, индикатор его адекватности потребностям цифровой экономики.

По мнению С. Г. Климовой и Р. Н. Абрамова, существует целый набор качеств специалиста, которые можно считать индикаторами успеха и инновационности современного работника, то есть идеальной моделью профессионала, способного проявлять и развивать свой модернизационный потенциал. К этим качествам относятся: уверенность в себе, внутренний контроль, мотивация на непрерывное образование, открытость новым знаниям, умение работать с источниками информации, достижительные практические ориентации и социальная компетентность [13, с. 103–105].

Вместе с тем, учитывая выявленный учеными недостаток развития многих из этих качеств, необходимых молодому профессионалу на рынке труда и в гражданском обществе [14], а также реальное социально-экономическое развитие и Беларуси, и России, поневоле приходишь к вопросу, насколько эффективно высшая школа готовила и готовит квалифицированные кадры, от которых зависит развитие экономики? Если вклад высшей школы в подготовку инновационных кадров невелик, то она не справляется со своими задачами на этапе цифровой революции. Действительно, как отмечает по этому поводу академик РАО В. Д. Шадриков, ситуация в России «заставляет забыть об инновациях и усомниться в реальной роли высшей школы в экономическом росте» [15, с. 2]. Аргументы в поддержку этого тезиса берутся из практики. Так, объем промышленного производства в России в 2019 г. превысил уровень 1990 г. всего на 10 %, что не позволяет ожидать прорывов в экономике и тем более социальных эффектов. По числу выпускаемых специалистов их готовится достаточно, но выпуск наиболее квалифицированных кадров снизился, как и их общий уровень и число НИОКР в вузах. По мнению автора, только улучшение уровня как профессиональных знаний, так и компетенций может поднять инновационность образования, а через него – повлиять и на экономику.

Данный вывод полностью соответствует тому, что утверждают и зарубежные ученые. Например, в одной из недавних публикаций М. Якобсон доказывает, что IT-технологии далеко не являются панацеей в продвижении цифровизации в обществе и экономической сфере и тем более в улучшении качества образования. Многочисленными исследованиями использования различных новейших технологий в образовании (включая дистанционные) установлено, что современное человеческое познание – это эмерджентный феномен, имеющий место в рамках сложных образовательных систем, включая как цифровые, так и не цифровые по своей природе системы обучения [16, p. 419]. Качество эмерджентности возникает только при достаточно высокой сложности таких систем и отсутствует у каждого элемента системы в отдельности.

Сегодня эмерджентность влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Невозможно отрицать, что цифровая революция существенно способствует его возникновению, однако сама по себе она его не порождает. Только в комплексе разных аспектов образовательного процесса, в многообразии использования методов обучения возникает эмерджентность, результатом которой, по мнению западных специалистов, становится фундаментальная и стихийная реструктуризация нашего коллективного поведения [17]. Таким образом, эмерджентность понимается учеными как принцип самоорганизации системы, который объясняет развитие сложного из простого и возникновение порядка из хаоса. Поэтому образовательный процесс в условиях наступающей цифровой революции будет усложняться, и для его совершенствования не могут быть предложены какие-либо универсальные методы, подходы, компетенции, применение или наличие которых обязательно обеспечит успех. Это процесс постоянного инновационного поиска, в рамках которого, тем не менее, цифровые компетенции могут рассматриваться как один из новых индикаторов развития всего процесса образования, а также как критерий развития модернизационного потенциала современных студентов.

Список использованных источников

1. *Шваб, К.* Четвертая промышленная революция : пер. с англ. / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.

2. Кандидат на пост главы Еврокомиссии пообещала сделать тему климата приоритетной [Электронный ресурс] // Официальный сайт французской русскоязычной общественной радиостанции «RFI на русском». – Режим доступа: http://www.rfi.fr/ru/evropa/20190716-kandidat-na-post-glavy-evrokomissii-poobeshchala-sdelat-temu-klimata-prioritetnoi. – Дата доступа: 24.07.2019.

3. Навыки и компетенции преподавателей университетов в эре цифрового образования. Результат 1.3 [Электронный ресурс] // ACADEMICA. – Режим доступа: http://www.academicaproject.eu/uploads/ pages/rezulytat13navki-i-kompetentsii-prepodavateley-universitetov-v-re-tsifrovogo-obrazovaniya.pdf. – Дата доступа: 28.09.2019.

4. *Прияткина, Н. Ю.* Условия формирования инновационных компетенций студентов в вузе / Н. Ю. Прияткина // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 45–57.

5. *Котельникова, О. В.* Модернизационный потенциал молодежи (региональный аспект) / О. В. Котельникова // Вестн. Омского ун-та. Сер. Экономика. – 2015. – № 3. – С. 208–212.

6. Инновационная сеть университетов и индустрии [Электронный ресурс] // Официальный сайт «The University-Industry Interaction Conference». – Режим доступа: https://www.university-industry.com 1. – Дата доступа: 25.10.2019.

7. *Карпенко, И. В.* В Беларуси созданы все условия для реализации модели «университет 3.0» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республиканского института высшей школы. – Режим доступа: http://nihe.bsu.by/spisok-materialov-kategorii-novosti-i-sobytiya-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya/1866-vbelarusi-sozdany-vse-usloviya-dlya-realizatsii-modeli-universitet-3-0. – Дата доступа: 02.02.2019.

8. Прокопеня: единственная проблема роста IT-сектора – образование [Электронный ресурс] // Официальный сайт новостного раздела русскоязычного интернет-портала Mail.ru «Новости Mail.ru». – Режим доступа: https://news.mail.ru/economics/39170855/. – Дата доступа: 21.10.2019.

9. Цифровое общество: социологическое образование в «электронном» мире XXI в. // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 3. – С. 40–57.

10. *Ковалев, М. М.* Образование для цифровой экономики / М. М. Ковалев // Цифровая трансформация. – 2018. – № 1 (2). – С. 37–42.

11. Ресурсный центр «Центр социологических и интернет-исследований» Санкт-Петербургского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rcsoc.spbu.ru/. – Дата доступа: 16.09.2019.

12. *Крокинская, О. К.* Образование постиндустриальной эпохи: настройка на индивида и интеллект / О. К. Крокинская // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28, № 7. – С. 29–42.

13. *Абрамов, Р. Н.* Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия / Р. Н. Абрамов, С. Г. Климова // Мир России. – 2010. – Т. XIX, № 2. – С. 98–117.

14. *Бродовская, Е. В.* Стратегии цифрового поведения российской молодежи в контексте формирования гражданских и профессиональных компетенций / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. А. Азаров // Свободная мысль. – 2019. – № 4. – С. 109–118.

15. *Шадриков, В. Д.* Кадры для инновационной экономики: как в действительности обстоит дело с их подготовкой / В. Д. Шадриков // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 6. – С. 2–10.

16. *Jacobson, M.* Educational complex systems and open, flexible, and distance learning: a complexity theoretical perspective / M. Jacobson // Distance Education. – 2019. – Vol. 40, № 3. – P. 419–424.

17. *Комсток, Э.* Добро пожаловать в эпоху эмерджентности [Электронный ресурс] / Э. Комсток // Официальный сайт Фонда развития интернет-инициатив «ФРИИ». – Режим доступа: https://www.iidf.ru/media/articles/trends/dobro-pozhalovat-v-epokhu-emerdzhentnosti/. – Дата доступа: 05.02.2018.

Поступила 30.10.2019 г.

УДК 316.42/316.33:001

И. Н. ШАРЫЙ,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СЕКТОР СОЦИОЛОГИИ НАУКИ В 10-е ГОДЫ XXI ВЕКА: ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ БЕЛАРУСИ

Рассмотрены особенности исследований сотрудниками сектора социологии науки ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» молодежной политики в сфере науки в период с 2000 по 2010 г. Показано, что активизация исследования проблем научной молодежи и разработка предложений по повышению эффективности молодежной политики была обусловлена необходимостью преодоления непрекращающегося сокращения в Беларуси численности кандидатов наук младшей и средней возрастных категорий. Особое место уделено исследованиям в рамках государственной программы «Научные кадры» (2002–2006 гг.).

Ключевые слова: молодежная политика, молодые ученые, аспиранты, воспроизводство, государственная программа, сектор социологии науки, научные кадры, мониторинг, социально-экономический механизм, кандидаты наук.

I. N. SHARY,

Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

SECTOR OF SOCIOLOGY OF SCIENCE IN THE 10TH YEARS OF THE 21TH CENTURY: A STUDY OF YOUTH POLICY IN THE SCIENTIFIC FIELD OF BELARUS

Peculiarities of research of youth policy in the field of science, conducted by the employees of the sociology of science sector, the Institute of Sociology, the National Academy of Sciences of Belarus in the period from 2000 to 2010, are considered. It is shown that the intensification of research on the problems of scientific youth and the development of proposals to improve the effectiveness of youth policy was due to the need to overcome the ongoing reduction in Belarus of the number of candidates of sciences in young and middle ages. A special place is given to research within the framework of the state program "Scientific Personnel" (2002–2006).

Keywords: youth policy, young scientists, graduate students, reproduction, state program, sociology of science sector, scientific personnel, monitoring, socio-economic mechanism, candidates of sciences.

Особенности развития научных кадров в БССР во второй половине 70-х годов и в 80-е годы XX в. были в центре научных интересов коллектива отдела науковедения под руководством его основателя и бессменного руководителя Г. А. Несветайлова. В новых социально-политических и экономических условиях в 90-е годы XX века исследования кадровых проблем науки Республики

Беларусь под руководством доктора социологических наук Г. А. Несветайлова были продолжены в отделе социологии науки Института социологии НАН Беларуси. Результаты исследований кадрового потенциала науки были обобщены в статьях и монографиях основателя белорусского науковедения Г. А. Несветайлова, в том числе в одной из последних работ ученого «Научные кадры: возраст и творчество» [1; 2]. После ухода из жизни в 1999 г. Г. А. Несветайлова руководителем отдела социологии науки стала доктор философских наук Р. А. Смирнова. В 1999 г. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.09.1999 г. № 1494 в Институте социологии был создан Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, который возглавил кандидат философских наук М. И. Артюхин, до этого работавший в отделе социологии науки (с 1990 по 1999 г.).

С 1999 по 2002 г. в отделе социологии науки изучались проблемы научной грамотности населения, субъективные и объективные факторы повышения научно-инновационного потенциала белорусского общества [3; 4], проблемы устойчивого воспроизводства научных кадров в сфере науки, особенности молодежной политики в науке в контексте изменения научно-образовательного пространства Беларуси [5; 6], проблемы подготовки научных кадров в аспирантуре [7; 8]. В 2001 г. исследования молодежной составляющей кадрового потенциала науки получили дополнительный импульс в связи с выполнением полученного по конкурсу БРФФИ гранта № ГОО-273 «Молодежная политика в сфере науки и проблемы повышения ее эффективности: социологический анализ» (научный руководитель – кандидат социологических наук И. Н. Шарый). С 2001 по 2003 г. в выполнении гранта принимали участие: руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров кандидат философских наук М. И. Артюхин, кандидат экономических наук П. П. Димитрук, младшие научные сотрудники О. В. Максимова, Т. А. Кузьменкова, И. А. Лисовская, О. В. Шимкович, С. И. Рожкова. Молодежная политика в сфере науки рассматривалась как подсистема государственной научной политики, обеспечивающая непрерывное пополнение научной сферы молодежью, устойчивость процессов воспроизводства научных кадров высшей квалификации, создание благоприятных условий для раскрытия творческого потенциала, закрепления и профессиональной самореализации молодых ученых в научной сфере своей страны [9, с. 35].

На основе анализа особенностей реализации молодежной политики выявлены два различных типа ее реализации – «активный» и «поддерживающий» [10, с. 79]. Для первого типа молодежной политики характерно преобладание очной формы обучения в аспирантуре над заочной, для второго – заочной формы обучения. На рис. 1 показано, что в 1990-е годы произошел переход к «активному» типу молодежной политики, что проявилось в высоких темпах роста численности аспирантов, обучающихся без отрыва от производства. Численность аспирантов в республике с 1989 по 2002 г. выросла в 2 раза (с 3023 до 6053 аспирантов). Рост был обеспечен в основном за счет численности аспирантов дневной формы обучения.

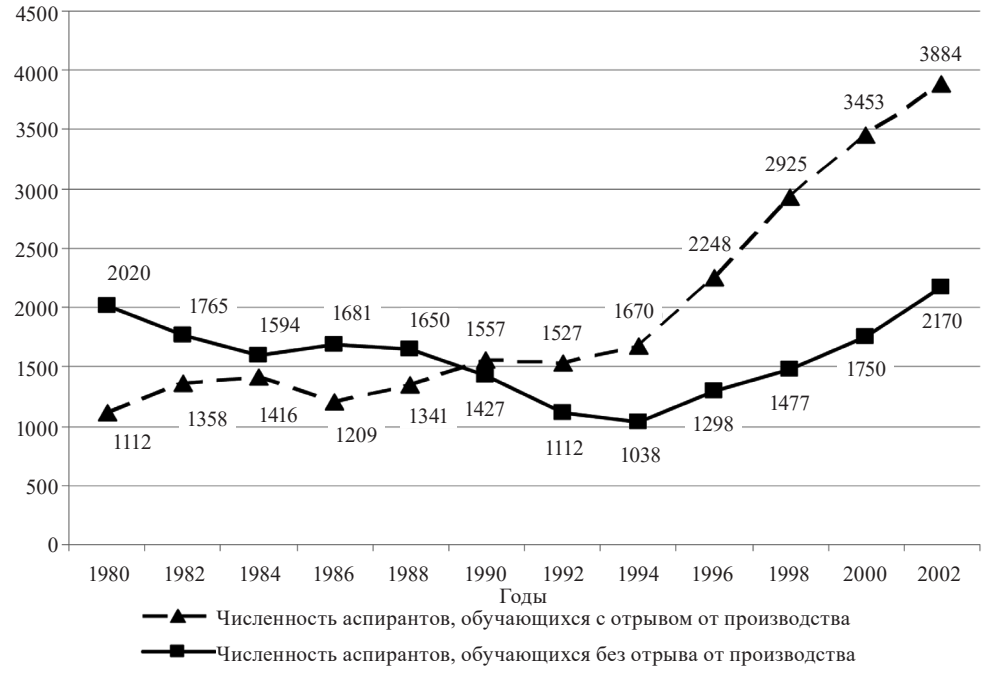


Рис. 1. Динамика численности аспирантов очной и заочной форм обучения в Республике Беларусь с 1980 по 2002 г. [11, с. 141; 12]

В первой половине 1990-х годов динамика численности аспирантов в вузах и научных учреждениях имела разнонаправленный характер: в научных учреждениях численность аспирантов сократилась, а в вузах – выросла [10, с. 80]. Во второй половине 1990-х годов численность аспирантов росла в вузах и научных учреждениях. С 1990 по 1999 г. прирост численности аспирантов в вузах составил 80 %, тогда как в научных учреждениях – 25 % [10, с. 80].

В середине 1990-х годов в Беларуси были приняты дополнительные меры по совершенствованию государственной молодежной политики. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 января 1996 г. № 19 был создан Специальный фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов [13]. В 1998 г. были учреждены 30 стипендий Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым, в 1,2 раза повышены стипендии аспирантам [14]. Особое внимание было уделено государственной поддержке аспирантов, стипендии которым были повышены в 2002 г. (в 1,3 раза) и в 2005 г. (1,5 раза).

В 1990-е годы в рамках государственной политики поддержки молодежи в научно-образовательной сфере получила развитие система социальной поддержки учащихся, студентов, аспирантов, молодых ученых, были обеспечены высокие темпы роста численности аспирантов, обучающихся без отрыва от производства, удалось не допустить сокращения численности профессорско-

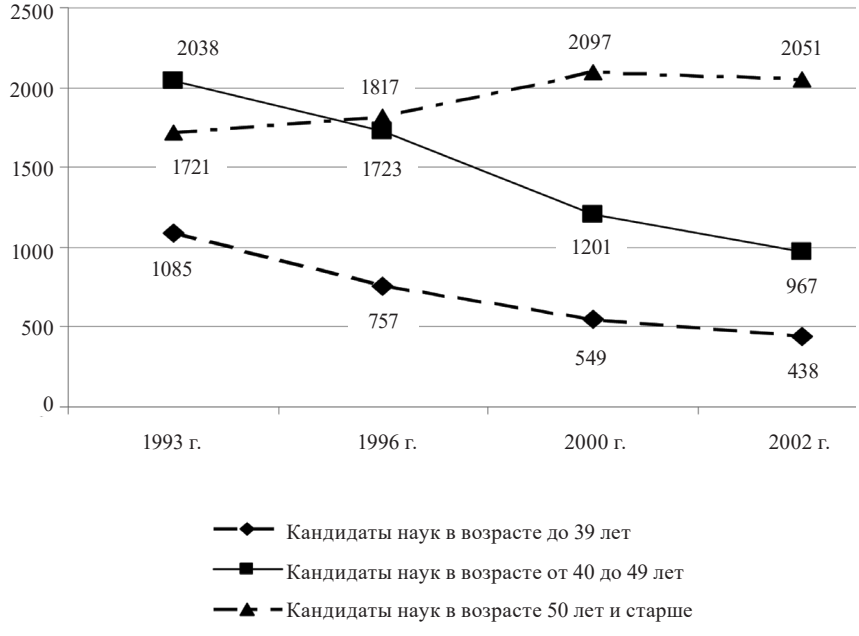


Рис. 2. Динамика численности исследователей в Республике Беларусь с 1993 по 2002 г. по возрастным категориям (представлены данные из отчета НИР «Разработать предложения по совершенствованию социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодых специалистов в науке» (№ гос. регистрации 20032724)

преподавательского состава. Однако остановить сокращение численности кандидатов наук из числа исследователей в научных учреждениях не удалось.

На рис. 2 представлены данные о динамике численности кандидатов наук в Республике Беларусь с 1993 по 2002 г. с учетом возрастных категорий.

Из представленных на рис. 2 данных следует, что с 1993 по 2000 г. численность кандидатов наук из числа исследователей в возрасте до 39 лет сократилась почти в 2 раза, численность кандидатов наук в возрасте 40–49 лет – в 1,7 раза, а численность кандидатов наук в возрасте 50 лет и старше выросла на 21,8 %. В начале первого десятилетия XXI в. темпы сокращения кандидатов наук оставались высокими. Как следует из данных, представленных на рис. 2, с 2000 по 2002 г. численность кандидатов наук в возрасте до 39 лет сократилась на 20 %, численность кандидатов наук в возрастной категории 40–49 лет – на 19,5 %, началось сокращение численности кандидатов наук в возрасте старше 50 лет. Одной из причин сокращения кандидатов наук была недостаточно эффективная молодежная политика в научной сфере.

В 2002 г. сотрудниками Института социологии НАН Беларуси был проведен республиканский опрос руководителей структурных научных подразделений научных учреждений академического, отраслевого и вузовского секторов науки по проблемам развития науки, в том числе по проблемам молодеж-

ной политики. В опросе приняли участие 499 руководителей. Как показали результаты опроса, большинство экспертов (67 %) оценили эффективность проводимой в тот период молодежной политики низко, 14 % отметили, что эффективность молодежной политики в науке средняя, 1 % оценили ее эффективность высоко [15, с. 140]. На основе анализа подходов реализации молодежной политики и тенденций изменения численности исследователей, изменения их возрастной структуры был сделан вывод, что «традиционные меры в рамках активной молодежной политики должны быть дополнены системой мер по закреплению высококвалифицированных молодых ученых в сфере науки. Молодежная политика должна стать не только активной, но и эффективной» [15, с. 139].

Актуальность исследований молодежной составляющей кадрового потенциала белорусской науки была связана с проблемой высоких темпов сокращения кандидатов наук молодого и среднего возраста в 90-е годы XX века.

В 2002 г. Институт социологии НАН Беларуси, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.02.2002 № 240 «О государственной программе “Научные кадры”», стал головной организацией-исполнителем этой программы. 2 июля 2002 г. в составе Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии был создан сектор социологии науки (в результате реорганизации отдела социологии науки). Заведующим сектором социологии науки стал кандидат социологических наук И. Н. Шарый, который с 1990 по 2002 г. работал в отделе социологии науки, защитил (1999 г.) кандидатскую диссертацию (научный руководитель – доктор социологических наук Г. А. Несветайлов). Сотрудники сектора социологии науки продолжили исследования по плановой теме «Проблемы устойчивого развития науки Беларуси в условиях институциональных преобразований», которая ранее разрабатывалась в отделе социологии науки, а также приняли активное участие в исследованиях по программе «Научные кадры».

Все сотрудники Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» с 2002 по 2006 г. участвовали в выполнении заданий Государственной программы «Научные кадры». Кроме ГНУ «Институт социологии» НАН Беларуси, в Государственной программе участвовали научные коллективы ГНУ «НИИ статистики Министерства статистики и анализа», ГНУ «НИИ труда министерства труда и социальной защиты», Академии управления при Президенте Республики Беларусь, сотрудники Министерства образования Республики Беларусь.

Из семи заданий Государственной программы на период с 2002 по 2006 г. четыре задания выполнялись научным коллективом ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси». Научными руководителями заданий Государственной программы от Института социологии были: директор Института доктор социологических наук Г. М. Евелькин, руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров кандидат философских

наук М. И. Артюхин, зав. сектором социологии науки, кандидат социологических наук И. Н. Шарый. В секторе социологии науки, который был структурным подразделением Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, выполнялись два задания Государственной программы: задание № 5 «Совершенствовать социально-экономический механизм привлечения и закрепления молодых специалистов в науке; осуществить проведение постоянного мониторинга использования молодых специалистов в науке» и задание № 7 «Разработать рекомендации по повышению эффективности государственной поддержки молодых ученых на основе результатов социологического исследования». В рамках этих заданий сотрудниками сектора социологии науки с 2002 по 2006 г. было выполнено пять научно-исследовательских проектов (научный руководитель – кандидат социологических наук И. Н. Шарый).

В 2002 г. в рамках задания ГП «Научные кадры» для предотвращения неблагоприятных тенденций сокращения молодежной составляющей кадрового потенциала белорусской науки были подготовлены предложения по созданию Национального фонда поддержки научной молодежи. Предложения были основаны на результатах изучения имеющихся на тот период форм государственной поддержки молодежи, результатах анкетных опросов аспирантов, молодых ученых и руководителей научных подразделений. При этом предполагалось реализовать комплексный подход, включающий как научные, так и социальные аспекты поддержки молодых ученых с использованием конкурсных механизмов отбора. Предусматривалась материальная поддержка молодых перспективных исследователей, исследовательские гранты для молодых ученых, гранты для поддержки материально-технической базы исследователей, коммуникационные гранты (конференции, семинары, доступ к базам данных), образовательные гранты (стажировки), издательские гранты (монографии, учебные пособия).

В 2003 г. в рамках задания программы были изучены особенности сложившегося в республике социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодых специалистов в сфере науки, особенности стимулирования научной деятельности молодежи, тенденции процесса омоложения ее кадрового потенциала. На основе проведенного исследования сделан вывод, что в условиях резкого сокращения финансирования науки в начале 1990-х годов, которое привело к обвальному сокращению научных работников молодого и среднего возраста, реализация концепции выживания (самоадаптации науки) позволила на определенном этапе сохранить интеллектуальное ядро научных коллективов, однако она не позволяет реализовать оптимальную стратегию воспроизводства научных кадров. Не была преодолена деформация воспроизводственной структуры научных кадров высшей квалификации, продолжалось сокращение научных работников в возрасте от 30 до 49 лет. По результатам исследования были внесены предложения по совершенствованию социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодежи

в науке. Была обоснована необходимость совершенствования механизма оплаты труда в науке, повышения уровня заработной платы докторов и кандидатов наук.

В 2004 г. была разработана концептуальная основа осуществления мониторинга использования молодых специалистов в науке, а также инструментарий проведения мониторинга. Было предложено использовать мониторинг как часть единой информационно-аналитической системы изучения основных тенденций воспроизводства высококвалифицированных работников в сфере науки, которая может стать основой планирования и прогнозирования развития кадрового потенциала Республики Беларусь в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Существенное внимание было уделено изучению российского опыта разработки концепции долгосрочной молодежной политики в науке [16, с. 162–163].

В рамках задания Государственной программы «Научные кадры» в 2005 г. были изучены основные направления и социально-экономический механизм молодежной политики в науке, разработаны предложения по совершенствованию молодежной политики в науке. Было проведено исследование уровня, динамики и структуры заработной платы кандидатов наук (до 40 лет). Для сбора данных о заработной плате специальные формы были разосланы во все научно-исследовательские организации НАН Беларуси. В результате опроса были получены данные о начисленной среднемесячной заработной плате за год 236 молодых кандидатов наук. При проведении анализа в качестве базы для сравнения использовались официальные данные о среднемесячной заработной плате в промышленности, поскольку такая база для сравнения использовалась в Законе «О научной деятельности». Как показал проведенный анализ, в 2004 г. заработная плата молодых кандидатов наук была на 26 % больше, чем в промышленности. Однако в результате исследования было выявлено, что сложилась существенная дифференциация уровня заработной платы в различных отделениях наук, а также у работников в рамках отделений наук. Был сделан вывод, что учитывать только средний показатель заработной платы научных работников, в том числе молодых ученых, недостаточно. Исследование показало, что определяющее влияние на дифференциацию уровня заработной платы молодых кандидатов наук имел дополнительный доход за участие в работе ВНК. Заработная плата кандидатов наук в возрасте до 40 лет, которые участвовали в ВНК, была выше, чем в промышленности, заработная плата кандидатов наук, которые не имели такой возможности, была ниже, чем в промышленности.

На рис. 3 представлены данные о динамике среднемесячной зарплаты кандидатов наук НАН Беларуси (без отделения аграрных наук) в возрасте до 40 лет, которые не получали доплат по ВНК в течение года, и среднемесячной заработной платы в промышленности в 2004 г.

Как следует из представленных на рис. 3 данных, заработная плата кандидатов наук в возрастной категории до 40 лет, которые не участвовали в те-

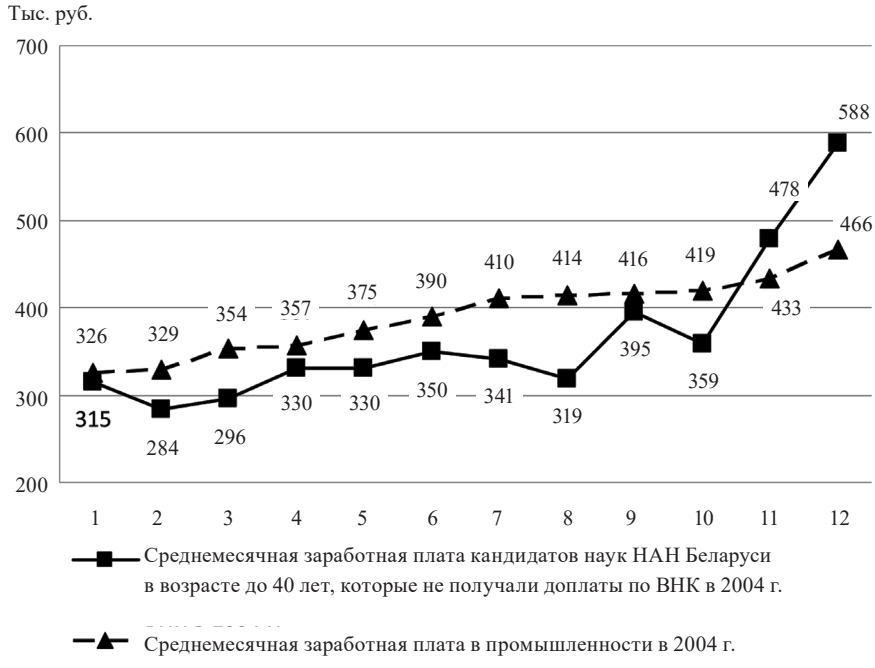


Рис. 3. Динамика среднемесячной зарплаты кандидатов наук НАН Беларуси в возрасте до 40 лет, которые не получали доплат по ВНК в течение года, и среднемесячной заработной платы в промышленности в 2004 г. (представлены данные из отчета НИР «Исследовать основные направления и социально-экономический механизм молодежной политики в науке в современных условиях, разработать предложения по совершенствованию молодежной политики в науке» (№ 20052302)

чение года в работе ВНК, с января по октябрь 2004 г. была меньше, чем среднемесячная заработная плата в промышленности. Только в последние месяцы года, в связи с выплатой премий и выплат компенсирующего характера, имел место рост среднемесячной заработной платы рассматриваемой категории кандидатов наук. В целом же начисленная среднемесячная заработная плата молодых кандидатов наук рассматриваемой категории была ниже, чем среднемесячная заработная плата в промышленности за аналогичный период. Как показало исследование, большинство молодых кандидатов наук (60 %) в рамках рассматриваемого временного периода не имело доплат по ВНК. Таким образом, многолетние усилия по подготовке и защите кандидатской диссертации не давали большинству молодых кандидатов наук преимуществ в уровне заработной платы в 2004 г. При сложившемся соотношении уровня среднемесячной зарплаты большинства молодых высококвалифицированных специалистов и среднемесячной заработной платы в промышленности, их закрепление в сфере науки было проблематичным.

В результате исследований особенностей молодежной составляющей кадровой политики был сделан вывод, что эффективность мер по закреплению

молодежи в сфере науки определяется динамикой численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет [9, с. 36; 15, с. 140]. Результаты проведенных исследований показали, что эффективность государственной молодежной политики в науке необходимо рассматривать в комплексе системы мер по воспроизводству научных кадров [17, с. 66].

В первой половине 1990-х годов сформировались основные направления исследований сотрудников сектора социологии науки, которые выполнялись в рамках государственной программы научных исследований ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (2001–2005 гг.). В рамках изучения особенностей молодежной политики в научной сфере Республики Беларусь проводились исследования по проблемам омоложения кадрового потенциала белорусской науки и формирования системы государственной поддержки научной молодежи, на основе опроса руководителей проектов, финансируемых БРФФИ, изучались особенности влияния молодежных конкурсов на профессиональное становление молодых ученых, проводились исследования особенностей профессионального становления молодежи на основе анкетных опросов участников научных конференций «Молодежь в науке» с 2003 по 2005 г. [18]. По результатам проведенных исследований в 2006–2008 гг. для слушателей из числа перспективного кадрового резерва организаций НАН Беларуси на курсах повышения квалификации ГУО «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси» были прочитаны лекции «Молодежная политика в научной сфере» и «Основные направления государственной поддержки молодых ученых в Республике Беларусь» (кандидат социологических наук И. Н. Шарый). Младшие научные сотрудники сектора социологии науки Э. М. Щурок и Т. А. Кузьменкова были награждены дипломами Национальной академии наук Беларуси и Совета молодых ученых НАН Беларуси за лучший научный доклад на секции «Социология. Педагогика» в рамках международных научных конференций «Молодежь в науке – 2007» (23–26 октября 2007 г.) и «Молодежь в науке – 2009» (21–24 апреля 2009 г.). Полученный научный задел создал предпосылки для продолжения исследований политики в области воспроизводства научных кадров высшей квалификации, для изучения особенностей мотивации научной деятельности, молодежной составляющей кадровой политики при переходе к инновационной экономике [19; 20; 21].

Реализованные государством меры по совершенствованию молодежной политики в сфере науки в рассматриваемый временной период оказались эффективными. С 2003 по 2010 г. в НАН Беларуси число кандидатов наук в возрасте до 29 лет выросло почти на 60 %, в возрасте 30–39 лет – на 38 %. Результаты исследований, полученные сотрудниками сектора социологии науки, были использованы при выполнении заданий отраслевой программы «Научные кадры НАН Беларуси» (2006–2010 гг.). Концепция мониторинга привлечения и закрепления молодежи в науке, разработанная сотрудниками сектора социологии науки, была положена в основу постановления Национальной академии наук Беларуси и Государственного комитета по науке и технологиям Респу-

блики Беларусь № 8/19 «О проведении мониторинга привлечения и закрепления молодых ученых в организациях Республики Беларусь, осуществляющих научную деятельность» (зарегистрировано в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 27 ноября 2006 г., регистрационный № 8/15393). Подходы, предложенные при проведении мониторинга, использовались в кадровой политике Министерства образования Республики Беларусь и НАН Беларуси. Проведенные в первом десятилетии XXI в. исследования в области молодежной научной политики представляют не только исторический интерес. При разработке перспективной концепции политики в области воспроизводства научных кадров важно учитывать имеющийся зарубежный опыт, а также отечественный опыт реализации молодежной политики в сфере науки.

Список использованных источников

1. *Несветайлов, Г. А.* Научные кадры: возраст и творчество / Г. А. Несветайлов // Социол. исслед. – 1998. – № 9. – С. 115–119.

2. *Слонимский, А. А.* Отечественная школа науковедения: этапы становления и трансформации (40 лет белорусскому науковедению) / А. А. Слонимский, В. А. Карелина, И. Н. Шарый // Социология. – 2016. – № 3. – С. 119–125.

3. *Смирнова, Р. А.* Наука и массовое сознание / Р. А. Смирнова // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр. – Минск : Право и экономика, 2000. – Вып. 2. – С. 88–93.

4. *Смирнова, Р. А.* Субъективные и объективные факторы повышения научно-инновационного потенциала белорусского общества / Р. А. Смирнова // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр. – Минск : Современное слово, 2001. – Вып. 3. – С. 210–219.

5. *Шарый, И. Н.* Научная сфера в переходный период: проблемы устойчивости воспроизводственных процессов / И. Н. Шарый // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр. – Минск : Право и экономика, 2000. – Вып. 2. – С. 93–98.

6. *Шарый, И. Н.* Молодежная политика в науке в контексте общесистемных изменений научно-образовательного пространства Беларуси / И. Н. Шарый // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр. – Минск : Современное слово, 2001. – Вып. 3. – С. 219–227.

7. *Максимова, О. В.* Подготовка кадров высшей квалификации: проблемы и возможности / О. В Максимова // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр. – Минск : Право и экономика, 2000. – Вып. 2. – С. 98–100.

8. *Максимова, О. В.* Проблемы эффективности подготовки кадров высшей квалификации через аспирантуру в Республике Беларусь / О. В. Максимова // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси : социологический анализ : сб. науч. тр.– Минск : Современное слово, 2001. – Вып. 3. – С. 227–228.

9. *Шарый, И. Н.* Молодежная политика в сфере науки: проблемы эффективности в переходный период / И. Н. Шарый // Социология. – 2003. – № 3. – С. 34–41.

10. *Шарый, И. Н.* Молодежная политика в сфере науки и проблемы научно-инновационного развития в Республике Беларусь / И. Н. Шарый // Проблемы и перспективы развития научно-инновационного комплекса Республики Беларусь : сб. науч. ст. ; редкол.: В. И. Недилько [и др.]. – Минск : БелИСА, 2001. – С. 79–83.

11. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г. : стат. ежегодник / Госкомстат БССР. – Минск : Беларусь, 1990. – 272 с.

12. Наука и инновации в Республике Беларусь 2003 : стат. сб. / В. Н. Тамашевич [и др.]. – Минск : БелИСА, 2004. – 172 с.

13. О специальном фонде Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 января 1996 г. № 19 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 29.02.2008 № 142 // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www. president.gov.by. – Дата доступа: 15.11. 2019.

14. О дополнительных мерах по реализации Национальной академией наук Беларуси статуса высшей государственной научной организации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 августа 1998 г. № 390 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by./main.aspx?guid=3871&p0=p39800390&p2=7BNRPA%7D/. – Дата доступа 15.11. 2016.

15. *Шарый, И. Н.* Проблемы воспроизводства научных кадров в переходный период / И. Н. Шарый // Проблемы развития научно-инновационного потенциала Беларуси : сб. науч. тр. ; под ред. В. И. Недилько. – Минск : Бел ИСА, 2003. – С. 136–141.

16. Кадровый потенциал науки Республики Беларусь / М. И. Артюхин [и др.] ; науч. ред. Г. М. Евелькин. – Минск : Технопринт, 2004. – 260 с. – (Сер. «Библиотека социологии»).

17. *Шарый, И. Н.* Проблемы воспроизводства и омоложения кадрового потенциала науки в Республике Беларусь / И. Н. Шарый // Научные кадры Республики Беларусь (социологический анализ) / Т. А. Антонова [и др.] ; под общ. ред. Г. М. Евелькина ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2007. – С. 46–67.

18. *Шарый, И. Н.* Государственная поддержка молодых ученых и проблемы омоложения кадрового потенциала науки / И. Н. Шарый, Т. А. Кузьменкова, Л. Н. Михейчиков, Э. М. Щурок // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси : социологический анализ / М. Г. Алейник [и др.] ; отв. ред. Г. М. Евелькин. – Минск : Беларус. навука, 2006. – С. 377–400.

19. *Шарый, И. Н.* Политика в области воспроизводства кадрового состава белорусской науки и проблемы повышения ее эффективности / И. Н. Шарый // Социальное знание и белорусское общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (к 20-летию институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН Беларуси), Минск, 3–4 дек. 2009 г. / редкол. : И. В. Котляров (гл ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 401–404.

20. *Щурок, Э. М.* Мотивация научной деятельности и особенности профессиональных установок аспирантов / Э. М. Щурок // Научные кадры в условиях инновационного развития Республики Беларусь / М. И. Артюхин [и др.] ; под общ. ред. М. И. Артюхина ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Белорус. наука, 2010. – С. 203–216.

21. *Шарый, И. Н.* Кадровая политика в науке и ее молодежная составляющая в условиях становления инновационной экономики / И. Н. Шарый // Социол. альм. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Вып. 1. – С. 217–223.

Поступила 26.11.2019 г.

УДК 001:316+316.354+316.7(467)

Я. В. ШУХНО,

навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі,
г. Мінск, e-mail: eshuhno@mail.ru

АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ КУЛЬТУРА НАВУКОВАЙ АРГАНІЗАЦЫІ: АКСІЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

У артыкуле разглядаюцца арганізацыйныя каштоўнасці ў структуры арганізацыйнай культуры навуковай арганізацыі. На аснове даных эмпірычнага сацыялагічнага даследавання аналізуецца каштоўнасная матрыца навуковых работнікаў (даследчыкаў) навуковых арганізацый Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі як носьбітаў арганізацыйных каштоўнасцей. Разглядаюцца тры групы каштоўнасцей навукоўцаў – базавыя, працоўныя і прафесійныя.

Ключавыя словы: арганізацыйная культура, навуковая арганізацыя, каштоўнасць, навуковы работнік, даследчык.

Y. V. SHUKHNO,

Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: eshuhno@mail.ru

ORGANIZATIONAL CULTURE OF SCIENTIFIC ORGANIZATION: AXIOLOGICAL ASPECT

The article considers organizational values within structure of organizational culture in scientific organization. Researchers' value matrix of scientific organizations of the National Academy of Sciences of Belarus as holders of organizational values is analyzed based on data of empirical sociological research. Three groups of scientists' values – basic, labor and professional – are analyzed.

Keywords: organizational culture, scientific organization, scientist, researcher, value.

Арганізацыйная культура з'яўляецца адным з інструментаў кіравання кадравым патэнцыялам сацыяльных арганізацый, у тым ліку навуковых. Нягледзячы на распрацаванасць арганізацыйна-культурнай праблематыкі адносна камерцыйнага сектара арганізацый, пытанні спецыфікі арганізацыйнай культуры ў навуковай галіне не знайшлі дастатковага разгляду ні ў замежнай, ні ў айчыннай сацыялогіі, што актуалізуе неабходнасць тэарэтычнага і эмпірычнага аналізу згаданай праблематыкі.

Арганізацыйная культура навуковай арганізацыі – гэта сістэма каштоўнасцей і норм навуковай арганізацыі, што ўплывае на арганізацыйныя паводзіны яе персаналу. Пры гэтым каштоўнасці выконваюць асаблівую ролю, будучы асноватворным чыннікам культурнай прасторы арганізацыі. Такое значэнне каштоўнаснага аспекту абумоўлівае актуальнасць даследавання каштоўнасцей арганізацыйнай культуры і іх носьбітаў – навуковых работнікаў як асноўнай катэгорыі персаналу навуковых арганізацый.

Паняцце *«каштоўнасць»* выкарыстоўваецца ў філасофскім і сацыялагічным дыскурсе для ўказання на чалавечае, сацыяльнае і культурнае значэнне пэўных аб'ектаў і з'яў, адсылаючы да адпаведнага, мэтавага, сэнсавага свету. Каштоўнасці характарызуюцца пазаасобасным, надасабовым, часам і па-

загістарычным чынам. У сацыяльна-гуманітарных ведах няма адназначнай трактоўкі каштоўнасцей, суіснуюць розныя падыходы да іх азначэння. Так, каштоўнасць вызначаецца як «любы прадмет, матэрыяльны або ідэальны, ідэя або інстытут, у дачыненні да якіх індывіды ці групы займаюць пазіцыю ацэнкі, прыпісваючы ім важную ролю ў сваім жыцці і імкненне да ўладання якімі адчуваюць як неабходнасць (Я. Шчэпаньскі), або як тое, да чаго імкнуцца як да мэты, або разглядаюць як сродак дасягнення мэты (М. З. Чаўчавадзэ), ці як прадмет любой прыроды, які валодае значнасцю для суб'екта, гэта значыць здольнасцю задавальняць яго патрэбы (А. А. Ручка)» [1, с. 1216]. Амерыканскі псіхолаг М. Рокіч вызначаў каштоўнасць як «устойлівае перакананне ў тым, што пэўны спосаб паводзін або канчатковая мэта існавання пераважаюць з асабістага або сацыяльнага пункта гледжання, чым супрацьлеглы або зваротны ім спосаб паводзін альбо канчатковая мэта існавання» (цыт па: [4, с. 20]). У сваю чаргу, *арганізацыйныя каштоўнасці* – гэта «сукупнасць каштоўнасцей сяброў арганізацыі, якія з'яўляюцца або агульнымі для ўсіх яе супрацоўнікаў, або значнымі для пэўных груп персаналу і кіраўнікоў» [5, с. 29].

Арганізацыйныя каштоўнасці арганічна ўключаны ў структуру арганізацыйнай культуры навуковай арганізацыі. Так, амерыканскі даследчык Э. Шэйн разглядаў структуру арганізацыйнай культуры на трох узроўнях: паверхневым, падпаверхневым і глыбінным. Датычна арганізацыйнай культуры навуковых інстытуцый структурнае размеркаванне культурнага зместу наступнае. *Паверхневы ўзровень* уключае бачныя структуры і працэсы, усё тое, што паддаецца назіранню і ўспрыманню ў навуковай арганізацыі. У *падпаверхневы ўзровень* уваходзяць засвоеныя погляды і каштоўнасці, а таксама стратэгіі, мэты, філасофія, этас навукі. *Глыбінны ўзровень* – гэта бессвядомыя погляды, уяўленні, думкі і пачуцці работнікаў навуковых арганізацый, што ўспрымаюцца як належнае [8, p. 26]. Паверхневы ўзровень структуры арганізацыйнай культуры навуковай арганізацыі ўяўляе сабой сукупнасць назіральных праяў арганізацыйнай культуры, тады як глыбінны ўзровень складае самую існасць арганізацыйнай культуры, пры гэтым падпаверхневы ўзровень выступае медыятарам паміж паверхневым і глыбінным і забяспечвае іх узаемасувязь. Менавіта на падпаверхневым узроўні арганізацыйнай культуры, паводле Шэйна, існуюць арганізацыйныя каштоўнасці.

Арганізацыйныя каштоўнасці можна дыферэнцыяваць паводле ступені іх засвоенасці, ступені экзістэнцыйнасці, сферы іх існавання. Паводле *ступені засвоенасці* сябрамі арганізацыі каштоўнасці могуць разглядацца ў кантэксце прапанаваных Шэйнам фундаментальных і дэкларацыяваных каштоўнасцей. *Фундаментальныя* каштоўнасці – гэта каштоўнасці, якія сфарміраваліся з папярэдняга досведу, якія знаходзяць увасабленне ў ідэалогіі/філасофіі арганізацыі і рэальна вызначаюць практыкі, мадэлі паводзін індывідаў. У той час як *дэкларацыяваныя* – гэта абвешчаныя каштоўнасці, якія не абавязкова рэалізоўваюцца і ўзнаўляюцца на практыцы і, у сваю чаргу, яны не абавязкова вызначаюць паводзінныя патэрны індывідаў [6, с. 38]. Трэба адзначыць, што

фундаментальныя каштоўнасці могуць супадаць з дэкларавaнымі, што забяспечвае адзінства каштоўнасных падстаў арганізацыйнай культуры і найбольшую эфектыўнасць арганізацыйнай дзейнасці.

Іншым модусам разгляду каштоўнасцей арганізацыйнай культуры (згодна са *ступенню іх экзістэнцыйнасці*) з'яўляецца аналіз суадносін тэрміналь-ных і інструментальных каштоўнасцей. Паводле М. Рокіча, *тэрміналь-ныя каштоўнасці* (каштоўнасці-мэты) – гэта перакананні, што нейкая канчатковая мэта існавання асобасна і сацыяльна вартая таго, каб да яе імкнуцца; *інструментальныя каштоўнасці* (каштоўнасці-сродкі) – перакананні, што нейкая мадэль паводзін з'яўляецца асобасна і сацыяльна пераважнай у любой сітуацыі [7, p. 160]. У параўнанні з тэрміналь-нымі, інструментальныя каштоўнасці з'яўляюцца менш устойлівымі і маюць больш нізкі статус. У кантэксце арганізацыйнай культуры каштоўнасці-мэты адлюстроўваюць стратэгічныя мэты існавання арганізацыі, тады як каштоўнасці-сродкі ўяўляюць сабой важныя для дадзенай арганізацыі якасці персаналу і характарыстыкі ўнутранага асяроддзя, якія дазваляюць дасягнуць каштоўнасцей-мэт.

Варыянтам каштоўнаснага аналізу арганізацыйнай культуры выступае разгляд каштоўнасцей адносна *сферы іх функцыянавання,* што дазваляе размежаваць базавыя, працоўныя і прафесійныя каштоўнасці. Датычна навуковай арганізацыі сукупнасць названых каштоўнасцей яе персаналу складае каштоўнасную матрыцу такой сацыяльнай арганізацыі – уласна сістэму арганізацыйных каштоўнасцей. Базавыя каштоўнасці адлюстроўваюць агульную каштоўнасную сістэму асобы і так ці інакш уплываюць на яе паводзіны ў розных сферах жыцця, працоўныя каштоўнасці ўключаюць розныя аспекты працы ўвогуле, дэманструюць прыярытэты работнікаў і іх патрабаванні да працы, прафесійныя каштоўнасці ахопліваюць канкрэтызаваныя прыярытэты ў той ці іншай прафесіі, выяўляюць прафесійныя памкненні.

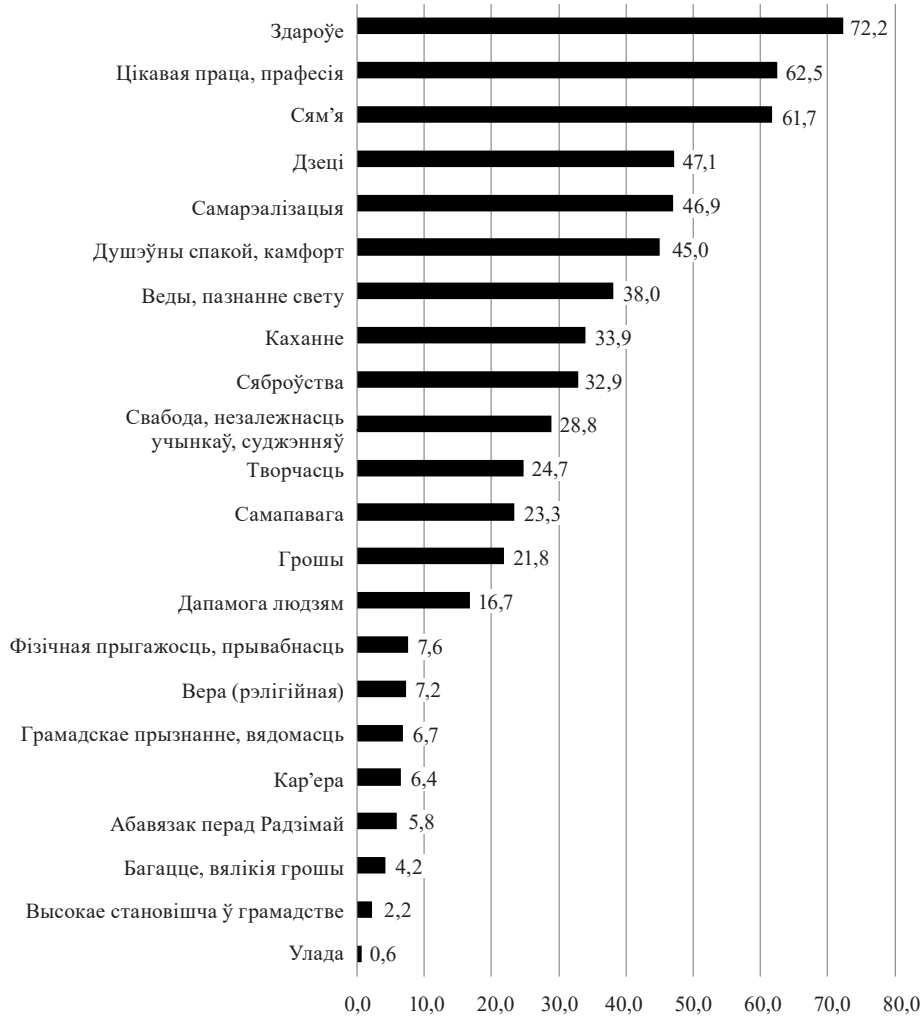
На падставе эмпірычнага выяўлення існых каштоўнасцей сяброў навуковых арганізацый магчыма іх наступнае карэкціраванне і змяненне згодна з мэтамі арганізацыйнага развіцця, дэкларавaнымі (як тэрміналь-нымі, так і інструментальнымі) каштоўнасцямі канкрэтнай арганізацыі, збліжэнне каштоўнасцей, якія падзяляюцца работнікамі, з афіцыйнымі (дэкларавaнымі), што ў выніку вядзе да павышэння эфектыўнасці дзейнасці арганізацыі.

Сацыялагічнае даследаванне на тэму «Арганізацыйная культура навуковай арганізацыі як фактар павышэння яе эфектыўнасці: сацыялагічны аналіз» праводзілася з мэтай вывучэння асаблівасцей арганізацыйнай культуры навуковых арганізацый Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў снежні 2018 – сакавіку 2019 г. з выкарыстаннем метадаў анкетнага апытання і экспертнага інтэрв'ю. Выбарка даследавання метадам анкетнага апытання склала 670 навуковых работнікаў, памылка выбаркі – ±3,6 % пры ўзроўні значнасці 0,05, выбарачная сукупнасць экспертаў – 37 кіраўнікоў навуковых арганізацый.

Адной з задач даследавання было выяўленне каштоўнасцей даследчыкаў НАН Беларусі як асновы яе арганізацыйнай культуры. Каштоўнасці разгляда-

ліся ў трох кантэкстах: базавыя, працоўныя і прафесійныя. Пры гэтым некаторыя каштоўнасці маглі быць уключаны як у сістэму базавых, так і ў сістэму працоўных каштоўнасцей: цікавая праца, прафесія складаюць як адну з важнейшых агульных каштоўнасцей грамадства, так і значную характарыстыку самой працы.

Іерархія базавых каштоўнасцей навукоўцаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі пададзена на мал. 1. Як вынікае з даных даследавання, да трох найболей важных каштоўнасцей навуковых работнікаў НАН Беларусі адносяцца здароўе (72,2 %), цікавая праца, прафесія (62,5 %) і сям'я (61,7 %). Далей ідуць такія каштоўнасці, як дзеці; самарэлізацыя; душэўны спакой, камфорт; веды, пазнанне свету; каханне; сяброўства.



Мал. 1. Базавыя каштоўнасці навукоўцаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (у %, у цэлым па выбарцы)

Найменей важныя для навукоўцаў акадэмічнай сферы такія пазіцыі, як улада; высокае становішча ў грамадстве; багацце, вялікія грошы; абавязак перад Радзімай; кар'ера; грамадскае прызнанне, вядомасць, рэпутацыя; рэлігійная вера; фізічная прыгажосць, прывабнасць.

Калі ўзяць пад увагу тое, што ніводная арганізацыя не існуе ізалявана ад макракультуры грамадства, а апошняя разглядаецца як адзін з чыннікаў фарміравання арганізацыйнай культуры, мэтазгодна параўнаць і супаставіць іерархію базавых каштоўнасцей беларускага грамадства ў цэлым і навукоўцаў акадэмічнага сектара. Згодна з даследаваннем, праведзеным Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі ў 2016 г., да трох асноўных базавых каштоўнасцей беларускага грамадства адносіліся здароўе (85,2 %), сям'я (72,2 %), дзеці (70,7 %) [2, с. 131]. Для навукоўцаў НАН Беларусі здароўе таксама з'яўляецца асноўнай базавай каштоўнасцю, але на другім месцы каштоўнаснай іерархіі, у адрозненне ад беларускага грамадства ў цэлым, знаходзіцца цікавая праца, прафесія; сям'я і дзеці займаюць адпаведна трэцяе і чацвёртае месцы сярод базавых каштоўнасцей даследчыкаў акадэмічнай галіны.

Акрамя базавых каштоўнасцей, ключавое значэнне для арганізацыі і для мэтанакіраванага ўплыву на працоўную дзейнасць персаналу маюць працоўныя каштоўнасці яе работнікаў [3, с. 79]. Працоўныя каштоўнасці навукоўцаў НАН Беларусі наступныя:

1) цікавая праца – 80,2 %;
2) добры калектыў – 69,9 %;
3) камфортныя ўмовы працы – 49,3 %;
4) мажлівасць навучання, павышэння кваліфікацыі – 48,4 %;
5) высокі заробак – 42,7 %;
6) самастойнасць у працы – 33,8 %;
7) зручны рэжым працы – 32,2 %;
8) карысць працы для грамадства – 30,8 %;
9) магчымасць праявіць ініцыятыву – 22,9 %;
10) роўнае стаўленне кіраўніцтва да ўсіх супрацоўнікаў – 20,5 %;
11) адсутнасць жорсткага кантролю за працай – 20,4 %;
12) магчымасць атрымаць службовае павышэнне (кар'ера) – 14,5 %;
13) гарантыя занятасці – 13,6 %;
14) прэстыж працы – 11,1 %;
15) права голасу пры прыняцці важных пастаноў – 8,8 %;
16) высокая ступень адказнасці – 7,2 %;
17) не займацца працай па-за ўстаноўленым працоўным часам – 6,7 %;
18) працяглы адпачынак – 5,1 %.

Як відаць з прыведзенага спіса, асноўныя каштоўнасныя арыентацыі ў працы для азначанай катэгорыі работнікаў – гэта цікавая праца; добры калектыў; камфортныя ўмовы працы; магчымасць навучання, павышэння кваліфікацыі і высокі заробак. Аднак найважнейшым у працоўнай дзейнасці з'яўляюцца цікавая праца і добры калектыў (іх абрала абсалютная большасць рэспандэнтаў:

80,2 % і 69,9 % адпаведна). Варта адзначыць, што ў агульнай каштоўнаснай сістэме цікавая праца, прафесія займаюць другое месца пасля такой каштоўнасці, як здароўе, а сярод каштоўнасцей уласна працоўнай сферы цікавая праца мае найбольшае значэнне. Найменш значнымі характарыстыкамі працы, паводле апытаных, з'яўляюцца працяглы адпачынак; адсутнасць звыштэрміновай працы; высокая адказнасць; удзел у прыняцці важных пастаноў.

Акрамя разгляду арыентацый навуковых супрацоўнікаў НАН Беларусі адносна працоўнай галіны ўвогуле, важным аспектам вывучэння іх каштоўнаснай матрыцы выступае аналіз арыентацый навукоўцаў у канкрэтнай прафесійнай сферы – навуковай дзейнасці. Арыентацыі навуковых работнікаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў прафесійнай галіне – непасрэдна ў навуковай дзейнасці – адлюстраваны на мал. 2.

Тройку галоўных арыентацый айчынных навукоўцаў акадэмічнага сектара ў дадзеным выпадку складаюць творчая навуковая самарэалізацыя (60,5 %), асабісты ўклад у развіццё навукі (43,8 %) і годны заробак (43,5 %). На адваротным баку прапанаванага кантынуума знаходзяцца высокі індэкс цытавання і паспяховая службовая кар'ера. У той жа час паспяховая кваліфікацыйная кар'ера значная для чвэрці апытаных (26,3 %), пры тым, што кар'ера ўвогуле як характарыстыка працы, незалежна ад прафесійных каштоўнасцей, з'яўляецца важнай для кожнага сёмага рэспандэнта (14,5 %).

Такім чынам, можна зрабіць наступныя асноўныя вывады. Па-першае, сярод арганізацыйных каштоўнасцей могуць вылучацца такія іх групы, як

Мал. 2. Арыентацыі навукоўцаў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў прафесійнай сферы (у %, у цэлым па выбарцы)

фундаментальныя/дэкларацыя, тэрмінальныя/інструментальныя, а таксама базавыя, працоўныя і прафесійныя. Па-другое, найважнейшымі базавымі каштоўнасцямі даследчыкаў навуковых арганізацый Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі з'яўляюцца здароўе, цікавая праца, прафесія, сям'я, дзеці і самарэалізацыя. Па-трэцяе, асноўныя каштоўнасці ў працоўнай галіне – цікавая праца, добры калектыў, камфортныя ўмовы працы, магчымасць навучання, павышэння кваліфікацыі, а таксама высокі заробак. Па-чацвёртае, у навуковай дзейнасці для навуковых работнікаў найбольш важныя навуковая самарэалізацыя, асабісты ўклад у развіццё навукі, годны заробак. Вывучэнне арганізацыйных каштоўнасцей навуковых супрацоўнікаў дазваляе выкарыстоўваць спосабы матывацыі, рэлевантныя інтарэсам і патрэбам навуковага персаналу, што з'яўляецца адным з фактараў далейшага павышэння эфектыўнасці кіравання кадравым патэнцыялам навуковых арганізацый.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Абушенко, В. Л.* Ценность / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2003. – 1216 с.

2. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода : социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 392 с.

3. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булынко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2009. – 231 с.

4. Ценностные ориентации белорусского студенчества : сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / П. И. Бригадин [и др.] ; под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 207 с.

5. *Шаталова, Н. И.* Организационная культура / Н. И. Шаталова. – М. : Экзамен, 2006. – 652 с.

6. *Шейн, Э. Х.* Организационная культура и лидерство : пер. с англ. / Э. Х. Шейн ; под ред. В. А. Спивака. – СПб. : Питер, 2002. – 336 с.

7. *Rokeach, M.* Beliefs, Attitudes, and Values. A Theory of Organization and Change / M. Rokeach. – San Francisco : Jossey-Bass, 1968. – 214 p.

8. *Schein, E. H.* Organizational Culture and Leadership / E. H. Schein. – 3rd ed. – San Francisco : Jossey-Bass, 2004. – 437 p.

Поступила 27.11.2019 г.

УДК 316.334.2(476)

Э. М. ЩУРОК,

научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: ella_1@tut.by

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

В данной статье представлена динамика подготовки кадров высшей квалификации в республиканской аспирантуре и докторантуре за период 2008–2018 гг. Проведен анализ эффективности деятельности подготовки научных кадров высшей квалификации по отраслям науки. Результаты анализа могут быть использованы для принятия мер, направленных на совершенствование системы послевузовского образования страны и кадровой политики в научной сфере.

Ключевые слова: кадры высшей квалификации, аспирантура, докторантура, эффективность подготовки научных кадров высшей квалификации, отрасли науки.

E. M. SHCHUROK,

Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: ella_1@tut.by

MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF THE REPUBLICAN SYSTEM OF TRAINING HIGHLY QUALIFIED SCIENTIFIC PERSONNEL

This article presents the dynamics of training highly qualified personnel in the republican postgraduate and doctoral programs for the period 2008–2018. The effectiveness of the training of highly qualified scientific personnel in the branches of science is analyzed. The results of the analysis can be used for taking measures aimed at improving the system of postgraduate education in the country and personnel policy in the scientific sphere.

Keywords: scientific personnel of higher qualification, postgraduate study, doctoral studies, efficiency of training scientific personnel of higher qualification, branch of science.

Активная цифровизация общества определяет разного уровня образование как ключевой элемент его эффективного развития. При сложившихся обстоятельствах системе послевузовского образования отводится основополагающая роль. Однако в условиях ухудшения качественных характеристик занятого в науке персонала, интенсивного оттока исследователей средних возрастов, сокращения социальной и интеллектуальной базы воспроизводства научной элиты эффективно включится в новые реалии жизни достаточно проблематично. В связи с этим и приобретают особую актуальность задачи оптимизации системы подготовки научных кадров высшей квалификации – аспирантуры и докторантуры.

Рис. 1. Основные показатели деятельности республиканской аспирантуры за период 2008–2018 гг., человек. Составлено автором по: [1–3]

Основные показатели деятельности республиканской аспирантуры за период 2008–2018 гг. представлены на рис. 1.

Как видим из данных рис. 1, с 2008 по 2018 г. численность аспирантов увеличилась на 1076 человек, то есть почти на 25,0 %. Наряду с этим упали показатели выпуска из республиканской аспирантуры с 1083 человек в 2008 г. до 857 человек в 2018 г., или на 20,9 %. При этом число лиц, принятых на обучение на первую ступень послевузовского образования, за последнее десятилетие оставалось практически неизменным. Данное обстоятельство может свидетельствовать о значительном отсеве аспирантов в течение периода обучения.

Рост численности числа аспирантов в 2011 г. связан с тем обстоятельством, что с 2011 г., в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, в показатели деятельности аспирантуры включены данные о подготовке научных работников высшей квалификации в форме соискательства. Вместе с тем за период с 2011 по 2018 г. численность аспирантов в целом по республике уменьшилась на 422 человека (7,3 %).

Таким образом, в связи со вступлением нового законодательного акта об образовании, который внес изменения в предоставлении статистической информации о подготовке кадров высшей квалификации, целесообразно рассматривать динамику деятельности республиканской аспирантуры с 2011 г.

Исходя из этого, анализ динамики численности обучающихся в аспирантуре по республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям в 2011–2018 гг. показывает, что уменьшение численности аспирантов в целом по республике произошло, главным образом, за счет аспирантов, обучающихся в аспирантурах научных организаций (табл. 1).

Так, численность обучающихся в аспирантуре научных организаций за этот период уменьшилась на 383 человека – с 1285 в 2011 г. до 936 человек в 2018 г., или на 27,2 %. В то же самое время численность обучающихся в уч-

реждениях образования, реализующих образовательную программу аспирантуры, с 2011 по 2018 г. сократилась на 73 человека – с 4494 до 4421 человека соответственно, или на 1,6 % [2, с. 116].

Таблица 1. **Основные показатели деятельности аспирантуры в Республике Беларусь с 2011 по 2018 г.**

Показатели	Республика Беларусь				Научные и иные организации				Учреждения образования			
	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Число учреждений образования, организаций, реализующих образовательные программы аспирантуры, единиц	120	119	119	123	75	73	73	75	45	46	46	48
Численность обучающихся, человек	5779	4900	5090	5357	1285	812	885	936	4494	4088	4205	4421
Прием, человек	1756	1342	1519	1628	362	218	256	291	1394	1124	1263	1337
Выпуск, человек,	1099	1148	828	857	254	236	155	176	845	912	673	681
из них с защитой диссертации	51	67	59	92	12	14	9	14	39	53	50	78

Следует отметить, что ведущие позиции в сфере подготовки научных кадров высшей квалификации принадлежат организациям Министерства образования. Так, по данным Государственного комитета по науке и технологиям, в 2017 г. доля обучающихся в аспирантурах этого ведомства, осуществляющих подготовку на первой ступени послевузовского образования, охватывала 58,1 %. Аспиранты организаций НАН Беларуси составляли только 11,4 % от общей численности аспирантов по стране, а 12,8 % – проходили подготовку в аспирантурах Министерства здравоохранения (табл. 2).

Таблица 2. **Динамика численности обучающихся в аспирантуре по республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям с 2011 по 2017 г.*, человек [4–6]**

Органы государственного управления	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего по республике, *из них*	**5779**	**5381**	**4990**	**4649**	**4657**	**4769**	**4769**
Организации при Президенте Республики Беларусь	135	126	110	107	130	160	173
МВД	57	63	69	71	67	68	67
Минздрав	648	603	578	563	559	579	608
Минкультуры	135	129	144	154	149	151	124
Минобороны	109	98	81	78	70	62	64
Минобразования	3226	3147	2963	2728	2747	2802	2769
Минприроды	30	25	26	27	23	31	25
Минсельхозпрод	389	329	278	230	204	178	177

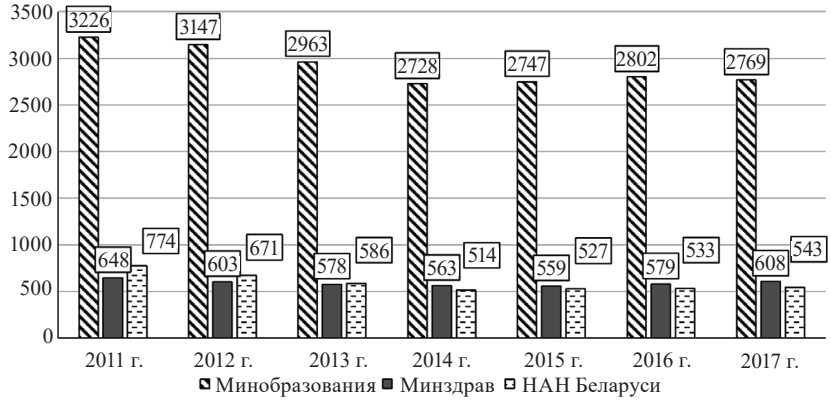
Окончание табл. 2

Органы государственного управления	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Минэкономики	26	25	19	18	19	21	22
Минстройархитектуры	9	9	6	6	6	6	7
МЧС	44	44	39	36	40	35	33
Минспорт	63	63	56	50	53	60	57
КГБ	36	32	35	34	28	*	*
НАН Беларуси	774	671	586	514	527	533	543
Минтранс	–	–	–	33	34	41	46
Госпогранкомитет	–	–	–	–	1	3	4
Другие	26	17	–	–	28	39	50

* С 2012 г. данные предоставлены без учета иностранных граждан.

На рис. 2 представлена динамика численности аспирантов по ведущим органам государственного управления с 2011 по 2017 г., осуществляющих подготовку научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь [4–6]. Значительно сократили темпы подготовки аспирантов академические научные организации республики. Так, численность обучающихся в аспирантуре научных организаций НАН Беларуси за этот период уменьшилась на 231 человека – с 774 человек в 2011 г. до 543 человек в 2017 г., или на 30,0 %. Количество аспирантов учреждений Минобразования, осуществляющих подготовку на первой ступени послевузовского образования, за рассматриваемый период сократилось на 457 человек, или на 15,0 %. В учреждениях послевузовского образования Министерства здравоохранения подготовка аспирантов уменьшилась с 2011 г. только на 7,0 %.

Анализ отраслевой структуры республиканской аспирантуры показывает, что подготовка научных кадров высшей квалификации ведется без учета прогнозных показателей реальной потребности в научных кадрах той или



С 2012 г. данные предоставлены без учета иностранных граждан.

Рис. 2. Динамика численности обучающихся в аспирантуре по основным республиканским органам государственного управления за период 2011–2017 гг.

иной специальности и специализации. Как и раньше, наблюдается преобладание доли аспирантов в области общественных и гуманитарных наук над всеми остальными отраслями наук. Причем этот показатель продолжает расти: в 2011 г. доля аспирантов в области общественных и гуманитарных наук в общей численности аспирантов составила 46,8 %, а в 2018 г. – 48,6 % (при этом численность аспирантов общественного и гуманитарного профиля сократилась с 2011 по 2018 г. на 3,6 %). И наоборот, наблюдается отрицательная динамика численности аспирантов по важнейшим для обеспечения инновационного развития экономики страны отраслям науки. В 2018 г. доля обучающихся в республиканской аспирантуре по специальностям естественных наук составила 12,7 %. Каждый пятый аспирант в республике проходил подготовку по техническим наукам (20,4 %). Доля аспирантов в области медицинских наук составила 12,1 % от общей численности аспирантов, а среди сельскохозяйственных специальностей – только 4,3 % (табл. 3).

За период с 2011 по 2018 г. численность аспирантов уменьшилась: в области естественных наук на 14,6 % (на 116 человек), технических наук – на 7,4 % (на 87 человек), сельскохозяйственных – на 35,9 % (на 128 человек). Положительные тенденции на первой ступени послевузовского образования наблюдаются только при подготовке специалистов высшей квалификации в области медицинских наук, которая выросла на 5,4 % (на 33 человека).

В настоящее время эффективность деятельности республиканской аспирантуры остается не очень высокой, несмотря на незначительные увеличения данного показателя по сравнению с 2011 г. (табл. 4). В 2018 г. доля лиц, защитивших диссертацию во время обучения в аспирантуре, в общей численности выпуска составила 10,7 % против 4,6 % в 2011 г. При этом повышение эффективности республиканской аспирантуры происходит за счет увеличения этого показателя в учреждениях образования. Среди выпускников аспирантур, завершивших обучение в 2018 г. с защитой диссертации (92 человека), 84,8 % (78 человек) составили выпускники учреждений образования, реализующих образовательную программу аспирантуры, и только 15,2 % (14 человек) – выпускники аспирантур научных организаций. Результативность деятельности организаций, реализующих образовательную программу аспирантуры, в 2018 г. была равна 8,0 %, а среди выпускников аспирантур учреждений образования, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации, доля выпускников, завершивших обучение с защитой диссертации, составила 11,5 %.

Продолжают наблюдаться негативные тенденции и в деятельности региональной аспирантуры (табл. 5). Всего по областям республики сокращение численности аспирантов составило 293 человека с 2011 г. (–19,6 %). Наиболее выражено сокращение численности аспирантов в организациях Минской и Могилевской областей (на 28,1 % и 47,0 % соответственно). В организациях, осуществляющих подготовку научных кадров высшей квалификации Брестской области, намечена положительная динамика. Численность аспирантов в этом регионе увеличилась на 5,4 %.

Таблица 3. **Динамика численности обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре) по отраслям науки в 2011–2018 гг., человек [2, с. 117]**

Отрасли науки	Численность обучающихся на конец года, человек								Изменение численности аспирантов с 2011 по 2018 г.	
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	человек	%
	Естественные науки									
Физико-математические	291	253	270	275	254	275	285	267	–24	–8,2
Химические	114	103	82	72	71	82	77	76	–38	–33,3
Биологические	318	284	280	228	244	243	229	232	–86	–27,0
Науки о Земле	71	74	90	75	75	91	92	103	+32	+45,1
Итого	*794*	*714*	*722*	*650*	*644*	*691*	*683*	*678*	–116	–14,6
	Технические науки									
Технические (в том числе строительство и архитектура)	*1179*	*1163*	*1123*	*996*	*1064*	*1074*	*1081*	*1092*	–87	–7,4
	Медицинские науки									
Медицинские (в том числе фармацевтические)	614	547	539	525	*523*	*549*	*591*	*647*	+33	+5,4
	Сельскохозяйственные науки									
Сельскохозяйственные (в том числе ветеринария и зоотехния)	*357*	*303*	*251*	*218*	*208*	*206*	*217*	*229*	–128	–35,9
	Общественные и гуманитарные науки									
Исторические и археология	251	241	228	176	172	174	199	215	–36	–14,3
Экономические	774	724	653	629	649	641	667	713	–61	–7,9
Философские	64	61	53	49	46	42	45	42	–22	–34,4
Филологические	394	372	394	365	344	340	337	335	–59	–15,0
Юридические	359	383	338	348	329	351	336	342	–17	–4,7
Педагогические	414	404	399	385	376	391	369	386	–28	–6,8
Искусствоведение	100	97	137	145	157	166	165	207	+107	+в 2 раза
Психологические	172	166	159	143	161	183	191	194	+22	+12,8
Социологические	54	59	83	55	51	62	51	52	–2	–3,7
Политология	51	46	44	40	45	53	55	53	+2	+3,9

Культурология	71	62	68	75	70	73	64	67	–4	–5,6
Итого	*2704*	*2615*	*2556*	*2410*	*2400*	*2476*	*2479*	*2606*	–98	–3,6
	Прочие науки									
Прочие	*131*	*114*	*74*	*101*	*93*	*94*	*98*	*105*	–26	–19,8
Итого по республике	**5779**	**5456**	**5265**	**4900**	**4932**	**5090**	**5149**	**5357**	–422	–7,3

Таблица 4. **Показатели эффективности деятельности аспирантуры в Республике Беларусь с 2011 по 2018 г. [2, с. 116]**

Показатели	Республика Беларусь				Научные и иные организации				Учреждения образования			
	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Выпуск, человек,	1099	1148	828	857	254	236	155	176	845	912	673	681
в том числе с защитой диссертации, человек	51	67	59	92	12	14	9	14	39	53	50	78
удельный вес с защитой от выпуска, %	4,6	5,8	7,1	10,7	4,7	5,9	5,8	8,0	4,6	5,8	7,4	11,5

Таблица 5. **Динамика численности обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре) в областях Беларуси и г. Минске в 2011–2017 гг., человек [4–6]**

Регион	2011 г.	2012 г.*	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменения с 2011 по 2017 г.	
								человек	%
Всего по республике, *из них*	**5779**	**5381**	**4990**	**4649**	**4657**	**4769**	**4769**	–1010	–17,5
Минск	4282	3994	3730	3491	3507	3582	3565	–717	–16,7
Всего по областям, *из них*	**1497**	**1387**	**1260**	**1158**	**1150**	**1187**	**1204**	–293	–19,6
Брестская	92	87	90	94	102	110	97	+5	+5,4
Витебская	336	317	288	247	252	261	279	–57	–17,0
Гомельская	302	268	256	250	256	281	301	–1	–0,3
Гродненская	319	287	274	261	246	253	262	–57	–17,9
Минская	146	135	107	98	96	101	105	–41	–28,1
Могилевская	302	293	245	208	198	181	160	–142	–47,0

* С 2012 г. данные представлены без учета иностранных граждан.

В решении задачи формирования оптимальной отраслевой и возрастной структуры докторов наук важная роль принадлежит республиканской докторантуре, которая призвана подготовить докторов наук по приоритетным направлениям научных исследований и обеспечить омоложение белорусской научной элиты.

Динамика основных показателей деятельности республиканской докторантуры за период 2008–2018 гг. представлена в табл. 6.

Таблица 6. **Динамика основных показателей деятельности республиканской докторантуры с 2008 по 2018 г. [1–3]**

Показатели	Годы										
	2008	2009	2010	2011*	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность обучающихся в докторантуре	124	110	98	220	218	242	282	352	432	503	572
Прием в докторантуру	34	42	28	65	76	87	105	117	152	142	153
Выпуск из докторантуры	53	53	33	58	65	44	51	42	53	60	69
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации, человек	4	0	2	9	4	0	9	6	4	16	6
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации, %	7,5	0,0	6,1	15,5	6,2	0,0	17,6	14,3	7,5	26,6	8,7

* В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании с 2011 г. в число докторантов включены лица, проходящие обучение в форме соискательства.

Как видно из данных табл. 6, в 2018 г. общая численность докторантов в целом по стране составила 572 человека. За рассматриваемый период общая численность докторантов выросла в 4,6 раза со 124 человек в 2008 г. Однако это увеличение произошло в основном за счет лиц, проходящих подготовку в форме соискательства, которых, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, начиная с 2011 г., стали считать полноценными докторантами. В частности, в 2016 г. на дневной докторантуре обучалось 114 человек, остальные докторанты (318 человек) проходили подготовку в форме соискательства [7, с. 171–173].

Соответственно, с 2008 по 2018 г. существенно выросли показатели приема в докторантуру (в 4,5 раза): с 34 человек в 2007 г. до 153 человек в 2017 г.

Однако, если рассматривать динамику деятельности докторантуры с 2011 г. после вступления в силу нового законодательного документа об образовании, внесшего коррективы в предоставление статистических данных о показателях деятельности республиканской докторантуры, численность обучающихся в докторантуре в 2018 г. выросла в 2,6 раза по сравнению с 2011 г. При этом увеличение показателя выпуска из докторантуры за рассматриваемый период существенно не произошло. В 2011 г. выпуск составил 58 человек, и в 2018 г. – 69 человек. Данный факт говорит о том, что наблюдается тенденция отчисления лиц, проходящих подготовку в докторантуре, во время периода обучения.

Следует отметить, что в докторантурах научных организаций республики в 2018 г. обучалось 147 человек, или 25,7 %; в учреждениях образования – 425 человек (74,3 %) (табл. 7). Это значит, что на науку работает только одна четверть республиканской докторантуры. И это при том обстоятельстве, что число научных организаций, реализующих образовательные программы докторантуры, немного больше количества учреждений образования этого направления – 36 научных организаций и 32 учреждения образования осуществляют подготовку кадров на второй ступени послевузовского образования. В этой связи стоит задача развития докторантуры в научных организациях НАН Беларуси, как основной республиканской структуры, сконцентрировавшей в себе значительную долю всего научного потенциала страны.

Результативность республиканской докторантуры на протяжении длительного периода оставалась крайне низкой. В 2018 г. заметно упали по сравнению с 2017 г. показатели эффективности деятельности докторантуры: из 69 выпускников докторантуры 6 человек, или 8,7 %, окончили докторантуру с защитой диссертации в срок обучения. Как уже говорилось выше, такие показатели эффективности докторантуры происходят за счет подготовки докторов наук в учреждениях образования, реализующих образовательные программы второй ступени послевузовского образования (табл. 7). Из 6 человек, окончивших докторантуру в 2018 г. с защитой диссертации, 66,7 % (4 человека) являются выпускниками докторантур высших учебных заведений.

Таблица 7. **Основные показатели деятельности докторантуры в Республике Беларусь с 2011 по 2018 г. [2, с. 120]**

Показатели	Республика Беларусь				Научные и иные организации				Учреждения образования			
	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
Число организаций, реализующих образовательные программы докторантуры, единиц	59	59	64	68	29	28	33	36	30	31	31	32
Численность обучающихся, человек	220	352	503	572	46	82	132	147	174	270	371	425
Прием, человек	65	117	142	153	12	27	35	41	53	90	107	112
Выпуск, человек,	58	42	60	69	16	12	15	23	42	30	45	46
в том числе с защитой диссертации, человек	9	6	16	6	2	1	2	2	7	5	14	4
удельный вес с защитой от выпуска, %	15,5	14,3	26,7	8,7	12,5	8,3	13,3	8,7	16,7	16,6	31,1	8,7

Анализ отраслевой структуры республиканской докторантуры показывает, что она не в полной мере отвечает задачам инновационного развития экономики (рис. 3). Так, в 2018 г. доля докторантов, проходящих подготовку в области общественных и гуманитарных наук, составила 43,4 % от общей численности докторантов (248 человек), при этом доля докторантов, проходящих подготовку в области общественных и гуманитарных наук, в 2018 г.

самая большая за рассматриваемый период. В области естественных наук – 11,7 % (67 человек); технических – 13,3 % (76 человек); медицинских – 25,2 % (144 человека); сельскохозяйственных – 5,2 % (30 человек). В целом отраслевая структура республиканской докторантуры с момента вступления в силу нового законодательного акта об образовании фактически не менялась, несмотря на все принимаемые меры, направленные на подготовку для инновационного развития экономики высококвалифицированных научных кадров.

Анализ региональной докторантуры также не радует своими показателями. Основным центром подготовки докторов наук является столица. Если в регионах в 2006 г. готовили ¼ часть всех докторантов, то в 2017 г. в областях республики проходят подготовку только 17,6 % докторантов. При этом в Брестской области с 2016 г. подготовку докторантов не осуществляют вообще. Региональная подготовка в докторантуре в основном сосредоточена в Витебской и Минской областях [6, с. 129].

Рассматривая подготовку кадров высшей квалификации в докторантуре, нельзя не обратить внимания и на возрастной состав обучающихся. Согласно статистических данных, в 2017 г. почти половина всех докторантов (46,7 %) находилась в возрастной категории 40–49 лет [6, с. 129]. Каждый четвертый докторант – старше 50 лет. Только 11,0 % обучающихся докторантов в возрасте до 35 лет, и 17,9 % находятся в возрастном диапазоне 35–39 лет. К сожалению, эта тенденция, связанная с низким показателем доли молодежи в общей численности докторантов, не меняется с 2008 г.

О трудностях, которые сложились в системе подготовки докторов и кандидатов наук в Республике Беларусь, говорит и тот факт, что с 2008 г. Высшая

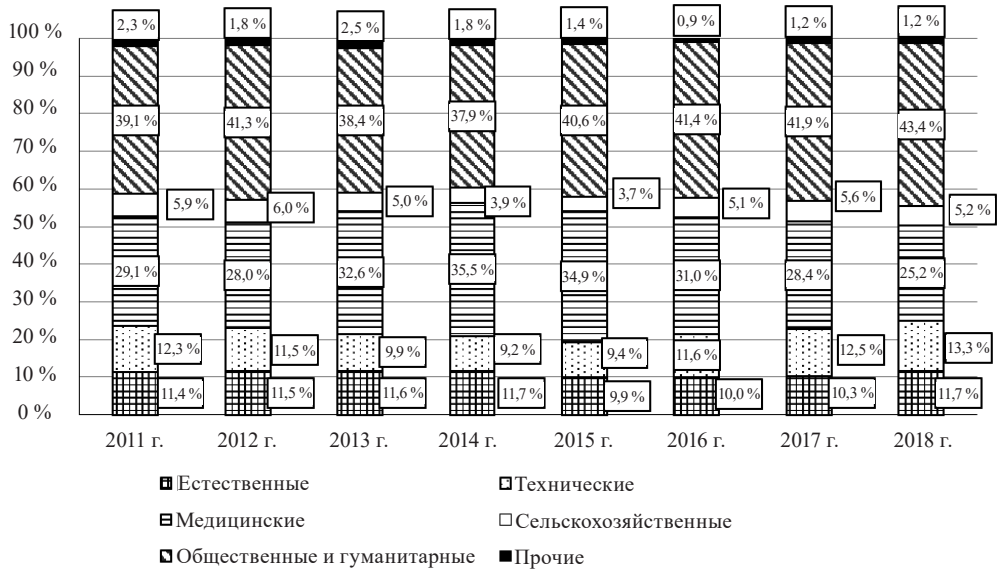


Рис. 3. Динамика отраслевой структуры республиканской докторантуры с 2011 по 2018 г.

аттестационная комиссия Республики Беларусь (ВАК) ежегодно утверждает в среднем 45 докторских диссертаций. В частности, в 2018 г. было утверждено 50 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и 489 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, что меньше на 6,0 % по сравнению с этим показателем в 2011 г. (520 соискателей получили степени кандидата наук) [2, с. 121]. Для сравнения: в 2005 г. ВАК было присуждено 116 степеней доктора наук и 661 степень кандидата наук [1, с. 61].

Высококвалифицированный кадровый потенциал белорусской науки является одним из основных ресурсов развития не только научной сферы, но и национальной инновационной системы. Быстрая смена технологических укладов, темпы развития всех секторов экономики и цифровизация общества диктуют необходимость быстрого реагирования во всем образовательном пространстве. Значимость послевузовского образования в цифровой экономике с последующим включением высококвалифицированных специалистов в экономическую сферу очень высока, поэтому и вытекают задачи, требующие скорейшего решения по совершенствованию республиканской системы подготовки научных кадров высшей квалификации с целью кардинального роста результативности послевузовской системы образования, повышения престижа и усиления мотивации научной деятельности.

Список использованных источников

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2010 года и за период 2006–2010 годов : аналит. доклад / под ред. И. В. Войтова. – Минск : БелИСА, 2011. – С. 48–55.

2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 [Электронный ресурс]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14636/. – Дата доступа: 18.10.2019.

3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2013 [Электронный ресурс]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_171/. – Дата доступа: 01.10.2018.

4. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2014 года : аналит. доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск : БелИСА, 2015. – С. 155–167.

5. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года : аналит. доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск : БелИСА, 2017. – С. 103–117.

6. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 года : аналит. доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск : БелИСА, 2018. – С. 119–131.

7. Образование в Республике Беларусь : стат. сб. [Электронный ресурс]. – Минск : Белстат, 2017. – С. 162–173. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/publikatsii_8/index_7499/. – Дата доступа: 18.09.2019.

Поступила 25.11.2019 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.33:321

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,

доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ ЭТИОЛОГИИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ – ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В статье в историко-социологическом дискурсе рассматриваются различные теоретико-методологические подходы исследования особенностей этиологии преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений. Обосновывается научная целесообразность использования социально-детерминационной методологии и авторской социологической теории деструктивной личностно-социальной интеракции, объясняющей закономерности генезиса и детерминации правонарушений. Осуществляется анализ национального криминологического законодательства и разработаны концептуальные основы эффективной социально-правовой системы предупреждения антиобщественных явлений в современном белорусском обществе.

Ключевые слова: антиобщественные явления, этиология антиобщественных явлений, социальная детерминация, деструктивная личностно-социальная интеракция, социально-правовая система предупреждения антиобщественных явлений.

N. A. BARANOVSKI,

Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF ETIOLOGY OF ANTI-PUBLIC PHENOMENA – THE BASIS OF AN EFFECTIVE SOCIAL AND LEGAL SYSTEM OF THEIR WARNINGS

Various theoretical and methodological approaches to the study of the etiology of crime, drunkenness, drug addiction and other antisocial phenomena are examined in the article in historical and sociological discourse. The scientific expediency of using the socio-determination methodology and the author's sociological theory of destructive personality-social interaction, which explains the genesis pattern and offenses' determination, is substantiated. National criminological legislation is analyzed and the conceptual foundations of an effective social and legal system for the prevention of antisocial phenomena in modern Belarusian society are developed.

Keywords: antisocial phenomena, etiology of antisocial phenomena, social determination, destructive personality-social interaction, social and legal system for the prevention of antisocial phenomena.

В дискурсе современной социологии к категории антиобщественных явлений (негативных социальных девиаций) относятся преступность, пьянство, наркомания и другие социальные явления, которые имеют массовое проявление и исторически длительное существование в социальном пространстве

и времени, причиняют личности, социальным общностям, институтам и обществу в целом большой физический, материальный и моральный ущерб, противоречат общепринятым нормам морали и права, осуждаются общественным мнением и влекут наступление различных мер социальной ответственности. Несмотря на различные формы проявления, негативные социальные девиации имеют общую антиобщественную сущность и единые закономерности происхождения, существования и развития, что обусловливает необходимость их теоретического и прикладного исследования в рамках социальной девиантологии – актуального и социально востребованного направления социологической науки. Важной особенностью современных социально-девиантологических исследований является использование междисциплинарного социологического, антропологического, культурологического и правового подхода к изучению антиобщественных явлений [1].

В современном белорусском обществе сохраняется высокий уровень преступности, пьянства, наркомании и других негативных социальных девиаций, которые препятствуют демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию страны. Проблема предупреждения и противодействия антиобщественным явлениям давно привлекала внимание криминологов, социологов, культурологов, педагогов, психологов и других исследователей. Эффективная система предупреждения антиобщественных явлений невозможна без научного знания этиологии негативных социальных девиаций – явлений и процессов, которые обусловливают их происхождение, детерминацию и развитие. В современных социогуманитарных науках разработано множество теорий этиологии преступности и других антиобщественных явлений. Однако среди исследователей отсутствует единство мнений, и проблема закономерностей этиологии преступности по-прежнему остается нерешенной и дискуссионной, что обусловливает актуальность и социальную значимость современных научных исследований этих проблем, которые имеют междисциплинарный характер и находятся на стыке социологии, культурологии, правоведения и психологии.

Изучение исторической эволюции социальных теорий этиологии преступности и других антиобщественных явлений свидетельствует, что в социогуманитарных науках прослеживается тенденция периодического обновления и сосуществования различных научных направлений и теоретических парадигм: нормативно-правовой; антропологической; социологической; междисциплинарной.

В XVIII столетии известные юристы Ч. Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» (1764) и И. Бентам («Основные начала уголовного кодекса», 1780) заложили основы *нормативно-правового научного подхода* к исследованию сущности преступности и других правонарушений, их причин и оснований уголовной ответственности. Согласно их трактовки, человек – разумный индивид, обладающий способностью осознавать характер своих деяний, предвидеть их последствия и наделенный свободой воли – сознатель-

ного выбора того или иного варианта поведения. Преступление и другое правонарушение, с данной точки зрения, являются результатом сознательного выбора, критерием которого выступают польза и выгода от поведения в сравнении с возможными издержками, включая уголовное и другое наказание.

Одновременно с данными суждениями в юриспруденции получило развитие и другое научное направление – *антропологическое.* Его главный постулат: первопричины преступлений лежат в самом человеке, в его биогенетических, антропологических, психологических и других особенностях. Основателями данного направления считаются Йозеф Галль, который полагал, что в мозгу человека заложено 27 человеческих способностей, в том числе имеются и сферы, побуждающие его к убийству, кражам; Э. Кречмер в работе «Строение тела и характер» обосновал взаимосвязь между типом строения тела, темпераментом, характером и поведением, в том числе и противоправным. Самый знаменитый среди исследователей преступников этого времени – Ч. Ломброзо в работе «Преступный человек» (1863) утверждал, что преступное поведение – естественное биологическое явление, обусловленное физическими и психическими особенностями лица, его совершившего. Преступниками люди не становятся, а рождаются. Преступники – особый антропологический тип. Примерно 40 % всех преступников – это «прирожденные преступники» (остальные – «привычные», «по страсти» и «случайные» – примерно по 20 %). Преступный человек – это индивид, который сохранил атавистические черты доисторических людей, свойственную им жестокость и отсутствие моральных чувств. В XX столетии в контексте антропологического направления появились генетические концепции: умственной отсталости (дебильности) преступников; хромосомная теория – наличие дополнительной хромосомы типа Y; наследуемого «гена преступности» и т. д.

В последнее время получило развитие такое научное направление, как социобиология, которая исходит из приоритета в системе детерминации поведения человека генетической предрасположенности в сочетании с влиянием факторов культурной и социальной среды. Среди представителей этого направления можно назвать К. Лоренца, автора книг «Агрессия (так называемое “Зло”)» (1963) и «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (1973). По его мнению, эмоции и поступки человека, в том числе и агрессивное поведение, в огромной мере обусловлены генетической программой, унаследованной от высших приматов. Однако исток генезиса агрессивного поведения он видит не просто в неудовлетворенности витальных потребностей, а в конфликте витальных потребностей со стремлением доминировать в обществе и возникающей в связи с этим психической напряженностью, которая прорывается в агрессивных формах поведения. Теория социального характера и человеческой деструктивности Э. Фромма также имеет социобиологический характер («Анатомия человеческой деструктивности», 1975). Социальный характер личности, по его мнению, формируется на базе природных задатков и потребностей человека во взаимодействии с окружающей социальной

и культурной средой. Выделенным им трем типам общества (недеструктивному, но агрессивному обществу; деструктивному обществу; жизнеутверждающему обществу) соответствуют различные типы социального характера (мазохистский, агрессивный, конформистский, корыстный, потребительский, индивидуалистический, психопатический, коллективистский и другие), которые формируются на базе природных потребностей человека под воздействием социума и его культуры. И как результат доминирования того или иного типа социального характера и человеческой деструктивности – различные формы поведения и образа жизни, включая и совершение преступлений и других правонарушений [2].

Существует множество теорий в рамках психологического исследования противоправного поведения. Психологи источник преступного и другого антиобщественного поведения видят в состоянии стресса и фрустрации, обусловленными внешними обстоятельствами или внутренними психическими состояниями. Основополагающей концепцией личностной психологической модели преступного поведения является теория социопсихогенетического конфликта З. Фрейда. Он полагал, что в основе поведения лежат врожденные инстинкты и потребности человека. Ведущее место среди них занимают потребности в любви (либидо) и в смерти (разрушении). Свободному удовлетворению природных потребностей человека препятствуют культурные традиции, обычаи и нормы. Поэтому человек находится в состоянии конфликта с обществом. Возникшее состояние фрустрации (психологической напряженности), происходящее из внутриличностного конфликта между подсознанием и надсознанием, ставит человека перед выбором: а) преодолеть запреты и нарушить социокультурные нормы; б) компенсировать неудовлетворенные влечения чем-то другим; в) сублимировать (реально или психологически обеспечить их замещение); г) подавить инстинкты. В процессе жизненного опыта у человека закрепляется тот или иной стереотип реагирования на фрустрационную ситуацию, и на этой основе формируются другие, в том числе и антисоциальные потребности: в насилии, в корысти, в алкоголе и т. д. Таким образом, З. Фрейд, изначально противопоставляя природную и социальную сущность человека, ставит человека в конфликтные отношения с самим собой и с обществом и, тем самым, как бы отделяет его от общества, абсолютизируя природное начало в человеке [3]. Английский криминолог Э. Гловер утверждал, что преступность – цена приручения обществом дикого от природы зверя, один из результатов конфликта между примитивными инстинктами человека и альтруистическим кодексом, установленным обществом. Американский криминолог Д. Абрахамсон вывел формулу преступления: преступление = преступные устремления, заложенные в подсознании + криминогенная ситуация: контролирующие способности «сверх-Я» (надсознания) [4].

В центре внимания социально-психологического подхода к исследованию противоправного поведения лежат межличностные и межгрупповые социальные отношения и взаимодействия, процессы адаптации и социализации

личности, привычки и социальные стереотипы поведения. Примером может служить теория дифференцированной связи и культурной трансмиссии Э. Сазерленда. По его мнению, основной причиной преступности является социальная дезорганизация, возникающая в результате социальных процессов мобильности, конкуренции и конфликтов. Социальная дезорганизация ведет к формированию различных субкультур, конфликту ценностей и норм. Личность, взаимодействуя с другими людьми, представляющими различные культуры, в том числе и преступную субкультуру, усваивает их ценности, стандарты и модели поведения. При этом чем более множественны, интенсивны и устойчивы эти связи, тем больше вероятность того, что индивид станет правонарушителем. Таким образом, преступному и другому противоправному поведению учатся, взаимодействуя и общаясь с другими людьми в малых социальных группах, в которых доминируют антисоциальные ценности и соответствующий образ жизни [4].

К социально-психологической группе криминологических теорий относится и теория преступной карьеры, согласно которой индивид постепенно эволюционирует в сторону аморального и затем преступного поведения, начиная, как правило, с асоциальных девиаций в семье, школе, в компаниях на улице и, наконец, в преступных группах и сообществах. Большой популярностью, особенно при объяснении правонарушений несовершеннолетних и профессиональной преступности, пользуется теория стигматизации (концепция «драматизации зла» Ф. Таненбаума, социальной идентичности И. Гофмана, вторичной девиации Э. Лемерта, «этикетирования» Г. Беккера). Согласно этой теории, преступность – в значительной степени результат негативной социальной оценки личности, которой общественным мнением посредством системы уголовной юстиции присваивается статус преступника. Под влиянием этого фактора личность идентифицирует себя с образом преступника и реализует данный стереотип в своем образе жизни в социуме.

Впервые преступность стала предметом *социологического анализа* в начале XIX в. в работах А. Ж. Кетле. На основе изучения демографической и уголовной статистики он сделал вывод о том, что преступность – это социальное явление, которое подчиняется статистическим закономерностям, и ее существование обусловлено другими социальными явлениями и процессами. «Общество, – писал он, – заключает в себе зародыш всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются и условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок преступников, которые являются как необходимое следствие его организации». А. Ж. Кетле проанализировал влияние на преступность возраста, пола, профессии, образования, климата и других условий, которые он исследовал как самостоятельные, не взаимосвязанные между собой, факторы [5].

В контексте социологического анализа этиологии преступности и механистического социального детерминизма Г. Тард («Преступность и уголовная репрессия», 1886; «Преступник и преступление»; «Сравнительная преступность» и др.) полагал, что преступность является следствием социальной деградации и вырождения. Французский криминолог А. Лакассань образно утверждал, что каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает.

Основоположниками социально-структурного и социально-функционального подходов социологического исследования преступности следует считать К. Маркса и Э. Дюркгейма. В частности, французский социолог Э. Дюркгейм полагал, что общество возникло в процессе общественного разделения труда и последующего взаимодействия индивидов. Вся совокупность человеческих деятельностей – это социальный факт, который можно объяснить только другими социальными явлениями. Причину социального поведения, по его мнению, нужно искать не в состояниях индивидуального сознания, а в природе общественной психической индивидуальности (общественном сознании и психике), закрепленной в культурных ценностях и нормах (культурной структуре), которые в свою очередь производны от социальных условий жизни (социальной структуры). Дезорганизация социальной жизни (деформация или дисфункциональность социальной среды – общностей, социальных институтов, социальных групп) порождает социокультурную аномию (культурный хаос, безнормативность, конфликты), которая обусловливает деформацию личности, нарушение единства и связей с социальной и культурной средой, и соответственно приводит к преступному и другому противоправному поведению [6].

В последующем американский социолог Р. Мертон («Социальная структура и аномия (1938) и «Социальная теория и социальная структура» (1957) конкретизировал процесс формирования криминогенной социокультурной аномии путем установления в социуме расхождения между культурными ценностями, жизненными целями и социальными средствами их достижения, которое негативно влияет на социализацию и социальное поведение личности [7].

В своей социологической теории К. Маркс исходил из того, что в основе развития общества лежит не деятельность людей, а способ производства материальных благ, включающий единство производительных сил и производственных отношений. Определяющим фактором характера производственных отношений являются отношения собственности на средства производства, обусловливающие социально-классовую структуру общества. Наличие частной собственности на средства производства, разделение общества на антагонистические классы, эксплуатация одного класса другим, социальные противоречия и конфликты между ними порождают соответствующие социокультурные и ценностно-нормативные различия, противоречия и антагонизмы между классами, социальными группами и личностями, что, в конечном счете, и является социальными причинами преступности и других правонарушений.

Марксистские идеи во второй половине XX в. получили свое развитие в рамках так называемой «радикальной» криминологии. По мнению представителей данного направления, преступность – симптом болезни общества. Правонарушитель рассматривается как двойная жертва – общества и уголовной юстиции. Противодействие преступности требует воздействия не только на причины, условия и факторы преступности и применения полицейских, пенитенциарных и тому подобных традиционных мер, но и радикального вмешательства – глубоких социальных реформ, кардинальных преобразований в области социального обеспечения, организации трудовой занятости, здравоохранения, образования, жилищно-коммунальной сферы и т. д.

В конце XX столетия в рамках феноменологической социальной парадигмы сформировалось направление, согласно которому преступность и другие социальные девиации имеют конвенциальный характер происхождения, существования и развития (П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш и др.). С их точки зрения, отклонение – качество, не внутренне присущее тому или иному действию, а следствие соотнесения действий с правилами и применением санкций к нарушителю. Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей. С точки зрения «культуральной» криминологии (Д. Гарланд, Дж. Янг, Дж. Феррел, К. Хейворд и др.), преступность и контроль над ней рассматриваются в контексте культуры, дифференциации людей на «включенных» в культуру и «исключенных» из нее [8].

В XX в. появились теории *междисциплинарного социологического, антропологического и правового характера.* В этой связи следует назвать итальянского криминолога Э. Ферри, который в 1925 г. написал книгу «Уголовная социология». По его мнению, уголовная социология – синтезированная наука, опирающаяся на антропологию, психологию, уголовную статистику, уголовное право и тюрьмоведение. Преступление – результат комплексного влияния антропологических, физических и социальных факторов. При этом главная роль, по его мнению, принадлежит социальным факторам (условиям семейной и общественной жизни). Основная задача в борьбе с преступностью – не усиление и поиск новых наказаний, а нейтрализация причин преступности, общественная терапия преступности путем развития общественного организма и индивидуальной терапии преступников.

В основе вышеперечисленных социальных теорий этиологии преступности и других антиобщественных явлений лежат методологические принципы факторного, причинного или детерминационного анализа взаимосвязи антропологических, социальных, культурных, правовых и других явлений и процессов с социальными девиациями, существующие как на уровне массовых, так и индивидуальных их проявлений [9]. Во второй половине прошлого столетия, в связи с развитием в социальной философии системной и синергетической макротеоретической методологии, начался процесс критической оценки

и переосмысления парадигм факторного, причинного и детерминационного анализа этиологии преступности и других правонарушений. Прежде всего, были высказаны критические замечания в отношении так называемого «факторного подхода», который исходит из оценки преступности и других антиобщественных явлений как закономерного феномена, обусловленного множеством факторов социального, личностного и природного характера, которые влияют на их возникновение и развитие. При этом установление собственно причин преступлений и других социальных девиаций, то есть явлений, непосредственно их порождающих, считалось невозможным в связи с тем, что в массовых социальных явлениях, таких как преступность и другие правонарушения, имеет место воздействие большого количества качественно разнородных взаимодействующих явлений и процессов, и чрезвычайно велика роль случайности. Факторный подход в исследовании этиологии преступности и других антиобщественных явлений, по оценкам современных ученых, является слишком абстрактным, многоликим и неопределенным, безгранично расширяющим научное познание социального и природного мира и фактически игнорирующим всеобщность и универсальность принципа причинности и закономерной необходимости всех природных и социальных явлений (как единичных, так и массовых). В связи с этим следует полагать, что такой методологический подход не может в полной мере удовлетворять научные интересы в области исследования этиологии преступности и других антиобщественных явлений.

«Причинный подход», для которого характерно стремление однозначно определить явления и процессы, непосредственно порождающие преступность и другие антиобщественные явления, также имеет ряд недостатков. В частности, игнорируется косвенное и опосредованное детерминирующее влияние на антиобщественные явления множества других социальных, личностных и природных обстоятельств и процессов, которые не обусловливают, а только влияют или способствуют совершению правонарушений. При таком подходе причинно-следственным связям фактически придается характер фатальной неизбежности, что в социальной жизни, где действуют люди, наделенные сознанием, эмоциями и свободой воли, а также применительно к массовым социальным явлениям, таким как преступность, пьянство, наркомания и другие, является ошибочным с позиций современной социальной философии. Причинный анализ, приемлемый для уголовного права, которое изучает конкретные преступления и меры ответственности за них, является недостаточным для других социогуманитарных наук, исследующих генезис и детерминацию не только конкретных преступлений, но и закономерности этиологии преступности и других антиобщественных явлений в целом, как массовых негативных социальных девиаций.

В современной социологии и криминологии доминирует «детерминационный подход», который исходит из широкой философской трактовки принципа детерминизма как всеобщей формы взаимосвязи, взаимовлияния

и взаимодействия всех явлений природного и социального мира. При этом учитывается специфика детерминации, проявляющейся в социальной жизни, где причинно-следственные связи имеют не фатально-функциональный характер (как в природном мире), а характер «вероятностной необходимости», обусловленной «человеческим фактором». Преступность и другие антиобщественные проявления по своей сущности относятся к негативным социальным явлениям (социальным девиациям). Следовательно, при объяснении закономерностей их происхождения и развития необходимо исходить из принципа социального детерминизма. Однако данный принцип нельзя трактовать механистически и прямолинейно – полагать, что первопричины преступности и других антиобщественных явлений лежат в обществе (экономике, политике, социальной сфере и культуре), которое воздействует на личность и предопределяет ее антисоциальное поведение. Полагаем, что социальное не вытесняет биологическое из личности, а только его социализирует, придавая личности, как социальному субъекту, качественно новую интегральную социоантропокультурную сущность. Личность нельзя отделять от общества, она – часть социума. Вместе с тем личность является самостоятельным социальным субъектом, она имеет потребности и задатки не только к физиологической и психической, но и социальной и культурной деятельности. Испытывая в процессе социализации влияние общества, личность также воздействует на социум, активно с ним взаимодействует на всех социальных уровнях (макро-, мезо-, микросоциальном, ситуативном, личностно-групповом и межличностном), а также во всех сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре и социальной области). При этом разнообразные и многогранные отношения и взаимодействия личности и социума являются главной системообразующей структурой, влияющей на социальное поведение и развитие личности.

Социальная детерминация преступности и других антиобщественных явлений охватывает не только действие причин, но также и факторов и условий, которые в совокупности образуют сложноструктурированную систему детерминант. Причинность – основа многогранного и поликомпонентного процесса детерминации. Следовательно, социологическое исследование этиологии преступности и других антиобщественных явлений нельзя ограничивать установлением только их причин и условий, оно должно выявлять также факторы – явления, выступающие в качестве благоприятной почвы формирования и действия причин и условий. Это связано с тем, что в системе и механизме детерминации антиобщественных явлений факторы, причины и условия тесно и органично взаимосвязаны друг с другом. Они могут переходить из одного качества в другое в зависимости от личностных, ситуативных и других обстоятельств. Факторы, причины и условия, детерминирующие антиобщественные явления, выполняют следующие функции: *факторы* – влияют на происхождение и развитие антиобщественных явлений, выступая в качестве благоприятной почвы формирования и действия ее непосредственных причин и условий; *причины* – обусловливают (порождают) их совершение; *усло-*

вия – способствуют формированию и действию факторов и причин антиобщественных явлений. В системе детерминации антиобщественных явлений факторы обладают следующими свойствами: масштабностью, многоплановостью, временной длительностью, противоречивостью и опосредованностью влияния. Причинам присущи свойства: конкретность, ситуативность, тесная взаимосвязь с условиями, непосредственность и результативность действия. Особенности условий состоят во множественности, разнородности (личностной, природной и социальной), тесной взаимосвязи с причинами и факторами, а также в ситуативности их существования. С учетом сложности процесса детерминации антиобщественных явлений важной задачей исследователя является не только установление всех детерминант, которые функционируют на антропологическом, психологическом, культурном, социальном и экономическом уровнях, но также выявление механизмов и типов их взаимодействия с выделением ее главных системообразующих элементов – причин, их обусловливающих (порождающих).

Рассмотрение структуры системы детерминации антиобщественных явлений в рамках онтологического подхода позволяет целостно зафиксировать в статике все ее структурные компоненты: социальные, антропологические и социокультурные. В динамическом аспекте система детерминации выступает как механизм генезиса и развития антиобщественных явлений, в котором одни явления и процессы (причины) обусловливают и порождают другие явления и процессы. Остальные ее элементы находятся с антиобщественными проявлениями в состоянии опосредования (как условий, способствующих реализации причин) либо влияния (факторы, оказывающие на них влияние). Таким образом, механизм детерминации антиобщественных явлений включает два процесса: обусловливания и причинения (действие причин), а также процесс опосредования и влияния (действие факторов и условий). Оба эти процесса взаимосвязаны друг с другом и составляют содержание единого механизма социоантропокультурной детерминации антиобщественных явлений. Таким образом, детерминация антиобщественных явлений – это процесс функционирования сложноструктурированной системы демографических, экономических, социальных, культурных, нравственных, правовых, личностных и природных детерминант (факторов, причин и условий), которые во взаимодействии влияют, способствуют и обусловливают их происхождение, существование и развитие [10].

Предлагаем авторскую социологическую теорию этиологии антиобщественных явлений – *теорию деструктивной личностно-социальной интеракции (взаимодействия).* В качестве теоретической парадигмы данной социальной теории выступает междисциплинарный системный социально-детерминационный анализ этиологии антиобщественных явлений (негативных социальных девиаций). Философской методологической основой является материализм и социальный детерминизм, которые рассматриваются с позиций социологии личности и личностно-социальной интеракции (взаимодействия).

За первооснову социологического исследования этиологии антиобщественных явлений берется не общество (экономика, социальная структура, культура, право или другие компоненты социума), а личность, которая рассматривается в качестве главного структурного элемента общества, а также система личностно-социальных взаимодействий. Изучение личностно-социальных взаимодействий не ограничивается межличностными и личностно-групповыми отношениями, а они рассматриваются на всех уровнях и во всех сферах социальной жизни. Это обусловлено тем, что общество в целом и все его структуры и институты существуют и развиваются только благодаря личности и через ее социальную деятельность. Личность и общество образуют единое системно-интегральное целое. Личность активно взаимодействует на макро-, мезо-, микро-, ситуативном, групповом и межличностном уровнях с экономической, политической, социальной и культурной структурами социума, испытывая на себе их влияние и оказывая на них воздействие. При этом именно личностно-социальное взаимодействие (интеракция), в котором реализуются сущностные и предметно-содержательные характеристики личности (система качеств, свойств и процессов, а также образ жизни) и общества (система социальных структур, институтов, субъектов, отношений и процессов) является главным первоисточником сложного процесса социобиокультурной детерминации антиобщественных явлений. В отличие от таких явлений и процессов, как социальная интеграция и дезинтеграция, адаптация и дезадаптация, социокультурная солидарность и аномия, социализация и десоциализация, социальная организация и дезорганизация, которые активно используются социологами и криминологами для объяснения этиологии преступности и других антиобщественных явлений, по нашему мнению, социальная категория «личностно-социальная интеракция (взаимодействие)» в наибольшей степени выражает системное единство личности и общества, сохраняя их самостоятельную субъектность и обеспечивая социальную активность и развитие личности и социума как в позитивном, так и в негативном направлении.

Личностно-социальное взаимодействие (интеракция), рассматриваемое в конкретном социально-историческом времени и пространстве страны, осуществляется во всех сферах социальной жизни: экономике, политике, социальной сфере и культуре. Оно реализуется на макро-, мезо-, микросоциальном, социально-ситуативном, личностно-групповом, межличностном и индивидуальном уровнях. Макросоциальный уровень отражает характер и особенности цивилизации, тип общества, уровень экономического, политического, социального и культурного развития, а также качество жизни. Мезосоциальный уровень общества – социально-классовая структура и другая социальная стратификация, социальные институты (государство, гражданское общество, культура, мораль, право, религия, нации и др.) и соответствующие социальные процессы. Микросоциальный уровень – социальные общности и институты (семья, образование, здравоохранение, трудовые коллективы, поселен-

ческие общности и др.). Индивидуальный уровень охватывает личностные задатки, свойства и качества личности. В контексте детерминации антиобщественных явлений *особенно значимы следующие характеристики социума*:

в сфере экономики – уровень экономического развития, формы собственности, социально-классовая структура, степень экономического неравенства, уровень жизни и др.;

в сфере политики – тип государственного устройства и управления, уровень развития демократии и гражданского общества, авторитет и доверие населения к органам государственной власти, уровень бюрократизации и коррупции в системе государственной власти и правосудия и др.;

в социальной сфере – уровень материальной обеспеченности и дифференциации, качество жизни, доступность образования, здравоохранения и социальной защиты, жилищно-бытовые условия, уровень бедности, пьянства, наркомании, преступности и др.;

в сфере культуры – уровень развития образования, нравственно-правовой и общей культуры, степень культурного единства и неравенства, досуговые интересы, наличие асоциальных субкультур и др.

Наиболее значимыми в системе детерминации антиобщественных явлений *характеристиками личности* являются: демографические (пол, возраст и др.), социальный и профессиональный статус, культурные потребности, интересы, ценности и мировоззрение, психологические и биогенетические особенности, образ жизни.

Личностно-социальная интеракция по своему характеру и соответствию интересам личности и общества, а также социальным нормам *может быть двух типов*:

гармоничная и социально-позитивная (оптимальная и соответствующая уровню развития и основным потребностям и интересам личности и социума, а также нормам морали и права);

деструктивная и антисоциальная (дисгармоничная, противоречивая и конфликтная, препятствующая развитию личности и общества, а также не соответствующая нормам морали и права).

В зависимости от характеристики: а) личности – по критериям оптимальной структурированности и уровня социального и культурно-нравственного развития; б) общества – по степени организованности и уровня экономического, социального и культурного развития; в) личностно-социальной интеракции (взаимодействия) – по гармоничности или деструктивности, а также соответствия интересам личности и общества, нормам морали и права – возможны *три модели деструктивной личностно-социальной интеракции и детерминации антиобщественных явлений*:

когда деформированная и неразвитая личность деструктивно взаимодействует с дезорганизованной и неразвитой социальной средой;

когда деформированная и неразвитая личность деструктивно взаимодействует с организованной и развитой социальной средой;

когда социально-положительная и развитая личность деструктивно взаимодействует с дезорганизованной и неразвитой социальной средой.

Как видим, во всех трех моделях детерминации антиобщественных явлений имеет место деструктивное личностно-социальное взаимодействие (интеракция), которое и является главным системообразующим структурным элементом системы социоантропокультурной детерминации антиобщественных явлений.

Процесс детерминации антиобщественных явлений объективируется в форме конкретных детерминант (факторов, причин и условий). Все многочисленные и разнородные *детерминанты антиобщественных явлений* в научных и социально-практических целях *можно дифференцировать по следующим группам*:

макросоциальные детерминанты экономического, политического, социального и культурного характера;

мезосоциальные детерминанты экономического, политического, социального и культурного характера;

микросоциальные детерминанты экономического, политического, социального и культурного характера;

социально-ситуативные детерминанты экономического, политического, социального и культурного характера;

личностно-социальные деструктивно-интеракционные детерминанты экономического, политического, социального и культурного характера;

личностно-девиантные детерминанты;

личностно-виктимные детерминанты.

Таким образом, конкретные детерминанты антиобщественных явлений могут находиться (отдельно или в сочетаниях): 1) в структурах и процессах дезорганизованного и неразвитого общества, на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и в различных сферах социальной жизни; 2) в обстоятельствах конкретных социальных ситуаций различных сфер социальной жизни; в) в деформированной и неразвитой личности девианта и особенностях его образа жизни; 3) в деформированной и неразвитой личности жертвы антиобщественного поведения и особенностях ее образа жизни; 4) в деструктивной личностно-социальной интеракции (взаимодействии) девианта и социума на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и в различных сферах социальной жизни.

В зависимости от доминирования в системе детерминации преступности и других правонарушений какой-либо группы конкретных детерминант различаются *пять типов детерминации антиобщественных явлений*:

социальная (когда преобладает влияние социальных явлений и процессов макро-, мезо-, микроуровней в различных сферах социальной жизни;

ситуативная (когда доминирует влияние обстоятельств конкретной ситуации в различных сферах социальной жизни);

деструктивно-интеракционная (когда доминирует влияние деструктивной интеракции личности преступника и социальной среды);

личностно-девиантная (когда преобладает влияние деформированной и неразвитой личности девианта и его асоциального образа жизни);

личностно-виктимная (когда преобладает влияние деформированной и неразвитой личности жертвы антиобщественного поведения и ее образа жизни).

Таким образом, теоретико-методологические принципы системного социально-детерминационного анализа и теория деструктивной личностно-социальной интеракции могут служить основой для теоретико-прикладных социологических исследований закономерностей и особенностей этиологии преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений [10].

Мониторинговые социологические исследования особенностей этиологии антиобщественных явлений, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в последние два десятилетия с использованием социально-детерминационной методологии и теории деструктивной личностно-социальной интеракции, свидетельствуют, что основные причины преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений в современном белорусском обществе лежат преимущественно в сфере деструктивных экономических, социальных и культурных отношений, как на макро- и микросоциальном, так и ситуационном и личностном уровнях. Их существование связано с недостаточным развитием и дезорганизацией экономической, социальной и культурной среды, а также с невысоким уровнем развития и деформациями в общественной, социально-групповой и индивидуальной культуре, психологии и образе жизни значительной части населения. В условиях транзитивного периода в развитии белорусского общества имеет место высокий уровень деформации, хаотичности неопределенности и системной трансформации нравственных принципов и ценностей в сторону материального благополучия, прагматизма, эгоизма, индивидуализма, соперничества и агрессивности. Негативное влияние на распространенность антиобщественных явлений оказывает также несовершенство национального уголовного, криминологического и виктимологического законодательства, недостаточная эффективность работы правоохранительных и других государственных органов, общественных объединений и граждан по предупреждению и противодействию негативным социальным девиациям.

Изучение национального законодательства и социальной практики предупреждения и противодействия преступности и другим антиобщественным явлениям свидетельствует, что они не имеют в должной степени системного и предметно-целевого характера, в полной мере учитывающего весь комплекс факторов, причин и условий социоантропокультурного характера, детерминирующих негативные социальные девиации в современном белорусском обществе.

Базовым нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность по предупреждению правонарушений, является новый Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который был принят 4 января 2014 г. и заменил утративший юридическую силу законо-

дательный акт от 10 ноября 2008 года. Принятие новой редакции закона было связано с актуальной социально-практической потребностью в совершенствовании и модернизации национального криминологического законодательства с учетом современных реалий развития белорусского общества и научных достижений криминологии. По сравнению с предыдущим нормативно-правовым актом, в Законе от 4 января 2014 г. предлагается определение новых понятий: «социальная адаптация», «социальная реабилитация», «профилактический учет». Закрепляется новая мера индивидуальной профилактики – «защитное предписание». Детализируется процедура проведения профилактической беседы, предусмотрено обязательное регулярное участие граждан, находящихся на профилактическом учете, в групповых профилактических мероприятиях, изменены основания постановки и снятия с профилактического учета и многое другое. Вместе с тем новый Закон имеет преимущественно организационный и технологически-инструментальный, а не основополагающий, характер, который должен быть присущ базовому криминологическому закону, системно интегрирующему основные принципы, субъекты, направления и меры профилактики правонарушений. В нем практически отсутствуют:

теоретико-концептуальная криминологическая основа сложной и многоплановой социально-правовой деятельности правоохранительных и других государственных органов, общественных организаций и граждан по предупреждению правонарушений;

профилактика правонарушений рассматривается автономно и изолированно от общей системы антидевиантной политики, неотъемлемой и приоритетной частью которой она является;

определение на концептуальном и социально-практическом уровнях стратегии предупреждения и борьбы с преступностью и другими правонарушениями. Не сделан выбор между двумя практикующимися в различных странах мира современными криминологическими стратегиями: социально-правового контроля преступности и других правонарушений и стратегией комплексного экономического, социального, культурного, психологического и правового предупреждения и противодействия правонарушениям;

в содержании и в «духе закона» отсутствует четко обозначенная теория этиологии преступности и других правонарушений. Однако, понятно, что без научного понимания и определения перечня основных криминогенных социальных сфер, а также конкретных причин и условий совершения правонарушений практически невозможно эффективно осуществлять деятельность по их выявлению и устранению, то есть системно, предметно и целенаправленно осуществлять профилактику правонарушений, тем самым обеспечить устойчивое снижение уровня преступности и укрепление правопорядка в стране;

Закон плохо структурирован и не отличается необходимой и достаточной полнотой и системностью (в нем практически отсутствует преамбула с указанием сущности, целей, социально-правового статуса и теоретико-концептуальной основы предупреждения правонарушений; неполно и недостаточно

научно сформулированы используемые основные понятия и категории – отсутствуют такие важные криминологические понятия, как «система профилактики правонарушений», «профилактика правонарушений», определение сущности, целей, задач, функций и форм профилактики правонарушений; не раскрыта сущность, содержание и порядок проведения криминологической экспертизы проектов законов, действующего законодательства и других криминологически значимых социально-правовых явлений и процессов);

используемое в Законе определение профилактики правонарушений в значительной степени лишено предметно-целевого содержания, а сведено просто к «системе социальных, правовых и иных мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, принимаемых государственными органами (организациями), иными организациями и гражданами…». В дефиниции профилактики правонарушений обязательно должно быть указано, что это не только система мер, а главное – комплексная социальная, культурная, правовая и иная деятельность, направленная на выявление и устранение социальных, личностных и ситуативных причин и условий совершения преступлений и других правонарушений, связанных как с деформацией личности и образа жизни правонарушителей и жертв правонарушений (потенциальных, реальных и ранее совершивших), так и криминогенными явлениями и процессами микро- и макросоциальной и культурной среды их формирования и развития, а также деструктивным характером взаимодействия личности, социальных групп и общества. Необходимо указать в Законе на важность наличия в системе профилактики правонарушений деятельности по развитию позитивных нравственных и культурно-поведенческих начал в социуме и личности как атрибутивных условий законопослушного образа жизни и поддержания правопорядка в обществе;

определение профилактики правонарушений имеет необоснованно узкий криминологический характер. В частности, в системе деятельности по профилактике правонарушений полностью отсутствует упоминание такой важной ее составной части и направления работы, как виктимологическая профилактика, связанная с выявлением и устранением причин и условий противоправной виктимизации граждан, защитой прав и интересов жертв правонарушений. Вместе с тем давно общепринятым является признание важности и целесообразности в системе профилактики правонарушений осуществления превентивной работы с потенциальными и реальными жертвами правонарушений. Ничего не упоминается о превентивных функциях уголовного закона, практики применения уголовного законодательства и исполнения наказания. Недостаточно обращается внимания на необходимость и важность общей социальной и культурной антикриминальной политики, направленной на совершенствование и позитивное развитие общества, которые объективно уменьшают криминогенный потенциал социума. Мало внимания уделяется социальной помощи и социально-реабилитационной профилактической работе с криминогенными личностями, а также группами криминального и виктимного риска;

отсутствуют важные разделы: система управления и взаимодействия субъектов профилактики; система криминологического мониторинга криминальной ситуации, причин и условий совершения правонарушений и эффективности профилактической работы; система информационно-статистического, научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения профилактики правонарушений.

Следует не согласиться с использованием в Законе термина «профилактика» вместо понятия «предупреждение», которое традиционно используется в мировой криминологии. Наиболее традиционным для отечественной криминологии является термин «предупреждение», который имеет широкое смысловое содержание и больше подходит для обозначения социально-правовой деятельности, направленной на выявление и устранение всего комплекса причин и условий совершения правонарушений, имеющих как личностный, так и социальный характер.

В Законе выделены только два вида мер профилактики правонарушений: общая профилактика и индивидуальная профилактика. В отечественной науке криминологии общепризнанным является выделение в самостоятельный вид профилактической деятельности также мер специальной профилактики преступлений, которые ориентированы на профилактику отдельных видов преступлений и других правонарушений (экономической преступности, насильственной, рецидивной и т. д.) и профилактическую работу с отдельными категориями правонарушителей.

Имеет место несистемное смешение уровней общей, специальной и индивидуальной профилактики правонарушений. Используемое в Законе определение «общей профилактики правонарушений» имеет эклектичный характер с элементами тавтологии в использовании слов. В его содержание включена деятельность по «предотвращению и пресечению правонарушений, выявлению, анализу, предупреждению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также выявлению, учету, правовому воспитанию граждан, склонных к противоправному поведению» (ст. 1 Закона). Помимо стилистических погрешностей, повторений и нарушения логической последовательности деятельности, главным недостатком данного определения является смешение общей профилактики правонарушений с индивидуальной профилактикой, когда говорится о работе по «выявлению, учету, правовому воспитанию граждан, склонных к противоправному поведению». Предлагаемое в новом Законе определение общей профилактики также достаточно спорное, с криминологической и стилистической точки зрения некорректное и ограниченное, не содержащее меры, направленные на экономическое, социальное и культурное развитие общества как важнейших условий законопослушного поведения всех граждан.

Вызывает серьезные возражения и определение «индивидуальной профилактики правонарушений» как «деятельности, осуществляемой субъектами профилактики правонарушений… по оказанию корректирующего воздей-

ствия на граждан, склонных к противоправному поведению и (или) совершивших правонарушения… в целях недопущения совершения ими правонарушений». Речь идет, прежде всего, о необоснованном использовании термина «граждан, склонных к противоправному поведению». Авторы рассматриваемого нами Закона, как и большинство отечественных криминологов, придерживаются социально-правового взгляда на природу преступности, личность преступника и причины преступлений. В связи с этим неоправданно заимствовать терминологию из явно противоположных по своей сути криминологических теорий. Понятие «склонность к совершению правонарушений» современной психологической и антропологической науками до сих пор эмпирически не поддается выявлению, что порождает серьезные сомнения о существовании этого свойства личности, так же, как и «гена преступности». По нашему мнению, целесообразно использовать термин «граждан, которые в социально-психологическом и поведенческом отношениях предрасположены к противоправному поведению» или «криминогенных личностей, образ жизни которых создает реальную возможность совершения преступлений».

К основным мерам общей профилактики правонарушений, предусмотренных ст. 10 Закона, необоснованно не отнесена криминологическая экспертиза проектов законов и других нормативных правовых актов. Введенный Указом Президента Республики Беларусь 29 мая 2007 г. социально-правовой институт криминологической экспертизы проектов законов, которому придан государственный статус и обязательный характер для законопроектов и нормативных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в важнейших социальных сферах, заслуживает рассмотрения его в качестве одной из основных мер общей профилактики правонарушений. Криминологическая экспертиза – это мера общего предупреждения преступности и укрепления правопорядка, которая представляет собой регулируемую нормативно-правовыми актами деятельность специально уполномоченных экспертов-криминологов по изучению и оценке проектов законов, действующего законодательства и других нормативных актов, а также экономической, социальной, культурной, правоприменительной и другой государственной и общественной политики, направленных на выявление социально-деструктивных явлений и процессов, которые могут иметь криминогенный характер, обусловливая возникновение криминальных и виктимных рисков как реально возможной опасности (угрозы) совершения преступлений либо препятствуя эффективной антикриминальной политике по предупреждению и противодействию преступности и другим антиобщественным явлениям.

В Законе больше внимания необходимо уделить криминологической характеристике основных сфер и проблем социализации личности, социальным отношениям и взаимодействиям, образу и стилю жизни (семье, школе, сфере досуга, культуре, образованию, здоровью, уровню и качеству жизни, социальной защите, занятости, бедности, суду и другим правоохранительным органам, ювенальной политике, местному самоуправлению, институтам граждан-

ского общества и др.), а также негативным социальным явлениям, сопутствующим преступности и другим правонарушениям (пьянству и алкоголизму, наркомании и токсикомании).

Таким образом, принятый Закон только упорядочил действующую социально-профилактическую и правоохранительную систему и систематизировал теорию и практику профилактики правонарушений, практически не привнося в ее совершенствование ничего принципиально нового. Действующая система профилактики правонарушений не имеет завершенный и целостный характер, она в полной мере не учитывает многогранный комплекс основных факторов, причин и условий, системно детерминирующих совершение правонарушений, а также не полностью использует антикриминальный потенциал общества. В частности, в системе субъектов профилактики правонарушений по-прежнему не создан постоянно действующий специальный государственный орган, который призван профессионально заниматься вопросами предупреждения преступлений и других правонарушений. Координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, созданные при Генеральной прокуратуре Республике Беларусь и нижестоящих прокуратурах, в силу эпизодического ежеквартального режима своей работы не могут в полной мере эффективно осуществлять координацию деятельности субъектов профилактики правонарушений. Преступность и другие правонарушения имеют социальную природу и полидетерминированный экономический, социальный, культурный, биопсихологический и правовой характер этиологии (происхождения и развития). Следовательно, работа по их предупреждению должна быть многогранной, комплексной и социально-правовой по своей сущности. Это сфера деятельности, прежде всего, органов государственного управления, в системе которых должны быть созданы новые структуры, занимающиеся предупреждением преступности и других правонарушений во взаимодействии с правоохранительными и другими органами, а также общественными объединениями. В связи с этим заслуживает серьезного государственного внимания и научного обсуждения вопрос об организации специализированного вневедомственного Научно-исследовательского института криминологии, девиантологии и виктимологии, а также Национального комитета по предупреждению преступности и других правонарушений – постоянно действующего организационно-управленческого государственного органа, направляющего и координирующего работу всех субъектов социально-правовой системы предупреждения преступности, коррупции и других социальных девиаций. Целесообразно инициировать организацию в стране общественного формирования – Научно-практического общества криминологов, социальных девиантологов и виктимологов.

В социологии девиантного поведения и криминологии существуют множество определений предупреждения преступности, которые преимущественно сводятся к системе мер общей и индивидуальной профилактики, направленных на выявление и устранение причин и условий совершения преступле-

ний (в том числе и в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» 2014 г.). Все эти недостатки давно преодолены в мировой социологической и криминологической литературе. В частности, российские криминологи В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов обоснованно указывают, что предупреждение преступности – это деятельность по совершенствованию общественных отношений в целях: а) выявления и нейтрализации причин преступности и условий, ей способствующих; б) выявления и нейтрализации явлений и процессов, обусловливающих совершение, рост и распространение отдельных форм и видов преступлений; в) выявления факторов, влияющих на формирование антиобщественных черт у определенных категорий лиц, влияния на условия их жизни и воспитания; г) устранения конкретных условий, обусловливающих совершение преступлений отдельными лицами; д) определения форм и методов контроля за преступностью. Криминолог А. И. Долгова справедливо отмечает, что предупреждение – наиболее действенный путь борьбы с преступностью. Предупреждение преступности дает возможность решать задачи борьбы с нею наиболее гуманными способами, с наименьшими издержками для общества, в частности без включения на полную силу сложного механизма уголовной юстиции и без применения такой формы государственного принуждения, как уголовное наказание [11].

Предлагаем авторское определение с*оциально-правовой системы предупреждения антиобщественных явлений* как регулируемой национальным законодательством совокупности субъектов, направлений, объектов, форм и мер осуществления комплексной социальной, криминологической, социально-девиантологической, виктимологической, правовой и социально-реинтеграционной профилактической деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан в сфере выявления и устранения факторов, причин и условий, детерминирующих совершение правонарушений и других антиобщественных явлений (негативная профилактика), а также создания социальных условий и формирования ценностных ориентаций на безопасное и правомерное поведение граждан (позитивная профилактика).

Исходя из данной дефиниции, целями и задачами деятельности по предупреждению антиобщественных явлений выступают:

выявление и устранение социальных и личностных факторов, причин и условий, детерминирующих преступность и другие антиобщественные явления и криминальную виктимизацию населения;

снижение риска совершения преступлений и других правонарушений и их негативных социальных последствий;

предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений;

примирение с потерпевшим и компенсация причиненного ущерба;

привлечение к ответственности и наказание преступников и других правонарушителей;

коррекция и исправление преступников и других правонарушителей, лиц и групп криминального и виктимного риска;

социальная реинтеграция преступников и других правонарушителей;

создание условий для социального и культурного развития, формирование мотивации и стереотипов законопослушного поведения граждан.

Эффективная социально-правовая система предупреждения антиобщественных явлений должна базироваться на следующих принципах:

рассмотрение предупредительной деятельности как приоритетного направления государственной антидевиантной политики и социального управления;

гуманизм и законность;

целостность – единство «негативной» и «позитивной» профилактики;

системность – взаимодействие социальной, криминологической, социально-девиантологической, виктимологической, правовой и социально-реабилитационной профилактики;

комплексность использования «первичной», «вторичной» и «третичной» профилактики;

дифференцированность мер профилактики и индивидуально-личностный подход;

постоянство и совершенствование;

научно-методическая обоснованность;

статистическое и научное информационное обеспечение;

привлечение и участие общественных формирований и граждан;

организационно-управленческое, материальное и кадровое обеспечение.

Социально-правовая система предупреждения антиобщественных явлений включает следующие основные направления:

социальное предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие личности, групп, институтов и общества, обеспечение благополучия населения, а также создание социальных условий и формирование мотивации социально-позитивного, безопасного и правомерного образа жизни лиц из групп криминального риска и других граждан;

криминологическое предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение правонарушений, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также установление, учет и превентивный социально-правовой контроль преступников и лиц из групп криминального риска;

социально-девиантологическое предупреждение – деятельность субъектов предупреждения антиобщественных явлений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение антиобщественных проявлений, этиологически взаимосвязанных с преступностью, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также установление, учет и профилактический социальный контроль девиантов и лиц из групп социально-девиантного риска;

виктимологическое предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, направленная на выявление, предотвращение и пресечение криминальной виктимизации населения, установление, нейтрализацию и устранение всех факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также защиту прав жертв преступлений и других правонарушений, и виктимологическое просвещение населения;

правовое предупреждение – законотворческая, правоприменительная уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительская и административная деятельность субъектов предупреждения преступности и других правонарушений, связанная с установлением и реализацией уголовной и административной ответственности и наказания, которая обеспечивает исправление лиц, совершивших преступления и другие правонарушения, оказывает общепредупредительное социальное и психологическое воздействие на всех граждан (общая превенция), а также специально-предупредительное социальное и психологическое воздействие на лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности (специальная превенция), способствует восстановлению социальной справедливости и обеспечивает возмещение вреда;

социально-реинтеграционное предупреждение – деятельность субъектов предупреждения антиобщественных явлений, направленная на выявление, диагностику, социальную реабилитацию и интеграцию в общество правонарушителей, лиц из групп криминального риска, а также жертв правонарушений.

Конкретные меры предупреждения антиобщественных явлений включают три группы мероприятий:

меры общего предупреждения – направленные на предупреждение правонарушений как массовых социально-правовых явлений;

меры специального предупреждения – непосредственно направленные на профилактику отдельных видов правонарушений, а также конкретные наиболее криминально активные и общественно опасные категории правонарушителей;

меры индивидуального предупреждения – по исправлению и коррекции личности, образа жизни и ближайшего социального окружения конкретных правонарушителей, лиц из групп криминального риска, жертв правонарушений и лиц из групп виктимного риска.

Таким образом, социально-правовая система предупреждения антиобщественных явлений призвана комплексно интегрировать социальную, криминологическую, девиантологическую, виктимологическую, правовую и социально-реинтеграционную профилактическую деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан. Социально-практическая ее реализация придаст деятельности по предупреждению правонарушений системный, поливекторный и социально эффективный характер, обеспечит устойчивое снижение уровня распространенности преступности и других правонарушений, личную и общественную безопасность, укрепление правопорядка в стране.

Список использованных источников

1. *Гилинский, Я. И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. И. Гилинский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с.

2. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности : пер. с нем. / Э. Фромм ; вступ. ст. Э. Телятниковой. – М. : АСТ, 1995. – 618 с.

3. *Фрейд, З.* Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд ; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. – М. : Наука, 1989. – 456 с.

4. *Яковлев, А. М.* Социология преступности (криминология): основы общей теории / А. М. Яковлев. – М. : Содействие : Новый век, 2001. – 239 с.

5. *Кетле, А.* Социальная система и законы, ею управляющие / А. Кетле ; пер. с фр. Л. Н. Шаховской. – СПб. : Издание Н. Полякова и Ко, 1866. – 313 с.

6. *Дюркгейм, Э.* Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 575 с.

7. *Мертон, Р. К.* Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социол. исслед. – 1992. – № 3. – С. 104–114 ; № 4. – С. 91–96.

8. *Гилинский, Я. И.* Современные тенденции мировой криминологии [Электронный ресурс] / Я. И. Гилинский // Криминологический журн. Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2012. – № 3. – Режим доступа: http://crimpravo.ru/blog/1984.html. – Дата доступа: 28.09.2019.

9. *Шипунова, Т. В.* Подходы к объяснению преступности: противостояние или взаимодополнение (взгляд социолога) / Т. В. Шипунова // Социол. исслед. – 2006. – № 1 (261). – С. 89–98.

10. *Барановский, Н. А.* Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 272 с.

11. Криминология : учеб. / С. Б. Алимов [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 2-е изд. – М. : Юрист, 1995. – 512 с.

Поступила 30.10.2019 г.

УДК 314.728

А. С. БОЛДЫРЕВ,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: boldyrev.alexei@gmail.com

МЕЖОБЛАСТНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье представлен анализ межобластной миграции в Республике Беларусь за период 2000–2018 гг. Выявлены основные тенденции межобластных перемещений. Определены масштабы, направления и последствия миграционного движения между областями страны. Показано, что главной особенностью межобластных перемещений Беларуси является значимая аккумулятивная роль столицы страны – города Минска.

Ключевые слова: внутренняя миграция, межобластные перемещения, сальдо миграции, миграционные связи, миграционный обмен.

A. S. BOLDYRAU,

Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: boldyrev.alexei@gmail.com

INTER-REGIONAL MOVEMENTS OF THE POPULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: FEATURES AND TRENDS

The article presents an analysis of interregional migration in the Republic of Belarus for the period 2000–2018. The main trends of interregional movements are revealed. The scales, directions and consequences of the migration movement between the regions of the country are determined. It is shown that the important accumulative role of the capital, Minsk, is the main feature of interregional movements in Belarus.

Keywords: internal migration, interregional movements, migration balances, migration ties, migration exchange.

Содержание понятия «миграция» обсуждается в литературе не один десяток лет. И все же назвать «единственно правильное определение» не представляется возможным. Многообразие определений миграции подтверждает общее правило, типичное для сложных процессов: одно и то же явление может быть определено по-разному в зависимости от выбранного ракурса анализа. В научной среде на постсоветском пространстве пользуется популярностью определение, которое сформулировал российский демограф Л. Л. Рыбаковский: «Миграция – это любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [1].

Что касается определения внутренней миграции, то в большинстве научных работ и нормативных документах, посвященных вопросам изучения и ре-

гулирования внутренней миграции населения, это понятие трактуется как перемещения людей в пределах государственных границ [2].

Изучение вопросов и проблем, связанных с внутренней миграцией, как для Беларуси, так и для всего мира, является крайне актуальным. Связано это с тем, что внутренняя миграция может активно воздействовать на демографическую ситуацию в регионах, уменьшая или увеличивая численность населения областей или районов страны, а также изменять их половозрастную, этническую и брачную структуры [3]. Испытывая зависимость от различных факторов, она вносит существенный вклад в демографические показатели, определяющие региональное развитие. Изучение внутренней миграции и государственное регулирование этих процессов могут способствовать минимизации демографических проблем в Беларуси, возникающих в результате неравномерного распределения населения.

С обретением независимости Беларуси в миграционном обороте на долю внутриреспубликанской миграции приходилось около 94–95 %, в то же время население нельзя назвать мобильным, так как во внутренних перемещениях участвует порядка 2–2,5 % населения страны.

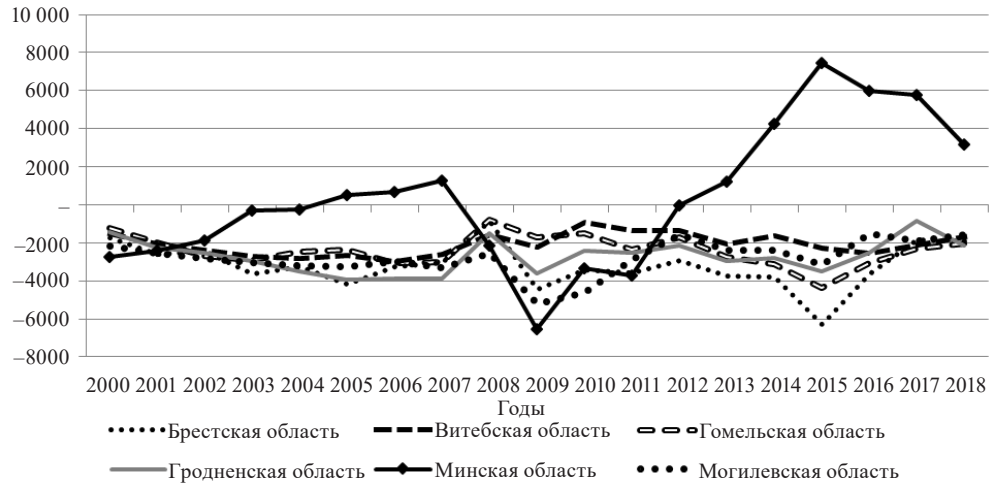
Внутренняя миграция относительно территориально-административного деления нашей страны включает в себя межобластную и внутриобластную, районную и межрайонную миграции. В данной статье будут рассматриваться процессы, связанные только с межобластной миграцией, которая с 2000 г. выросла с 75 тыс. до 121,5 тыс. человек в 2018 г. В это же время другие подвиды внутренней миграции в нашей стране менялись незначительно.

К одной из важнейших особенностей Беларуси относится концентрация порядка 20 % населения в столице – г. Минске, что приводит к усилению дисбаланса в размещении населения, сдерживая демографическое развитие других регионов. Для сравнения, в г. Киеве (столице Украины) проживает около 6,5 % населения страны, в г. Варшаве (столице Польши) – 4,5 %.

Подтверждает сложившуюся тенденцию тот факт, что все области, кроме Минской, в миграционном обмене с Минском имеют отрицательное сальдо миграции. Так, население Брестской области из-за миграции со столицей в 2000–2018 гг. сократилось на 60,6 тыс. человек, Витебской – на 39,5 тыс., Гомельской – на 45,5 тыс., Гродненской – на 51,2 тыс., Могилевской – на 53,1 тыс. человек. В это же время численность Минской области за счет миграции из столицы выросла за период 2000–2018 гг. на 6,9 тыс. человек [4].

Таким образом, самыми «теряющими» областями в миграционном обмене с г. Минском за изучаемый период стали Брестская, Могилевская и Гродненская. Единственной «принимающей» областью является Минская.

На рисунке представлены данные по динамике миграционного сальдо на областном уровне (исключая г. Минск), проанализировав которые можно с уверенностью отметить, что в количественном отношении все области, кроме Минской, начиная с 2000 г. ежегодно теряли порядка 2–3 тыс. человек. До 2005 г. все области имели отрицательный показатель сальдо миграции.



Динамика сальдо миграции по областям Беларуси, 2000–2018 гг.*

* Составлено автором по: [4; 5; 6].

При этом, как можно заметить на рисунке, с 2005 по 2007 г. Минская область выделялась на фоне других областей положительным значением данного показателя. Однако продолжалась эта тенденция всего 2 года, так как с 2008 по 2012 г. для всех областей Беларуси снова была характерна миграционная убыль. Причем в 2009 г. данный показатель опустился во многих областях, особенно в Минской, до минимальных значений, что, предположительно, связано с влиянием мирового экономического кризиса, вызвавшего массовый отток населения в столицу. С 2012 г. и до настоящего времени во всех областях, за исключением Минской, наблюдается убыль населения. В Минской области происходит миграционный прирост. Население же Минска за счет внутриреспубликанской миграции с начала XXI в. увеличилось почти на 243,6 тыс. человек.

На основе данных статистического комитета Республики Беларусь автором была собрана и систематизирована информация о межобластной миграции в нашей стране. Если провести сравнение миграционного обмена областей Беларуси не только с Минском, но и между собой, то, на примере 2018 г., можно заметить некоторые особенности (табл. 1). Значительнее всего в результате миграции сократилось население Брестской (–2,9 тыс. человек), Гомельской (–2,9 тыс.), Витебской (–2,3 тыс.) и Могилевской (–1,8 тыс. человек) областей. На их фоне выделяется Гродненская область, миграционное сальдо которой составило всего –963 человека. Причем данный показатель объясним не только меньшим оттоком населения в столицу, но и привлекательностью региона для жителей других областей: со всеми областями, кроме Минской, Гродненская область имеет положительное сальдо.

Таблица 1. **Сальдо миграции областей Республики Беларусь в межобластном обмене в 2018 г., человек[1]***

Область	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Всего	–2938	–2276	–2967	–963	5303	5651	–1810
Брестская	0	–42	25	338	1909	705	3
Витебская	42	0	–69	94	1700	608	–99
Гомельская	–25	69	0	129	2065	500	229
Гродненская	–338	–94	–129	0	1239	340	–55
Минск	–1909	–1700	–2065	–1239	0	3187	–1577
Минская	–705	–608	–500	–340	–3187	0	–311
Могилевская	–3	99	–229	55	1577	311	0

* Составлено автором по: [5].

Таблица 2. **Сальдо миграции областей Республики Беларусь в межобластном обмене в 2000 г., человек****

Область	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Всего	–1739	–1547	–1214	–1457	10895	–2755	–2183
Брестская	0	–41	51	69	1618	89	–47
Витебская	41	0	120	–14	1256	321	–177
Гомельская	–51	–120	0	–29	1255	338	–179
Гродненская	–69	14	29	0	1403	132	–52
Минск	–1618	–1256	–1255	–1403	0	–4006	–1357
Минская	–89	–321	–338	–132	4006	0	–371
Могилевская	47	177	179	52	1357	371	0

** Составлено автором по: [6].

Еще одной важной особенностью исследуемого явления выступает отрицательное сальдо города Минска с Минской областью. Если сравнивать этот показатель с 2000 г., то можно заметить характерный сдвиг в отношении г. Минска и Минской области (табл. 2). В 2000 г. столица в обмене со всей областью имела положительное сальдо (+4 тыс. человек), что способствовало высокому общему показателю (+10,9 тыс. человек), а в 2018 г. наблюдается отрицательное сальдо миграции города Минска с Минской областью (–3,2 тыс. человек). Причем стоит отметить, что с начала 2000-х гг. вплоть до 2011 г. данный показатель составлял, в среднем, +3,5 – +6,5 тыс. человек, однако после 2011 г. стал неуклонно падать. Возможно, это связано с процессом субурбанизации и строительством жилья для очередников г. Минска в Минском районе. Также в 2016 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь от 15.09.2016 г. № 344 [7], в котором предусматривается ограничение чрезмерной концентрации демографического и экономического потенциала страны в ее столичном регионе. Предполагается, что именно этими причинами обусловливается отток населения из столицы в область.

[1] Для этой и последующих таблиц: в столбцах указана принимающая область, в строках – отдающая.

Как было отмечено ранее, миграция активно воздействует на демографическую структуру населения. Миграция в столицу, в первую очередь, оказывает большое влияние на возрастную структуру населения, существенно омолаживая ее. Связано это с тем, что основная часть мигрантов – это лица трудоспособного возраста. Так, в 2018 г. миграционный прирост среди лиц данной категории составил +7,9 тыс. человек, в то же время среди лиц старше трудоспособного возраста наблюдалась миграционная убыль в 0,5 тыс. человек. Таким образом, постепенно происходит трансформация возрастной структуры в сторону ее омоложения. Это подтверждается и статистическими данными: в 2018 г. Минск являлся самым молодым регионом нашей страны, так как в его возрастной структуре доля лиц старше трудоспособного возраста составляла 21,9 %, в то время как в целом по республике этот показатель варьировался от 24,5 % в Брестской области до 26,8 % в Витебской [8].

Немаловажно отметить, что влияние внутренних межрегиональных перемещений из областей в столицу в значительной степени отражается и на состоянии рынков труда трудодефицитных районов: миграционный отток населения в трудоспособном возрасте существенно ухудшает обеспеченность предприятий и организаций квалифицированными кадрами, а также снижает конкурентоспособность рабочей силы.

На данный момент выявленная проблема осознается органами государственного управления и регулируется путем развития городов-спутников, а также Указом Президента Республики Беларусь о децентрализации экономических и демографических ресурсов в столице, о котором было сказано выше. Также в Беларуси рассматривается вопрос об изменении административно-территориального деления страны, которое будет направлено на более равномерное развитие регионов [7].

Одним из показателей, который используется при анализе межобластной миграции, является коэффициент интенсивности миграционных связей по прибытию и выбытию. КИМС по прибытию рассчитывается путем деления количества прибывших мигрантов в регион за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 1000. КИМС по выбытию – путем деления количества выбывших мигрантов в регион за год на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 1000 [9]. Значение данного показателя тем больше, чем теснее миграционная связь между сравниваемыми областями.

Для Республики Беларусь автором были рассчитаны коэффициенты интенсивности по прибытию и по выбытию (табл. 3 и 4), которые позволяют сделать следующие выводы:

наиболее тесные миграционные связи характерны для соседствующих областей (Гродненская – Брестская, Гомельская – Могилевская, Витебская – Могилевская);

наименее тесные миграционные связи характерны для областей, которые не имеют общей границы;

Таблица 3. **Коэффициент интенсивности миграционных связей областей Беларуси по прибытию в 2018 г., ‰***

Область	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Брестская	–	0,5	0,7	1,4	4,0	1,1	0,4
Витебская	0,5	–	0,6	0,4	3,3	1,1	1,4
Гомельская	0,7	0,5	–	0,3	2,8	0,6	1,1
Гродненская	2,2	0,5	0,5	–	4,3	1,4	0,4
Минск	3,7	2,8	3,1	2,9	–	8,2	2,6
Минская	1,6	1,4	1,0	1,2	13,6	–	1,0
Могилевская	0,5	1,5	1,7	0,3	3,4	1,0	–

* Рассчитано автором на основе данных: [5].

Таблица 4. **Коэффициент интенсивности миграционных связей областей Беларуси по выбытию в 2018 г., ‰****

Область	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Брестская	–	0,5	0,7	1,8	2,8	1,1	0,5
Витебская	0,4	–	0,5	0,5	1,9	0,9	1,5
Гомельская	0,8	0,6	–	0,4	2,0	0,6	1,5
Гродненская	1,6	0,5	0,4	–	2,3	1,0	0,4
Минск	5,4	4,7	4,3	5,5	–	11,4	4,9
Минская	1,6	1,7	1,0	1,7	9,8	–	1,3
Могилевская	0,4	1,3	1,3	0,3	1,8	0,8	–

** Рассчитано автором на основе данных: [5].

все области, кроме Гомельской, имеют тесные миграционные связи с Минской областью;

все области имеют очень тесную миграционную связь с г. Минском;

минимальные показатели КИМС характерны для следующих областей: Гродненская – Гомельская, Гродненская – Могилевская;

максимально тесная миграционная связь характерна для г. Минска и Минской области.

Также для анализа и структурирования выявленных миграционных связей можно воспользоваться классификацией КИМС Л. Л. Рыбаковского [9]:

высокие – более 2,5;

повышенные – 1,25–2,5;

средние – 0,8–1,24;

заметные – 0,4–0,79;

несущественные – менее 0,39.

Согласно данной классификации, со столицей высокие миграционные связи характерны для всех областей. В основном повышенные миграционные связи выявлены у соседствующих областей, средние и заметные – для областей, которые друг с другом не соседствуют. Несущественные миграционные связи характерны только для обмена между Гродненской и Могилевской областями.

Итак, подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что вследствие внутренней миграции в г. Минске сконцентрирована $^{1}/_{5}$ часть населения страны, происходит усиление дифференциации областей в социально-экономическом и демографическом развитии. При этом, несмотря на значительное положительное сальдо миграции столицы с другими областями, в последние годы наметилась тенденция к деконцентрации населения в г. Минске за счет переезда жителей в Минскую область. Перемещение людей между другими областями происходит менее интенсивно, чем с г. Минском. Главной же особенностью межобластной миграции (исключая г. Минск) является то, что жители Беларуси предпочитают перемещаться на небольшие расстояния и оседать в близрасположенных областях.

Список использованных источников

1. *Рыбаковский, Л. Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Наука, 1987. – 199 с.

2. *Моисеенко, В. М.* Внутренняя миграция населения / В. М. Моисеенко. – М. : ТЕИС, 2004. – 285 с.

3. *Петракова, Ю. Н.* Внутриреспубликанская миграция в Беларуси: тенденции XXI века / Ю. Н. Петракова // Молодежь в науке-2015: прил. к журн. «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Сер. гуманитар. наук. – Минск : Беларус. навука, 2016. – С. 143–147.

4. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа : 10.04.2019.

5. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь // Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2018. – 431 с.

6. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь // Республика Беларусь, 2000 : стат. ежегодник / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Зиновский [и др]. – Минск : Минстат Респ. Беларусь, 2000. – 582 с.

7. Об утверждении генерального плана г. Минска с прилегающими территориями и некоторых вопросах его реализации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 апреля 2003 г. № 165 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 15.09.2016 № 344 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://etalonline.by/document/?regnum=p30300165&q_id=1339231. – Дата доступа: 10.04.2019.

8. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2018. – 452 с.

9. Официальный сайт Л. Л. Рыбаковского [Электронный ресурс] / Л. Л. Рыбаковский, доктор экон. наук, профессор, глав. науч. сотр. Ин-та социально-политических исслед. РАН. – Режим доступа: http://rybakovsky.ru/. – Дата доступа : 08.03.2019.

Поступила 04.12.2019 г.

УДК 316.334.2

О. Н. ГАВРИЛИК,

кандидат социологических наук,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, e-mail: gavrilik.oksana@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОНЕТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В статье представлен анализ отношения населения к предпринимателям, готовность к рискам в бизнес-сфере, доверие действующим в стране банкам, ориентации на определенный тип экономического поведения. Выявлены их особенности в зависимости от пола, социально-экономического положения и региона проживания. Эмпирической базой послужили результаты исследования монетарного мышления населения Республики Беларусь, проведенного автором в 2017 г.

Ключевые слова: монетарное мышление, экономическое поведение, экономическая культура, отношение к предпринимателям, доверие банкам.

A. N. HAURYLIK,

Candidate of Philosophical Sciences,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, e-mail: gavrilik.oksana@yandex.ru

ON SOME PECULIARITIES OF THE MONETARY THINKING OF THE POPULATION

The article presents an analysis of the attitude of the population to entrepreneurs, readiness for risks in the business sphere, trust in the banks operating in the country, orientation to a certain type of economic behavior. Their peculiarities depending on gender, socio-economic status and region of residence are revealed. The empirical basis was the results of the study of monetary thinking of the population in the Republic of Belarus, conducted by the author in 2017.

Keywords: monetary thinking, economic behavior, economic culture, attitude to entrepreneurs, trust in banks.

Стремительные экономические преобразования, развитие предпринимательства в Республике Беларусь, совершенствование деятельности финансовых институтов направлено на расширение сферы экономической активности граждан. Для достижения этой цели наряду с изменениями объективных условий жизнедеятельности необходимо формировать соответствующий образ экономического мышления и сознания. Чтобы иметь верное представление о готовности населения к финансовым рискам, выбираемых стратегиях экономического поведения, об отношении к бизнесменам и доверии к банкам,

следует опираться на результаты социологических исследований. Так, данные вопросы поднимались в рамках республиканского опроса, проведенного автором в 2017 г. и направленного на выявление особенностей монетарного мышления населения Республики Беларусь.

Монетарное мышление можно определить как систему представлений, сформировавшихся у индивида в результате его участия в денежных отношениях и определяющих характер его монетарного поведения. Монетарное мышление включает в себя следующие компоненты: 1) отношение индивида к деньгам как объекту социальной действительности; 2) место денег в системе жизненных ценностей; 3) удовлетворенность индивида своим уровнем дохода и готовность изменить свое материальное положение; 4) ориентация на реализацию определенного типа экономического поведения, готовность к рискам в экономической деятельности, отношение к предпринимателям; 5) представления о возможных источниках дохода, способах получения денег, необходимых личностных качествах и условиях достижения материального благополучия; 6) установки в отношении распределения личных финансов, представления о «достойных» тратах, щедрости и бережливости; 7) представления о социально-экономической справедливости, богатстве и бедности и их причинах; 8) доверие денежным единицам, монетарной политике государства, финансовым институтам; 9) оценка финансово-экономической ситуации в стране и мире [1, с. 95].

В рамках комплексного изучения монетарного мышления населения в январе–марте 2017 г. автором был проведен анкетный опрос жителей всех областей Республики Беларусь и города Минска по комбинированной выборке, которая составила 1000 человек. На долю респондентов по Брестской области пришлось 14,7 %, Витебской – 12,6 %, Гомельской – 14,6 %, Гродненской – 11 %, Минску – 20 % и Минской области – 15,9 %, Могилевской области – 11,2 %. Респонденты в возрасте от 18 до 29 лет составили 21 %, от 30 до 44 лет – 27 %, от 45 до 59 лет – 27 %, от 60 лет и старше – 25 %. Соотношение мужчин и женщин в выборке – 47 % и 53 % соответственно.

Важнейшими составляющими монетарного мышления, а также экономической культуры населения являются: ориентация на реализацию определенного типа экономического поведения, отношение к предпринимателям, готовность к рискам в бизнес-сфере, доверие действующим в стране банкам. Именно эти компоненты будут далее детально проанализированы в зависимости от пола, социально-экономического положения и региона проживания участников исследования.

Ориентация на реализацию определенного типа экономического поведения. Согласно определению Г. Н. Соколовой, экономическое поведение представляет собой процесс, связанный с перебором экономических альтернатив с целью относительно рационального выбора, обусловленного важнейшими его составляющими: ментальными, максимизационными и традиционными [2, с. 165]. Социологом были выделены три типа экономического

поведения, каждый из которых характеризуется определенной формулой: 1) дорыночный (гарантированный доход ценой минимума затрат), 2) рыночный (максимизация дохода с приложением максимума усилий), 3) псевдорыночный (высокий доход ценой минимума затрат) [2, с. 162–164]. Данная типология, разработанная в начале 1990-х гг., отражает специфику перехода от командно-административной к рыночной экономике в суверенной Республике Беларусь. В настоящий момент продолжается становление рыночных отношений, трансформация экономического сознания и мышления населения страны, что позволяет использовать выделенные Г. Н. Соколовой типы экономического поведения в качестве «идеальных» типов при интерпретации данных, полученных в результате авторского эмпирического социологического исследования.

По результатам анкетного опроса, 45,2 % населения республики указали на то, что для них предпочтителен рыночный тип экономического поведения (стремление к максимизации дохода с приложением максимума усилий). Пятая часть жителей страны (20,5 %) ориентированы на дорыночный тип экономического поведения (иметь гарантированный доход ценой минимума затрат), и 13,2 % опрошенных предпочли псевдорыночный тип экономического поведения (иметь высокий доход ценой минимума затрат). 21,1 % населения затруднились ответить. Таким образом, почти половина населения считают себя приверженцами рыночного типа экономического поведения.

Если подробнее рассмотреть, какого типа экономического поведения придерживаются представители различных социальных категорий на уровне установок, то получается следующее. На дорыночный тип экономического поведения ориентируются 25 % пенсионеров, 22,8 % работников бюджетных организаций и 23,3 % предпринимателей. Псевдорыночный тип экономического поведения предпочли 21,7 % предпринимателей, 19,6 % студентов и 18,2 % работников частных организаций. Представители последних двух категорий в основном выбирают рыночный тип экономического поведения (53,3 % и 51,5 % соответственно), как и 46,6 % предпринимателей. Таким образом, экономическое поведение студентов, работников частных организаций и предпринимателей в большей мере отвечает требованиям рыночной экономики. Безусловно, представители бизнес-среды являются главными носителями рыночного типа экономического поведения, так как от них требуется высокая работоспособность, целеустремленность, стремление к максимизации прибыли. Вместе с тем некоторые сущностные характеристики предпринимательства, такие как инновационность, готовность рисковать, не в полной степени реализуются ввиду того, что у белорусских предпринимателей еще идет процесс становления экономического мышления, характерного для рыночных отношений.

Интересен и региональный срез особенностей экономического поведения населения (данные представлены в табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая модель экономического поведения для Вас предпочтительна?» по областям, в %**

Типы экономического поведения	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
Дорыночный	30	18,2	21,2	16,3	17,8	22,3
Рыночный	43,5	46,8	45,2	52,7	44,8	39,2
Псевдорыночный	13	12	10,3	11	16	12,5
Затруднились ответить	13,5	23	23,3	20	21,4	26

Если сравнивать со средними значениями по стране, то рыночного поведения придерживаются в большей степени жители Гродненской области (52,7 % против 45,2 % в целом по республике), в меньшей степени – население Могилевской области (39,2 %). Брестская область лидирует по числу приверженцев дорыночного типа экономического поведения (30 % против среднего значения в 20,5 %). Ориентация на псевдорыночный тип более заметна в Минской области – на это указали 16 % ее жителей (по стране этот показатель составляет 13,2 %). Что касается гендерных различий, то здесь можно отметить только преобладание лиц мужского пола, предпочитающих получать высокий доход ценой минимума затрат (такой вариант выбрали 17,8 % мужчин и 10 % женщин).

Отношение к предпринимателям, готовность к предпринимательским рискам. Особое внимание государство уделяет поддержке субъектов малого и среднего бизнеса. В Республике Беларусь на конец 2018 г. осуществляли предпринимательскую деятельность 2237 средних организаций, 108 977 микро- и малых организаций, а также 241 300 индивидуальных предпринимателей. В данном секторе занято примерно 40 % работников. Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства в ВВП страны составляет 24,6 %, из них 3 % приходится на долю индивидуальных предпринимателей [3, с. 16–18].

Согласно данным анкетного опроса, к представителям крупного бизнеса в той или иной степени положительно относятся 85,4 % населения, к представителям среднего бизнеса – 91,4 %, представителям малого бизнеса – 89,9 %, индивидуальным предпринимателям – 89,4 % (результаты представлены в табл. 2). Крайне негативно относятся к представителям крупного бизнеса и индивидуальным предпринимателям соответственно 3,5 % и 3,3 % населения страны. Следует отметить, что хуже всего к предпринимателям относятся пенсионеры: если в среднем негативную оценку высказывают 14,6 % населения по отношению к крупному бизнесу и 10,7 % жителей по отношению к индивидуальным предпринимателям, то среди пенсионеров данный процент возрастает до 21,3 % и 17 % соответственно. Лучше всего к предпринимателям относятся студенты, работники частных организаций и сами представители данной формы деятельности.

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к предпринимателям?», в %**

Категории предпринимателей	Вариант ответа			
	Позитивно	Скорее позитивно	Скорее негативно	Негативно
Представители крупного бизнеса	36,4	49	11,1	3,5
Представители среднего бизнеса	36,2	55,2	7,3	1,3
Представители малого бизнеса	40,7	49,2	8,4	1,7
Индивидуальные предприниматели	42,1	47,3	7,3	3,3

Из всех категорий предпринимателей наиболее неоднозначные оценки получили представители крупного бизнеса и индивидуальные предприниматели, поэтому предлагается детальный анализ мнения населения по данным вопросам в зависимости от региона проживания (табл. 3, 4). Если сравнивать со средними оценками по стране, то в Минской и Гродненской областях наблюдается более позитивное отношение к субъектам бизнес-среды. В Брестской и Витебской областях данные показатели немного ниже средних. Население Могилевщины больше доверяет представителям крупного бизнеса, а в Гомельской области ситуация обратная – ее жители выразили самое хорошее отношение к индивидуальным предпринимателям. Что касается гендерных различий, то 87,1 % женщин в целом положительно оценивают деятельность крупного бизнеса, аналогичного мнения придерживаются 83,1 % мужчин республики.

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к представителям крупного бизнеса?» по областям, в %**

Оценка	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
Позитивная	36,7	30,4	33,6	39,4	39,5	36,9
Скорее позитивная	45,6	52,8	46,6	49,5	48,2	50,5
Скорее негативная	11,6	14,4	13,7	10,1	9,0	10,8
Негативная	6,1	2,4	6,1	1,0	3,3	1,8

Таблица 4. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к индивидуальным предпринимателям?» по областям, в %**

Оценка	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
Позитивная	42,9	40,8	43,8	45,5	42,0	40,6
Скорее позитивная	44,2	47,2	49,3	45,5	48,5	42,3
Скорее негативная	9,5	8,8	4,8	6,3	6,2	11,7
Негативная	3,4	3,2	2,1	2,7	3,3	5,4

Согласно данным анкетного опроса, средняя готовность населения республики к предпринимательским рискам по 10-балльной шкале оценивается в 4,8 балла. Данная оценка ниже всего у пенсионеров (3,2 балла) и работников бюджетных организаций (4,5 балла). Свою готовность к рискам

сами предприниматели оценили в 6,7 балла. Мужчины в большей степени готовы к неопределенности в сфере бизнеса, нежели женщины (5,4 балла против 4,3 балла). Данный показатель наиболее высокий среди жителей Минского и Гомельского регионов, наименьшую готовность к предпринимательским рискам высказали респонденты, проживающие в Могилевской области (табл. 5).

Таблица 5. **Готовность населения к предпринимательским рискам в средних значениях по 10-балльной шкале, по областям**

Область	Среднее значение (баллы)
Брестская	4,7
Витебская	4,6
Гомельская	5
Гродненская	4,5
Минская	5
Могилевская	4,3

Доверие банкам. Важным компонентом монетарного мышления, определяющим поведение субъекта в финансовой сфере, является доверие финансовым институтам, в частности банкам. Согласно данным анкетного опроса, «полностью доверяют» банкам, действующим в Республике Беларусь, 6,3 % населения, «скорее доверяют» – 41 %. «Скорее не доверяют» банкам 28,6 % респондентов, «полностью не доверяют» – 10,1 %. Затруднились ответить на данный вопрос 14 % участников опроса. Таким образом, банки республики пользуются доверием примерно у половины населения. В табл. 6 представлено распределение ответов в зависимости от региона проживания респондентов.

Таблица 6. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Доверяете ли Вы банкам, действующим в Республике Беларусь?» по областям, в %**

Оценка	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область
Полностью доверяют	6,8	7,9	4,8	4,5	5,6	9,8
Скорее доверяют	44,9	40,5	43,8	47,3	35,7	43,8
Скорее не доверяют	25,1	31	31,5	16,4	33,1	24,1
Полностью не доверяют	11,6	7,9	7,5	11,8	10,3	11,6
Затруднились ответить	11,6	12,7	12,4	20	15,3	10,7

Если объединить ответы «полностью доверяют» и «скорее доверяют» в оценку «выразили доверие», а ответы «скорее не доверяют» и «полностью не доверяют» отразить в оценке «выразили недоверие», а затем их показатели по регионам сравнить со средним значением по стране, то получим следующую картину (табл. 7).

Таблица 7. **Распределение ответов жителей регионов о доверии банкам, действующим в Республике Беларусь, в %**

Значение по регионам	Выразили доверие	Выразили недоверие
Брестская область	51,7	36,7
Витебская область	48,4	38,9
Гомельская область	48,6	39
Гродненская область	51,8	28,2
Минская область	41,3	43,4
Могилевская область	53,6	35,7
Среднее значение по стране	47,3	38,7

Наиболее высокий уровень доверия банкам выразили жители Могилевской, Гродненской и Брестской областей. Значительный уровень недоверия данным финансовым институтам относительно средних показателей по республике продемонстрировало население Минской области. Распределение ответов на данный вопрос по гендерному признаку представлено в табл. 8. Приведенные данные показывают, что женщины подходят к оценке банковской деятельности в стране с большим доверием, нежели мужчины.

Таблица 8. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Доверяете ли Вы банкам, действующим в Республике Беларусь?» по полу, в %**

Оценка	Мужчины	Женщины
Полностью доверяют	6,7	6,0
Скорее доверяют	37,7	43,2
Скорее не доверяют	30,8	27,1
Полностью не доверяют	11,1	9,4
Затруднились ответить	13,7	14,3

Представленные результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы. Так, предприниматели, работники частных организаций и студенты (в отличие от работников бюджетных организаций и пенсионеров) в большей степени отмечают важность высокого уровня дохода как условия счастливой жизни; они более склонны реализовывать рыночный тип экономического поведения; у них выше оценка удовлетворенности своим материальным положением и готовности к предпринимательским рискам; они позитивнее относятся к представителям бизнес-среды.

Уровень доверия банкам выше среди жителей Могилевской, Гродненской и Брестской областей. Население Гродненщины больше ориентировано на реализацию рыночного типа экономического поведения, выражает позитивное отношение к бизнесменам. Наиболее высокая готовность к предпринимательским рискам наблюдается среди проживающих на территории Минского и Гомельского регионов.

По сравнению с мужчинами женщины лояльнее относятся к предпринимателям и банкам, но у них ниже уровень готовности к предпринимательским рискам.

Значительная часть жителей республики предпочитают рыночный тип экономического поведения, однако еще не в полной степени его реализуют. Данная ситуация вполне характерна для общества, в котором не так давно осуществился переход от командно-административной к рыночной экономике, а у населения еще формируется соответствующий образ экономического мышления. Необходимо значительное расширение программ по повышению финансовой грамотности населения, которые должны охватывать не только жителей областных центров, но и других городов. Непонимание принципов работы финансовых институтов, незнание своих возможностей как участников финансового рынка, превратное отношение к данным субъектам хозяйствования не позволяют реализовать экономический потенциал граждан и отрицательно сказываются на функционировании экономики страны.

Список использованных источников

1. *Гаврилик, О. Н.* Деньги в системе социальных отношений / О. Н. Гаврилик. – Гродно : ГрГУ, 2019. – 140 с.

2. *Соколова, Г. Н.* Экономическая социология / Г. Н. Соколова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 255 с.

3. Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2019. – 212 с.

Поступила 09.12.2019 г.

УДК 316.772.5

В. И. КАШПАР,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: kavabonga.v.k@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье представлено концептуальное понимание коммуникативных практик в условиях цифровой трансформации общества. Раскрыты понятия цифровой среды и новых медиа, рассмотрены концепты сетевого общества, культурного софта и реляционного анализа социальных сетей. Дана оценка перспектив изучения коммуникации в цифровой среде с позиций данных подходов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, Интернет, новые медиа, коммуникация, сетевое общество, реляционный анализ, культурный софт.

V. I. KASHPAR,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: kavabonga.v.k@gmail.com

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF COMMUNICATIVE PRACTICES IN THE CONTEXT OF A GROWING DIGITALIZATION OF SOCIETY

The article presents a conceptual understanding of communicative practices in a digital transformation of society. The concepts of the digital environment and new media are revealed, the concepts of a network society, cultural software and relational analysis of social networks are considered. An assessment is given of the prospects for studying communication in the digital environment from the perspective of these approaches.

Keywords: digitalization, digital environment, Internet, new media, communication, network society, relational analysis, cultural software.

Процесс коммуникации выступает основным связующим звеном между экономическими, политическими и информационными трансформациями общества, являясь естественным способом их функционирования на уровне социальной интеракции. Сегодня в рамках социогуманитарного научного дискурса о коммуникации все чаще говорят в контексте синонимического ряда «цифровой», «сеть», «информация», «медиа», «Интернет», «онлайн», «виртуальность» и т. д. Социологи традиционно пытались рассматривать осмысленное взаимодействие людей как основообразующий фактор социальности, а где как не в цифровой среде сегодня ее можно наблюдать наиболее непосредственно? Эта особенность является ключевой проблемой для современного социального исследователя: необходимо концептуально рассмотреть

то состояние, в котором находится человек, взаимодействующий с миром посредством ИКТ, оценить перспективы цифровизации и взвесить возможные риски, с ней связанные.

Цифровизацию общества невозможно рассматривать вне широкого историко-социологического контекста. С появлением радио и телевидения, сопутствующей автоматизацией производства, до широкого распространения ПК и Интернета, технологические изменения так или иначе оптимизировали социально-экономические паттерны поведения, позволяли людям быстрее получать и обрабатывать большие массивы информации, производить в больших количествах потребительские товары. Компьютер как техническое новшество в массовом сознании преодолел путь от мистификации, наделения элитарным статусом в середине 1940-х гг. до хабитулизации, перехода в разряд повседневно используемых инноваций к началу 1990-х гг. [1]. Современная цифровая среда – это все пространство коммуникаций, окружающее человека. Новые медиа обусловливают не только наше общение, производственные и потребительские практики, не просто транслируют информацию, но и пронизывают и конструируют окружающий мир вместе с другими культурными феноменами. Попытки осмысления перспектив социальной трансформации повседневной жизни людей, в которую стремительно проникали сложная компьютерная техника и новые медиа, предпринимались на протяжении второй половины XX в. Исследования в этой области с высокой интенсивностью проходят до сих пор ввиду динамичного развития современных технологий. Для нашей страны, взявшей курс на цифровизацию экономики, крайне важно сформировать свой научный подход во всех направлениях этого широкомасштабного процесса.

Прежде всего стоит отметить, что термин «цифровая среда» не равен понятиям «коммуникация», «медиа», «трансмедиа», но необходим для концептуального осмысления пространства коммуникации. Как явление в целом, цифровая среда описывается в естественнонаучных терминах (данные, алгоритмы, программное обеспечение и т. д.). Существует технологическая основа для всех действий, которые человек предпринимает онлайн, и изучение цифровой среды начинается на этом уровне. Социальные же исследователи в свою очередь работают с *эффектами цифровизации* – видимыми последствиями воздействия цифровой среды на взаимодействие людей. Соответственно, исследование цифры с точки зрения социальных наук – это исследование меняющегося опыта социальной интеракции в условиях дигитализированного пространства коммуникации. Основной проблематикой здесь выступают онлайн-коммуникации (особенности кодирования/декодирования информации, дискурсы), идентичность пользователя (культура коммуникации), социальные связи (анализ социальных сетей). Актуальным для социолога является также исследование различий в доступности интернет-технологий (цифрового неравенства), практик их использования и общей цифровой и медиаграмотности населения.

Традиционно в сфере изучения медиа и коммуникации сложились несколько теоретико-методологических направлений в зависимости от исходных посылок. Согласно классификации, предложенной И. В. Кирия и А. А. Новиковой, теории медиа условно подразделяются на эмпирико-функционалистский, критический, лингвистический, психологический, технологический (теории медиаэкологии и информационного общества), «активистский» (в который входит ряд микро- и культурально-социологических теорий), политэкономический подходы и теорию инноваций [2, с. 256]. Релевантные на сегодняшний день языки описания открывают простор для исследований социальной коммуникации исходя из цифровой природы среды, ее сетевой структуры и особых медиапрактик участников онлайн сообществ. Существует несколько работающих стратегий [3]:

изучение сетевых групп (онлайн-игроки в компьютерные игры, Game Studies). Первый шаг в данном направлении предпринят гейм-дизайнером Эми Джо Ким, предложившей концепцию игровых сообществ [4]. В рамках данной стратегии изучаются пороги вхождения в сообщество, акты социализации пользователей, анклавы по интересам и способы коммуникации в специализированные игровые сервисы;

исследования бизнес-стратегий (маркетинговая стратегия). Данный подход сосредоточен на понимании того, как устроены цифровые рынки и потребители, каким образом продавать им контент. Главную роль для исследователя, работающего в этой стратегии, играет эффект практической пользы;

антропологические и социологические исследования. В рамках этой стратегии исследователи сосредотачиваются на анализе онлайн-сообществ, воспроизводящих элементы социальной реальности (социальные сети, форумы и т. п.), а не продуцирующих альтернативно виртуальную ее модель (как, например, в MMRPG-играх), и делают акцент на фундаментальной науке, в отличие от практико-ориентированных исследований потребителей цифрового рынка. Из всех перечисленных выше школ цифровую и сетевую природу социокультурной связи и способы взаимодействия акторов наиболее полно раскрывают работы в рамках теорий информационного общества, социальных сетей и теории софт-культуры.

Информационное общество как социально-философская парадигма разрабатывалась в трудах Д. Белла, А. Турена, М. Кастельса, Э. Тоффлера, Й. Масуды и др. Они зафиксировали трансформацию роли человека в процессе производства и потребления продукции и услуг (постиндустриализм), статуса информации в этом процессе и новых способов обмена ею (коммуникации) в условиях масштабной глобализации экономики и Интернета. Позиции представителей теории информационного общества касательно медиа во многом базировались на выводах Торонтской школы (Г. Иннис, М. Маклюэн). В сравнении с развивавшимся в середине XX в. эмпирико-функционалистским подходом к СМИ (Г. Лассуэл, П. Лазарсфельд и др.), приверженцев которого в первую очередь занимало влияние сообщений медиа на отдельные группы

людей, классики Торонтской школы изучали роль медиа как общественного института и его связи с другими институтами и процессами. В частности, Г. Иннис в своей книге «Предвзятость в коммуникации» [5] выдвигал идею о смене общественных отношений и типов государственного устройства в зависимости от преобладающих в обществе видов коммуникации. Тем самым мыслитель ставил социальное устройство в зависимое (детерминированное) положение к прогрессу в медиасреде.

В середине XX в. канадский ученый М. Маклюэн продолжает линию рассуждений Г. Инниса о трансформации общества под влиянием медианосителей с точки зрения культурной детерминанты. Маклюэн предлагает медиацентричный взгляд на общество. Для него важно не столько, какое содержание пытаются передать в сообщении, сколько средство этой передачи, то есть форма. Он пишет, что средство передачи сообщения само по себе и есть сообщение («the medium is the message») [6, с. 9–11]. Согласно другому известному утверждению ученого, информация в мире будущего станет ценностью без границ и приведет к массированной децентрализации (метафора «глобальной деревни») [6, с. 7]. По Маклюэну, к медиа (от лат. *medium* – передатчик) относится любая форма представления и передачи опыта и смыслов, то есть медиа – это средство самовыражения, коммуникации. Кроме того, он придерживается взгляда на каждый последующий этап развития медиа как на эволюционно содержащий и воспроизводящий в себе опыт прошлого этапа[1].

С началом широкого распространения Интернета как формы массовой коммуникации средства передачи сообщения претерпели значительные изменения и к моменту введения понятия Web 2.0 полностью перевернули уже цифровизированные коммуникационные отношения. Формирующиеся в Глобальной сети сообщества все чаще становятся производителями и трансляторами собственных сетей смыслов, стираются границы между потребителями (любителями) и производителями (профессионалами) сообщения. Эти процессы обусловили появление в работах ряда мыслителей метафоры «сети».

Так, М. Кастельс говорит о «сети» как о новом типе социальных отношений в системах, приходящих на смену иерархическим, где порядок обеспечивается за счет свободной коммуникации и координации усилий социальных групп, их самоорганизации [7, с. 13]. В основании теории Кастельса находится идея о том, что социальное является продолжением технологического, а технологии коммуникации меняют социальную организацию. Альтернативный взгляд на сетевой характер социальных отношений предложил в своей работе «Сетевое общество» голландский социолог Я. ван Дейк [8]. В отличие от Кастельса, он сосредоточил свое внимание не на технологиях, а на индивидах как базовых социальных единицах. Ученый определяет сетевое общество как такую форму связи, которая все чаще организует социальные отношения

[1] Так, письменность уже содержит в себе устную речь, книга является технически усовершенствованным способом передачи посменной информации, а телеграф – видом письменности, способным передаваться по расстоянию, и т. д.

с помощью медиасетей, постепенно замещая или, как минимум, дополняя ими социальные коммуникации лицом к лицу [9]. В соответствии с выводами ван Дейка, индустриальное массовое общество к XXI в. сменится информационным, основанным на логике сетевого взаимодействия. Сообщества индивидов станут не такими устойчивыми, виртуальными, не имеющими четких границ. Взаимодействие в таких сообществах будет протекать на горизонтальном уровне в рамках дифференцированной социальной структуры.

Современный исследователь «новых медиа» Л. Манович акцентирует внимание на взаимодействии человека и интерфейса и постулирует переход от теории медиа к теории софта [10, с. 84]. Основное различение между старыми и новыми формами медиа, по Мановичу, сопоставимо с разницей между закрытой и открытой интерактивностью. Медиа в своих классических формах предстают как однонаправленные медиаторы передачи информации, в то время как в условиях господства новых цифровых форматов реципиент сам вовлечен в ее производство и трансляцию. Это проявляется в переходе от феномена констант, характерных для традиционных СМИ, к феномену переменных новых медиа, от устойчивых традиций к повсеместной конструируемости реальности и необходимости выбора. Манович пишет: «Интернет отличается тем, что пользователь может высказаться на языке интерфейса, а не только понимать его как в случае с кино и телевидением <…> И в процессе дигитализации и компьютеризации культура постепенно апроприирует эту идею и применяет ее по отношению к собственным категориям и концептам, заменяет их на уровне смысла и языка на те, что лучше соотносятся с компьютерными феноменами. В результате новые медиа становятся предвестниками масштабного процесса культурной реконцептуализации» [10, с. 82–83].

В своих выводах Манович отталкивается от тезиса С. Холла о репрезентации информации, идентифицированной аудиторией в процессе декодинга. Основная проблемная область для исследования медиа по этой модели заключается в культурной составляющей, формирующей шум (в терминологии Мановича) и мешающей точной передаче информации в условиях, когда цифровой посредник является нейтральным [11, с. 47–49]. По сути, можно говорить о проблеме идеологической ангажированности и возможной манипуляции мнением целевой аудитории определенных медиа. Продуцирование громадного количества информации с возможностью быстрого к ней доступа создает опасность поверхностного отношения к фактам из непроверенных источников. Это один из потенциальных рисков, связанных с цифровым характером новых медиа.

Ученый предостерегает от соблазна тривиального определения новых медиа через инновационность медиума-передатчика. Объект изысканий ученого – «особый тип компьютерных данных, нечто, хранимое в файлах и базах данных, извлекаемое и сортируемое, управляемое посредством алгоритмов и записанное на устройство вывода данных. И тот факт, что данные – это пиксели, выводимые на монитор, не позволяет смотреть на новые медиа по-старо-

му» [10, с. 83]. Таким образом, для Мановича идея дигитализации сама по себе не является определяющей. Для него как для исследователя важнее возможность проводить с данными количественные вычисления. В эволюции взглядов автора это приводит к критике понятия «новые медиа» и предложению называть их «компьютерными», а также к переходу к теории софт-культуры.

Линия рассуждений, связанная с технодетерминистскими и медиацентристскими теориями, является одной из самых быстроразвивающихся в современных условиях, когда новые технологии, терминальные устройства медиапотребления и каналы связи постоянно совершенствуются. Эти представления регулярно подкрепляются новыми практиками использования устройств, статистикой и государственными программами модернизации. В то же время такой подход как никакой другой обнажает основной недостаток техноцентризма, часто не учитывающего, что за любым технологическим новшеством стоит человек, а за любой социальной практикой – группа людей. Выход из данной ситуации видится в смещении оптики на интеракцию в сети, акцентировании внимания на специфике формирования онлайн-сообществ. Конкретизация предмета исследования позволяет говорить о новых медиа на языке культурно ориентированной теории, в рамках которой процесс коммуникации выступает смыслообразующей практикой.

Позиция, согласно которой воспринимающий информацию индивид является активным ее интерпретатором, характерна для представителей условной «активистской школы» понимания медиа и коммуникации. В общем виде мыслители, относимые к данной традиции, опровергают линейную модель коммуникации, формализованную эмпирико-функционалистами. Их взгляды созвучны идеям теоретиков информационного общества (в частности, М. Кастельсу, Я. ван Дейку) об активной роли индивидов и социальных сетей в процессе выстраивания отношений. Активистские теории строились на том, что простые люди в процессе интеракции и коммуникации часто подсознательно тем или иным образом интерпретируют поступки и наделяют значением их последствия, тем самым трансформируя изначальный смысл передаваемого сообщения (М. де Серто, Дж. Скотт, Э. Фридберг, М. Крозье). В результате повседневных действий индивидов (практик) таким образом формируется социальная структура (И. Гоффман, Г. Гарфинкель, представители Школы Пало-Альто и др.). Дальнейшее развитие этой позиции в социальных науках отражено в работах по медиапотреблению (Э. Кац, Г. Блумер и др.), в рамках cultural studies (С. Холл и представители Бирмингемской школы и др.), по теории трансмедиа (Г. Дженкинс) и структурной герменевтике П. Бурдьё [3, с. 350–365].

Методологические основания культурно ориентированного подхода к медиа обнаруживаются в работах по сетевому анализу и реляционной социологии М. Мизраши [12], М. Эмирбайера [13] и Х. Уайта [14; 15] и др. Данное направление связано с интерпретативистской традицией, рассматривающей культурные компоненты (контент и контекст связей) наряду со структурными и технологи-

ческими. Базовой составляющей социального действия в рамках этого направления выступает смысл, порождаемый транзакциями (коммуникациями) при транспонировании идентичностей между сетевыми полями (вокруг контента). Описываемая оптика учитывает все основные компоненты новых медиа (интерактивность, цифровизацию, мультимедийность) и позволяет работать на уровне социологической проблематики, рассматривая возможность социального порядка и коллективных действий в условиях цифровой среды.

Как мы видим, современная традиция социологических исследований цифровых медиа смещает фокус от стратегий к тактикам, уделяет куда больше внимания человеку и группам, взаимодействующим с медиаконтентом. Такое смещение открывает возможности для эмпирического изучения медиа и коммуникации путем комбинации активистских теорий практик со взглядами исследователей социальных сетей и культурного софта и требует дальнейшего развития.

Список использованных источников

1. *Александер, Дж.* Сакральная и профанная информационная машина / Дж. Александер // Смыслы социальной жизни: культурсоциология. – М. : Праксис, 2013. – С. 472–504.

2. *Кирия, И. В.* История и теория медиа : учеб. / И. В. Кирия, А. А. Новикова. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2017. – 423 с.

3. *Мороз, О.* Онлайн-сообщества [Электронный ресурс] / О. Мороз // Интернет-журнал «ПостНаука». – Режим доступа: https://postnauka.ru/video/77063. – Дата доступа: 23.06.2019.

4. *Kim Jo, A.* Community Building on the Web: Secret Strategies for Successful Online Communities / A. jo Kim. – Boston : Peachpit Pr., 2000. – 380 p.

5. *Innis, H.* The Bias of Communication / H. Innis. – Toronto : Univ. of Toronto Press, 2008. – 226 p.

6. *Маклюэн, М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 464 с.

7. *Кастельс, М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

8. *Djik, J. V.* The Network Society: Social Aspects of New Media / J. V. Djik. – Bohn Staflen Van Loghum, Houten. – The Netherlands, 1991. – P. 6–40.

9. *Курочкин, А. В.* Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке / А. В. Курочкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8-3. – С. 113–117.

10. *Манович, Л.* Язык новых медиа / Л. Манович. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.

11. *Манович, Л.* Теории софт-культуры / Л. Манович. – Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. – 208 с.

12. *Mizruchi, M. S.* Social network analysis: recent achievements and current controversies / M. S. Mizruchi // Acta Sociologica. – 1994. – Vol. 37, № 4. – P. 329–343.

13. *Emirbayer, M.* Manifesto for a relational sociology / M. Emirbayer // American J. of Sociology. – 1997. – Vol. 103, № 2. – P. 281–317.

14. *White, H.* Identitiy and control: How Social Formations Emetge (Second Edition) / H. White. – Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 2008. – 456 p.

16. *White, H.* Identity and control: a Structural Theory of Social Action / H. White. – Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 1992. – 423 p.

Поступила 18.12.2019 г.

УДК 316.7

В. Я. КОЧЕРГИН,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ О РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

В статье рассмотрены взгляды Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, П. Сорокина, Т. Парсонса на развитие профессиональной структуры и профессионализма: от зарождающейся профессиональной культуры и профессионально-культурных функций (Э. Дюркгейм) до обоснования институциональности профессиональной мотивации (Т. Парсонс).

Ключевые слова: солидарность, разделение труда, профессиональная структура, профессиональная мотивация, культура.

V. YA. KOCHERGIN,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

CLASSICAL SOCIOLOGY ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL STRUCTURE AND PROFESSIONALISM

The article considers the views of E. Durkheim, M. Weber, K. Marx, P. Sorokin, T. Parsons on the development of professional structure and professionalism. The analysis of approaches is presented from origin of professional culture and professional cultural functions (E. Durkheim) to the substantiation of the institutionality of professional motivation (T. Parsons).

Keywords: solidarity, division of labor, professional structure, professional motivation, culture.

В поисках объяснительных принципов решения проблемы профессиональной культуры и ее составляющих социологическая наука прошла много этапов. Остановимся лишь на тех, которые представляются наиболее значимыми, позволяют лучше понять современные концепции и связаны с именами Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, П. Сорокина, Т. Парсонса.

Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» анализирует общую картину взаимосвязи разделения труда и общественного сознания, приходя к методологически важному выводу: по мере развития разделения труда давление коллективного сознания становилось слабее и неопределеннее, ослаблялась механическая солидарность, и, наоборот, усиливалась органическая солидарность. В свою очередь разделение труда, а следовательно, и развитие профессиональной деятельности и структура получают дополнительный импульс развития посредством обратной связи через ослабление регламентизации профессиональных функций, возможность изменения образца

готового изделия, возможность свободной критики. Последняя касалась не только профессиональной сферы, но и всей социальной сферы, которая регулировалась религиозными верованиями. При этом свободная критика, по словам Э. Дюркгейма, не только вызывала упадок верований, но и предполагала их предварительный упадок. Таким образом, наряду с практическими потребностями зарождающиеся элементы профессиональной культуры и, в частности, профессионально-культурных функций, таких как творческие и критические, взламывали окостеневший уклад средневековой корпоративности [1, с. 290–293].

Одновременно Э. Дюркгейм не мог не задаваться вопросом о том, «не грозит ли профессиональный дух заменить приходской дух и оказывать на индивидов то же давление» [1, с. 311]. Это тем более правомерно, поскольку существовали и касты, и средневековая ремесленная и цеховая структура. Э. Дюркгейм поясняет, что «по мере разделения труда утверждается множество профессиональных систем нравственности и права. Но эта регламентация не уменьшает сферу деятельности индивида. Во-первых, профессиональный дух может иметь влияние только на профессиональную жизнь. Вне этой сферы индивид пользуется большей свободой... Во-вторых, так как эти правила имеют корни только в незначительном числе сознаний и не затрагивают общества в целом, то они в силу этой меньшей универсальности имеют меньший авторитет» [1, с. 311]. Кроме того, обычаи, общие для профессиональной группы, по мере укрупнения самой группы также становятся более общими, «оставляя больше свободы для частных расхождений» [1, с. 312]. Наконец, большая независимость новых поколений ослабляет традиционализм профессии и открывает дорогу индивидуальным нововведениям. Поэтому, заключает Э. Дюркгейм, «по природе своей профессиональная регламентация менее, чем любая другая, препятствует росту индивидуальных различий, но она препятствует ему все менее и менее» [1, с. 312]. Таким образом, великий французский социолог отводил весьма прогрессивную роль профессиональным группам и профессиональному сознанию.

М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» так же, как и Э. Дюркгейм, утверждал, что воспитательное воздействие христианской аскезы на экономическую и профессиональную деятельность осуществлялось в наибольшей степени тогда, когда «расцвет чисто религиозного энтузиазма был уже позади» [2, с. 201]. Здесь следует подчеркнуть, что, по мысли М. Вебера: «Один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания возник из духа христианской аскезы» [2, с. 205].

«Дело» и «отречение» – основной взаимосвязанный мотив буржуазного стиля жизни, распространявшегося вместе с развитием индустриального общества. Именно ограничение деятельности в результате специализации рамками профессии создает предпосылки плодотворного труда. Распростра-

нившийся стиль жизни, связанный с представлениями о «призвании» и «профессиональном долге», напоминает прежние религиозные идеи. Но современный человек, отмечал М. Вебер, особо не вникает в родословную этих мотивов и норм, пока не соотнесет их с внешними духовными ценностями или «не ощутит непосредственное экономическое принуждение» [2, с. 206]. М. Вебер, в отличие от Э. Дюркгейма, показывает, что базовый мотив профессиональной культуры, выходя за первоначальные рамки профессии, «подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль». Он не столь однозначно оптимистично, как Э. Дюркгейм, смотрел на перспективы идеалов и ценностей профессиональной культуры, допуская как возможности возрождения и взлета, так и наступление века «механического окостенения... бездушных профессионалов» [2, с. 207].

Несомненным вкладом М. Вебера являются методологически важные размышления: «Политика как призвание и профессия». Для нашей темы этот текст представляет интерес по крайней мере в двух отношениях: 1) как структурированное в современном понимании описание профессионализма и компетентной политики; 2) как глубокое исследование этоса политики. Оба аспекта выходят за рамки только политической деятельности и позволяют обнаружить черты сходства в других профессиях.

Каковы же, по М. Веберу, необходимые качества для политика? Во-первых, «страсть», то есть ориентация на существо дела (в современном понимании мотивация. – *В. К.*), во-вторых, «ответственность» перед делом, отсутствие которой не заменяет даже наличие «страсти», наконец, в-третьих, решающее качество – «глазомер», то есть способность дистанции по отношению к вещам и людям (рефлексивность. – *В. К.*). Мотив, норма и механизм оценивания (преимущественно рационального характера) – это, по-видимому, минимальная триада для формирования профессионализма. Последовательное развертывание и наполнение каждого элемента или всего комплекса позволяет методологически точно описать большинство известных типов профессий.

Что же касается этоса политики как «дела», то среди многообразия выделенных М. Вебером вопросов в нашем контексте целесообразно выделить следующие. Прежде всего, М. Вебер вновь указывает на генетическую связь религий (в той или иной степени) через установление своего этического закона с каждой из профессий. Особенно жестко в индуизме (дхарма и касты), менее жестко в католицизме и протестантизме. Во-вторых, М. Вебер, продолжая вести речь о качествах политика, обозначает два принципиально различных императива: «этику убеждения» и «этику ответственности». При этом профессионал, исповедующий «этику убеждения», как правило, чувствует ответственность лишь за то, чтобы поддерживать накал этого убеждения (высокий уровень мотивации. – *В. К.*), но не за возможные неудачи. Напротив, тот, кто ориентирован на «этику ответственности», принимает на себя любые последствия собственной деятельности, не возлагая неудачи на других. Просматривается отчетливая зависимость между структурой качеств профессионала

и этически ориентированным действием. Можно заключить, что только сильная рефлексивная позиция профессионала позволяет трезво оценить меру ответственности, в том числе и перед будущим. В то же время идеализированная и не в меру эмоциональная мотивация сделать это не позволяет. Однако М. Вебер, схематизируя, вовсе не упрощает проблему нравственного выбора. Об этом свидетельствует его глубокое замечание: «Ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель “освящает” этически опасные средства и побочные следствия» [2, с. 697].

К. Маркс, оказавший огромное влияние не только на социальную науку, но и на политическое развитие многих стран, в интересующем нас контексте привлекает внимание среди многих своих идей разработкой проблемы разделения труда и перемены труда в связи с классовыми антагонизмами и отчуждением труда. Он, несомненно, отличается от других теоретиков капиталистического общества, таких как Э. Дюркгейм и М. Вебер, своей радикальной ориентацией на уничтожение этого «общества-формации» и переходом на другой, более высокий уровень развития – к коммунистическому «обществу-формации», в котором вместе с частной собственностью, по его мнению, должны будут исчезнуть и классовые антагонизмы.

В первом томе «Капитала» К. Маркс в главе «Разделение труда и мануфактура» отмечает, что мануфактура, являясь «специфическим созданием капиталистического способа производства» [3, с. 372], в отличие от простой кооперации, оставляющей способ труда работников в основном постоянным, «революционирует его снизу и доверху и поражает индивидуальную рабочую силу в самом ее корне. Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований» [3, с. 373]. И далее он продолжает: «Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила» [3, с. 374]. Этот процесс отделения начинается еще в простой кооперации и «завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу» [3, с. 374]. В главе «Машины и крупная промышленность» К. Маркс заключает, что с развитием машинного производства возникает извращенное отношение, когда «не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего» [3, с. 434]. Крупная промышленность «постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит ста-

рое разделение труда с его окостеневшими специальностями... это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого» [3, с. 498]. Сама крупная промышленность «своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а поэтому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения» [3, с. 499]. Для К. Маркса самоочевидным и единственным путем решения этих проблем (что более всего пугало его оппонентов. – *В. К.*) являлось «неизбежное завоевание политической власти рабочим классом» [3, с. 499]. Конечно, многое из того, о чем с таким пафосом и с такой болью говорил К. Маркс, осталось в прошлом, ряд предположений не оправдался, некоторые из них были просто вульгаризированы и извращены. Однако сформулированные методологические принципы К. Маркса в той или иной степени не только оппонируются, но и используются многими учеными различных направлений. Свидетельства этому, пусть даже косвенные, будут возникать еще не раз. Для нас же важно то, что К. Маркс показал достаточно убедительно источники противоречий, возникающих в технологических и социально-экономических процессах разделения и перемены труда, показал стимулирующие и ограничивающие развитие профессионализма факторы. В то же время трудно не согласиться с тем, что отчуждение работника (не только рабочего. – *В. К.*) от средств производства, от произведенного им продукта, от ряда содержательных, в том числе и творческих, сторон процесса производства, от полноценного образования, а также от других людей в результате осуществления человеческих отношений, – все это не только актуально, но и позволяет более объемно разглядеть миры современной профессиональной культуры и неразрывно связанные с ними социальные технологии.

В первой четверти XX столетия проблемы и подходы, обозначенные К. Марксом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, находились в стадии не только изучения, но и своеобразной проверки практикой.

Парадоксальное положение молодой российской социологии, которая на подъеме вынуждена была уступить свое законное место государственному историческому материализму, делает особенно привлекательным обращение к идеям П. Сорокина, – пожалуй, наиболее яркого российского социолога того периода. П. Сорокин во втором томе «Системы социологии», за которую ему была присуждена докторская степень, рассматривал строение «сложных социальных агрегатов», в том числе профессиональных групп.

П. Сорокин, исследуя один из видов социальной группировки, – профессиональную, отмечает, что она является одной из важнейших, так как во многом определяет поведение индивида, а кроме того, играет «колоссальнейшую роль в среде других социальных расслоений» [4, с. 182]. Ученый считал, что

«источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию» [4, с. 182]. Опираясь на разделяемый им принцип «рикошетного» влияния акта на психику и поведение человека, П. Сорокин писал, что профессиональная деятельность оказывает громадное влияние на поведение и уклад жизни человека: «Она механически, помимо воли и желания индивида, переделывает его, творит по своему образу и подобию, определяет его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания, словом – всю его природу... Сходно-профессиональные неизбежно будут во многом солидарны, разно-профессиональные лица буду иметь ряд различий и антагонизмов» [4, с. 183]. Сделав этот вывод, П. Сорокин не ограничивается его академическим характером, но обращается, и не без полемического мастерства, к рассмотрению позиции синдикализма (на примере французского синдикализма), суть которой сводилась к следующему – «присвоить синдикатам (т. е. профессиональным объединениям рабочих. – *П. С.*), являющихся органом рабочего движения, все функции, касающиеся рабочего мира, отобрав их у государства» [4, с. 192]. Обобщая данную и ряд других позиций синдикализма как «идеологии профессиональной группировки», П. Сорокин иронично замечает, что, согласно этой идеологии, «синдикалистско-профессиональная группировка... должная быть основой будущего общества, все остальные группы обречены на гибель и сломку. Только она одна будет жить и гарантирует осуществление земного рая на земле, уничтожение эксплуатации, свободу, мир и блаженство» [4, с. 193].

Отдавая должное профессиональной группировке, П. Сорокин говорил о том, что она только одна из многих, пересекающаяся с другими. Фактически ученый сделал решительный шаг в сторону от методологии так называемых «монофакторных теорий» к признанию многофакторности и многомерности социального пространства. При этом он убедительно, на примерах, в том числе и Первой мировой войны, когда патриотизм оказался выше международной синдикалистской солидарности, показал, насколько ущербны и даже опасны на практике «рецепты» синдикалистов. Взвешенная и аргументированная точка зрения классика российской социологии свидетельствует о том, что он, обращаясь к актуальным социальным проблемам своего времени, не только не порывал с традициями мировой социологии, но и закладывал перспективные идеи понимания сложного социального целого как открытой системы. Отсюда просматриваются идеи теории социальной стратификации, мобильности и социокультурной динамики. Для нас важно и то, что профессиональное сознание в описываемый период рассматривается скорее как профессиональная идеология, а не профессиональная культура, и, кроме того, выступает основанием не только профессиональной консолидации (в том числе и международной), но и инструментом борьбы за влияние данной группы.

Чем далее от реальных политических проблем уходила социология, тем нейтральнее становился ее язык, тем в большей степени исследователей при-

влекали детали изучаемого предмета. Эта особенность (и, прежде всего, позитивистской социологии) отличает творчество Т. Парсонса – основоположника структурно-функционального направления. Т. Парсонс во время стажировки в Гейдельберге изучал творчество М. Вебера и впоследствии опирался на ряд идей последнего, в частности при исследовании профессионализма и теории социального действия. В статьях 1940 г. «Мотивация социальной стратификации» и «Аналитический подход к теории социальной стратификации», переведенных на русский язык и включенных в сборник «О структуре социального действия», Т. Парсонс изложил свои взгляды того периода на институциональный аспект формирования и реализации мотивации профессионалов, а также на критерии определения статуса профессионалов в открытом и мобильном американском обществе. Принципы структурного функционализма уже весьма ощутимы в этих текстах.

Так, заявляя, что «институциональная структура... является не чем иным, как довольно стабильным способом организации человеческой деятельности и мотивационных факторов», а также, что «одним из основных рядов элементов институциональной структуры является система нравственных чувств» [5, с. 338], Т. Парсонс делает вывод о том, что «по мере интеграции с институциональной системой обнаруживается сильная тенденция тесной интеграции ко все более тесной интеграции его (актора. – *В. К.*) нравственных чувств с эгоистическими элементами его личной структуры» [5, с. 339].

Для демонстрации различия в институциональных моделях он приводит две профессии, которые считает контрастными: научная работа в сфере медицины и предпринимательство. Форма выражения этих различий, по словам Т. Парсонса, – отличие «специалистов» и лиц свободных профессий от «торгашей». В этом плане он характеризует суть «профессионализма» как ограничение возможности агрессивным проявлениям эгоистического интереса. Ограничения, налагаемые медицинской этикой, во многом связанные с получением немедленной финансовой выгоды, в сфере предпринимательства, наоборот, не рассматриваются как предосудительные и «считаются частью институционально определенной роли настоящего предпринимателя» [5, с. 348]. Хотя и для специалиста денежный доход является символом его профессионального положения, однозначного соответствия престижа и дохода здесь нет (например, медицинские ученые светила, работающие в крупных исследовательских центрах, и известные, занимающиеся частной практикой, высокооплачиваемые врачи). В то же время в предпринимательстве прибыль не только символ статуса, но и мера успеха.

Подобные различения, отмечает Т. Парсонс, отчетливы лишь в институционально интегрированной социальной системе и по отношению к достаточно высоко специализированному профессионалу. Если же личность профессионала слабо интегрирована (специализирована) или плохо интегрирована сама социальная структура, то неизбежно возникает конфликт между институциональным статусом, ролью и мотивацией, что приводит к невротизации лично-

сти. В то же время Т. Парсонс констатирует, что мы живем в обществе, которое во многих отношениях далеко от полной интеграции [5, с. 353].

Рассматривая систему социальной стратификации и статус индивида в ней, американский социолог считает статус результирующей по следующим шести шкалам оценок: 1) принадлежности к родственной ячейке; 2) личных качеств; 3) достижений; 5) авторитета; 6) власти. Т. Парсонс указывает при этом на сложную связь между «дескриптивным» и «аскриптивным» (заданным видом статуса и схемой стратификации). В частности, в Америке статус определяется «в значительной степени на основании достижений в профессиональной сфере» [5, с. 367], что требует высокой степени равенства возможностей, и одновременно «эта профессиональная система, имеющая решающее значение в области стратификации, сосуществует в нашем обществе с сильным акцентом на родственных узах» [5, с. 367–368].

Как видно из приведенного текста, Т. Парсонсу с трудом удается обосновать доминирующую роль профессиональных достижений, так как фактическим мерилом успеха, а следовательно, и статуса в американском обществе, был и остается экономический критерий (унаследованный или приобретенный доход). Чтобы «избежать серьезной дискредитации институциональной модели, которая обосновывает классовый статус профессиональными достижениями человека, в нее необходимо ввести известное пространство для классовой мобильности» [5, с. 378]. Таким образом, Т. Парсонс пытался сохранить объяснительный потенциал структурно-функционального подхода, но его явно не хватает для объяснения противоречий современного общества. Поэтому, по сути, он их загонял «вглубь». Тем не менее проведенный Т. Парсонсом анализ был для своего времени несомненным шагом вперед, так как позволял понять значение профессионализма в структуре и культуре американского общества: во-первых, признанием профессиональных достижений в качестве одного из важнейших каналов вертикальной мобильности, что свидетельствовало об открытости общества. Во-вторых, обоснованием укорененности в институциональных моделях профессиональных этических и гражданских норм, взаимодействующих с различными мотивационными типами и в известной степени противостоящих также институционализированному эгоистическому интересу, то есть явлению, «которое обычно называют “стяжательским характером” капиталистического общества» [5, с. 353]. В-третьих, созданием широкого проблемного и комбинационного пространства для личностно-ролевых типологий профессионалов.

Таким образом, во взглядах социологов классического периода были даны варианты ответов на вызовы теории и практики своего времени. Каждый из великих социологов обрабатывал ту грань проблемы, которая открывалась его методологическому инструменту. Э. Дюркгейм делает вывод о прогрессивной роли профессиональных групп, так как профессиональная регламентация не сковывает развитие индивидуальных различий, а следовательно, и органической солидарности. М. Вебер считал, что основа профессиональной моти-

вации, возникшая из «духа христианской аскезы», сформировала весь стиль жизни современного для него общества. При этом он допускал в развитии профессионализма не только возможности культурного развития, но и угрозу «механического окостенения». К. Маркс с позиций классовых антагонизмов анализировал современный ему капитализм и писал об отчуждающем воздействии на трудящегося существующего разделения труда и возможностях открывающихся на путях перемены труда, а также коренного изменения общественных отношений. П. Сорокин показал, что абсолютизация роли профессиональных отношений в обществе не имеет ни исторической, ни теоретической основы. Наконец, Т. Парсонс, опираясь на идеи М. Вебера, обосновал институциональность профессиональной мотивации и, насколько ему позволял структурно-функциональный подход, – противоречия этой мотивации.

Список использованных источников

1. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. – М. : Канон, 1996. – 432 с. – (История социологии в памятниках).

2. *Вебер, М.* Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

3. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954–1966. – Т. 23 : Процесс производства капитала. Т. 1 (Кн. 1). – 1960. – 908 с.

4. *Сорокин, П.* Система социологии : в 2 т. / П. Сорокин. – М. : Наука, 1993. – Т. 2 : Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. – 688 с.

5. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Акад. Проект, 2000. – 880 с.

Поступила 02.12.2019 г.

УДК 316.46:303.443.2(476)

Н. С. РЫСЮКЕВИЧ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
докторант Института социологии НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: nat-rysyukevich@yandex.ru

СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: КОГНИТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ)

В статье анализируется сфера становления и развития спорта как социального феномена, изучены проблемы экспликации его сущности как образа жизни, рассмотрены его формальные и содержательные характеристики, проанализированы ценности и ведущие направления, актуализированы физические и ментальные характеристики, проанализированы профессиональные способности, нравственные качества и ценности спортсменов.

Ключевые слова: спорт, соревнования, измерения, спортивные победы, социальные механизмы, личностные качества, профессиональный спорт, физические нагрузки, когнитивные возможности, психофизиологические основания, социологические модели, информационное общество.

N. S. RYSIUKEVICH,

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Postdoctoral student, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: nat-rysyukevich@yandex.ru

SPORT AS A SOCIAL PHENOMENON: COGNITIVE OPPORTUNITIES AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL FOUNDATIONS (SOCIOLOGICAL DESIGN)

The article analyzes the sphere of formation and development of sport as a social phenomenon. The problems of explication of its essence as a way of life are studied. Its formal and content characteristics are considered. Values and leading directions are analyzed. Physical and mental characteristics are updated. Professional abilities, moral qualities and values of athletes are analyzed.

Keywords: sport, competitions, measurements, sports victories, social mechanisms, personal qualities, professional sport, physical loads, cognitive opportunities, psychophysiological grounds, sociological models, information society.

Происходящие в стране изменения требуют дальнейшего поиска новых общественных инноваций, прежде всего в социально-политической и духовно-нравственной сферах общества. Это относится и к спорту как важнейшему социальному феномену. По мнению французского классика социологии П. Бурдьё, «пространство видов спорта не есть мир, замкнутый в себе самом. Оно включено в мир практик и потребления». Но в то же время есть «все ос-

нования рассматривать виды спортивной практики как относительно автономные пространства» [1, с. 262].

Спорт – это неотъемлемая часть человеческой жизни. Это специфический вид человеческой деятельности и в то же время – социальное явление, способствующее росту престижа как отдельных личностей, так и общностей, и государств. С древних времен культ физической силы и красоты как основа выживания человека пользовался огромной популярностью. Дух соревновательности пронизывал любое общество, удовлетворял стремления личности, являлся движущей силой ее развития и совершенствования. Олимпийские игры, античный агон, средневековые рыцарские турниры выступали как честные, бескомпромиссные состязания, были близки к своеобразному религиозному ритуалу. Как не велик и многообразен современный мир, в нем отражается личностное «Я» спортсмена, его потребности и желания, цели и возможности, убеждения и мотивы, интересы и установки. Спорт является индикатором, маркером физических и моральных сил личностей как лучших представителей различных общественных слоев. Достигнутые в процессе тренировок высокие результаты подталкивают остальных членов социума стремиться к установленному идеалу.

Социологические исследования показывают, что спорт постепенно стал важнейшим показателем самоорганизации социальной и духовной жизни, формирует определенные представления о жизни, является неотъемлемой составляющей культуры, обучения и воспитания любого народа, любой нации.

В определенной мере спорт сегодня организует человеческую жизнь. Он в значительной степени осуществляет регулирующую функцию в поведении человека, его духовной и материальной жизни, гармонизирует тело и душу, дух и чувственность, свободу и биологическую природу человека. Именно в спорте наиболее ярко проявляются такие важные для личности ценности, как стремление быть первым, равенство шансов на победу, достижение успеха, возможность победить не только соперника, но самого себя и обстоятельства.

Главным в спорте является человек, который сознательно регулирует движения тела, целенаправленно перемещает его в пространстве с помощью собственных усилий и, если необходимо, специальных приспособлений, например спортивного шеста. Для этого он развивает физические (силу, быстроту, выносливость, ловкость и гибкость) и когнитивные (интеллект, интуицию, самостоятельность, критичность, сообразительность, аналитичность) качества, совершенствует психические навыки и возможности. Он учится управлять собой в различных экстремальных ситуациях, формирует общие и специальные технологии действий, необходимые для успешной реализации физической и психической готовности [2–6].

Значимость спорта постоянно растет на фоне новых реалий современной жизни. Спорт является отличным средством нейтрализации техногенно-информационной гиподинамии и социально-психологической напряженности. Технический прогресс снял с человека значительную часть физических на-

грузок, что создало смертельную для него как биологического существа проблему – гиподинамию. Привыкшие к незначительным нагрузкам, индивиды не способны выносить новые физические нагрузки, которые оказываются для них дистрессорными. Лечить гиподинамию, а также стрессы и депрессии можно с помощью физической культуры и спорта. Физические упражнения оказывают благотворное действие на весь организм, удовлетворяют физические и духовные потребности человека, делают его закаленным, способным выдерживать самые различные неблагоприятные воздействия внешней среды, развивают определенные потребности личности, обеспечивая ее всестороннее гармоничное развитие [2–4; 6; 7].

Спорт всегда важен и интересен для жителей нашей страны. «Развитие спорта всегда было и остается неизменным приоритетом государственной политики в Беларуси», – особо подчеркнул в конце 2018 г. на совещании по вопросам развития летних видов спорта Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [8]. Однако особый, повышенный интерес к спорту как социальному феномену в нашей стране детерминирован глубокими изменениями в сфере гражданской и культурной самоидентификации, которые проявились на фоне подготовки 78-го чемпионата мира по хоккею, который прошел в Минске с 9 по 25 мая 2014 г. После знакомства с Беларусью многие действия нашей страны на мировой арене были восприняты другими народами совсем иначе, нежели они воспринимались до чемпионата мира по хоккею. Спортивные состязания были восприняты многими белорусами как ключевой фактор, способствующий символическому объединению народов. Следующими знаковыми спортивными состязаниями стали II Европейские игры и матчевая встреча легкоатлетов Европы и США. Они существенно повысили статус спорта как явления общемировой значимости и подтвердили необходимость изучения этого социального феномена, служащего своеобразным фактором объединения стран и народов [6–8].

Спорт обладает мощной социализирующей силой. Ученые и журналисты, аналитики и политики давно рассматривают спорт как средство, способное приобщить людей к конкретным действиям, сплотить общество единой национальной идеей, наполнить своеобразной идеологией, стремлением к успеху, к победе. «Спорт – это основа идеологии, – подчеркнул Глава белорусского государства. – Без болтовни, без разговоров выходит один спортсмен или группа спортсменов, и в честь этого спортсмена – считай всего народа и всей страны – звучит государственный гимн. Как это поднимает настроение людей, вы знаете. Вот причина особого внимания государства и моего лично к спорту» [8].

Спорт как важный социальный феномен современной жизни, считает российский исследователь В. Ю. Костиков, тесно связан со многими ценностными категориями, которые он аккумулирует, развивает и транслирует.

Во-первых, он прямо влияет на физическое и духовное развитие личности, раскрытие творческого потенциала участников спортивного процесса.

Во-вторых, является средством формирования образа и стиля жизни, выступает как культурный образец позитивного воздействия на сознание людей, на отношения между ними.

В-третьих, демонстрирует разнообразные образцы и модели индивидуального поведения, максимально соответствующие особенностям каждого индивида.

В-четвертых, выступает инструментом влияния на физическое, интеллектуальное, духовное развитие подрастающего поколения, и т. д. [9].

Во многих спортивных изданиях пишут: спорт, спорт. Но что такое спорт? В чем его специфика? Какие он выполняет функции? До сих пор общепринятого определения понятия «спорт» в современной литературе нет. Как утверждают многие исследователи, термин «спорт» прошел сложную эволюцию – от развлечения до «честолюбивого стремления к достижению чего-либо особенного, выдающегося в сфере телесных упражнений» [10].

Российский ученый А. В. Кыласов утверждает, что «игры, привитие навыков игр и сопоставление успехов отдельных особей в состязаниях стали называть одним словом – "спорт", сокращением от термина "диспорт" (от англ. disport), первоначально означавшего способность живых организмов адаптироваться к изменениям внешней среды. Спорт, воспринятый в русле ницшеанства (стремление "улучшить" человечество, освободив его от моральных и религиозных ограничений), стал широко использоваться идеологами государств-наций» [11].

В «Учебнике по основам физической культуры в вузе» предложено следующее определение спорта: «Спорт – составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания, основанный на использовании соревновательной деятельности и подготовке к ней, в процессе которой сравниваются и оцениваются потенциальные возможности человека» [12].

Российский исследователь В. Нишуков в работе «Понятие спорта» в журнале «Логос» пишет: «Спорт (modern sports) – это неутилитарные физические состязания, которые проходят по определенным правилам» [13, с. 184]. Спорт в узком смысле – «это спорт модерна, существующий с конца XVIII в., наивысшим выражением которого стало олимпийское движение. Спорт в широком смысле – практики и мероприятия, генетически связанные с тем, что мы решили обозначить как спорт в узком смысле» [13, с. 185].

Спорт, являясь определенным способом деятельности, выступает не только в поведенческих, но и в других символических, знаковых, вербальных, идеальных, вещных формах. Он включает в себя нормы, ценности, систему социальных ролей и институтов. Именно поэтому победа в соревновании, которая осознается как выход и на границы собственных возможностей, и на тот уровень реализации человеческого потенциала вообще, на который не смог подняться никто иной, переживается остро эмоционально [14; 15].

Предлагаем принципиально новое определение спорта. *Спорт – это система ценностей, смыслов, образцов действий индивидов, которая представляет*

собой взаимодействие личностных качеств и социальных действий (технологий), детерминированных психическими импульсами человека и направленных на достижения высоких результатов в состязаниях. Таким образом, в основе данного определения находится взаимосвязь трех важнейших личностных характеристик спортсменов, детерминирующих большие спортивные победы.

Многочисленные исследования показывают, что победителем в любой сфере жизни может стать индивид, имеющий определенный комплекс конкретных личностных качеств. Об этом говорил, выступая 18 октября 2019 г. при посещении Академии управления при Президенте Республики Беларусь, А. Г. Лукашенко: «Меняется мир, меняется общество. Требования к компетенциям современного руководителя становятся все выше. А значит, в систему должны приходить управленцы новой формации – руководители с ярко выраженными лидерскими качествами и государственным мышлением, мотивированные и нацеленные на высокий результат». Говоря о личностных качествах управленцев, Глава государства выделил три позиции – лидерство, подготовленность и амбициозность [16].

Так и в спорте. В современном спорте наблюдается жесточайшее противостояние между профессиональными атлетами, цель которого – добиться высоких спортивных результатов, заслужить любовь и признание болельщиков, повысить не только личный авторитет, но и престиж государства. В каждом виде спорта спортсмен должен обладать комплексом личностных качеств как осознанной необходимости полноценного осуществления спортивной деятельности. Требовательность к себе и мужественность, настойчивость и решительность, самокритичность и принципиальность, высочайший уровень знаний, навыков, умений – вот только некоторые из них. Спортивные тренировки направлены на формирование тех личностных качеств, которые способны обеспечить достижение максимальных спортивных результатов.

Российский исследователь А. С. Макагонов считает, что спортивные качества – это совокупность функциональных (инициирование, организация, доминирование, сдерживание, коммуникация), психологических (направленность на акмедостижения, повышение активности личности, получение знаний и умений поддержания психического и социального здоровья) и средовых (удовлетворенность окружением, преодоление сопротивления среды) компонентов, встраивающихся в структуру развития личности в роли инициатора, катализатора или навигатора [17].

Предлагаем авторское определение: *качества спортсмена-победителя – это обобщенные, наиболее устойчивые объективные и субъективные свойства, интеллектуальные, волевые, нравственные и коммуникативные характеристики мышления и поведения, детерминирующие социальные связи и отношения индивидов, позволяющие им побеждать в спортивных состязаниях любого уровня. Эти качества следует понимать как интегрированную модель субъективных характеристик, устойчивых качеств и субъективных свойств, которые отражают спектр индивидуальных различий и содейству-*

ют повышению эффективности деятельности спортсменов различных уровней в различных ситуациях.

Однако какими должны быть личностные качества спортсменов высокой квалификации? На основании чего можно сделать выбор, что важнее для победы: честность или смелость, порядочность или компетентность, воля к победе или инициативность, здравый смысл или хорошая интуиция, профессионализм или мужество? В исследовании «Формирование командных лидеров в сфере спорта: социологические тренды» выделен ряд личностных черт спортсменов, достигающих высоких результатов. Среди них: высокая эмоциональная устойчивость, уверенность в себе, самоконтроль, настойчивость, сознательность, стремление к лидерству, инициативность, склонность к риску, общительность, мотивация достижения успеха. Общими для данных видов характеристиками, улучшающими результативность спортсменов, являются оптимальная мотивация достижения, выраженные адаптивные способности, необходимые волевые качества: интернальный локус контроля, высокая организованность, целеустремленность и настойчивость. В данной работе было предложено несколько кластеров личностных качеств спортсменов, без которых невозможно достичь больших спортивных побед. Особое внимание было уделено когнитивным качествам спортсменов [4].

Блок когнитивных качеств предполагает рефлексию, общекультурные знания, профессиональные знания, понимание внутреннего мира человека, интуицию, гибкость, самостоятельность, критичность, сообразительность, аналитичность, синтетичность мышления, способность прогнозировать поведение человека, проницательность, интеллект. Такие когнитивные свойства социальных субъектов, как устойчивость гностических функций, механизм антиципации, скорость переработки информации; мотивация, эмоциональная устойчивость, концентрация, точность, селективность, волевые свойства личности, самоконтроль, самооценка, индивидуальный стиль спортивной деятельности, особенно ярко выражаются в творческом мышлении и интеллекте спортсменов [4].

Когнитивные характеристики как спортивные качества, с одной стороны, являются основой психологической составляющей спортивной деятельности, их эффективность во многом определяет успешность спортивных действий. Эти качества базируются на перцептивных и аттенционных характеристиках, детерминирующих свойства восприятия и внимания (концентрация, точность, селективность). Они позволяют тренеру быстро ориентироваться в постоянно меняющихся ситуациях. Наряду с содержательно-профессиональными знаниями большое значение для повышения эффективности в спортивных видах со сложной координацией имеют творческое мышление, которое является одним из основных проявлений ведущих спортсменов в игровых видах спорта [4, с. 246–247]. Все их можно формировать в ходе когнитивных тренировок, которые можно определить как овладение «когнитивными способностями и навыками, необходимыми для оптимального проявления результативности» [18; 19].

С другой стороны, современные исследования показывают, что спорт, помимо влияния на тело и психику атлетов, оказывает активное влияние на их мыслительные способности, на интеллект, причем не опосредованно, а самым непосредственным образом. Физические упражнения не только помогают оставаться в форме, но и улучшают работу серых клеточек, а это, в свою очередь, позволяет добиться хороших результатов в работе и учебе. Согласно многочисленным исследованиям, физически активные люди и соображают лучше, чем те, кто предпочитает отказаться от спорта, чем лучше развито тело, тем более гибким становится мозг и тем лучше мышление и психологическое состояние [4; 20].

Исследования американских ученых показали, что профессиональные спортсмены способны быстрее обрабатывать информацию. При этом когнитивные способности спортсменов проявляются не только на площадке, но и вне ее. Спортсмены могут на лету воспринимать информацию и быстрее переключаться между задачами, чем те, кто не занимается спортом [21]. В этой связи особый интерес представляет совершенствование мышления спортсменов, развитие личностных качеств, помогающих более эффективно проводить спортивные комбинации.

Таким образом, существенные результаты в спорте возможны только благодаря регулярной тренировочной деятельности по формированию личностных качеств с максимальным физическим и психическим напряжением, большим объемом тренировок и существенной интенсивностью общих и специальных упражнений. Уровень развития личностных качеств (физических, когнитивных, волевых, морфологических, функциональных и др.), специально-двигательной подготовленности, координационных способностей, вестибулярной устойчивости, свойств темперамента, выраженности признаков интеллекта существенно влияет на качество и сложность спортивных комбинаций. Типичный пример – фигурное катание. Только высокие показатели развития координационных способностей, гибкости, скоростно-силовых качеств, вестибулярной устойчивости, переключения внимания, точности воспроизведения силовых и пространственных характеристик, ряда когнитивных характеристик детерминирует высокие спортивные показатели и победу в состязаниях. В процессе формирования конкретных личностных качеств спортсмена происходит специфическая перестройка отдельных функций организма, направленная: на наиболее полное и рациональное использование его возможностей для исполнения различных комбинаций: вращений, прыжков, шагов, поддержек [4; 22; 23].

Человек – существо социальное. Объединение отдельных личностей в спортивную команду изменяет многие стороны их активности, существенно меняя скорость, силу и характер их реакций на внешнюю среду. Свойства социума как психосоциального объекта определяются, с одной стороны, психофизиологическими свойствами отдельных ее членов, с другой – структурой межличностных связей в спортивной команде, имеющих свойство эмерджент-

ности. Спортивная команда реагирует как единое целое и на внешние раздражители, и на изменение своих внутренних элементов. Особенность данной системы в том, что она целостна: все элементы связаны друг с другом, и «выпадение» любого из них означает распад всей системы или переход ее в другое состояние, образование другой целостности с другими качествами. Сегодня, когда физическая готовность спортсменов находится на очень близком уровне, решающим фактором для победы в спортивных состязаниях становится их психологическая готовность. В настоящее время подготовка спортсменов осуществляется по различным направлениям, но порой недостаток воли или неумение управлять своими эмоциями может свести к нулю результаты многолетних тренировок. Тем более, что рост спортивных результатов и их престижность, увеличение конкуренции, ответственность спортсмена за свой спортивный результат увеличивают их психическое напряжение как во время тренировочных занятий, так и в период соревнований. Чтобы быть победителем, нужно иметь психологию победителя, дух победителя, волю победителя, вдохновение победителя. Взгляд победителя направлен на то, что он может сделать. И он делает это со спокойной уверенностью и внутренней убежденностью в победе, в собственной силе [4; 22; 23].

В основе психологической модели побед в спорте находятся психологические профессиональные качества. По мнению известного профессора НГУ им. П. Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург) Л. К. Серовой – это индивидуально-психологические свойства личности, актуально выражающие потенциальные возможности человека в определенной деятельности и являющиеся основой для приобретения специальных знаний, умений, навыков. Российский исследователь создала модель личности спортсмена, состоящую из шести структурных компонентов, показывающих основные направления исследования личности спортсмена: поведенческий, мотивационный, интеллектуальный, эмоционально-волевой, коммуникативный, гендерный [22].

Известный российский психолог Е. А. Корсунский предложил ряд интегративных блоков личностных и психологических качеств, которые могут быть использованы спортсменами высшего уровня в постоянной спортивной и тренировочной деятельности. Среди них особо важное место занимает блок рефлексивно-перцептивных качеств, который объединяет в себе одиннадцать качеств, в числе которых психологическая наблюдательность, адекватность восприятия себя и других людей, способность расшифровывать невербальные реакции человека, адекватность первого впечатления, концентрация на клиенте и пр. [23].

В настоящее время интерес к спорту возрастает, начинает приобретать философский смысл и значение, проводятся социологические исследования. Это и понятно: каким будет человек, его личностные качества, таким будет и все человечество. Особое место в этой системе занимают спортсмены, обладающие своеобразными личностными качествами, в том числе физическими, психологическими, когнитивными, деятельность которых протекает в особой среде, носящей очень часто противоречивый характер.

Спорт и спортивная деятельность представляют собой специфическую социокультурную институализированную область социальных взаимоотношений и действий, направленную на достижение больших побед и высоких результатов.

Конкретные спортивные действия требуют определенных, строго подобранных личностных качеств. В свою очередь, только высокопрофессиональные личностные качества способны обеспечить выполнение конкретной спортивной комбинации действий. В данном случае следует не забывать, что поведение человека является «осмысленно ориентированным» и подчиняется определенным индивидуальным мотивам. Можно считать действие социальным, когда имеет место процесс соотнесения взаимных ожиданий, целей и средств, осознаваемых как адекватные для достижения целей («целерациональное действие»). Личностные качества формируются в результате большой и напряженной работы. Тем более, что в настоящее время физические, функциональные нагрузки по объему и интенсивности подошли к своему пределу, многочасовые ежедневные тренировки стали обычной практикой не только у взрослых, но и у юных спортсменов [4; 19; 22; 23].

Список использованных источников

1. *Бурдьё, П.* Программа для социологии спорта / П. Бурдьё // Начала. – М. : Socio-Logos : Фирма «Адапт», 1994. – С. 257–275.

2. *Котляров, И.* Сова Минервы и Аполлон как важнейшие императивы современного спорта: социологическое осмысление / И. Котляров // Иппокрена. – 2019. – № 1. – С. 132–149.

3. *Котляров, И. В.* Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск : Изд-во МИУ, 2012. – 284 с.

4. *Котляров, И. В.* Формирование командных лидеров в сфере спорта: социологические тренды / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 439 с.

5. *Рысюкевич, Н. С.* Спортивное лидерство: от социологических моделей к цифровым матрицам / Н. С. Рысюкевич // Иппокрена. – 2019. – № 1. – С. 159–171.

6. *Никитушкин, В. Г.* Спорт высших достижений: теория и методика : учеб. пособие / В. Г. Никитушкин, Ф. П. Суслов. – М. : Спорт, 2018. – 320 с.

7. Роль спорта в жизни человека. Как приобщиться к активному образу жизни [Электронный ресурс] // Официальный сайт фитнесс-лагеря «Будь в форме». – Режим доступа: https://bud-v-forme.com/stati/entsiklopediya-fitnesa/sport-eto-zhizn/. – Дата доступа: 09.04.2019.

8. Совещание по вопросам развития летних видов спорта (18 декабря 2018 года) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-po-voprosam-razvitija-letnix-vidov-sporta-20079/. – Дата доступа: 09.01.2019.

9. *Костиков, В. Ю.* Спорт как феномен культуры в информационном обществе / В. Ю. Костиков // Информационное общество. – 2017. – № 1. – С. 55–61.

10. *Столбов, В. В.* История физической культуры и спорта // В. В. Столбов, Л. А. Финогенова, Н. Ю. Мельникова. – М. : Физкультура и спорт, 2001. – 423 с.

11. *Кыласов, А. В.* Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / А. В. Кыласов. – М., 2010. – 181 с.

12. Основы физической культуры в вузе: электронный учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cnit.ssau.ru/kadis/ocnov_set/tema6/p5_1.htm _/. – Дата доступа: 09.04.2019.

13. *Нишуков, В.* Понятие спорта / В. Нишуков // Логос. – 2014. – № 3 (99). – С. 181–190.

14. *Барабанова, В. Б.* Человек в контексте современного спорта / В. Б. Барабанова // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 2. – С. 59–62.

15. *Барабанова, В. Б.* Спорт: проблема человекоразмерности : дис ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / В. Б. Барабанова. – М., 2009. – 278 с.

16. Посещение Академии управления при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poseschenie-akademii-upravlenija-pri-prezidente-belarusi-22227/. – Дата доступа: 09.01.2019.

17. *Макагонов, А. С.* Спортивные качества как акмеологическая составляющая личностного развития будущего руководителя : дис. … канд. психол. наук : 19.00.13 / А. С. Макагонов. – М., 2014. – 146 с.

18. *Сафонов, В.* Психология спортсмена: слагаемые успеха / В. Сафонов. – М. : Спорт, 2019. – 288 с.

19. *Козлова, Н. В.* Когнитивная тренировка как метод коррекции когнитивных функций у детей-спортсменов / Н. В. Козлова, Е. А. Цехмейструк // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 1. – С. 97–103.

20. *Афремов, Дж.* Разум чемпионов. Как мыслят, тренируются и побеждают великие спортсмены / Дж. Афремов. – М. : Азбука-Аттикус, 2017. – 250 с.

21. *Юзбекова, И.* Мозг спортсменов быстрее обрабатывает информацию [Электронный ресурс] / Т. Юзбекова // Ежедневная деловая газета РБК. – 2013. – № 51. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2013/03/21/56c1b77b9a7947406ea09efb/. – Дата доступа: 09.04.2019.

22. *Серова, Л. К.* Психология личности спортсмена : учеб. пособие / Л. К. Серова. – М. : Совет. спорт, 2007. – 116 с.

23. *Корсунский, Е. А.* Развитие психологической проницательности студентов-психологов средствами художественной литературы / Е. А. Корсунский, Н. Е. Есманская. – Воронеж : ВЭПИ, 2008. – 157 с.

Поступила 27.11.2019 г.

УДК 316.354 (476)

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: smirnovasoc@yandex.ru

КЛАСТЕРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье с точки зрения социологии управления рассматриваются возможности и перспективы использования бизнесом кластерных взаимодействий как новой формы организационно-управленческой деятельности. На материале данных опроса общественного мнения представителей малого и среднего бизнеса показаны проблемы, ограничивающие возможности вступать в кластерные взаимодействия. Разработаны предложения и рекомендации, способствующие использованию кластеров для активизации деловой активности, региональной и производственной связности экономики, освоения новых форм работы с партнерами.

Ключевые слова: социологические показатели, кластер, кластеризация, взаимодействие, кластерная инфраструктура, доверие, меры государственной поддержки, институциональная среда, кластерные инициативы.

R. A. SMIRNOVA,
Doctor of Philosophy, Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: smirnovasoc@yandex.ru

CLUSTER INTERACTIONS OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article considers the possibilities and prospects of cluster interactions in business as a new form of organizational and administrative activity from the sight of sociology of management. Based on the public survey of small and medium-sized businesses the problems limiting the opportunities to enter into cluster interactions are shown. Proposals and recommendations contributing the use of clusters to enhance business activity, regional and industrial connectivity of the economy and the development of new forms of partnership have been developed.

Keywords: sociological indicators, cluster, clustering, interaction, cluster infrastructure, trust, measures of state support, institutional environment, cluster initiatives.

В соответствии с Концепцией формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Беларуси, государственная кластерная политика определяется как составная часть государственной социально-экономической политики, представляющая собой комплекс осуществляемых государством организационных, экономических и правовых мер, направленных на формирование и развитие кластеров в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики. Прошло 10 лет, как приняты первые решения

в сфере кластеризации предприятий в стране, однако темпы распространения этой формы организации бизнеса довольно скромны. Реальная практика кластеризации в Беларуси показала, что существует ряд объективных факторов, сдерживающих данный процесс. В частности: 1) низкий уровень конкурентной среды; 2) высокая степень концентрации и монополизации производства; 3) наличие жесткой иерархичной системы хозяйственного управления; 4) преобладание вертикальных связей над горизонтальными; 5) наличие значительного государственного сектора экономики, объединяющего в своем составе преимущественно организации и предприятия, использующие технологии 3-го и 4-го технологического укладов; 6) недостаточный уровень развития малого и среднего предпринимательства. В связи с тем, что в силу указанных выше обстоятельств крупные госпредприятия Беларуси не проявили особой активности в формировании кластеров, основное внимание было перенесено на кластеризацию предприятий малого и среднего бизнеса. Но оказалось, что и тут проблем не меньше. Сказывается недостаток квалифицированных специалистов, отсутствие специализированных образовательных программ для подготовки специалистов в области кластерного развития; отсутствие нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность кластеров; неразработанность системы государственной поддержки кластерных проектов; отсутствие кластерной инфраструктуры, опыта подготовки и реализации кластерных инициатив, а также недостаточная популяризация идеи использования кластерной модели управления бизнесом [1]. Тем не менее процесс пошел, и то, каким образом он проходит, с какими проблемами сталкивается – цель данной статьи. Анализ данной проблемы основывается на результатах социологического опроса предпринимателей, проведенного сотрудниками сектора развития предпринимательства ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» осенью 2018 г. (всего опрошено 120 предпринимателей – представителей малого и среднего бизнеса).

Не вдаваясь подробно в теорию кластеризации, выделим лишь те моменты, которые необходимы для определения социологических показателей результатов кластерной стратегии государства, а также отношения предпринимателей к данной форме организации взаимодействия с партнерами по бизнесу. Социологические показатели основаны на результатах операционализации понятия кластеров, их видов, сущности и функций.

Кластеры представляют собой одну из возможных форм организации экономического пространства с точки зрения информационно-территориально-производственного подхода. Вначале под кластером понималась территориально-интеграционная форма производства, подобная территориально-производственным комплексам (ТПК), известным из советской науки и практики. Более подходящим для социологической операционализации и выявления основных показателей кластера можно считать следующее толкование: кластер – это комплекс предприятий, промышленных компаний, исследовательских центров, научных учреждений, органов государственного управления, об-

щественных организаций, то есть комплекс организаций и учреждений, объединенных на основе территориальной концентрации специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой. В общем, кластер можно определить как сложную структуру, включающую: 1) предприятия, производящие конкурентоспособный конечный продукт; 2) предприятия, использующие конечный продукт в качестве фактора производства; 3) предприятия, обеспечивающие основными факторами производства; 4) предприятия инфраструктуры, науки и образования. Как правило, для кластерной системы характерны сложная структура и отношения взаимозависимости и взаимообусловленности между элементами.

Стержнем эффективного функционирования кластера как системы является стратегическое планирование и возможность предприятий, работающих в разных сферах, поддерживать своей деятельностью друг друга. Предприятия внутри кластера не конкурируют между собой, получая возможность для развития новых видов продукции. Именно акцент на развитии взаимоотношений с помощью кластерного подхода является перспективным направлением кластерной политики в Беларуси. В связи с этим важнейшим преимуществом кластеризации выступает фокусировка внимания на связях между видами деятельности и хозяйственными единицами, а также на развитии системы факторов производства и конкуренции, снижении трансакционных издержек, повышении производительности и достижении дополнительных системных выгод от улучшения информационного обмена между элементами данной структуры.

Основная идея создания кластеров отражает предположение, что интенсивное промышленное развитие в области высокотехнологичных разработок лучше всего происходит в форме кластеров, когда вокруг одного технологического направления концентрируются инвестиции, бизнес, наука и промышленность. Различные управленческие структуры, как на региональном, так и на республиканском уровне, помогают решать определенные проблемы. Для большей эффективности работы территория такого кластера должна быть ограничена, чтобы участники вкладывались в проекты, расположенные в пределах транспортной доступности.

Выделяют два аспекта проявления особенностей кластеров в развитии и размещении производительных сил региона. Первое направление – это территориально-отраслевые кластеры, которые включают десятки региональных предприятий и организаций, научных и образовательных учреждений. Кластеры данного направления называются инновационно-модернизационными, которые основаны на «деятельностных» (отраслевых) точках роста и могут быть межрегиональными. Вторым направлением подхода является формирование «внутритерриториальных» региональных кластеров.

В данном исследовании речь идет о внутритерриториальных кластерах, в связи с чем для социологического анализа состояния и перспективах данных форм управления бизнесом на территории Беларуси были использованы следующие группы показателей:

степень информированности и восприятие респондентами актуальности создания кластеров;

объективные возможности создания кластера: формальной институциональной структуры, координирующей развитие кластера, созданной с участием входящих в него предприятий; секторов экономики, привлекательных с позиции спроса, предложения и прогнозов развития; природных ресурсов, развитого производственного и научно-технического потенциала, широких слоев образованного населения, доступов к внешним источникам информации;

мотивы и стимулы, то есть выгоды и преимущества для бизнеса;

наличие участников – сети производителей, поставщиков, потребителей, промышленной инфраструктуры, НИИ, которые взаимосвязаны в процессе создания продукции и доверяют друг другу;

включенность в процесс кластеризации местной власти и общественных объединений, поддержка кластеризации государством.

Индикаторами, конкретизирующими и раскрывающими суть показателей, явились те данные, которые получены либо статистическим, либо социологическим путем. В частности, индикаторами производственной, информационной, ресурсной и научной инфраструктуры являются данные о наличии на данной территории научных учреждений, промышленных предприятий, которые производят конкурентную продукцию, а также о ресурсах самого предпринимателя, позволяющих ему расширяться или менять организационные связи с поставщиками, продавцами и др. Индикаторами включенности в процесс кластеризации местной власти и общественных объединений выступают данные социологического опроса о взаимодействии респондента с местной властью, об оценке и отношении к ее деятельности. Индикаторами наличия производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой, являются объективные данные о производственно-технологической инфраструктуре определенной территории.

Подобным образом анализировались все используемые в исследовании показатели, свидетельствующие об уровне процесса кластеризации в Беларуси, готовности к ней предпринимателей и их мнении о проблемах и перспективах данной формы организации и управления бизнесом.

В связи с тем, что предприятия, попавшие в выборку социологического исследования, в основном зарегистрированы в крупных городах (Минск и областные центры – 75 %), можно априорно допустить, что на данных территориальных образованиях существуют производственные, информационные и научные ресурсы, в полной мере выступающие объективной базой для создания и функционирования кластеров. Не менее значителен человеческий потенциал данных регионов, о чем свидетельствует достаточно высокий деловой потенциал предпринимателей – 73,4 % респондентов, которые желают либо расширять свой бизнес (21,7 %), либо стабильно его развивать (51,7 %). Это, по существу, человеческий ресурс возможности кластеризации малого и среднего предпринимательства.

Значимый фактор формирования кластера – субъективный, выражающийся в заинтересованности и возможности сотрудничества вместе на партнерских началах представителей малого и среднего бизнеса. Ведь в отличие, например, от такой организации, как холдинг, который также связан сотрудническими связями, кластер предполагает не вертикальную зависимость взаимосвязей, а горизонтальную, где все предприятия остаются, с одной стороны, самостоятельными юридическими лицами, с другой, – взаимозависимы друг от друга. Преимущество заключается в том, что малое предприятие от участия в кластере ничего не теряет, так как нахождение в кластере не приводит к несамостоятельности и зависимости, но от сотрудничества имеет существенные преимущества. Отсюда вопрос: есть ли основания судить о наличии потенциала такого сотрудничества уже сейчас? Насколько доверяют своим партнерам предприниматели, чтобы взять часть их ответственности на себя, а часть своей – передать партнерам?

Как показывают исследования ученых, одной из наиболее сложных проблем в развитии кластеров (не только в Беларуси и России, но и других странах) является проблема управления (координации) входящих в них структур. Поскольку кластеры – «неформальные объединения», то и взаимоотношения участников в них не формализованы и строятся в значительной степени на доверии, компетентности и добросовестности. Поэтому в каждом случае структура и управленческая модель кластера являются уникальными.

Согласно данным опроса, только 15 % из всех опрошенных сегодня могут рассчитывать и положиться на другие фирмы, с которыми налажено взаимодействие. Оказалось, что для большинства респондентов присущи индивидуалистические ориентации в бизнесе и боязнь к переменам формы делового сотрудничества. Пока большинство предпринимателей рассчитывают только на свои силы (53,3 %), треть опрошенных – на родственников, 28,3 % – на друзей. На бизнес-объединения и общественные организации предпринимателей рассчитывают только 5 % респондентов. Столько же – на местную администрацию, 6,7 % – на центр поддержки предпринимательства (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, может оказать Вам реальную помощь в случае затруднений в бизнесе?» (в %)**

Вариант ответа	%
Финансовые организации	13,3
Частные инвесторы	20,0
Государственные организации и предприятия	5,0
Местная администрация	5,0
Центр поддержки предпринимательства	6,7
Бизнес-объединения, общественные организации предпринимателей	5,0
Другие фирмы, с которыми налажено взаимодействие	15,0
Друзья	28,3
Связи с нужными людьми среди чиновников	5,0
Семья, родственники	35,0
Рассчитываю только на себя	53,3

Нужно сказать, что в этом проявляется в большой степени информационная ограниченность респондентов, закрытость и замкнутость на своих личных проблемах.

Сложность формирования кластеров в нашей стране состоит также в слабой информационной связанности и совместимости отраслевых и региональных целей, отсутствии эмпирических данных о функционировании и развитии кластерных систем – среды для формирования и идентификации кластеров.

Опрос показал, что знают о мерах государственной поддержки предпринимателей немногим больше половины респондентов (56,7 %), а получили ее и того меньше: финансовой поддержкой воспользовались только 13,4 % респондентов, имущественной – 5,1 %, формами стимулирования внешнеэкономической деятельности – 8,4 %. Намного большее число предпринимателей получали поддержку от государства в сфере информационного обеспечения – 56 % респондентов.

О том, что касается кластеров и кластерной политики государства, знают еще меньше – только 10,3 % респондентов, еще 25,9 % – кое-что о них слышали. На вопрос: «Является ли Ваша компания участником какой-либо из перечисленных форм кооперации, взаимодействия с другими компания?», ни один респондент не ответил утвердительно (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Является ли Ваша компания участником какой-либо из перечисленных форм кооперации, взаимодействия с другими компаниями?» (в %)**

Формы кооперации	%
Входит в холдинг	3,3
Входит в кластер	0
Выступает контрактором	0
Выступает субконтрактором	3,3
Пользуется аутсорсинговыми услугами	5,0
Предоставляет аутсорсинговые услуги	6,7
Выступает франчайзером	0
Является франчайзи (работает по франшизе)	1,7
Является получателем венчурного финансирования	0
Выступает источником венчурного финансирования для других компаний, стартапов	0
Участвует в других формах кооперации. *Каких?*	0
Не участвует ни в каких формах кооперации с другими компаниями	81,7

Более того, около четверти опрошенных не хотят вступать в кластерные взаимоотношения с другими предприятиями даже при условии получения значительных бонусов, а более половины – вообще затруднились с ответом. Однако почти столько же все-таки, при некоторых условиях, согласились бы включиться в эту новую для них организацию бизнеса (табл. 3).

В качестве причин нежелания респондентов вступать в кластерные взаимоотношения на первом месте стоят отсутствие знаний об особенностях ор-

ганизации кластера (30 % респондентов) и опасение, что местные власти не поддержат их начинание (и материально, и организационно) (30 %), на втором – отсутствие квалифицированных специалистов по организации кластера (16,7 %), на третьем – невозможность найти крупного лидера производства, который бы согласился на кооперацию с его предприятием (11,7 %), на четвертом – трудности с правовым обеспечением работы кластера – 11,7 %.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Если Вы не хотите вступать в кластерное взаимодействие, то по каким причинам?» (в %)**

Причины	%
Трудно будет получить исчерпывающую информацию об организации кластера	5,0
Нет квалифицированного специалиста по организации кластера	16,7
Не верю, что можно без проволочек получить материальную поддержку от местных властей	30,0
Материальная помощь по гранту на поддержку кластера обычно слишком мала для эффективного функционирования	10,0
Возникнут трудности с правовым обеспечением работы кластера	11,7
Невозможно найти крупного лидера производства, который бы согласился на кооперацию с моим предприятием	11,7
Не знаю, с чего начинать	25,0

Анализ уровня знаний об организации кластера показал, что респонденты наибольшую потребность в нем испытывают в сферах, касающихся состояния рынка, маркетинга, финансов, законодательства, управления персоналом и делегирования полномочий. Как видно из ответов, предпринимателю приходится заниматься всем спектром вопросов, которого требует ведение бизнеса (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов на вопрос: «Какие источники Вы лично используете для получения необходимых для ведения бизнеса знаний?» (в %)**

Источники	%
Специализированные интернет-ресурсы	46,7
Интернет-форумы, интернет-сообщества, где обсуждаются вопросы предпринимательства	25,0
Курсы, тренинги, мастер-классы	26,7
Семинары, конференции	30,0
Бизнес-школы	15,0
Консультации специалистов – представителей бизнес-ассоциаций	18,3
Консультации специалистов государственных органов	21,7
Бизнес-литература, специализированные периодические издания	28,3
Общение, обмен опытом с другими предпринимателями	55,0
Собственный опыт	56,7
Выставки	1,7

О том, что часть этих функций могла бы взять на себя другая организация-партнер по кластеру, респондент даже не догадывается. И это вполне объяснимо: 56 % респондентов в ведении бизнеса ориентируется, преимущественно, на личный опыт и обмен опытом с другими предпринимателями. Информации остальным респондентам, несмотря на то что они пользуются специализированными интернет-ресурсами и другими каналами информации (конференции, семинары, лекции и т. п.), этого видимо, недостаточно, так как знают о кластерах более или менее полно лишь каждый десятый, а еще четверть – только на уровне слухов.

Что касается опасения, что местные власти не поддержат их кластерную инициативу (и материально, и организационно) – так считают 30 % респондентов, то можно сказать, что эти сомнения вполне объяснимы: только 5 % респондентов рассчитывают на помощь государства в сложной ситуации и 6,7 % – Центра поддержки предпринимательства. На практике всего 10 % опрошенных пользовались различными видами финансовой поддержки государства, 5 % – имущественной поддержки, 1,7 % – услуг Центра поддержки предпринимательства, а около половины всех опрошенных вообще не обращались за помощью, что свидетельствует о слабой информированности респондентов и отсутствии уверенности, что государство поддержит их инициативу.

Сложившаяся ситуация в реализации кластерной стратегии развития экономики сказалась на отношении предпринимателей к возможности формирования кластеров в настоящее время. Так, на вопрос: «В каких формах объединения и взаимодействия, на Ваш взгляд, сегодня выгоднее всего участвовать частным компаниям?», только 3,3 % респондентов назвали таковой кластерную форму. Более того, 58,3 % опрошенных вообще затруднились с ответом (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос: «В каких формах объединения и взаимодействия, на Ваш взгляд, сегодня выгоднее всего участвовать частным компаниям?» (в %)**

Формы объединения и взаимодействия	%
Холдинги	6,7
Кластеры	3,3
Субконтрактинг	3,3
Аутсорсинг	16,7
Франчайзинг	6,7
Венчурное финансирование	3,3
В других формах	0
Ни в каких	6,7
Затрудняюсь ответить	58,3

В результате можно сделать вывод, что процесс кластеризации среди малых и средних предприятий в определенной мере зависит от осознания предпринимателями полезности кластерной формы ведения бизнеса, степени до-

верительных отношений между потенциальными партнерами, развития кластерной инфраструктуры, а также от доверия к власти. В этом значительную роль может оказать государство, акцентируя внимание на популяризации кластерной формы организации и управления бизнесом, разработке нормативных документов и совершенствовании мер поддержки кластерных инициатив, организации системы подготовки квалифицированных кадров в сфере формирования кластеров и создании благоприятной институциональной среды.

Список использованных источников

1. *Крупский, Д. М.* Кластеры, кластерное развитие, кластерная политика в Республике Беларусь: эволюция взглядов, реальная практика, тенденции и перспективы / Д. М. Крупский // Экономика и банки. – 2016. – № 2. – С. 87–96.

Поступила 25.10.2019 г.

УДК 316.356.2(476)

Н. А. СОСНОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СЕМЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Рассматриваются особенности изучения института семьи в Республике Беларусь. На материалах исследований Института социологии НАН Беларуси прослеживается динамика изменения института семьи за десятилетний период. Рассматривается семейная структура населения, репродуктивные установки, отношение к различным формам семьи. Показано, что, несмотря на высокую степень традиционности белорусской семьи, изменения затрагивают как ее структурный, так и ценностный аспекты.

Ключевые слова: семья, структура семьи, репродуктивные установки, формы семьи, ценности.

N. A. SOSNOVSKAYA,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

FAMILY IN THE REPUBLIC OF BELARUS: STATE AND SPECIFIC OF STUDY

The characteristics of studying the institution of the family in the Republic of Belarus are considered. The research materials of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus show the dynamics of changes in the institution of the family over a ten-year period. The article considers the family structure of the population, reproductive attitudes and attitudes to different forms of the family. It is shown that despite the high degree of traditionality of the Belarusian family, the changes involve both its structural and value aspects.

Keywords: family, family structure, reproductive attitudes, family forms, values.

Находясь под влиянием происходящих в обществе изменений и изменяясь в соответствии с ними, семья приобретает новые характеристики, преобразуется ее структура и особенности внутрисемейного взаимодействия. Современная семья характеризуется неустойчивостью, высокой гибкостью семейных норм и ролей, что, с одной стороны, позволяет ей лучше адаптироваться в быстроизменяющихся условиях, но, с другой, – дает основания говорить об усугублении кризисных процессов. Как отмечают белорусские исследователи С. Н. Бурова и А. В. Демидова, для современной семьи характерны: снижение уровня рождаемости, снижение брачности; рост количества разводов; увеличение количества неполных семей; последовательная моногамия; увеличение количества нерегистрируемых браков; создание семьи в более позднем возрасте, увеличение внебрачных рождений; обострение проблемы насилия в семье; разделение

институтов брака, семьи, родительства, родства [1]. Общий вектор происходящих изменений связан с утратой институциональных признаков и усилением неформальных. Российские исследователи (Л. В. Карцева, Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская) показывают, что изменения семьи происходят по направлению от института к группе, в каждой семье границы прав и обязанностей определяются самостоятельно, без посредничества социума [2, с. 93–94].

В социологии семьи происходящие изменения описываются посредством понятия «трансформация». Трансформация семьи не предполагает финального, конечного результата, а рассматривается как процесс, связанный с адаптацией семьи к изменяющимся социальным условиям. Российский ученый А. Б. Синельников разработал схему исторической трансформации брачно-семейного поведения, которая акцентирует внимание на таких параметрах, как брачное, бракоразводное, репродуктивное и нуклеаризационное поведение. Ученый выделяет четыре этапа трансформации. В целом на протяжении XIX–XX вв. брачное поведение менялось от обязательного заключения брака, продиктованного выбором родителей на основе семейной «выгоды», к свободному выбору партнера и к легитимности свободного сожительства или безбрачия. Бракоразводное поведение изменилось от нерасторжимости брака до «полной свободы развода по произвольному требованию одного из супругов без вины и без согласия другого супруга» [3, с. 15]. В репродуктивном поведении произошел сдвиг от многодетности, продиктованной потребностями выживания в аграрном обществе, к среднедетной семье с 3–4 детьми и далее к малодетной и добровольно бездетной семье. Ценности фамилизма постепенно заменялись ценностями индивидуализма.

Следуя общим тенденциям, институт семьи в каждой стране характеризуется собственными особенностями, определяемыми уникальным сочетанием культурно-исторических, экономических, социальных и демографических факторов.

Специфика ситуации, характеризующей развитие института семьи в Беларуси, связана с достаточно поздно начавшейся урбанизацией. Еще в 1960 г. только 32 % населения проживали в городах, то есть $^{2}/_{3}$ населения страны были сельскими жителями. В 2018 г. ситуация кардинально изменилась – 78,1 % населения страны является городским. Таким образом, ценностная система значительной части населения страны сформировалась под влиянием традиционного сельского жизненного уклада, что предопределяет значительную традиционность института семьи [4].

Другой особенностью, способствующей стабилизации института семьи в стране, является высокая гомогенность населения по национальному признаку: по итогам переписи 2009 г. 84 % населения считают себя белорусами, 8 % – русскими и 2 % – украинцами. Стабильность этнического состава способствует поддержанию норм традиционной семейной культуры и сохранению ценностей, не создавая дополнительной напряженности в межличностных отношениях.

При этом семья в Республике Беларусь находится под влиянием процессов, характерных для современных постиндустриальных обществ: глобализации, индивидуализации, усиления влияния информационно-коммуникационных технологий, ускорения темпа социальной жизни, возросшей пространственной мобильности.

Совокупность социальных факторов предопределяет особенности и тенденции развития института семьи в Республике Беларусь, выражающиеся в изменении ее институциональных и социокультурных характеристик.

В исследованиях белорусских ученых активно освещаются условия жизни современной белорусской семьи, причины семейного неблагополучия, проблема насилия в семье (С. Н. Бурова, А. К. Воднева, Л. П. Шахотько и др.). Особый интерес для белорусских исследователей представляют закономерности и процессы, происходящие в молодой семье. Прежде всего это изучение особенностей брачно-семейного поведения: отношение молодежи к различным формам брака, особенности мотивации заключения брака, условия, способствующие созданию крепкого брака, семейные обязанности, причины разводов (Ю. М. Бубнов, Г. В. Вержибок, В. В. Кириенко, В. В. Клейман, и др.). Важнейшим направлением, представленным в белорусской науке, является изучение демографических процессов и тенденций (Ю. М. Бубнов, А. А. Злотников, А. А. Белов, С. Н. Лихачева, Л. П. Шахотько и др.). Важным этапом в изучении процессов, происходящих с семьей на современном этапе развития Беларуси, стало проведение широкомасштабного исследовательского проекта «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», реализованного в рамках международной программы «Поколение и гендер». Исследование позволило обратиться к широкому кругу вопросов семейного функционирования: механизмам формирования семей, проблемам рождаемости, структуре межпоколенных связей, внутрисемейным формам поддержки и ряду других [5].

Большое внимание изучению семьи уделяется в Институте социологии НАН Беларуси. В разные периоды в центре внимания находились такие аспекты семьи, как представления об условиях, необходимых для стабильной семьи, нормативные взгляды на семейные и гендерные отношения, отношение к различным формам семьи. Периодически замеряются репродуктивные установки населения. В качестве отдельного направления можно выделить оценку удовлетворенности населением государственной семейной политикой. Комплексное исследование института семьи было проведено в 2015 г. Имеющиеся данные позволяют проследить динамику изменений структурных характеристик и репродуктивных установок семьи за период с 2007 по 2019 г.[1]

[1] Для анализа изменений института семьи использовались данные исследований Института социологии НАН Беларуси 2007 г. (N = 1098), 2013 г. (N = 1492), 2014 г. (N = 2100), 2015 г. (N = 1483), 2017 г. (N = 1514) и 2019 г. (N = 1118). Все опросы проведены по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, типу населенного пункта и региону проживания.

Сравнительный анализ семейного статуса населения Беларуси показывает устойчивую ориентацию жителей страны на традиционную семью с официальной регистрацией брака (табл. 1).

Таблица 1. **Динамика изменения семейной структуры населения Беларуси, %**[*]

Брачно-семейный статус	2007 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.
Состою в зарегистрированном браке	49,5	54,4	55,2	55,8	53,3
Состою в «гражданском» (незарегистрированном) браке	6,6	2,1	2,8	–	–
Холост (не замужем)	21,3	23,2	21,0	25,0	25,0
Разведен(а); живу отдельно от супруга(и)	9,3	8,9	9,2	10,0	11,7
Вдовец/вдова	13,4	11,4	11,9	9,2	10,0

[*] В 2017 и 2019 гг. альтернатива «Состою в “гражданском” (незарегистрированном) браке» отсутствовала.

В 2017 г. более половины опрошенных состояли в официальном браке, при этом, по сравнению с 2007 г., их число возросло. Данные показывают снижение числа респондентов, состоящих в незарегистрированном браке. Данная тенденция является характерной именно для Беларуси, так как в индустриально развитых странах и в России число пар, состоящих в фактическом браке, составляет третью часть проживающих совместно партнерств [6].

Несмотря на признаки, подтверждающие традиционность и стабильность семьи в Беларуси, изменения данного института все же происходят. На это указывает рост числа тех, кто находится в разводе, а также увеличение числа респондентов, не состоящих в браке. Социально-демографические характеристики находящихся в разводе, хотя и подвержены некоторым колебаниям, но все же остаются достаточно стабильными. Отмечается существенное преобладание женщин (64,6 %) против мужчин (35,4 %)[1]. Увеличение «холостых» наиболее активно происходит среди респондентов 30–49 лет. В 2007 г. семейное положение «холост/не замужем» отметили 8,5 % опрошенных данной возрастной группы, а в 2017 г. – уже 14,2 %.

Ключевой особенностью развития института семьи является снижение ее репродуктивной функции. Анализ репродуктивных установок населения Республики Беларусь показывает, что среди населения происходят изменения представлений о желаемом числе детей в сторону снижения их численности. Если в 2007 г. желаемым числом детей в среднем было 2,33, то в 2017 г. – уже 2,18. Показатель различается как в возрастном разрезе, так и среди проживающих в городских и сельских населенных пунктах. Снижение показателя характерно для всех возрастных групп, за исключением 30–49-летних, находящихся в активном репродуктивном периоде. В качестве негативной тенденции, которая обусловливает дальнейшее понижение рождаемости, можно отметить снижение показателя среди 16–29-летних (в 2007 г. значение показателя было 2,19, а в 2017 г. – 2,12) – наиболее перспективной группы с точ-

[1] Данные исследования 2019 г.

ки зрения репродуктивного потенциала (табл. 2). Учитывая, что реальный уровень рождаемости ниже установок на рождаемость, уже репродуктивные установки указывают на проблематичность достижения уровня простого воспроизводства населения страны в будущем.

Таблица 2. **Сравнение среднего показателя идеального числа детей в семье по годам**

Возраст	2007 г.	2013 г.	2015 г.	2017 г.
До 29 лет	2,19	2,18	2,16	2,12
30–49 лет	2,25	2,21	2,11	2,18
50 и старше	2,58	2,43	2,20	2,21
Всего	2,33	2,28	2,16	2,18

Если представления городской молодежи остались практически на том же уровне (в 2013 г. – 2,12; в 2017 г. – 2,08), среди сельской молодежи показатель стал даже ниже, чем среди молодежи, проживающей в городе (2013 г. – 2,33; 2017 г. – 2,00). В целом более высокие значения представлений об идеальном числе детей среди сельского населения обусловлены представлениями старшей возрастной группы, вышедшей из репродуктивного возраста. Таким образом, снижение показателя представлений об идеальном количестве детей произошло в основном за счет представлений молодежи, проживающей в сельских населенных пунктах.

Изменение репродуктивных установок непосредственным образом сказывается на рождаемости. Особенно очевидно это влияние на показателях респондентов 50 лет и старше, завершивших свой репродуктивный период. В 2007 г. среднее число детей у респондентов этой группы составляло 2,26, а в 2017 г. – 1,96 (рис. 1).

Перемены, происходящие в институте семьи, связаны, в первую очередь, со снижением влияния институциональных ограничений, определявших существование семьи на предыдущем историческом этапе и с расширением возможностей выбора личностью индивидуального жизненного пути. Это способству-

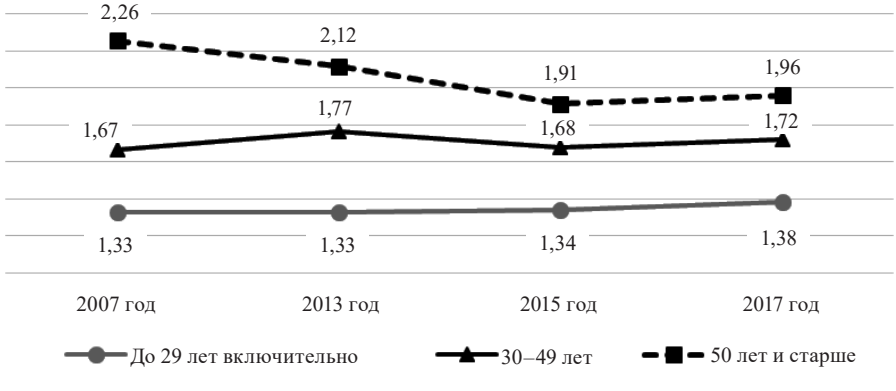


Рис. 1. Динамика изменения числа детей в зависимости от возраста, среднее значение

ет преобразованию взглядов на семейные роли, на восприятие родительства, а также формированию более терпимого отношения к нетрадиционным семьям.

В исследовании 2007 г. отношение к формам семейной жизни замерялось посредством трехбалльной шкалы («в целом положительно», «безразлично», «в целом отрицательно»). Полученные результаты показали безусловно позитивное отношение к зарегистрированному браку (88,8 %). Но при этом между ответами респондентов до 29 лет (86,5 %) и респондентов старше 50 лет (93,2 %) существуют статистически значимые отличия[1], указывающие на более сдержанное отношение молодежи к браку. Почти половина молодых людей (46,2 %) «свободное сожительство» оценило позитивно, что также значимо отличается от позиции старшего поколения (24,6 %) ($\varphi = 6{,}9$, уровень значимости 0,001). Оценка однополого брака в основном негативная (73,9 %), хотя и здесь молодежь к данной форме отношений чаще относилась безразлично.

В исследовании 2014 г. респондентам задавался похожий вопрос, но, учитывая разницу в формулировках и использование пятибалльной шкалы (позиция «безразлично» отсутствует), прямое сопоставление полученных результатов невозможно. Но анализировать происходящие изменения можно как посредством сравнения данных, получаемых через определенный временной период, так и рассматривая изменения, происходящие во взглядах разных возрастных групп. Основанием для подобного сравнения является базовое положение К. Мангейма о том, что ценности, сформированные в «формационный период» (17–25 лет), сохраняют высокую устойчивость на протяжении всей жизни индивида.

Для основной массы населения единственно приемлемой формой семьи остается союз между мужчиной и женщиной (82 %; из них «полностью согласны» – 62,8 %, «скорее согласны» – 19,2 %). Но среди молодежи согласие с этим выразили 73,6 %[2], тогда как в старшей возрастной группе – 90,6 %. «Незарегистрированное сожительство» вполне допустимой формой семьи стали считать уже 57,6 % молодых людей и каждый третий (35,4 %) представитель старшей возрастной группы. Остальные формы проживания: однополый зарегистрированный/незарегистрированный союзы или одиночество хотя и оцениваются большинством как недопустимые, но среди молодежи находят более высокую поддержку (7,9 % / 6,6 %; 13 % соответственно). Таким образом, результаты проведенных опросов показывают возрастание социальной приемлемости сожительств для населения. В рамках периодизации процесса эволюции практик сожительства, предложенной Л. Л. Шпаковской [7]: инновации, популяризации, легитимации, хабитуализации (опривычивания, рутинизации) – рост общественного признания незарегистрированных партнерств соответствует стадии популяризации, когда сожительства чаще предваряют официальное

[1] Анализ статистически значимых отличий осуществлен с помощью критерия Фишера ($\varphi = 2{,}91$, уровень значимости 0,001).

[2] Здесь и далее приводится суммарный показатель ответов «полностью согласен» и «скорее согласен».

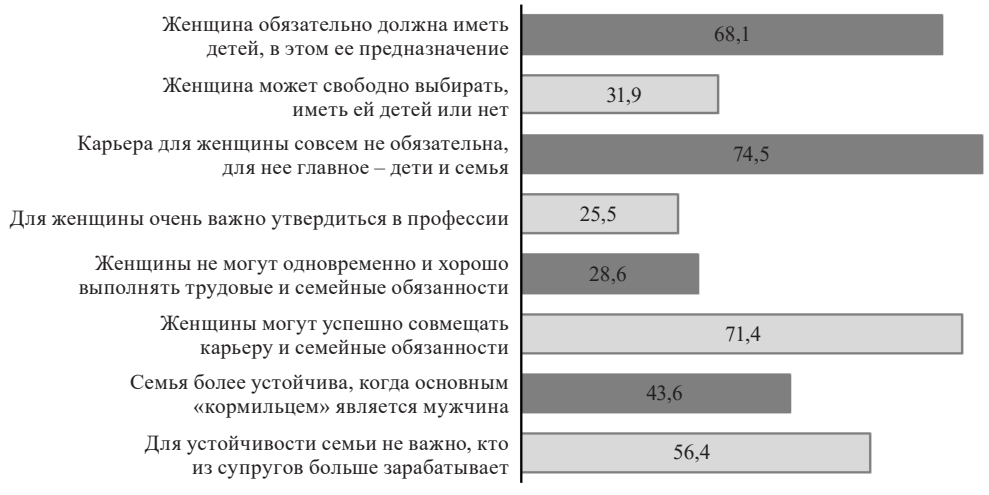


Рис. 2. Представления о гендерных ролях, %

заключение брака. На этой стадии уже существует общественное признание сожительства, но отсутствует необходимость формирования нормативно-правовой базы, признающей равенство между браком и сожительством. Дальнейшее распространение практики сожительств и их существование в виде реальной альтернативы зарегистрированному браку создает необходимость разработки нормативных актов, регулирующих данную форму семейных отношений, что происходит на этапе хабитуализации.

Важной характеристикой института семьи является представление о гендерных ролях, в том числе о роли женщины в семье и обществе. Данные, полученные в исследовании 2014 г., свидетельствуют о высокой устойчивости традиционных представлений (рис. 2).

Несмотря на активную женскую вовлеченность в профессиональную занятость, как среди мужчин, так и среди женщин доминирует установка на второстепенность профессиональной роли. Причем среди молодежи эта норма распространена не в меньшей степени, чем среди старших возрастных групп.

Представление о второстепенности профессиональной роли женщин в совокупности с практически всеобщей профессиональной занятостью подкрепляется широко распространенным мнением, что женщины могут успешно сочетать карьеру и семейные обязанности. Данное убеждение среди женщин выражено даже сильнее, чем среди мужчин (77,3 % и 64,3 % соответственно). Представители молодежи чаще являются его сторонниками. Выявлена зависимость между возрастом респондентов и распространенностью убеждения об успешном сочетании семейных обязанностей и карьеры. Чем старше респонденты, тем реже они поддерживают установку на двойную занятость. Среди молодежи до 29 лет такую позицию разделяют 74,1 %, а среди респондентов старше 50 лет – 66,6 %. Данное представление не связано с наличием

или отсутствием семьи, хотя можно предположить, что наличие реальных семейных обязанностей будет способствовать представлениям о проблематичности сочетания этих двух сфер деятельности.

Ролевое распределение «мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка» – важнейшее структурообразующее отношение традиционной семьи. Восприятие роли мужчины как обеспечивающего материальную основу жизнедеятельности семьи подверглось изменениям в большей степени, чем представления о роли женщины. Более половины (56,4 %) опрошенных считают, что для устойчивости семьи неважно, кто зарабатывает больше. Данное представление не зависит ни от социально-демографических и профессионально-образовательных характеристик, ни от семейного статуса опрошенных.

Результаты исследований института семьи более чем за десятилетний период показывают, что семья в Беларуси является достаточно традиционным институтом. Как внешняя, так и внутренняя форма семьи остаются достаточно стабильными. Несмотря на это, взгляды молодежи на семью отличаются от взглядов старшего поколения, что способствует изменению данного социального института, особенно в сферах брачности и рождаемости. Некоторые изменения происходят и в восприятии гендерных ролей, прежде всего относительно мужской роли. Несмотря на длительный период вовлеченности женщин в трудовые отношения, доминирует стойкая убежденность, что карьера для женщины не обязательна, главное для нее – реализоваться в семье. Таким образом, в отличие от России и стран Запада, где отмечаются существенные трансформации семьи, институт семьи в Беларуси изменяется медленнее, но эти преобразования соответствуют общему вектору семейных изменений в постиндустриальном обществе.

Список использованных источников

1. *Бурова, С. Н.* Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды / С. Н. Бурова, А. В. Демидова // Социол. исслед. – 2008. – № 12. – С. 97–103.

2. *Карцева, Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева // Социол. исслед. – 2003. – № 7. – С. 92–100.

3. *Синельников, А. Б.* Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России : дис. … д-ра социол. наук : 22.00.03 / А. Б. Синельников. – М., 2014. – 369 с.

4. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 431 с.

5. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. – Минск : Белсэнс, 2018. – Т. 2 : Анализ результатов исследования «Поколения и гендер». – 189 с.

6. *Артамонова, А. В.* Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт / А. В. Артамонова, Е. С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1. – С. 126–145.

7. *Шпаковская, Л. Л.* Гражданский брак в России: свобода и отношения [Электронный ресурс] / Л. Л. Шпаковская // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 565–566. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit02.php. – Дата доступа: 12.02.2018.

Поступила 05.11.2019 г.

УДК 316.776.34:004+351

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,

кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье выявляется сущность электронного участия как механизма повышения эффективности государственного управления и поддержания устойчивого социально-экономического и политического развития современных государств. Охарактеризованы основные показатели электронного участия: доступность электронной информации, электронные слушания, электронное принятие решений. Подчеркивается, что в настоящее время третий показатель недостаточно активно реализуется на практике и требует дальнейшего стимулирования со стороны правительств.

Ключевые слова: государственное управление, устойчивое развитие, электронное правительство, электронное участие.

S. V. KHAMUTOUSKAYA,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

ELECTRONIC PARTICIPATION AS A MECHANISM FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article reveals the essence of electronic participation as a mechanism for improving the efficiency of public administration and maintaining the sustainable socio-economic and political development of modern states. The main indicators of electronic participation are characterized, such as: availability of electronic information, electronic hearings, electronic decision-making. It is emphasized that the third indicator presently is not being actively implemented in practice and requires further stimulation by governments.

Keywords: public administration, steady development, electronic government, electronic participation.

В течение нескольких последних десятилетий в большинстве современных государств мира, наряду со стремлением обеспечить устойчивое социально-экономическое и политическое развитие, ускоряются темпы информатизации: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), электронные услуги, научные и технические инновации проникают во все сферы жизнедеятельности людей, а также внедряются в работу системы органов государственного управления. В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития (НСУР–2030) Республики Беларусь на период до 2030 года указывается, что на первом этапе (до 2020 года) в число приоритетных за-

дач в сфере государственного управления экономикой и обществом входит «обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственного управления», которое, помимо прочего, включает в себя «организацию публичного общественного обсуждения важнейших законопроектов, опубликование всех плановых и нормативных правовых документов в широкой печати, за исключением тех, которые составляют государственную тайну; развитие технологии обратной связи, обеспечивающей открытый диалог с гражданским обществом; развитие системы общественного мониторинга и оценки деятельности государственного аппарата; совершенствование механизмов взаимодействия между государством, обществом и бизнесом с использованием технологий электронного правительства». Из вышесказанного видно, что электронное правительство и электронное участие как его неотъемлемая часть рассматриваются сегодня как необходимый элемент государственного управления в странах, где происходит цифровизация [1, с. 84]. В предисловии обзора Организации Объединенных Наций (ООН) «Исследование ООН: электронное правительство 2018» отмечается, что «использование электронного правительства содержит большой потенциал для стран не только в плане улучшения организационных и рабочих процессов для повышения эффективности предоставления государственных услуг, но также и в вопросах вовлечения людей в эти процессы и обеспечения ответственности» [2]. В 2018 г. в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства (EGDI–E-Government Development Index) среди 193 стран мира Беларусь заняла 38-е место, улучшив свои позиции на 11 строчек (по сравнению с 2016 г.) и переместившись в группу стран с очень высоким индексом развития электронного правительства (Very–High–EGDI). Сводный индекс (EGDI) нашего государства в данном рейтинге составил 0,7641, индекс человеческого капитала – 0,8681, уровень развития онлайн-сервисов – 0,7361, индекс ИКТ-инфраструктуры – 0,6881. Кроме того, Беларусь значительно продвинулась в рейтинге стран по индексу электронного участия (E-Participation) – с 76-го на 33-е место [3]. В свою очередь, в группу с очень высоким уровнем электронного участия вошли 62 страны (32 %), с высоким – 53 (28 %), со средним – 43 (22 %), с низким – 35 (18 %). Наиболее высокий индекс электронного участия, равный 1, был зафиксирован в Дании, Финляндии и Республике Корее. Далее с индексами от 0,9888 до 0,9831 в рейтинге расположились Нидерланды, Австралия, Япония, Новая Зеландия, Испания, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки. Российская Федерация и Республика Беларусь были включены в группу стран с очень высоким индексом электронного участия (выше, чем 0,75) [2, с. 114–116]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить сущность и охарактеризовать основные показатели электронного участия как механизма повышения эффективности государственного управления и поддержания устойчивого социально-экономического и политического развития современных государств, включая Республику Беларусь. При этом, так как содержание НСУР–2030 разрабатывалось в том

числе с учетом соблюдения принципа «преемственности задач и приоритетов, определенных в программных документах ООН/ПРООН» [1, с. 7], в качестве исходного источника информации об электронном участии в статье будут использованы исследования и разработки ООН.

Электронное участие можно определить как процесс «вовлечения граждан с помощью ИКТ в политику и принятие решений для того, чтобы сделать государственное управление совместным, инклюзивным, объединенным и совещательным для важных и действенных результатов» [4, с. 61]. В обзорах ООН по развитию электронного правительства представлена трехуровневая модель электронного участия, которая включает в себя: 1) электронную информацию (или иными словами, доступность информации онлайн), делающую «возможным участие путем предоставления гражданам общественной информации и доступа к информации по требованию»; 2) электронную консультацию (электронные слушания), с помощью которой люди вовлекаются в более глубокое участие «по вопросам государственной политики и услуг и обсуждение их»; 3) электронное принятие решений «через расширение возможностей людей в рамках совместного проектирования вариантов политики и совместного производства компонентов услуг и условий их оказания» [4, с. 63]. В совокупности данные показатели составляют индекс электронного участия. Прежде чем рассмотреть их более подробно, представляется целесообразным упомянуть о том, что данный индекс, по мнению его разработчиков, «предназначен не для предписывания определенной практики, а для знакомства с тем, как в разных странах используются инструменты онлайн для стимулирования взаимодействия между государством и гражданами, а также между гражданами для общего блага» с применением качественных оценок [2, с. 211–212]. Индекс электронного участия «нормализуется на основании общего значения по данной стране за вычетом наименьшего общего значения по любой стране, указанной в исследовании, деленного на диапазон общих значений показателя по всем странам. Например, если показатель электронного участия страны «χ» равен 29, наименьший балл для любой страны равен 0, а наибольший балл равен 38, то нормализованное значение индекса для страны «χ» будет следующим» [2, с. 212]:

$$\text{Индекс электронного участия (страна «}\chi\text{»)} = \frac{(29-0)}{(38-0)} = 0,7632.$$

Далее показатели электронного участия стран ранжируются на базе значений индекса по методу «стандартного конкурентного ранжирования». Страны с одним индексом получают одинаковый рейтинг, а между позициями в рейтинге остается пробел. Такая стратегия ранжирования применяется при наличии двух или более стран с одним и тем же местом в рейтинге, места стран с меньшим рейтингом не затрагиваются. Например, если рейтинг страны А выше рейтинга стран В и С, у которых одинаковые показатели индекса,

«превышающие показатель страны D, то A занимает первое место, B и C – второе, а D – четвертое» [2, с. 212].

Сущность первой составляющей индекса электронного участия – электронной информации – заключается в том, что посредством ИКТ правительства стремятся обеспечить гражданам доступ к фактически достоверным данным относительно различных социальных сфер, прежде всего здравоохранения, образования, социального обеспечения, финансов, труда и окружающей среды. Широко распространенной является практика создания специальных порталов и сайтов в Интернете. К примеру, в Финляндии действует правительственный портал www.demokratia.fi, доступный на финском и шведском языках, где люди могут не только получать информацию, но и выдвигать инициативы и комментировать действия правительства [2, с. 118]. В Республике Беларусь, например, функционирует официальный интернет-портал Минского городского исполнительного комитета http://minsk.gov.by, где у граждан есть возможность узнать о том, что происходит в жизни города, а также принять участие в электронных форумах и социологических опросах, «которые касаются актуальных проблем организации городской жизнедеятельности, оставить отзывы и/или пожелания относительно структуры и работы данного сайта, информации, размещенной на нем» [5, с. 51]. Портал включает в себя такие разделы, как «Власть», «Администрации районов Минска», «О Минске», «Одно окно», «Обращения», «Объявления», «Поиск», «Новости», «Административные процедуры», «Электронные обращения», «Справочно-информационная служба Мингорисполкома», «Мингорсправка», «Сообщения», а также анонсы предстоящих событий и мероприятий. Кроме того, на сайте представлена информация о Минском городском Совете депутатов, Генеральном плане и бюджете города Минска, государственной финансовой поддержке бизнеса, инвестиционный атлас, календарь туристических событий столицы, работает электронная приемная, разделы «Вы обращаетесь – мы отвечаем», «Форумы» и т. д. В ходе социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в декабре 2018 г.[1], подавляющее большинство опрошенных белорусов (87,1 %) отметили, что обычно получают информацию из средств массовой информации (телевидения, прессы, радио, Интернета). При этом в совокупности 58,1 % респондентов сказали о том, что читают информационные интернет-порталы, сайты широкой тематики с различной частотой: из них 23,9 % обращались к последним не реже 1–2 раз в неделю, 17 % – практически каждый день, 12,1 % – не реже одного раза в месяц, 5,1 % – несколько раз в год. Еще 12,1 % опрошенных указали на то, что такой возможности не имели; 28,3 % – никогда не поль-

[1] Исследование осуществлялось в пределах республики; использовалась случайная маршрутная многоступенчатая стратифицированная выборочная совокупность с контролем квот на последнем этапе; признаками стратификации выступали: регион, зоны, тип населенного пункта, степень монопрофильности населенного пункта, вектор демографического развития населенного пункта; объем выборки – 2103 человека; погрешность исследования составила +(–) 2,1 % при уровне значимости 0,05; выборка репрезентативна.

зовались интернет-порталами и сайтами широкой тематики. В свою очередь, 24,1 % белорусов читали новостные интернет-порталы и сайты не реже 1–2 раз в неделю, 22,9 % – практически каждый день, 10,8 % – не реже одного раза в месяц, 3,7 % – несколько раз в год. Не имели возможности знакомиться с содержанием новостных интернет-порталов и сайтов 11,7 % опрошенных, никогда не пользовались ими 25,2 %. В ходе выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, проведенного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2018 г., было установлено, что удельный вес населения, пользующегося Глобальной сетью в указанный период, составлял 79,1 %[1]. Также было выявлено, что 95,4 % опрошенных обращались к Интернету через проводную сеть или через Wi-Fi преимущественно дома; 43,8 % – у друзей, родственников и знакомых; 25 % – по месту работы; 23 % – в компьютерных клубах, кафе и т. п.; 5,5 % – по месту учебы. Применяли Интернет в любом месте через сеть сотовой подвижной электросвязи 76,4 % опрошенных [6, с. 470–471]. По данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае 2019 г., интересующую их информацию из интернет-источников получали 65,7 % респондентов[2].

Смысл второго показателя электронного участия – электронных слушаний – состоит в том, что на электронных порталах государственных органов власти и управления создан механизм обратной связи, посредством которого граждане могут взаимодействовать с органами власти и управления. Правительства с помощью электронных слушаний получают возможность не только узнать общественные потребности, настроения и ожидания, касающиеся тех или иных тем и проблем, но и соответствующим образом улучшить свое реагирование на них. Как отмечается в «Обзоре ООН по уровню развития электронного правительства за 2018 год», в указанном году все регионы, которые подвергались учету, улучшили свои результаты в области электронной консультации. По сравнению с 2016 г., явный прогресс наблюдался в Африке, в Европе все государства использовали on-line технологии вовлечения людей в вопросы государственной политики [3, с. 120].

К главным «электронным инструментам» относятся социальные медиа, интернет-онлайн форумы, онлайн-опросы и онлайн-голосования, онлайн-ходатайства, онлайн-подача заявлений и т. п. [7, с. 1466]. В июле 2019 г. в столице служба Мингорисполкома «Одно окно» осуществляла анкетирование горожан с целью выявления того, какие услуги последние хотели бы получать через Интернет. Выяснилось, что для минчан особенно актуальным было получение через Интернет электронного варианта свидетельства о рождении

[1] В процентах от общей численности населения в возрасте от 6 до 72 лет.

[2] Исследование «Мировоззренческие доминанты населения Беларуси и оценки форм международной проектной деятельности» осуществлялось в пределах республики; использовалась случайная маршрутная многоступенчатая территориальная выборочная совокупность с контролем квот на последнем этапе по трем признакам: пол, возраст, образование; объем выборки – 1100 человек; погрешность исследования составила +(–)2,8 % при уровне значимости 0,05; выборка репрезентативна.

ребенка, постановка детей на очередь в детские сады. За пять месяцев 2019 г. в службу «Одно окно» посредством электронной почты обратились 656 человек. В целом опрошенные жители столицы отметили, что в будущем хотели бы иметь возможность осуществлять все административные процедуры в электронном формате. Планируется, что к 2024 г. в цифровой формат переведут 149 административных процедур для граждан и 197 для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Аккумулированы они будут на Едином портале электронных услуг [8].

По данным социологического исследования, осуществленного Институтом социологии НАН Беларуси в декабре 2018 г., в рассматриваемый период 48 % опрошенных граждан нашей республики могли пользоваться услугой электронного обращения в государственные органы (службы), 39,6 % такой возможности не имели. При этом среди имеющих возможность всего 15,2 % респондентов отметили, что пользовались данной услугой. Среди тех, кто не имел возможности применять услугу электронного обращения в государственные органы (службы), 33,8 % в будущем хотели бы ею воспользоваться, а 66,2 % считали, что такая услуга им и не нужна. Еще 10,8 % опрошенных сказали о том, что никогда не слышали о подобной услуге. Можно предположить, что вместо электронных обращений в органы (службы) государственной власти и управления, люди (преимущественно от 50 лет и старше) «по привычке» предпочитали традиционные способы решения возникающих у них вопросов и проблем. Кроме того, 53,1 % опрошенных отметили, что не используют форумы и блоги в Интернете. В свою очередь, 20,2 % применяют форумы и блоги именно для получения информации; 18,6 % – для отдыха, в качестве развлечения; 16,1 % – для обучения, самореализации; 10,7 % – для работы, профессиональной деятельности; 9,5 % – для общения. В ходе социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси ранее – в июле 2018 года[1], выяснилось, что 26,2 % опрошенных граждан Беларуси, обращавшихся в местные органы власти, сделали это посредством такой формы, как «личный прием в местных органах власти». Возможностью обращения через электронную почту в местные органы власти воспользовались всего лишь 1,3 % респондентов. В свою очередь, крайне малое количество опрошенных – 0,5 % – обсуждали наиболее острые вопросы с чиновниками (представителями органов государственного управления) с помощью интернет-обсуждений в режиме on-line. На вопрос: «Как Вы считаете, готовы ли жители Вашего района через 5–10 лет перейти к обращению в местные органы власти исключительно посредством сети Интернет?», в совокупности 37,8 % белорусов ответили утвердительно, 39,8 % – отрицательно, еще 20,9 % ответить затруднились.

[1] Исследование осуществлялось в пределах республики; использовалась случайная маршрутная непропорциональная выборочная совокупность с контролем квот на последнем этапе; контрольными признаками выступали: регион, зоны, тип населенного пункта, пол, возраст, образование; объем выборки – 1118 человек; погрешность исследования составила +(–)2,9 % при уровне значимости 0,05; выборка репрезентативна.

Третья составляющая модели электронного участия – электронное принятие решений – в настоящее время реализуется чаще всего либо посредством прямого электронного голосования граждан с применением безопасных систем (e-voting), либо с помощью выбора наиболее предпочтительных проектов, предложений, высказываний путем оценки их гражданами в социальных медиа («лайк/дизлайк», «плюс/минус» и т. п.) [3, с. 120]. Что касается электронного голосования, то впервые это понятие появилось в 60-х гг. XX в. в Соединенных Штатах Америки для описания голосования избирателей с использованием перфокарт, информация о волеизъявлении с которых считывалась специальной компьютерной системой посредством оптического сканирования. В Европе электронное голосование стало применяться в начале 80-х гг. XX в. Сегодня можно отметить внедрение в тех или иных масштабах фрагментов электронного голосования и на постсоветском пространстве, а именно в России, Казахстане, странах Балтии, Молдове. Как указывается в «Руководстве по наблюдению за использованием новых технологий голосования», разработанном Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, термин «электронное голосование» подразумевает под собой «использование ИКТ при голосовании и подведении итогов голосования. Это понятие охватывает использование систем электронного голосования, сканеров избирательных бюллетеней и интернет-голосования» [9, с. 9–10].

В зависимости от условий и применяемых устройств выделяют следующие основные виды электронного голосования: 1) технология сканирования бюллетеней: распространена в контролируемой среде (на избирательных участках); предполагает, что «заполненный на избирательном участке либо самим избирателем, либо при помощи устройства для проставления отметки в бюллетене, бумажный бюллетень вводится в сканирующее устройство и учитывается путем электронного считывания отметки избирателя» (Россия, Филиппины); 2) системы электронного голосования с прямой записью: также используется чаще всего в контролируемой среде; посредством устройств с сенсорным экраном или кнопками регистрируется выбор избирателя, а затем проводится электронное подведение итогов голосования (Бразилия, Австралия); 3) интернет-голосование: применяется в неконтролируемых условиях; позволяет избирателям голосовать в любом месте, «хранение и подсчет голосов осуществляется централизованно в электронной форме» (в чистом виде применяется крайне редко; наиболее ярким примером проведения голосования с помощью только Интернета являются выборы в 2003 г. 12 муниципалитетов в канадской провинции Онтарио (Северная Америка); 4) смешанные формы новых технологий голосования: основаны на сочетании контролируемых условий с централизованной записью и подсчетом голосов, полученных в результате интернет-голосования; для волеизъявления избиратели пользуются компьютером, установленным на избирательном участке, либо голосуют с помощью Интернета, а «поданные голоса затем передаются в электронной

форме на центральный сервер» (на постоянной основе применяется в Эстонии; на различных уровнях выборов в той или иной степени периодически проводят экспериментальные проекты, связанные с дополнением голосования на избирательном участке интернет-голосованием, такие страны, как Великобритания, Испания, Австрия и др.) [9, с. 11].

Белорусскими разработчиками в рамках проекта ИНФОТЕКС-62 создана экспериментальная система интернет-голосования «Гарант», которая может применяться как в контролируемых, так и в неконтролируемых условиях, и которой прежде чем использоваться на ответственных электоральных мероприятиях, следует сначала успешно пройти маломасштабную апробацию.

Ранее, в 2014 г., наибольшее количество стран, согласно исследованиям ООН, обеспечивало электронное принятие решений преимущественно в финансовой сфере. Сферы труда и здравоохранения использовались наименьшим числом стран [4, с. 71]. Кроме того, эксперты ООН зафиксировали, что, несмотря на то, что во всех изучаемых регионах наблюдается прогресс в области внедрения инструментов электронной консультации (второго компонента модели электронного участия) (так, в 2018 г. только две страны не имели каких-либо онлайн-инструментов для вовлечения граждан), электронное принятие решений (третий компонент модели электронного участия) «остается серьезной проблемой» [2, с. 124].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в современных странах электронное участие помогает вовлекать граждан в процесс принятия общественно значимых решений как на государственном, так и на местном уровнях управления. В свою очередь, государственные органы власти и управления получают возможность оперативно выявлять актуальные социальные запросы, налаживать конструктивный диалог с людьми, делать свою работу более «прозрачной», а услуги более доступными. В течение нескольких последних лет позиция Беларуси в рейтинге стран по уровню развития электронного участия и электронного правительства существенно улучшилась. Как отмечалось ранее, в 2018 г. наше государство вошло в группу из 40 стран с очень высоким уровнем развития электронного правительства и высоким уровнем доходов, став второй страной (наряду с Казахстаном) со средневысоким уровнем дохода в этой группе [2, с. 90]. Можно согласиться с тем, что, как указывается в обзоре ООН «Исследование ООН: электронное правительство 2018» со ссылкой на соответствующий сайт Министерства экономики Республики Беларусь, отчасти это является результатом выполнения «Государственной стратегии устойчивого социального и экономического развития на период до 2030 года, в состав которой входят несколько инициатив по развитию ИКТ в разных секторах экономики» [2, с. 90].

В качестве примера упоминаются «Стратегия информатизации Республики Беларусь на период 2016–2022 гг.», направленная на активизацию использования ИКТ в области осуществления электронных государственных услуг, а также «Государственная программа развития цифровой экономики и инфор-

мационного общества на 2016–2020 годы», ориентированная на цифровизацию уже происходящих процессов в различных сферах, включая здравоохранение, образование, государственные закупки и пр. В будущем представляется целесообразным предпринимать соответствующие усилия для более интенсивной реализации потенциала третьей составляющей электронного участия.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 8–98.

2. United Nations E-Government Survey 2018 [Электронный ресурс] // United Nations. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf. – Дата доступа: 22.13.2019.

3. Беларусь поднялась на 38-е место в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: https://www.belta.by/tech/view/belarus-podnjalas-na-38-e-mesto-v-rejtinge-oon-po-urovnju-razvitija-elektronnogo-pravitelstva-311561-2018/. – Дата доступа: 08.01.2019.

4. Обзор Организации Объединенных Наций по уровню развития электронного правительства, 2014 год: электронное правительство в интересах будущего, которого мы хотим [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/publications/content/PDFs/E-Library%20Archives/UN%20E-overnment%20Survey%20series/UN%20E-Government%20Survey%202014_Russian.pdf. – Дата доступа: 06.11.2018.

5. *Рубанов, А. В.* Состояние, тенденции, перспективы развития Интернет-сообществ и информационно-коммуникативных технологий в Республике Беларусь: их проникновение в организацию повседневной жизнедеятельности людей / А. В. Рубанов, О. В. Терещенко // Современное белорусское общество: социологическое прочтение. БГУ в Гос. программе науч. исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» / А. Н. Данилов [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2018. – С. 47–62.

6. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2019 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2019. – 472 с.

7. *Хамутовская, С. В.* Электронное участие как элемент государственного управления в современных информационных обществах: сущность и основные показатели [Электронный ресурс] / С. В. Хамутовская // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина : XIII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2019» : сб. материалов, Москва, 18–19 февраля 2019 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2019. – С. 1464–1467. – Режим доступа: https://www.socio.msu.ru/documents/science/SorokinskieSbornik2019.pdf. – Дата доступа: 18.06.2019.

8. Когда у минчан появится возможность бронировать место для ребенка в детском саду через Интернет [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет. – Режим доступа: https://minsk.gov.by/ru/news/new/2019/07/11/1613/. – Дата доступа: 12.07.2019.

9. Руководство по наблюдению за использованием новых технологий голосования / Бюро ОБСЕ по демократич. институтам и правам человека. – Варшава : БДИПЧ ОБСЕ, 2013. – 96 с.

Поступила 24.10.2019 г.

УДК 303.1368.4

Н. И. ЯКОВЛЕВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СФЕРА СТРАХОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ ГРАЖДАН БЕЛАРУСИ

В статье содержится анализ сферы страхования в контексте сложившейся в Беларуси социально-экономической ситуации. Автором рассмотрены основные принципы развития системы страхования в стране, представлены результаты проведенного социологического исследования по вопросам отношения населения Беларуси к системе страхования.

Ключевые слова: страхование, неэкономические ресурсы, доверие, опыт страховых отношений, страховая активность.

N. I. YAKAULEVA,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

THE INSURANCE SPHERE (INDUSTRY) IN THE ESTIMATES OF CITIZENS OF BELARUS

Article contains the analysis of the sphere of insurance in the context of the social and economic situation developed in Belarus. The author considered the main principles of development of the insurance system in the country. The author has presented results of the conducted sociological research on questions of the relation of the Belarusian population to the system of insurance.

Keywords: insurance, non-economic resources, trust, experience of insurance relations, insurance activity.

Для современной Беларуси, как и для многих других стран мира, сегодня крайне актуальна проблема разработки и проведения плана экономического развития, учитывающего национальные особенности. Так, Беларусь после масштабной трансформации девяностых годов двадцатого века, затронувшей все без исключения сферы жизни общества: политическую, экономическую, правовую и социальную, не отказалась от выполнения основных государственных социальных гарантий и взяла на себя обязательства по обеспечению гражданам достойного уровня жизни. Однако кризис недавних лет показал, что белорусское общество находится на новом этапе социально-экономического развития. Страна столкнулась с необходимостью преодоления растущей инфляции, безработицей, недостаточным уровнем оплаты труда работников многих профессий, старением населения, необходимостью сохранения и развития культуры, науки, образования, здравоохранения. При этом социальные функции государства должны сохраняться на необходимом уровне и даже занимать более важное место в проводимой политике, одной

из главных задач которой является поддержание стабильности и устойчивого развития общества.

В этой связи важную роль приобретает система страховой защиты граждан, главной задачей которой является предупреждение (профилактика и ресурсы преодоления) негативных ситуаций и прежде всего тех, которые затрагивают значимые ценности человека и общества (жизнь, здоровье, благополучие). В сфере страхования сегодня осуществляется поддержка благосостояния общества, поддержка наиболее уязвимых слоев общества (малообеспеченных, пенсионеров, инвалидов), происходит улучшение условий труда, создаются новые рабочие места, предоставляется гарантированная помощь нуждающимся. Выполняя конкретные социальные функции: защитную, предупредительную, сберегательную, сфера страхования в том числе способна обеспечивать гражданам и обществу определенное чувство безопасности и защиты от техногенных, экологических, производственных и бытовых опасностей.

В то же время сама система страхования в нашей стране, как многоуровневая организационно-управленческая структура, динамична и во многом зависит от уровня социально-экономического развития государства.

Характеризуя современное состояние системы социального страхования, можно отметить следующие особенности и проблемы, свойственные Республике Беларусь.

К особенностям относятся гарантированный минимальный объем социальной защиты, охватывающий широкий круг граждан, и всеобщий характер программ социального страхования. К проблемам современной системы страхования следует отнести: высокую долю государственных расходов на социальные нужды, обезличенность страховых взносов, недостаточная их защищенность от инфляции, узкие и строго ограниченные условия наследования страховых накоплений. Отмечается настороженное отношение населения к системе страхования, недостаток информации о спектре страховых услуг и о самих страховых компаниях, трудности в получении страхового возмещения при наступлении страхового случая, а также дефицит квалифицированных кадров среди страховых агентов.

Таким образом, сегодня, в условиях сложившейся экономической и демографической ситуации, а также ограниченного финансирования, встает вопрос об эффективности функционирования системы страхования, о выборе ее модели приемлемой для общества, посильной для экономики и соответствующей ожиданиям граждан. В то же время важно чтобы совершенствование системы происходило не только путем принятия административно-правовых решений (увеличение числа видов обязательного страхования) или экономических мер (изменение размера страховых взносов и выплат), но и путем создания легитимной системы побуждения граждан к страховой активности с учетом их потребностей и ожиданий. Данная мера, в свою очередь, предполагает использование ресурсных неэкономических потенциалов с целью их активизации и преобразования в ресурсы развития.

В целом проблематика установления связей между экономическим ростом и обусловливающими его неэкономическими факторами является крайне актуальной на протяжении последних десятилетий. На фоне сложившейся ситуации в мировой экономике пришло понимание того, что основными факторами развития общества являются не только экономические показатели, связанные с накоплением «физического капитала» (средства производства, произведенные продукты, товары и услуги), но и социальный, человеческий капитал [1, с. 16].

Учеными всего мира изучаются аспекты влияния неэкономических капиталов на становление национальных экономик, происходит классификация неэкономических факторов и уточнение категориального аппарата, разрабатываются способы регулирования неэкономических ресурсов. При этом основанием проводимых исследований становится идея гуманизации экономики, подразумевающая приоритет человека в системе факторов и целей экономического развития [1, с. 18].

Высокая актуальность данного подхода обусловлена случившимся около десяти лет назад мировым финансовым кризисом, повлекшим за собой банкротство многих банковских структур и организаций. Наиболее востребованными теориями, объясняющими причины и предлагающими пути его преодоления, стали научные концепции, основанные на изучении неэкономических факторов роста экономики и развития общества в целом [3, с. 7].

Сегодня становится очевидным, что ввиду постоянного усложнения общества и его структуры, трансформации социальных институтов, развития и распространения информационно-коммуникационных технологий, актуальная модель экономического роста и социального развития должна принимать в расчет такие неэкономические ресурсы, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, производительный труд, профессиональные навыки, качество жизни и состояние здоровья, уровень культуры и образования, как компонентов человеческого капитала [1, с. 16].

Указанные выше неэкономические ресурсы заимствуются из социальной, политической и культурной сфер общества и через человека, через самого деятеля, путем изменения поведенческих стратегий, мышления и ценностей способны оказывать значительное влияние на социально-экономическое развитие государства [3, с. 7].

Непосредственно люди, являющиеся участниками всех процессов, происходящих в политике, культуре, демографии и т. д., выступают носителями связей между экономикой и всеми остальными сферами общества [1, с. 18]. Таким образом, развитие государства как системы следует трактовать как часть социального процесса, реализуемого во взаимосвязи всех сфер общественной жизни, под воздействием не только экономических факторов, но и во многом обусловленного неэкономическими компонентами.

Политика, ориентированная на развитие человеческого потенциала, как основного достояния любого общества, в качестве приоритетной задачи экономического роста определяет увеличение объемов производства благ и услуг с целью обеспечения более высокого уровня жизни граждан. Так, сегодня не вызывает сомнений тот факт, что наиболее значимые качественные преобразования в воспроизводственном процессе экономик развитых стран мира происходят не в области материального, а в сфере, напрямую связанной с развитием человека, удовлетворением его потребностей [1, с. 20].

В данном ключе роль сферы страхования заключается в таких важных социальных целях, как самосохранение и развитие человеческого потенциала, установление сложных и устойчивых взаимосвязей между экономической и социальной формами жизнедеятельности человека.

В качестве конкретных неэкономических ресурсов развития сферы страхования можно рассматривать доверие, удовлетворенность, ответственность, потребности в страховании, самострахование, а также страховую мотивацию.

Роль доверия в сфере страхования очевидна. Граждане доверяют страховой компании не просто деньги, но и собственную бесценную жизнь, которую страховщики пытаются оценить. Человек, таким образом, оказывается собственником ресурса, который страхует. Человеческая жизнь, здоровье, накопленное годами имущество превращаются в объект страховых отношений. Потребитель идет на сознательный риск, доверяя денежные средства страховщику за услуги, которые будут оказаны в будущем, поэтому человек должен быть максимально уверен в страховой организации в частности и в системе страховой защиты в целом. Компания же, в свою очередь, проверяет надежность клиента – не будет ли он имитировать страховой случай и требовать страховых выплат [2, с. 64]. Таким образом, между страховой компанией и страхователем формируются взаимоотношения, требующие взаимного доверия. Следовательно, доверие является значимым фактором для развития сферы страхования, ведь чем выше уровень доверия к данному институту в обществе, тем надежнее и успешнее будет развиваться система.

Результаты проведенного в 2013 г.[1] исследования показали, что «не доверяют» государственным страховым компаниям 21 % всех опрошенных респондентов, «скорее доверяют, чем нет» – 41,6 %, и «абсолютно доверяют» государственным компаниям 35,4 %. В то же время частным страховым организациям «не доверяют» 50,9 % всех опрошенных респондентов, «скорее доверяют, чем нет» – 36,7 %, и «абсолютно доверяют» компаниям частной формы собственности 7,9 %.

[1] ГПНИ «История, культура, общество, государство» подпрограммы «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях (“Социология”)» на 2011–2015 гг. в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы». В 2013 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 1594 человека, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

Характеризуя уровень доверия системе страхования граждан нашей страны, на основе результатов исследования, проведенного в 2018 г.[1], отметим, что государственным страховым компаниям «не доверяют» 20,2 % опрошенных, «скорее доверяют, чем нет» – 50,8 %, и «абсолютно доверяют» государственным компаниям 24,2 %. В то же время частным страховым организациям «не доверяют» 29,7 % всех опрошенных респондентов, «скорее доверяют, чем нет» – 50,7 %, «абсолютно доверяют» компаниям частной формы собственности 12,6 %.

Исходя из анализа представленных данных очевидно, что уровень доверия граждан Беларуси к государственным страховым компаниям незначительно снизился за счет уменьшения числа «абсолютно доверяющих» системе респондентов. Напротив, уровень доверия населения к страховым компаниям частной формы собственности ощутимо возрос. Так, доля «не доверяющих» частным страховщикам снизилась с 50,9 % до 29,7 %, численность тех, кто «скорее доверяет, чем нет», возросла на 14 % и достигла 50,7 % от опрошенных, увеличилась также и численность «абсолютно доверяющих» – с 7,9 % в 2013 г. до 12,6 % в 2018 г. Увеличение уровня доверия частным страховым компаниям можно объяснить тем, что многие из них на белорусском страховом рынке существуют уже много лет, чем зарекомендовали себя как надежного партнера. Также тем, что зачастую в страховых организациях частной формы собственности более выгодные для страхователя условия заключения договоров и более широкий спектр оказываемых страховых услуг, в сравнении с государственными.

В целом к факторам, влияющим на уровень доверия граждан к сфере страхования в Беларуси, на наш взгляд, можно отнести: отсутствие страховой культуры и незнание, что существуют такие инструменты вложений; недостаточное доверие к долгосрочным вложениям, которое было вызвано последовательным разрушением ожиданий людей крахом различных финансовых структур на определенных этапах становления нашей страны и последующей инфляцией.

Сегодня страхование представляется одним из наиболее простых способов стимулирования роста накоплений населения, возмещения потерь в связи с утратой здоровья, потерей работы, смертью члена семьи. Однако следует понимать, что активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта (позитивного или негативного) страховых отношений, который реализуется при возникновении страхового случая и при справедливом решении вопроса о выплате/невыплате страхового возмещения. Без создания позитивного опыта страховых отношений крайне сложно рассчитывать на рост доверия населения к страхованию.

[1] ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы «Социология и философия (“Социология”)» на 2016–2020 гг. в соответствии с заданием 3.1.03 «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества». В 2018 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 2129 человек, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

О наличии определенного опыта страховых отношений свидетельствует степень удовлетворенности существующей системой страхования населением. Из таблицы понятно, что при оценке удовлетворенности преобладают позитивные ответы. Доля негативных оценок («не удовлетворен», «скорее не удовлетворен») в 2013 г. составила 21,9 %, в 2018 г. – 19,5 %; доля позитивных оценок («удовлетворен», «скорее удовлетворен») заняла 47 % в 2013 г. и 32,6 % в 2018 г. Отметим, что снижение доли позитивных ответов в 2018 г. произошло за счет увеличения численности тех респондентов, у которых ответ на вопрос вызвал затруднения (45,5 %). Высокая доля затруднившихся ответить в целом может быть объяснена тем, что значительная часть респондентов не имеет опыта страховых отношений. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что каждый пятый опрошенный респондент дал неудовлетворительную оценку в отношении качества страховых услуг.

Ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы качеством оказываемых страховых услуг?» (% ответивших[1])

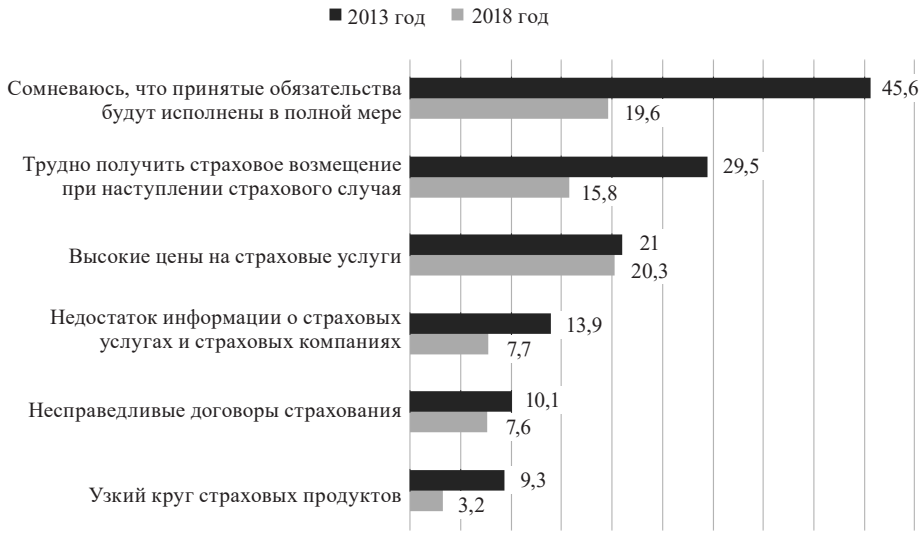
Степень удовлетворенности	2013 г.	2018 г.
Удовлетворен	15,3	11,0
Скорее удовлетворен	31,7	21,6
Скорее не удовлетворен	10,2	10,6
Не удовлетворен	11,7	8,9
Затрудняюсь ответить	29,8	45,5

Негативные аспекты страховых отношений, касающиеся самого страхователя, связаны с неудовлетворительным качеством оказанной услуги: невыплатой или неполной компенсацией ущерба, несоблюдением условий договора страхования конкретной компанией, недостатком квалифицированных кадров среди страховых агентов.

Анализ причин неудовлетворенности показал, что основные из них напрямую связаны с доверием и полученным опытом страховых отношений, а также обусловливаются фактором стоимости. В число основных причин неудовлетворенности качеством страховых услуг входят: сомневаются, что принятые обязательства будут исполнены в полной мере, трудности, связанные с получением страхового возмещения при наступлении страхового случая, высокие цены на страховые услуги, недостаток информации о страховых услугах и страховых компаниях, несправедливость договоров страхования (рисунок, % от числа ответивших[2]).

[1] ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы «Социология и философия (“Социология”)» на 2016–2020 гг. в соответствии с заданием 3.1.03 «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества». В 2018 г. по репрезентативной национальной выборке было опрошено 2129 человек, в выборке пропорционально представлены все категории респондентов (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

[2] Ответов 35,1 % от числа опрошенных в 2013 г., 53,2 % от числа опрошенных в 2018 г.



Причины неудовлетворенности населения качеством страховых услуг, в % от числа ответивших

Отметим, что в 2018 г., по сравнению с 2013 г., изменился порядок значимости некоторых факторов неудовлетворенности. Так, напрямую связанный с доверием фактор «сомневаюсь, что принятые обязательства будут исполнены в полной мере» в 2013 г. был первым по значимости среди причин неудовлетворенности страховыми услугами, тогда как в 2018 г. он сместился на вторую позицию, что может говорить о росте авторитета страховых компаний в оценках страхователей. Напротив, фактор стоимости страховых услуг в 2018 г. стал более значимым для респондентов и занимает лидирующую позицию среди всех причин неудовлетворенности, тогда как в 2013 г. он был лишь на третьей позиции, что может быть связано не только с повышением тарифов на страховые услуги, но и с непростой экономической ситуацией в целом.

Очевидно, что факторы и причины, препятствующие формированию позитивного опыта страховых отношений, следует рассматривать и изучать в динамике, поскольку они во многом подвержены влиянию постоянно меняющейся внешней социально-экономической среды.

В целом на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Роль страхования заключается в формировании экономических, организационных и правовых механизмов по защите от рисков, установлении устойчивых взаимосвязей между экономической и социальной формами жизнедеятельности людей, а также в создании организационно-управленческих механизмов, структур и систем гарантий, имеющих целью предоставление гражданам материального обеспечения в виде страховых выплат.

Активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта страховых отношений, а также во многом обусловливается определенным уровнем дохода, качеством предоставляемых услуг и гарантий их исполнения.

Необходимо фиксировать различные изменения поведения всех участников страховых отношений, определять тенденции и факторы, угрожающие развитию национальной системы страховой защиты.

Самый большой ресурсный потенциал развития страхования в современной Беларуси – это ориентация на человека, его капитал и такие неэкономические факторы, как доверие, ценности, потребности, интересы.

Список использованных источников

1. *Горшков, М. К.* О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества / М. К. Горшков // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 1. – С. 15–25.

2. *Никитина, Ю. Н.* Доверие как элемент структуры рынка страхования жизни [Электронный ресурс] / Ю. Н. Никитина // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8, № 1. – С. 53–76. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-element-struktury-rynka-strahovaniya-zhizni. – Дата доступа: 17.11.2019.

3. *Шавель, С. А.* Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества / С. А. Шавель // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 2. – С. 4–16.

Поступила 06.12.2019 г.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 11

Редактор *М. И. Ременица*

Художественный редактор *Д. А. Комлев*

Технический редактор *О. А. Ткачёва*

Компьютерная верстка *И. В. Счеснюк*

Подписано в печать 21.07.2020. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 29,6. Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 120 экз. Заказ 124.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.